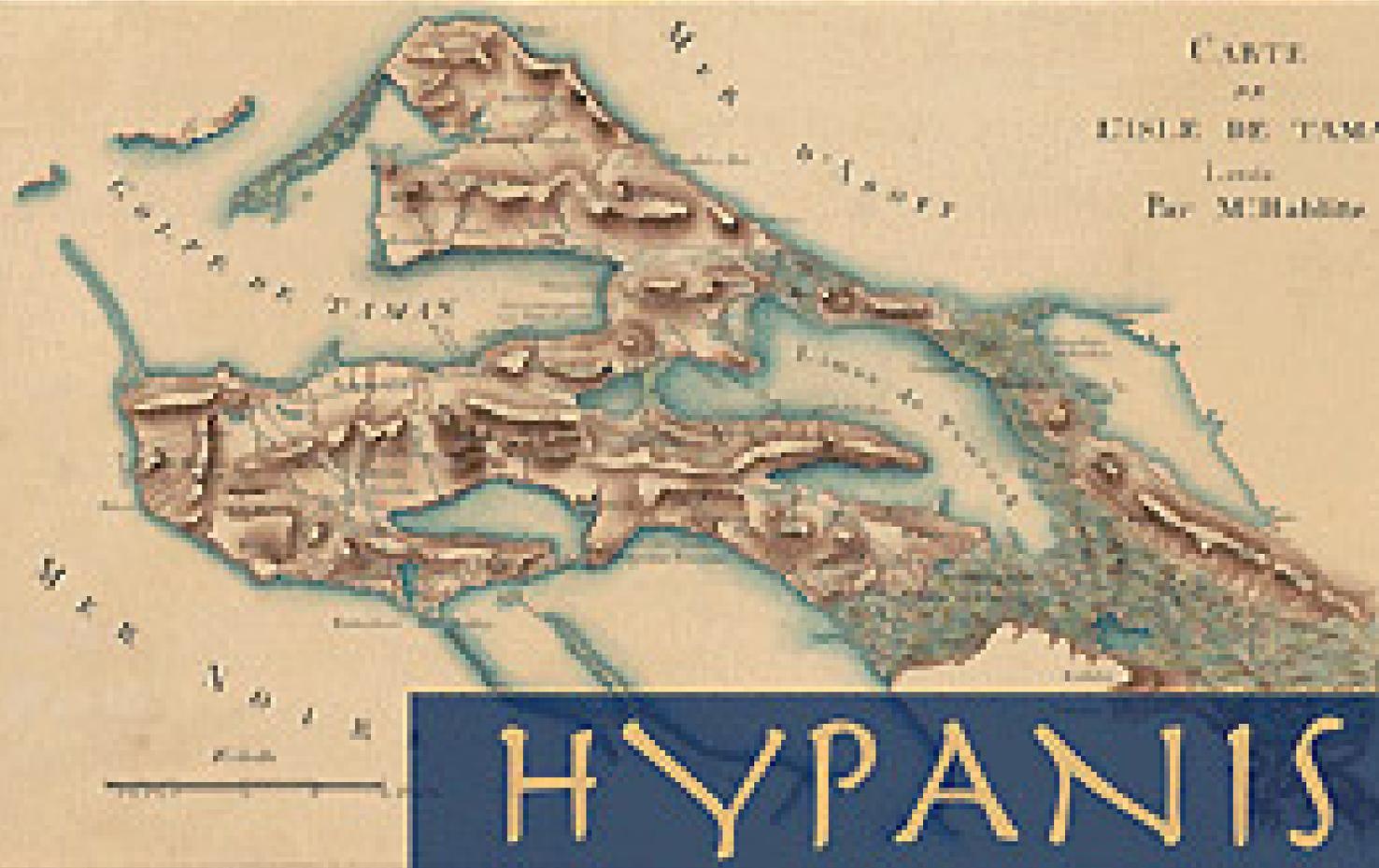

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYRANIS

TOM

ТРУДЫ ОТДЕЛА
КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
НА РАН

4

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYRANIS

ТРУДЫ ОТДЕЛА КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА РАН

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

4

МОСКВА 2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Н99

Редколлегия:

О. М. Ворошилова (секретарь), Н. Д. Двуреченская, А. А. Завойкин,
В. Д. Кузнецов (главный редактор), А. А. Масленников

Рецензенты:

д. и.н. А. А. Масленников
к. и.н. Н. И. Сударев

*Утвержден на заседании
Ученого совета Института археологии РАН*

Н99 **Hypanis.** Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 4. – М.,
2022. 240 с.: илл.

ISBN 978-5-94375-381-7

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора античной эпохи и раннесредневекового периода истории, а также исследований памятников скифской культуры.

В сборнике публикуются материалы работ, выполненных сотрудниками отделов классической и скифо-сарматской археологии ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-381-7
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-381-7

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2022
© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамзон М. Г.</i>	
Клад из башни Узунларского вала	5
<i>Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.</i>	
Монеты в погребальном обряде Фанагории	21
<i>Антонов Е. Е.</i>	
Планировки поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму	46
<i>Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н.</i>	
Золото в погребальном костюме жителей позднеантичной Фанагории	53
<i>Голофаст Л. А.</i>	
Христианство в Фанагории. Археологические свидетельства	69
<i>Завойкина Н. В.</i>	
Новые надписи из раскопок Фанагории	107
<i>Клемешова М. Е.</i>	
Лепная керамика поселения Шука-1 в Краснодарском крае	123
<i>Кузнецов В. Д.</i>	
Ксеркс и Понт (Персидская надпись из Фанагории)	141
<i>Мальшев А. А., Новичихин А. М.</i>	
Полуостров Абрау в эпоху раннего железа	162
<i>Моисеев Д. А.</i>	
Клейма ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΝΟ	186
<i>Павличенко Н. А.</i>	
Письмо Ксанфия из Фанагории	206
<i>Хотылев А. О., Ольховский С. В., Майоров А. А., Хотылев О. В.</i>	
Состав и происхождение камня из древнейших построек Фанагории	218
Список сокращений	237

CONTENTS

<i>Abramzon M. G.</i> A Treasure from the Usunlar Earth Rampart's Tower	5
<i>Abramzon M. G., Voroshilov A. N., Voroshilova O. M.</i> Coins in Phanagorian Funerary Tradition	21
<i>Antonov E. E.</i> Grids of Late Scythian Settlements in North-Western Crimea	46
<i>Voroshilova O. M., Voroshilov A. N.</i> Gold in Funeral Clothing of Late Antique Phanagoria	53
<i>Golofast L. A.</i> Christianity in Phanagoria. Archaeological Evidence	69
<i>Zavoykina N. V.</i> New Inscriptions from Phanagoria	107
<i>Klimeshova M. E.</i> Hand-made Ceramics from the Shukha-1 Settlement in the Krasnodar Region	123
<i>Kuznetsov V. D.</i> Xerxes and Pontos (Persian Inscription from Phanagoria)	141
<i>Malyshev A. A., Novichikhin A. M.</i> The Abrau Peninsula during the Early Bronze Age	162
<i>Moisseev D. A.</i> Tile Stamp ΘΕΟΔΩΡΑΚΗΟ	186
<i>Pavlichenko N. A.</i> Xantias' Letter from Phanagoria	206
<i>Khotylev A. O., Olkhovskiy S. V., Mayorov A. A., Khotylev O. V.</i> Composition and Origin of the Stone Material from the Earliest Buildings of Phanagoria	218
Abbreviations	237

М. Г. Абрамзон

КЛАД ИЗ БАШНИ УЗУНЛАРСКОГО ВАЛА¹

Аннотация. В 2000 г. при раскопках погибшей в пожаре башни № 2, у проезда II через Узунларский вал был найден клад из 22 бронзовых монет, по-видимому, хранившихся в мешочке-кошельке. Одна из них оказалась боспорским анонимным оболом (Анохин 1986, № 212), остальные – пантикапейскими оболами типа «Аполлон/орел на молниях» (Анохин 1986, № 214), выпущенными в правление Фарнака II (63–47 гг. до н. э.). Почти все пантикапейские оболочки с орлом перечеканены из анонимных оболов. Однако эти монеты, как и монетные находки из других башен Узунларского вала, не дают точной датировки гибели этих сооружений, поскольку в них обнаружен более поздний иной археологический материал. Выявленные в башнях № 2 и 4 (Казан I) следы разрушений и сильного пожара вместе с находками монетного клада и развалов битой посуды говорят о внезапности катастрофы и ее повсеместности для всей линии обороны по Узунларскому валу. Исторический фон свидетельствует, что такое тотальное разрушение скорее всего может быть связано с утверждением Полемона I на Боспоре с помощью римлян в 14/13 г. до н. э., когда прекратили функционировать все оборонительные сооружения, построенные Асандром.

Находка кошелька в башне № 2 представляет уникальное свидетельство жалования боспорского наемника второй половины 1 в. до н. э. Этот комплекс примыкает к группе боспорских кладов из военных поселений на хоре, демонстрирующих использование бронзовых монет крупных номиналов, выпущенных еще при Митридатe VI и Фарнаке, для осуществления военных платежей на Боспоре в период с 40-х гг. до середины последней четверти 1 в. до н. э. В таких кладах анонимные оболочки и пантикапейские оболочки типа «Аполлон/орел на молниях» нередко соседствуют с боспорскими городскими и понтийскими монетами митридатовского времени, а также архонтскими монетами Асандра. В кошельке защитника башни № 2 монет Асандра не оказалось, но они найдены порознь в этой и других башнях. Узунларский клад свидетельствует, что гарнизоны катойкий вплоть до времени разрушения их Полемоном I получали жалование боспорскими и понтийскими оболлами 1 в. до н. э. Наемникам же самого Полемона I жалование выплачивалось уже другими бронзовыми монетами, номиналы которых были кратны римской унции, о чем свидетельствует клад СН XI, 166.

Ключевые слова. Боспор Киммерийский, Узунларский вал, постмитридатовское время, сторожевые башни, монетные находки, жалование наемников.

M. G. Abramzon

A TREASURE FROM THE USUNLAR EARTH RAMPART'S TOWER

Abstract. During the excavations of the burnt tower no. 2 in the year 2000, a treasure consisting of 22 bronze coins was found by the second passage through the wall. Most likely, they were stored in a leather purse. One of them turned out to be an anonymous Bosporan obol (Anokhin, 1986, no. 212), the rest are Panticapaeen obols of the "Apollo/eagle on lightnings" type (Anokhin, 1986, no. 214), minted during the reign of Pharnaces II (63–47 BC). Almost all of the Panticapaeen obols were reminted from the anonymous ones. However, these coins, as well as the coin finds from the other towers, cannot provide a precise date of the structures' destruction. The data is contradicted by the later dating of the rest of the archaeological finds.

Evidence of destruction and heavy fires in towers nos. 2 and 4 (Kazan I), together with coin finds and broken ceramics suggest an unexpected and wide scale catastrophe that spread throughout the Usunlar earth rampart.

The historical background points to the conclusion that such a massive destruction is, most likely, connected to the Roman-backed rise of Polemon I in 14/13 BC, when all the defensive structures built by Asander ceased to exist.

¹ Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

The find in question, coming from the tower no. 2 is a unique evidence of a Bosporan mercenary's salary during the second half of the first century BC. It can be studied together with a group of Bosporan treasures from various military settlements on the chora, which demonstrate the use of higher value bronze coins minted under Mithridates VI and Pharnaces II in Bosporan military salaries in the third quarter of the first century BC. Anonymous and Panticapaeae "Apollo/eagle on lightnings" type obols in such treasures are often found together with civic and Pontic coins of Mithridatic period, as well as with Asander's archon coins. While there were no Asander's coins in the present treasure, they were found separately in this tower, as well as in others. The treasure attests to the fact that the *katoikia* harrisons were paid in Bosporan and Pontic obols minted in the first century BC until Polemon I. His own mercenaries, on the other hand, were paid in different bronze coins, multiples of the Roman ounce, as attested to by treasure CH XI, 166.

Key-words. Cimmerian Bosporos, Usunlar earth rampart, post-Mithridatic period, guard towers, coin finds, mercenary salary.

1. Узунларский клад в контексте монетных находок из башен на постмитридатовской хоре Европейского Боспора

В 2000 г. во время работ Восточно-Крымской экспедиции ИА РАН под руководством А. А. Масленникова по исследованию Узунларского вала, в 2,1 км от его северного края был открыт древний проезд через вал, а в 50 м строго к востоку от него – развалины мощной обособленной постройки – башни или небольшого форта (рис. 1).² В статье Т. Н. Смекаловой о проездах через Узунларский вал³ и обобщающей статье А. Л. Ермолина об этом грандиозном фортификационном сооружении данному проезду присвоен номер II, а башне (в статье последнего) – № 2⁴ (рис. 2). Местоположение проезда II объясняется наличием еще одной построенной в это же время (ок. 48–44 гг. до н. э.) башни (небольшой крепости), выявленной экспедицией ТГПУ им. Л. Н. Толстого под руководством В. Г. Зубарева на южной стороне балки Аджиэль в 2018 г. По-видимому, в обеих башнях несли службу подразделения гарнизона, охранявшего проезд II через вал и проходившую вблизи древнюю дорогу.⁵

Башня № 2 представляет собой четырехугольную в плане постройку размерами по внешнему фасу 12,2×10,4 м и внутренней площадью около 76,5 м². В южной стене здания располагался вход шириной 1,2 м. Внутренняя стена делила первый этаж на два помещения – восточное (№ 1) размерами 3,8×6,2 м и западное (№ 2) – 4,5×7,8 м. Сохранилась внутренняя кладка (№ 6), пристроенная по обе стороны от входа к южной стене и служившая основой для «маршей» лестницы, ведущей на второй этаж.⁶ В северо-западном углу помещения 1 находился очаг-алтарь, вблизи которого найдены фрагмент терракоты и мраморный кубик – игральная «кость». Другие находки из данного помещения составляют фрагменты амфор, простой красноглиняной и сероглиняной столовой посуды, медные гвозди и рыболовные крючки, пара медных монет. В помещении 2 найдены фрагменты разбитых керамических сосудов второй половины 1 в. до н. э. – начала 1 в. н. э., простой красноглиняной и сероглиняной столовой посуды, медные гвозди, рыболовные крючки, глиняные пряслица, рыболовные грузила, костяная игла, игральная кость, два десятка каменных ядер для пращ, обломок зернотерки, медная монета. Всего в помещении 2 находилось не менее полусотни лепных сосудов.

В юго-западном углу помещения 2 найден клад из 22 бронзовых монет (рис. 3). Монеты, слипшиеся в кучку, по-видимому, находились в мешочке-кошельке.⁷ Клад поступил в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.⁸ Все монеты сильно пострадали от огня и очень плохо со-

² Масленников 2003, 64, рис. 31; 75–77, рис. 43.

³ Смекалова 2018, 25, рис. 1; 30, рис. 6.

⁴ См. Ермолин 2019, 60, рис. 1. Однако далее в тексте статьи А. Л. Ермолина и на рис. 5 и 8–10 (там же) нумерация башен 2, 3, 4, 5 перепутана, хотя ссылки на литературу и годы раскопок объектов указаны автором везде правильно. Так, наша башня № 2 у проезда II (указанная верно на рис. 1) далее фигурирует без номера на рис. 5. 1, 2, а башни № 4 и 5 (верная нумерация на рис. 1) в тексте (с. 38–39) и на рис. 8 отмечены неправильно под № 2 и 3. Башня № 5 (рис. 1) неверно указана на рис. 9 под № 3, а башня № 6 (рис. 1) – неправильно под № 4 на рис. 10. Далее в тексте статьи и на рисунках башни № 7–19 фигурируют без ошибок в нумерации. В настоящей статье речь идет именно о башне № 2, согласно нумерации на рис. 1 в статье А. Л. Ермолина.

⁵ Там же, 35–36, 64, рис. 5. 1.

⁶ Об архитектурных реконструкциях башни см. Масленников 2003, 253–254, рис. 144, 145; 2019б, 159.

⁷ Масленников 2003, 76–87, 207–08; 2018а, 329.

⁸ ВКИКМЗ. Инв. № КП-188816, 188817, НВФ-2860–2880, 2882. Я искренне благодарю начальника ВКЭ ИА РАН А. А. Масленникова за разрешение работать с открытым им кладом. Также выражаю глубокую признательность заместителю директора музея Н. В. Быковской за помощь в работе с музейными фондами.

хранились (рис. 4, 5). Одна из них оказалась боспорским анонимным оболом⁹, остальные – пантикапейскими оболами типа «Аполлон/орел на молниях»¹⁰, выпускавшимися при Фарнаке в 63–47 гг. до н.э. За исключением двух экземпляров, отчеканенных на новых кружках, все оболочки с орлом являются переченками из анонимных обол. Кроме того, в башне порознь были найдены еще три медные монеты: в помещении 1 – два архонтских тетрахаля Асандра¹¹, помещении 2 – монета Диоскуриады¹² митридатовского времени. Данный монетный комплекс заслуживает специального внимания.

Башня № 2, одна из пяти раскопанных башен Узунларского вала¹³, принадлежит к типу военных сооружений второй половины 1 в. до н.э., представляющих единственную четырёхугольную в плане постройку, имеющую не более трех помещений и общей площадью до 250 м². Такие башни открыты как на Европейском Боспоре (например, на горе Михалкова, у оз. Чокрак, по линии Узунларского вала, на южной стороне балки Аджиэль), так и на юге Боспорского царства (например, поселения Владимировка, Цемесская Роща, Широкая Балка, Анапское городище, башня у хутора Рассвет, башня близ поселка Архипо-Осиповка). Все эти сооружения имели сигнально-сторожевые функции.¹⁴

Датировка башни № 2, как и других укреплений данного типа, охватывает 40-е – 14/8 гг. до н.э.¹⁵: они возникли в период архонства Асандра (ок. 49/48–46/45 гг. до н.э.) и были разрушены при Полемоне I.¹⁶ Многочисленная лепная керамика (горшки, корчаги, кувшины) из башен Узунларского вала, близкая к синхронным комплексам Крыма с варварским компонентом, проливает свет на этнический состав и культуру обитателей этих фортов. Столь же важны

Рис. 1. Местоположение башни № 2 у Узунларского вала

⁹ Ср. BAR 1102, pl. XVI. 1–5.

¹⁰ SNG BM I 945.

¹¹ ВКИКМЗ. Инв. № НВФ-2858, 2859. Ср. BAR 1102, pl. XXIII. 4–24.

¹² ВКИКМЗ. Инв. № НВФ-2881. Ср. SNG BM I 1021–1023.

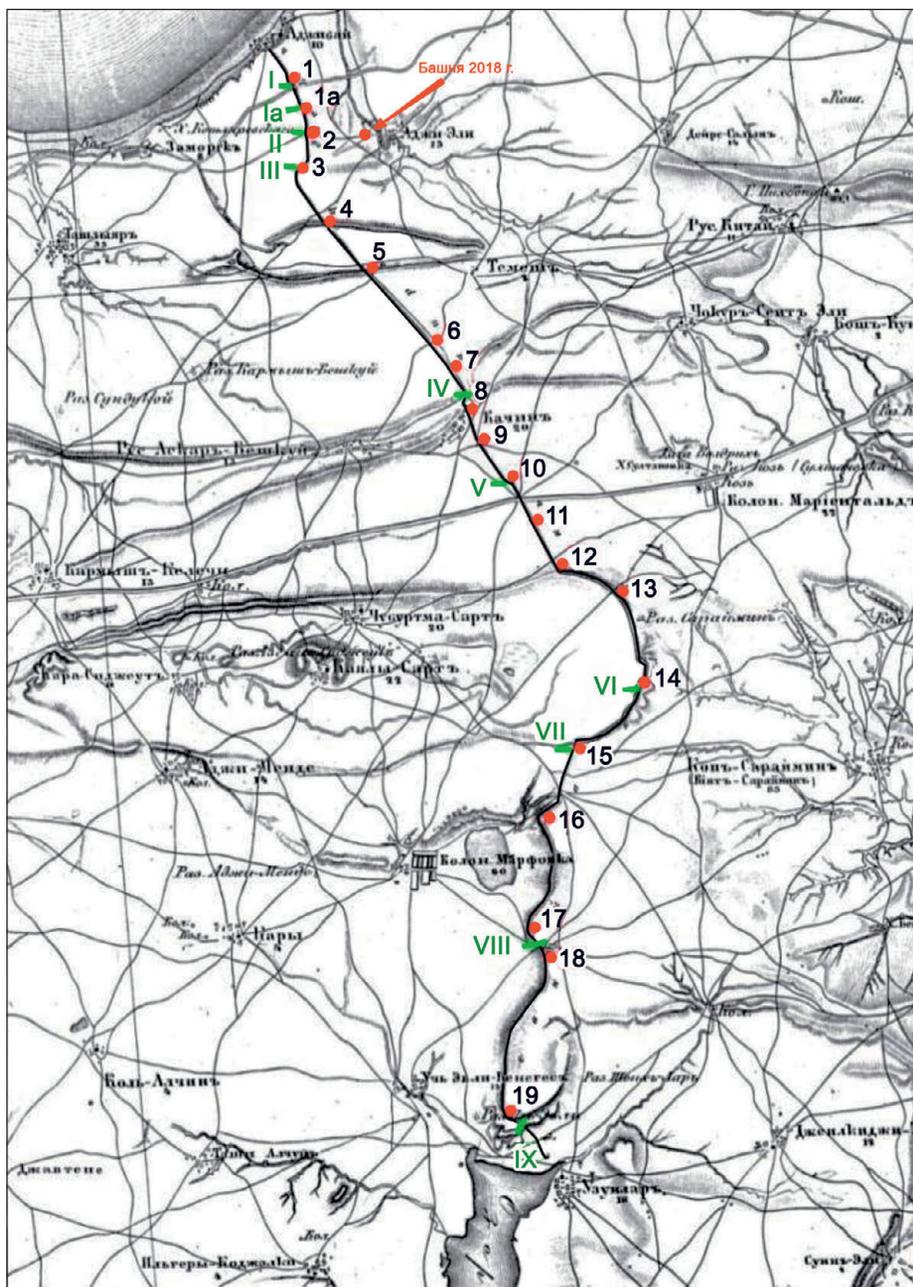
¹³ О башнях Узунларского вала см.: Масленников 1998, 103–105; 2003; 2018а, 329; 2018б; Супренков 2018; Смекалова 2018; Ермолин 2019.

¹⁴ Масленников 1998, 103–105; 2003, 76–78; 2018б, 159; Abramzon et al. 2015; Бонин 2020, 13.

¹⁵ Точнее, период между 47 и 9 гг. до н.э. (см. Масленников 2018а, 327).

¹⁶ Поселения Восточного Крыма, по крайней мере четыре башни на Узунларском валу, башня у оз. Чокрак и «дом Хрисалиска» погибают, скорее всего, около рубежа н.э. Остальные дома-башни близ Горгиппии и Бат существуют до середины 1 в. н.э. (см. Бонин 2020, 15–16).

Рис. 2. Узунларский вал на карте 19 в. Красным цветом и арабскими цифрами обозначены башни, зеленым цветом и римскими цифрами – проезды через вал, устроенные в период с 47 г. до н. э. по 453 г. н. э. (по: Ермолин 2019, 60, рис. 1). Красная стрелка указывает местоположение башни, выявленной в 2018 г.

¹⁷ Масленников 2003, 207–208. О составе обитателей таких башен-фортов А. А. Масленников (2018б, 159) пишет в более поздней статье: «Здесь, надо думать, периодически меняясь, несли караульную службу какие-то небольшие (до десятка человек) вспомогательные войсковые контингенты. Наличие в гарнизоне иного населения (женщины, дети, слуги) – маловероятно, но допустимо. Молоть зерно, печь хлеб, готовить еду, что-то покупать, может быть, даже охотиться, ловить рыбу и выполнять иные несложные хозяйственные функции самообеспечения могла и сама стража».

¹⁸ Масленников 2018а.

¹⁹ Башня № 4, согласно нумерации А. Л. Ермолина (2019, 60, рис. 1).

находки терракотовых статуэток Кибелы, Тихе, фракийского всадника, типичные для 1 в. до н. э., отчасти отражающие религиозные «симпатии» их владельцев. Находки пряслиц и гуттусов говорят о том, что в гарнизонах фортов, возможно, были женщины и дети, а рыболовных крючков и костяных игл для ремонта сетей, точил – что военная служба не являлась единственным занятием гарнизонов. О прочих чертах быта и службы обитателей этих сторожевых пунктов свидетельствуют находки игральные кости и ядер для пращ. Другое оружие не найдено, что, возможно, неслучайно.¹⁷

Находки монет в других башнях Узунларского вала дополняют картину бронзовых чеканок 1 в. до н. э., предназначавшихся для выплат жалования их защитникам.¹⁸ В башне Казан I, открытой в 1990 г.¹⁹, найден анонимный

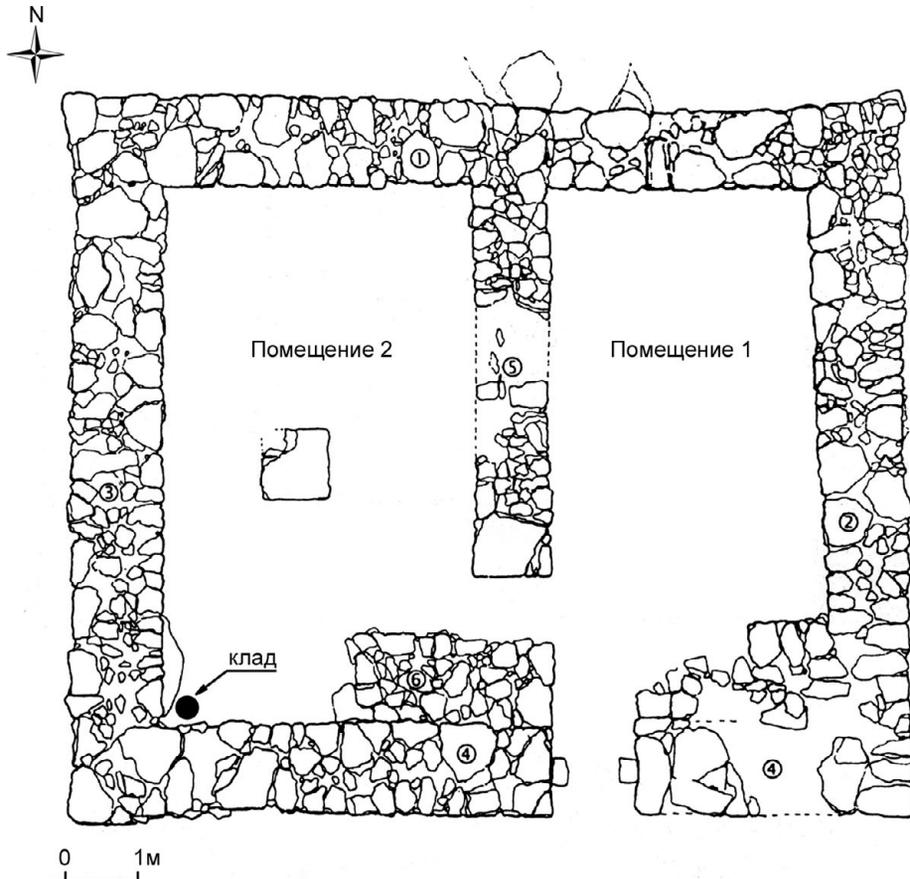

Рис. 3. План башни № 2 (по: Масленников 2003, 77, рис. 43) с указанием места находки клада

обол; в башне Казан II, раскопанной в 2017 г.²⁰ – следующий ряд типов: анонимный обол²¹ – 1; Аполлон/орел на молниях²² – 2; Аполлон/треножник²³ – 1; Ника/прора, ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ, надчеканка – «палица»²⁴ – 1; Амис: эгида/Ника²⁵ – 1; неопределенный понтийский центр: эгида/Ника – 1. Раскопки башни у «Боспорских ворот» в 2016 г.²⁶ дали монеты типов: «Аполлон/орел на молниях» – 2; Асандр/прора, ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ²⁷ – 4; Диоскуриада²⁸ – 1. Те же чеканки Митридата VI, Фарнака и Асандра представлены в кладах и единичных находках из поселения Полянка²⁹ и др. Перечисленные находки свидетельствуют о том, что в быту гарнизонов башен преобладали деньги, отчеканенные в период, непосредственно предшествующий появлению этих сооружений³⁰ (т.е. выпуски времени Митридата и Фарнака. – М.А.), к которым подмешивались немногочисленные архонтские монеты Асандра и понтийская медь митридатовского времени.

Выявленные в башнях № 2 и 4 (Казан I) следы разрушений и сильного пожара, наряду с находками монетного клада и развалов битой посуды, свидетельствуют о внезапности катастрофы и ее повсеместности для всей линии обороны по Узунларскому валу.³¹ А. А. Масленников осторожно высказал предположение, что находки более поздних монет (пантикапейского тетрахаляка времени Асандра типа «Аполлон/Пегас»³² и медной монеты ΒΑΕ³³) в башне у оз. Чокрак, которая не относится к числу Узунларских башен, возможно (но не обязательно) говорят о том, что обе группы башен прекратили свое существование не одновременно.³⁴ Между тем тип ΒΑΕ, принадлежащий чекану Полемона I, дает дату гибели башни у оз. Чокрак синхронно с башнями Узунларского вала, частью погибшими

²⁰ Башня № 5, по нумерации А. Л. Ермолина (2019, 60, рис. 1).

²¹ SNG BM I 946–949.

²² SNG Stanc. 605–606.

²³ Анохин 1986, № 215.

²⁴ Cp. <https://bosporan-kingdom.com/225-4866/1.html>.

²⁵ SNG BM I 1177–1191.

²⁶ Башня № 9, по нумерации А. Л. Ермолина (2019, 60, рис. 1).

²⁷ SNG Stanc. 607.

²⁸ SNG BM I 1021–1023.

²⁹ Масленников 2019, 413; СН XI, 154–155.

³⁰ Масленников 2018а, 333.

³¹ Масленников 2003, 208. Однако новые данные говорят о том, что часть башен была оставлена без боя. В статье о башне Казан II, открытой в 2017 г., А. А. Масленников отмечает, что прекращение функционирования этой и всех других башен у вала произошло, по-видимому, одновременно по всей оборонительной линии, в спешке и не сопровождалось военными действиями (Масленников 2018б, 158). Также без боя были оставлены гарнизонами крепость Кутлак и башня на поселении Цемесская роща (Abramzon et al. 2015, 6–7). Между тем башня № 9 (у «Боспорских ворот»), по мнению А. А. Супренкова (2018, 236), не разделила участи других башен Узунларского вала, погибших или брошенных без боя в середине последней четверти 1 в. до н.э., и продолжала функционировать в последующее время.

³² SNG BM I 955.

³³ Cp. SNG Stanc. 965.

³⁴ Масленников 2018а, 333.

Рис. 4. Монеты из клада 2000 г.

в пожаре, частью оставленными без боя в середине последней четверти 1 в. до н.э. Исходя из исторического контекста эпохи, такое тотальное разрушение можно связать скорее всего с военными действиями Пелемона I при поддержке римлян против боспорян. Римляне (сами или их союзники), действуя в соответствии с обычной своей тактикой, просто сожгли и срыли почти все оборонительные сооружения, построенные Асандром.³⁵ Отсюда монетные находки из башен Узунларского вала, включая клад из башни № 2, не дают точной датировки прекращения функционирования этих сооружений. Иначе, следует признать, что башни погибли еще в период архонства Асандра, просуществовав всего несколько лет, а это противоречит более поздним датировкам другого археологического материала.³⁶

2. Бронзовые монеты для военных выплат в третьей – середине последней четверти 1 в. до н.э.

Новейшие археологические исследования на сельской территории Боспора свидетельствуют, что система военных укреплений, ставших своего рода катойкиями или клерухиями, куда селили воинов-катойков, обязанных за плату нести военно-сторожевую службу, окончательно оформилась не при Митридате VI и Фарнаке³⁷, но при Асandre и Аспурге.³⁸ Большинство поселений

³⁵ Масленников 2003, 212.

³⁶ Масленников 2018а, 333.

³⁷ См. Сапрыкин 2010, 89–90.

³⁸ Бонин 2020, 9–10, 25.

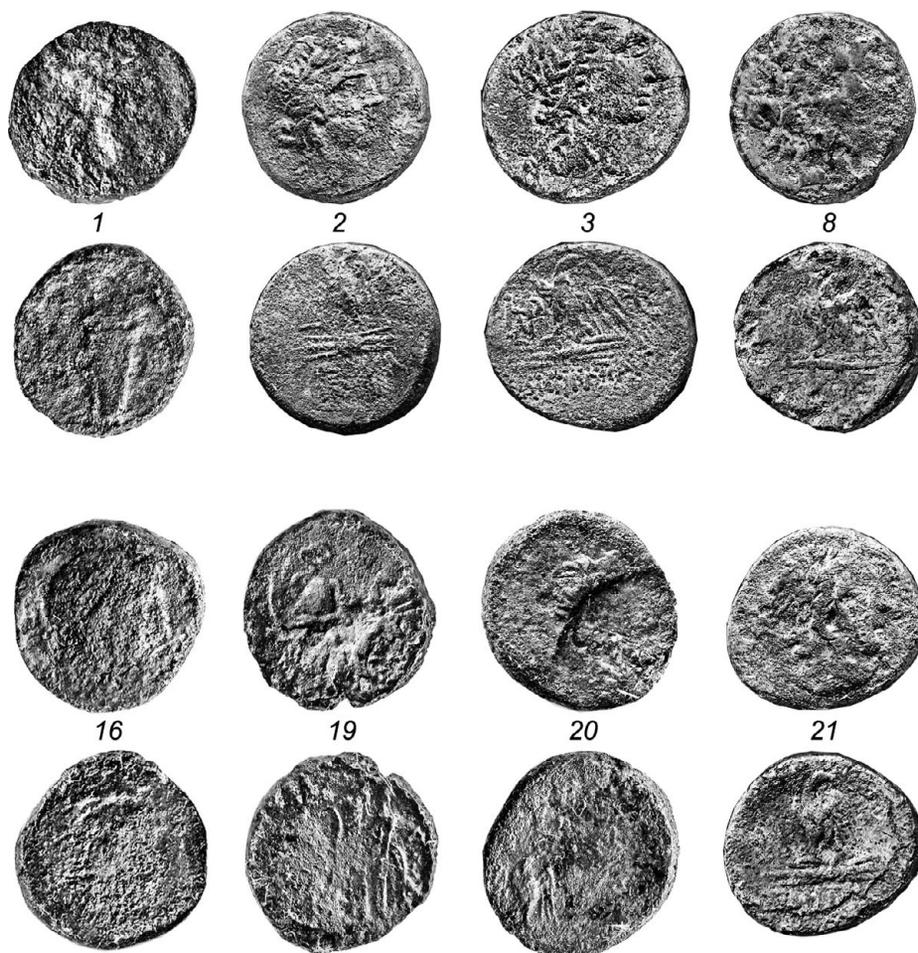

Рис. 5. Монеты из клада 2000 г.

Таманского полуострова, возникших или возобновивших жизнедеятельность после середины 1 в. до н.э., расположено на хоре Фанагории и на Фонталовском п-ове. Здесь наблюдается настоящий бум, за исключением области вокруг Патрея. Другая яркая черта постмитридатовской эпохи – появление системы крепостей на Фонталовском полуострове, одни из которых контролируют побережье (Батарейка I, Ильич 1, Гаркуша 1, Кучугуры и т. д.), другие находятся в глубине полуострова (Фонталовская и Красноармейская). Восточную границу Таманского п-ова также защищал ряд крепостей.³⁹ Повсеместно на сельской территории возникают укрепленные дома, усадьбы и башни, что, несомненно, отражает экономические и политические изменения при Асandre. Данный период закончился около рубежа н.э., когда были разрушены или брошены все известные укрепления Европейского Боспора и частично – на азиатской стороне. Эти события исследователи почти единодушно объясняют перипетиями царствования Птолемея I.⁴⁰ Ряд данных памятников дал важные монетные комплексы, которые уверенно можно связать с военными выплатами – жалованием гарнизонам катойкий и домов-башен.

Клады, определенно ассоциируемые с армией Фарнака, неизвестны; однако царь интенсивно использовал монетный двор в Пантикапее как для царской чеканки золота, так и городского выпуска бронзовых монет крупных номиналов (оболов и тетрахапков) для покрытия своих военных расходов. Между тем

³⁹ Гарбузов, Завойкин 2015, 101–103.

⁴⁰ Бонин 2020, 9, 24–25.

учтен ряд кладов и кошельков 40-х гг. – середины последней четверти 1 в. до н. э. уверенно ассоциируемых с оплатой службы солдат гарнизонов катойкий и фортов-башен.⁴¹ По данным таких комплексов, в этот период для покрытия военных расходов используются архонтские оболы и тетраخالки, Асандра 49/48–46/45 гг. до н. э., большей частью перчеканенные на боспорских и понтийских монетах митридатовского времени, а также боспорская и понтийская медь крупных номиналов его предшественников: анонимные оболы, избежавшие массовой перчеканки в тип «Аполлон/орел», городские оболы типа «Мен/Дионис с пантерой» (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия) и понтийские оболы и тетраخالки митридатовского периода, а также пантикапейские оболы типа «Аполлон/орел на молниях»⁴² и тетраخالки типа «Аполлон/тrenoжник»⁴³ времени Фарнака. Отметим, что в «военных» кладах никогда не встречается городская медь времени Асандра – выпуски Пантикапея и Фанагории, синхронные архонтским монетам или следующие за ними, т. е. этот вид меди не предназначался для военных выплат при Асандре.

Небрежность чеканки или, вернее, спешной перчеканки архонтских монет Асандра из прежних типов объясняется, по-видимому, производством денег вне монетного двора Пантикапея, в походной обстановке. Без сомнений, эти монеты предназначались для военных выплат. С принятием Асандром царского титула необходимость в этой специальной военной чеканке отпала.⁴⁴ В какой-то конкретный момент его архонтские оболы массово подверглись надчеканке клеймом «звезда» на обеих сторонах. Кроме оболов Асандра контрамаркировались синхронные им редкие пантикапейские оболы типа «Аполлон/лира и пальмовая ветвь»⁴⁵, а также старые оболы: анонимные оболы⁴⁶, пантикапейские оболы типов «Мен/Дионис с пантерой»⁴⁷ и «Аполлон/орел»⁴⁸, и даже редкие пантикапейские оболы последней трети 4 в. до н. э., уцелевшие в обращении⁴⁹, а также оболы понтийских городов. Целью этой операции, безусловно, была унификация всех бронзовых чеканок и подтверждение единого курса всех оболов – старых и новых, боспорских и понтийских, поступавших централизованно из государственной казны на военные выплаты. Часть тетраخالков Асандра также подверглась наложению надчеканки «палица»⁵⁰, мотив который явно подчеркивал военный характер чеканки. Вся эта денежная масса оставалась в обращении вплоть до воцарения на Боспоре Полемона I. В нумизматических материалах из погибших катойкий и башен городские монеты времени Асандра и выпуски Полемона I почти не встречаются. Следовательно, гарнизоны военных поселений постмитридатовского времени вплоть до их разрушения Полемоном I получали жалование боспорскими и понтийскими крупными бронзовыми монетами 1 в. до н. э. В более поздних кладах вся эта эллинистическая медь крупных номиналов больше не присутствует: очевидно, что она была полностью изъята из обращения и заменена другой денежной массой при Полемоне I, состоящей из номиналов римской провинциальной чеканки.⁵¹ Для выплат воинам-боспорянам используются теперь бронзовые выпуски **ΒΑΕ**, а о размерах солдатского жалования на Боспоре при Полемоне I позволяет судить находка кожаного кошелька погибшего воина из округа Пантикапея, в котором оказалось 54 бронзовых монеты типа «Персей/герма, **ΒΑΕ**» номинала Z (= 7 унций) (СН XI, 166). Мало сомнений в том, что эти монеты одного типа и номинала **ΒΑΕ** были специально выбраны из повседневного денежного оборота, но представляют жалование наемника, выданное централизованно из царской казны.

⁴¹ СН XI, 148, 154–156; Масленников 2018а, 329.

⁴² SNG BM I 945.

⁴³ SNG BM I 945; BAR 1102, pl. XVI. 6–18.

⁴⁴ Зограф 1951, 188, 190.

⁴⁵ Анохин 1986, № 226. Н. А. Фролова и С. Айрленд (BAR 1102, pl. XXVII. 15) распространяют датировку этих оболов на все время правления Асандра, 49/48–21/20 гг. до н. э.

⁴⁶ Ср. <https://bosporan-kingdom.com/212–3035/1.html>, etc.

⁴⁷ Ср. SNG BM I 936.

⁴⁸ Ср. <https://bosporan-kingdom.com/000–4754/1.html>.

⁴⁹ Ср. <https://bosporan-kingdom.com/124–3352/1.html>.

⁵⁰ Ср. <https://bosporan-kingdom.com/225–4866/1.html> и т. д. Тетраخالк с клеймом «палица» найден в одной из башен Узунларского вала вместе с анонимными оболами, оболом типа Аполлон/орел» и понтийскими тетраخالками типа «эгида/Ника» (см. Масленников 2018а, 330).

⁵¹ Изменения заметны уже в городской чеканке времени Асандра, из которой исчезают оболы, но остаются тетраخالки и дихалки (см. Анохин 1986, 80).

3. Клады военных поселенцев на постмитридатовской хоре

Публикуемый клад примыкает к целой группе комплексов третьей – середины последней четверти 1 в. до н.э. которые уверенно можно связать с выплатами жалования наемникам-поселенцам на хоре Европейского и Азиатского Боспора.

3.1. Клад из катойкии Батарейка I (СН XI, 156).

В 1997 г. рядом с поселением Батарейка I при распашке поля был найден бронзовый широкогорлый аск, содержащий 111 или 112 монет.⁵² Состав клада представлен следующими типами: 1) Асандр, 49/48–45/44 гг. до н.э.: Асандр/прора, ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ⁵³, с контрамарками «звезда» на обеих сторонах – 99+; 2) Асандр, 49/48–45/44 гг. до н.э.: Ника/прора, ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ⁵⁴ – 2; 3) Пантикапей, время Асандра, 40-е – 21/20 гг. до н.э.: Аполлон/Пегас, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ⁵⁵–1; 4) Амис, 85–65 гг. до н.э.: Афина/Персей⁵⁶, с контрамарками «звезда» на обеих сторонах – 2. Все понтийские оболы и архонтские оболы Асандра надчеканены с обеих сторон клеймом «восьмилучевая звезда». Для точной датировки городских монет времени правления Асандра надежных критериев почти нет.⁵⁷ Поэтому клад можно датировать в широком хронологическом диапазоне: ок. 45/44–21/20 (14/8) гг. до н.э.

Место находки клада и его состав ассоциируются с катойкией времени Асандра на территории Батарейки I – одного из самых крупных сельских поселений Фонталовского полуострова, где укрепления-батарейки возникают во второй половине 1 в. до н.э. Сумма клада эквивалентная 110 оболам (108 обол + 3 или 4 тетраخالка) возможно говорит о выдаче катойку жалования за пять месяцев – 5×22 обولا. Причину сокрытия клада из Батарейки I предпочтительнее (но не обязательно) следует связывать с военными действиями Полемона I на Фонталовском полуострове в 14/13–9/8 г. до н.э. С другой стороны, это могли быть рейды кочевников, представлявших угрозу в течение всего правления Асандра, который создал для борьбы с ними сеть военно-хозяйственных поселений – катойкий.⁵⁸ Именно этой причиной объясняют, например, тезаврацию кладов из Полянки (СН XI, 154, 155).⁵⁹

3.2. Клады из катойкии поселения Полянка (СН XI, 154, 155): гарнизонная казна и жалование воина.

Два клада бронзовых монет 1 в. до н.э., открытые в 1984–1985 гг. в ходе раскопок поселения Полянка⁶⁰, представляют особенно ценное свидетельство военных выплат катойкиям в постмитридатовское время. Первый клад (1984 г.) включал 70 обол + тетраخالков, найденных в развале лепного горшочка. Второй клад (1985 г.) состоял из 1140 обол + тетраخالков в светлоглиняной амфоре, вкопанной в пол. Все поселение сгорело в огромном пожаре, дата которого вновь дискутируется в контексте находок «поздних» монет на городище.⁶¹ Клады поступили в ВКИКМЗ⁶² и ГМИИ им. А. С. Пушкина. Исследование С. А. Коваленко части клада из ГМИИ дало новые сведения о составах сохранившихся партий кладов.⁶³

Первоначально клады были отнесены ко времени противоборства Фарнака и Асандра, в результате которого и погибло поселение Полянка, т. е. не позднее

⁵² Карелин, Молчанов 1999, 26–27.

⁵³ RPC I 1845; SNG BM I 964.

⁵⁴ RPC I 1846; SNG BM I 962–963.

⁵⁵ SNG BM I 955–956.

⁵⁶ SNG BM I 1166–1176.

⁵⁷ О датировке см. Callataÿ 2007, 286, tabl. 12.

⁵⁸ См. Сапрыкин 2010, 89–90; Бонин 2020, 9–10, 25.

⁵⁹ Коваленко 2010, 208.

⁶⁰ Фролова 1998; Ireland, Frolova 1999; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 255–77; Коваленко 2010.

⁶¹ См. Маслеников 2019.

⁶² При первичной обработке клады были смешаны и поступили в названные музеи тремя частями в разное время. Вначале ВКИКМЗ получил 1077 обол + тетраخالков («Полянка 1», инв. № KH-4678/1–1077), затем, в 1996 г. – 34 тетраخالка («Полянка 2», инв. № KH-5032–5065). В 2005 г. в ГМИИ поступили 50 монет из обоих кладов: Пантикапей: Аполлон/орел (SNG BM I 945) – 27, Дионис/тирс (SNG BM I 937) – 1, анонимные оболы (SNG BM I 946–949) – 18; Гор-гиппия: Мен/Дионис (SNG BM I 986) – 1; Амис: Афина/Персей (SNG BM I 1166–1176) – 1; Кабира: Афина/Персей (SNG BM I 1241–1242) – 1. См. Коваленко 2010.

⁶³ Из 1210 монет в обоих кладах учтена только 1161 монета в ВКИКМЗ и ГМИИ. Оставшаяся часть клада (49 монет) «распылена».

Таблица 1. Распределение типов монет в кладах из Полянки 1985–1985 гг.

Монетные дворы, типы	СН XI, 154	СН XI, 155	Всего
Херсонес: SNG Moskau 3593–3596		1	1
Пантикапей: Дионис/горит (SNG BM I 946–949)	164	4	168
Пантикапей: Дионис/тирс (SNG BM I 937)		1	1
Пантикапей: Мен/Дионис (BAR 1102, pl. VIII, 4–6)	3		3
Пантикапей: Аполлон/орел (SNG BM I 945)	908	27	935
Горгиппия: Мен/Дионис (BAR 1102, pl. VIII, 9–12)	2		2
Горгиппия: Дионис/тирс (SNG BM I 986)		1	1
Асандр, Ника/прора (BAR 1102, pl. XXIII, 4–23)		23	23
Амис: Арес/меч (SNG BM I 1147–1165) ⁶⁴		1	1
Амис: Афина/Персей (SNG BM I 1166–1176)	11		11
Кабира: Афина/Персей (SNG BM I 1241–1242)	1		1
Амастрида: Афина/Персей (SNG BM I 1312–1314)	2		2
Амастрида: эгида/Ника (SNG BM I 1315–1318)		1	1
Амастрида: Зевс/орел (SNG BM I 1319)	1		1
Синопа: Афина/Персей (SNG BM I 1531–1535)	2		2
Синопа: Зевс/орел (SNG BM I 1543–1549)		5	5
Неопр. Пафлагония–Понт: Афина/Персей	1		1
Неопр. Пафлагония–Понт: Зевс/орел as SNG BM I 1543		1	1
Итого:	1095	66	1161

47/46 гг. до н.э., затем – к 47–44 гг. до н.э.⁶⁵ Потом была предложена дата после – 21/20 г. до н.э., основанная на том, что медные монеты Асандра обращались вплоть до его смерти и позднее⁶⁶, что позволило связывать гибель Полянки с борьбой боспорян против Полемона I.⁶⁷ Эта датировка предпочтительна в историческом контексте эпохи.⁶⁸ С другой стороны, можно датировать клады временем архонства Асандра или сразу по его окончанию: архонтские тетрагалки являются самыми поздними монетами в кладе 1984 г. С. А. Коваленко справедливо обратил внимание на то, что из 1161 сохранившихся к настоящему времени монет обоих кладов 97% (1127 экз.) составляют именно оболы: анонимные боспорские и чеканок Пантикапея, Горгиппии, понтийских и пафлагонских городов. При этом в кладах нет ни одного оболы Асандра, что, по мнению исследователя, неслучайно и связано, скорее всего, с тем фактом, что в момент образования кладов их чеканка еще не была начата. С. А. Коваленко заключает, что Асандр чеканил сначала только тетрагалки – в качестве разменной монеты, поскольку потребности денежного обращения в более крупной меди пока еще в достаточной мере покрывались обильными ранними выпусками времени Митридата VI и Фарнака.⁶⁹ Между тем нет никаких данных о поэтапной чеканке Асандра периода его архонства: сначала тетрагалков, затем оболы. Более того, известны клады, состоявшие целиком из оболы Асандра (IGCH 1151 = СН XI, 150), либо преимущественно из его тетрагалков, или почти целиком из пантикапейских оболы типа «Аполлон/орел», или подобные по составу кладам из Полянки. По-видимому, все эти клады связаны с военными выплатами катойкиям и гарнизонам фортов, которые осуществлялись, в основном, разными типами «старых» и «новых» оболы в зависимости от состояния государственной казны в конкретный момент. Очевидно только то, что более поздними являются

⁶⁴ В предыдущих публикациях ошибочно: Синопа, Арес/меч (SNG BM I 1528).

⁶⁵ Голенко, Масленников 1987, 51–52.

⁶⁶ Фролова 1998, 60; Абрамзон, Фролова 2007–2008, 282–283.

⁶⁷ См.: Сапрыкин 2002, 115; Масленников 2018а.

⁶⁸ Масленников 2019, 414.

⁶⁹ Коваленко 2010, 207.

те клады, которые содержат боспорские и понтийские обола, независимо от их типа надчеканенные клеймом «звезда» (СН XI, 156), или включающие городские выпуски времени Асандра. Я полагаю, что жалование гарнизону Полянки просто было выдано старыми оборами.

С. А. Коваленко предложил датировать клады из Полянки 44/43 гг. до н. э., объясняя гибель поселения не столкновением между Фарнаком (который к тому времени уже погиб) и Асандром, но борьбой последнего со скифо-сарматскими кочевыми племенами, в которой особая роль отводилась катойкиям, а именно такой катойкией и являлось поселение Полянка. Гибель его могла быть результатом набега кочевников еще в период архонтства Асандра.⁷⁰ Между тем находка на поселении монеты Кесарии-Пантикапея, выпущенной при Полемоне I в 13–12 гг. до н. э., по-видимому, говорит о более поздней дате гибели катойки. В пользу этого свидетельствует и весь археологический и исторический контекст: возможно гибель Полянки совпадает по времени с разрушением резиденции Хрисалиска в 9/8 до н. э.⁷¹

Полянковские «большой» и «малый» клады, безусловно, связаны друг с другом общим археологическим и историческим контекстом. Открыватели комплексов считали «большой» клад казной или не розданным жалованием военных поселенцев, живших в этой катойкии, а «малый» клад – расхожей домашней кассой.⁷² В целом эту гипотезу поддержал С. А. Коваленко, справедливо обративший внимание на то, что в самой большой группе монет в кладе 1985 г., состоявшей из пантикапейских оборов типа «Аполлон/орел», необычно много экземпляров, отчеканенных одними и теми же штемпелями аверса. Еще Н. А. Фролова отметила в первой публикации клада, что более 100 таких оборов из него биты всего 9 лицевыми штемпелями⁷³, а С. А. Коваленко определил, что из 27 экземпляров этого типа из клада 1984 г., поступивших в ГМИИ, три обора биты одной парой штемпелей, а шесть монет отчеканены тремя лицевыми штемпелями. Этот факт определенно свидетельствует о том, что в оба клада такие монеты попали не из повседневного денежного обращения, а поступили централизованно из одного источника, которым, скорее всего, была государственная казна.⁷⁴

Кроме того, С. А. Коваленко впервые попытался представить численность гарнизона поселения Полянка, исходя из расчета, что 1140 оборов кладе 1985 г., составляют ровно 190 драхм. Опираясь на свидетельство Полибия, что жалование римских пехотинцев во 2 в. до н. э. равнялось двум обора в день (Polyb. VI. 39, 12), исследователь предположил, что сумма в 190 драхм могла представлять собой месячное жалование 19 воинов, а в катойкии небольшой площади⁷⁵ проживало не более 50–60 человек, в число которых входили как сами военные поселенцы, так и члены их семей.⁷⁶

Сопоставление жалования римских легионеров того времени и боспорских наемников возможно не очень корректно. Первые получали 150–180 денариев в год⁷⁷, что соответствует такому же количеству драхм: денарий по весу был эквивалентом аттической серебряной драхмы.⁷⁸ Но статус римских легионеров и военных поселенцев Боспора, бесспорно, различался. Легионеры получали только жалование (не считая разовых денежных раздач), из которого вычитались расходы на питание, одежду и оружие. Жалование военных поселенцев, очевидно, должно было быть заметно меньше. Кроме того, из их жалования могли вычитаться налоги в царскую казну за пользование земельными участками. Легионерские 8 ассов в день равнялись половине денария (драхмы) или трем обора, но боспорские катойки должны были получать меньше этой суммы.

⁷⁰ Там же, 208.

⁷¹ Масленников 2019, 413–414.

⁷² Масленников 1998а, 128.

⁷³ Фролова 1998, 71.

⁷⁴ Коваленко 2010, 209.

⁷⁵ Площадь поселения составляет 0,55 га (см. Масленников 2019, 412).

⁷⁶ Коваленко 2010, 209.

⁷⁷ Там же, 210 (с литературой).

⁷⁸ Kroll 1993, 84.

Отсюда С. А. Коваленко осторожно допускает, что жалование военных поселенцев на Боспоре при Асандре составляло обол в день и, подобно тому, как это имело место в Риме, выдавалось не каждый месяц. В таком случае, «большой» клад с Полянки может рассматриваться как жалование гарнизона за два месяца, а «малый» клад, эквивалентный примерно 8,5 драхам, мог представлять плату одному катойку, который успел частично разменять выданную сумму, но не успел ею воспользоваться из-за внезапной катастрофы.⁷⁹

Наверное, было бы правильнее опираться не на данные Полибия о размере солдатского жалования во 2 в. до н.э. или информацию о жаловании римских легионеров, а на данные о выплатах наемникам митридатовской эпохи. Предполагается, что максимальное солдатское жалование в период Митридатовых войн составляло 320 аттических драхм в год⁸⁰ или драхму в день.⁸¹ Но эта сумма, кажется, тоже слишком велика для боспорских катойков постмитридатовского времени, которые не являлись воинами регулярной армии и могли получать гораздо более скромное жалование.

Методика расчётов С. А. Коваленко, несомненно, представляет интерес, но требует некоторых комментариев в свете других находок кошельков и кладов наемников постмитридатовской эпохи. Клады 40-х – 14/9 гг. до н.э. так же демонстрируют параллельность обращения боспорских и понтийских оболов митридатовского времени, оболов Фарнака и архонтских монет Асандра. Сравнение ряда кладов наемников Митридата VI и Асандра позволяет предполагать, что размер военного жалования в постмитридатовское время не изменился и возможно составлял 22 оболы в месяц. Приведу два примера находок кошельков наемников Митридата VI, которые содержали следующие суммы: из поселения Вышестеблиевская 3 – эквивалентную 21 оболу⁸², Патрея (СН XI, 142) – эквивалентную 65 оболам (тройное жалование по 22 оболы?). Клады наемников постмитридатовской эпохи содержали суммы: из башни № 2 Узунларского вала – 22 оболы, Батарейки 1 (СН XI, 156) – 110 оболы (пятикратное жалование по 22 оболы?).

Соотношение между оболы и аттической драхмой в постмитридатовское время также сохранялось. Напомним, что в постмитридатовских Афинах главный бронзовый номинал АЕ 1 периода IV, введенный в 86 г. до н.э. как бронзовая драхма, после резкого падения стоимости приравнялся к 1/6 серебряной драхмы в течение почти всего периода IVA и, таким образом, представлял традиционный обол.⁸³ На Боспоре во второй половине 1 в. до н.э. шесть бронзовых оболы тоже по-прежнему соответствовали по счету серебряной драхмы (последняя после 63 г. до н.э. не чеканилась). Действительно, 1140 оболы клада 1985 г. эквивалентны 190 драхам, и казна гарнизона Полянки может представлять месячное или двухмесячное жалование 19 воинов, как и подсчитал С. А. Коваленко.

Однако нужно понимать всю условность любых подобных реконструкций численности гарнизона и сумм жалований – за один месяц, два месяца и т.д. Так, по предварительным подсчетам руководителя раскопок поселения Полянка А. А. Масленникова, в катойки проживало не более 80–100 человек, но анализ домостроительства и демографии поселения еще требует специальных исследований в будущем. Если считать упомянутые клады, содержавшие по 22 оболы, месячным жалованием, а более крупные – жалованием за 3 и 5 месяцев, то «большой» клад из Полянки может представлять, например, месячное жалование гарнизона из 25 воинов, что также соотносится с последней оценкой численности обитателей катойки Полянка.

⁷⁹ Коваленко 2010, 210.

⁸⁰ Callataÿ 2011, 18.

⁸¹ Callataÿ 2015, 259.

⁸² Абрамзон и др. 2022.

⁸³ Kroll 1993, 90.

Таблица 2. Распределение монет в кладах СН XI, 152 и 155

Монетные дворы, типы	СН XI, 152	СН XI, 155
Херсонес	1	1
Пантикапей	4	4
Пантикапей: Аполлон/орел (SNG BM I 945)	28	27
Горгиппия	1	1
Асандр, Ника/прора (BAR 1102, pl. XXIII, 4–23)	26	23
Амастрида	1	1
Синопа	4	5
Неопред. Пафлагония–Понт	1	1
Не опред.		4
Итого:	70	70

3.4. Клад из Восточного Крыма (IGCH 1148 = СН XI, 148).

О годе и месте находки клада точных сведений нет.⁸⁴ Известно, что он содержал 36 обол: анонимные оболы – 7; пантикапейские оболы типа «Аполлон/орел» времени Фарнака – 20; архонтские оболы Асандра (без надчеканок) – 2; не определенные – 7. Клад образован только оболами; все они сильно пострадали от огня. К.В. Голенко полагал, что клад следует относить ко времени войны Асандра с Фарнаком, возвратившимся в Крым из Малой Азии после поражения при Зеле.⁸⁵ В пользу такой даты говорит то, что оболы Асандра еще не снабжены надчеканками в виде звезды (см. выше). Таким образом, учитывая, что монеты происходят из слоя пожара какого-то памятника, клад можно датировать 47/46 гг. до н.э.

3.5. Другие клады времени Асандра.

Наконец, известна также группа кладов времени Асандра, о составе которых или сопровождающем их археологическом контексте нет точных сведений. К военным выплатам трудно уверенно отнести клад из окрестностей Керчи 1852 г. (IGCH 1149 = СН XI, 149), содержащий более 55 тетраخالков Асандра, Амиса и Синопы, о точном составе которого данных нет, а также клад из дер. Баксы, включающий 325 боспорских монет, большую часть которого составляли архонтские монеты Асандра (IGCH 1150 = СН XI, 151).

Скорее всего, с наемником связан клад 1852 г. из дер. Султановка (IGCH 1151 = СН XI, 150), содержащий более 100 архонтских тетраخالков Асандра: логично считать, что эти монеты военной чеканки одного номинала не были выбраны из повседневного денежного обращения, но централизованно выданы из государственной казны.

Ничего определенно нельзя сказать и о двух кладах из окрестностей Керчи (?) (СН VIII, 538 = СН XI, 152): в первом издании их не указаны номиналы монет; однако если это две части одного клада, то очевидно почти полное совпадение составов комплекса СН VIII, 538 с «малым» кладом из Полянки, принадлежавшим воину-катою.

⁸⁴ Клад хранился в Керченском музее, но в настоящее время сведения о нем отсутствуют: монеты из-за крайне плачевного состояния, по-видимому, списаны с музейного учета после 1965 г., и в лучшем случае, какие-то из них могли быть перемещены в Научно-вспомогательный фонд (НВФ) и смешаны с другими монетами плохой сохранности.

⁸⁵ Голенко 1965, 45, прим. 28.

Заключение

Уникальность публикуемого клада из башни № 2 у Узунларского вала состоит в том, что он представляет редкое свидетельство жалования боспорского наемника второй половины 1 в. до н. э. Состав его подтверждает данные целого ряда синхронных боспорских кладов об использовании бронзовых монет крупных номиналов, выпущенных при Митридате VI и Фарнаке, для осуществления военных платежей на Боспоре в позднем эллинизме – постмитридатовское время (40-е – 14/13–9/8 гг. до н. э.). Такие клады состоят из оболов⁸⁶ или (реже) тетрахапков. Наконец, отметим, что клады крупных бронзовых монет, явно имеющие военный характер (например, из Полянки 1984–1985 гг.), некоторые исследователи ошибочно не связывали с солдатами, утверждая, что «наемники никогда не воевали за бронзовые деньги, имевшие локальное обращение, то есть деньги кредитные».⁸⁷ Между тем бронзовые деньги, которые действительно были фидуциарной валютой и обычно циркулировали на местном уровне, особенно часто присутствуют в военных лагерях, и именно бронзовая монета, нередко не царская, а городская, использовалась для оплаты службы воинов в эллинистическое время.⁸⁸ Именно такой случай иллюстрирует кошелек защитника башни № 2, археологический контекст находки которого и исторический фон эпохи позволяют с уверенностью говорить, что жалование было выплачено воину гарнизона оболлами городской чеканки накануне катастрофы 14/13–9/8 г. до н. э.

КАТАЛОГ КЛАДА ИЗ БАШНИ № 2 У УЗУНЛАРСКОГО ВАЛА

№ п/п	Инв. № ВКИКМЗ	Вес, г	Диаметр, мм	Примечание
-------	------------------	--------	----------------	------------

ПАНТИКАПЕЙ

89/88–63 гг. до н.э.

Л.с. Голова Диониса вправо. О.с. Горит.

1.	НВФ-2860	10.07	26	О.с. Слева Cf. BAR 1102, pl. XVI, 1–5.
----	----------	-------	----	--

63–47 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Орел на молниях; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ (в одну или две строки); слева , справа звезда.

2.	КП-188816	14.00	25	Без следов перечеканки. О.с. ΠΑΝΤΙΚΑΠ ΑΙΤΩΝ. Cf. BAR 1102, pl. XV, 2, 19, 20.
3.	КП-188817	12.63	28	Без следов перечеканки. О.с. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Ср. Анохин 1986, № 214.
4.	НВФ-2861	10.17	26	Перечеканка на анонимном оболе (Анохин 1986, № 212)

⁸⁶ Иногда к оболам подмешиваются несколько тетрахапков – в случае размена части первых на последние.

⁸⁷ Болдырев 2002, 56. Против: Коваленко 2010, 209.

⁸⁸ Psoma 2009, 9.

5.	НВФ-2862	14.27	26	То же
6.	НВФ-2863	15.27	27	То же
7.	НВФ-2864	14.16	25	Перечеканка. О.с. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.
8.	НВФ-2865	14.21	26	То же
9.	НВФ-2866	11.32	26	То же
10.	НВФ-2867	13.70	28	То же
11.	НВФ-2868	15.14	27	То же
12.	НВФ-2869	13.71	27	То же
13.	НВФ-2870	14.90	26	То же
14.	НВФ-2871	14.92	25	То же. О.с. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.
15.	НВФ-2873	11.72	25	То же
16.	НВФ-2874	14.47	26	О.с. Слева монограмма не ясна.
17.	НВФ-2875	15.76	26	То же. О.с. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.
18.	НВФ-2876	12.62	26	То же
19.	НВФ-2878	12.60	28	То же
20.	НВФ-2879	13.12	28	То же. О.с. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.
21.	НВФ-2880	15.83	27	То же
22.	НВФ-2882	10.14	27	То же

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Карпов Д. А., Колесников А. Б. 2022. Клад бронзовых монет времени Митридата VI с поселения Вышестеблиевская 3 на Таманском полуострове // ВДИ 82/1, 150–161.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. (1834–2005 гг.) (БИ. Suppl. 2). Симферополь–Керчь.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Болдырев С. И. 2002. Монетные комплексы Боспора рубежа нашей эры как исторический источник // ДБ 5, 54–63.
- Бонин А. В. 2020. Сельские поселения Боспора I в. до н.э. – середины II в. н.э.: вопросы хронологии. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. 2015. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ 19, 94–134.
- Голенко В. К., Масленников А. А. 1987. Два клада монет с поселения «Полянка» // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции). Ленинград, 51–52.
- Голенко К. В. 1965. О характере чекана боспорских анонимных оболлов // Нумизматика и сфрагистика 2, 41–49.
- Ермолин А. Л. 2019. Узунларский вал – описание и проблемы датировки // Н. Н. Болгов (ред.), Кондаковские чтения VI. Античность – Византия – Древняя Русь. Белгород, 30–98.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА 16). Москва–Ленинград.
- Карелин А. А., Молчанов А. А. 1999. Клад надчеканенных оболлов Асандра (к истории денежного обращения на Боспоре в I в. до н.э. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. Тезисы докладов). Москва, 26–27.

- Коваленко С. А. 2010. Клады монет с поселения «Полянка». Addendum // GAUDEAMUS IGITUR. Сборник к 60-летию А. В. Подосинова. Москва, 203–216.
- Масленников А. А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Москва.
- Масленников А. А. 2018а. Монетные находки из «башен» на постмитридатовской хоре Европейского Боспора // КСИА 250, 327–335.
- Масленников А. А. 2018б. Ещё одна башня у Узунларского вала // ДБ 22, 141–169.
- Масленников А. А. 2019. «Поздние» монеты с поселения Полянка в Восточном Крыму // КСИА 256, 411–416.
- Сапрыкин С. Ю. 2010. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э.) // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани II. Москва, 80–132.
- Смекалова Т. Н. 2018. О древних проездах через Узунларский вал // ПИФК 1, 24–38.
- Супренков А. А. 2018. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // ДБ 23, 230–256.
- Фролова Н. А. 1998. Клад боспорских монет I в. до н. э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985 гг.) // ПИФК VI, 53–76.
- Abramzon M., Karpov D., Sudarev N. 2015. An Asander's Gold Stater with Magic Graffito and a Labrys from the Settlement Tsemesskaya Roscha: Evidence for Sacrifice // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 21, 1–22.
- Callataÿ F. de 2007. La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien // A. Bresson, A. Ivantchik et J.-L. Ferrary (éds.), Une *koinè* pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.) (Ausonius Mémoires 18). Bordeaux, 271–308.
- Callataÿ Fr. de. 2011. Quantifying Monetary Production in Greco-Roman Times: A General Frame // Fr. de Callataÿ (ed.), Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times. Bari, 7–29.
- Callataÿ Fr. de. 2015. The Late Hellenistic Didrachms of Leukas: Another Case of Greek Coinage for the Roman Army // P. van Alfen, G. Bransbourg, M. Amandry (eds.), FIDES. Contributions to Numismatics in Honor of Richard B. Witschonke. New York, 239–270.
- Ireland S., Frolova N. 1999. Two Hoards of Bosporan Coins of the 1st Century B.C. from the Ancient Settlement of Poljanka (Kerch) // Hermathena 166, 31–43.
- Kroll J. H. 1993. The Greek Coins (The Athenian Agora 26). Princeton.
- Psoma S. 2009. Τὰς στατηρίας καὶ τοὺς μισθοὺς [Arist., Oec. 1351b]. Bronze Currencies and Cash Allowances in Mainland Greece, Thrace and the Kingdom of Macedonia // Revue belge de numismatique et de sigillographie 155, 3–38.

М. Г. Абрамзон, А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова

МОНЕТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ФАНАГОРИИ*

Аннотация. В статье анализируются нумизматические материалы из раскопок некрополя Фанагории в 1975–2021 гг. Интерпретация этих находок лежит в дискурсе неоднократно рассматриваемой проблемы о назначении монет в могилах античной эпохи. Впервые публикуемые здесь монетные находки из некрополя этого одного из крупнейших центров Северного Причерноморья безусловно представляют важный источник для изучения денежного обращения региона и особенностей местного погребального обряда. С другой стороны, монеты являются важным хронологическим индикатором как для датировки захоронений, так и для периодизации истории фанагорийского некрополя в целом. Считалось, что традиция класть деньги в могилу в качестве «обола Харона» появилась у греков в середине/конце 5 в. до н.э. Эту датировку подтверждали материалы боспорских некрополей (Пантикапей и Волна 1). Однако некрополь Фанагории дал пантикапейский диобол 480–460 гг. до н.э., который является на данный момент самой ранней монетой, использованной в погребальной практике Боспора.

Всего 128 монет найдено в некрополе Фанагории за рассматриваемый период (не считая клада из 3695 позднебоспорских статеров, не связанного с ритуалом). Из них 8 – серебряные: 5 боспорских монет 5–1 вв. до н.э., денарий Траяна, 2 статера Рескупорида V. Все остальные монеты медные. Из 95 автономных монет, 66 отчеканены в Пантикапее (включая кошелек с 7 монетами 3 в. до н.э.), Фанагории – 26, Ольвии – 1, Амисе – 1. Боспорским царям принадлежат 30 монет, от Полемона I до Фофорса, монеты которого являются позднейшими из боспорских. Кроме двух монет Митридата III и Котиса I с отверстиями, а также двух пробитых монет Феодосия I, использованных в качестве подвесок среди бус, все остальные монеты являются «оболами Харона», представляя важное свидетельство как местного погребального обряда, так и денежного обращения античного Боспора.

Процесс исследования монет в погребальном контексте Фанагории позволяет аккумулировать информацию для правильной интерпретации данных о местном (и общегреческом) погребальном обряде. Информация, полученная при изучении монет из этого некрополя, может быть включена в пополняемую базу данных по нумизматическим материалам из других некрополей Боспора и юго-западного Крыма. Однако полная интерпретация погребальных ритуалов Фанагории, где монеты, по-видимому, играют важную роль, зависит от точности полевых наблюдений.

Ключевые слова. Боспор Киммерийский, Фанагория, некрополь, погребальный обряд, монеты, «обол Харона».

M. G. Abramzon, A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova
COINS IN PHANAGORIAN FUNERARY TRADITION

Abstract. The present article analyses numismatic materials from the excavations of the Phanagorian necropolis in 1975–2021. These finds are repeatedly discussed in light of the purpose of coins in ancient graves. Published for the first time, the coin finds from the necropolis of one of the largest centres of the Northern Black Sea region are, without doubt, an important source for studying the monetary circulation in the region and the traits of its funeral rites. Coins are also an important chronological indicator for both the dating of burials and for the historical periodization of the Phanagorian necropolis altogether. It was understood that the tradition of putting money in graves as “Charon’s obol” appeared in the Greek World during the second half of the fifth century BC. Such dating was also confirmed by archaeological finds from the Bosphoran necropoleis (Panticapaeum and Volna 1). The Phanagorian necropolis, however, yielded a Panticapaeian diobol dating to 480–460 BC, currently the earliest coin used in the burial practice in the Bosphoros.

* Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

A total of 128 coins were found at the Phanagorian necropolis during the aforementioned excavation period (excluding the hoard of 3,695 Late Bosphoran staters, which are not associated with ritual practice). Eight of them are silver coins: five Bosphoran coins dating to the 5th–1st centuries BC, a denarius of Trajan, two staters of Reskuporides V. The rest are copper coins. Of the 95 autonomous coins, 66 were minted in Panticapaeum (including a purse with seven coins dating to the third century BC), 26 – in Phanagoria, one in Olbia and one in Amis. Thirty coins are associated with Bosphoran kings, from Polemon I to Thothorses, whose coins are dated the latest out of Bosphoran coins. Except for the two perforated coins of Mithridates III and Cotys I, as well as two, also perforated, coins of Theodosius I, which were used as pendants, all other coins are “Charon’s obols”, which provides important evidence of both the local funerary rites and the monetary circulation of the ancient Bosphoros.

The study of coins in Phanagorian funerary context allows to accumulate information necessary for a correct interpretation of data on the local (and common Greek) funeral rites. Information obtained during the study of coins from the Phanagorian necropolis can be included in the continuously renewed numismatic “database” from other necropoleis of the Bosphoros and south-western Crimea. However, a complete interpretation of Phanagorian funerary rites, in which coins seem to play an important role, depends on the accuracy of field observations.

Key-words. Cimmerian Bosphoros, Phanagoria, necropolis, funerary rites, coins, “Charon’s obol”.

Роль монет в погребальном обряде античной Фанагории, при всей специфике некрополя этого города, принципиально не отличается от той, что они играли в иных боспорских некрополях. Набор монетных типов в некрополях Фанагории, Пантикапея и других крупных боспорских центров примерно одинаков и, прежде всего, отражает состояние денежного рынка Боспора в конкретные исторические эпохи. С другой стороны, интерпретация находок единичных монет и кошелька с 7 монетами (№ 1–7; рис. 1. 1–7) из некрополя Фанагории лежит в дискурсе многократно рассматриваемой проблемы о назначении монет в могилах античной эпохи.¹ Отмечалось, что если одну монету в захоронении всегда можно традиционно интерпретировать как «обол Харона», то присутствие большего количества монет требует иного истолкования. Возможно более крупные суммы или серебряные номиналы, а не разменная медь, подчеркивают имущественный статус умершего или предполагают посмертное использование им принадлежащих ему денег.² В могилах фанагорийцев, как и других боспорян, изредка встречается по 5–7 монет, просто брошенных в яму при засыпке или сложенных стопкой в кошелёк. Последний мог представлять собой как «плату» Харону, так и деньги, предназначавшиеся для нужд погребенного в загробном мире.³ Ранее предполагалось, что традиция класть деньги в погребение в качестве платы Харону появляется у греков в основном в середине/конце 5 в. до н. э.⁴ Боспорские некрополи подтверждали эту датировку. Так, в некрополе Пантикапея появление единичных монет фиксируется только с конца 5 в. до н. э.⁵ Из некрополя поселения Волна 1 на Таманском полуострове происходит кошелёк с пантикапейскими анэпиграфными диоболами около 460–450 гг. до н. э.⁶ Однако в некрополе Фанагории найден пантикапейский серебряный диобол, отчеканенный еще ок. 480–460 гг. (№ 8; рис. 1. 8); там же зарегистрирован другой ранний диобол – ок. 438–400 гг. (№ 9; рис. 1. 9). «Вписываясь» в этот круг находок боспорского серебра 5 в. до н. э. в могилах, упомянутый диобол 480–460 гг. из фанагорийского некрополя является на данный момент самой ранней монетой, использованной в погребальной практике Боспора (хотя в гораздо более позднем комплексе, чем сама монета).

¹ Stevens 1991; Tselekas 1996; Doyen 2012; Сударев, Болдырев 2009, 435–437; Терещенко 2018, 68–74.

² Grindler-Hansen 1991, 212; Doyen 2012; Терещенко 2018, 72.

³ Кошельки, встречающиеся в погребениях, не обязательно могли быть связаны с ритуальной практикой. Например, Ж.-М. Дуайен (Doyen 2012, X) отмечает, что кошельки в могилах появились очень рано: в Аси-Романс они известны еще в последней четверти 2 в. до н. э. Это оставалось относительно редким явлением до того времени, когда кошелёк выступает частью костюма умершего и больше не является специфическим ритуальным кладом (Another type of packaging is the purse. We have seen that the process appeared very early in Aci-Romanse in the last quarter of the 2nd c. BC (La Tène D1a). It remained relatively rare until the development of burials, where the purse is part of the costume of the deceased and no longer a specific ritual deposit). Тем не менее, в данном случае кошелёк у/в правой кисти фанагорийца без сомнения связан с ритуальной практикой, независимо, от того, символизирует ли он плату Харону или деньги, необходимые умершему в царстве Аида. Кроме того, самый ранний кошелёк, зарегистрированный в погребальной практике Боспора, датируется ок. 460–450 гг. (см. Абрамзон и др. 2018).

⁴ Известны и более ранние примеры. Так, коринфский серебряный обол был найден у рта скелета в могиле второй четверти 5 в. на Северном кладбище в Коринфе (см. Grindler-Hansen 1991, 201–211).

⁵ Сударев, Болдырев 2009, 435–436.

⁶ Абрамзон и др. 2018.

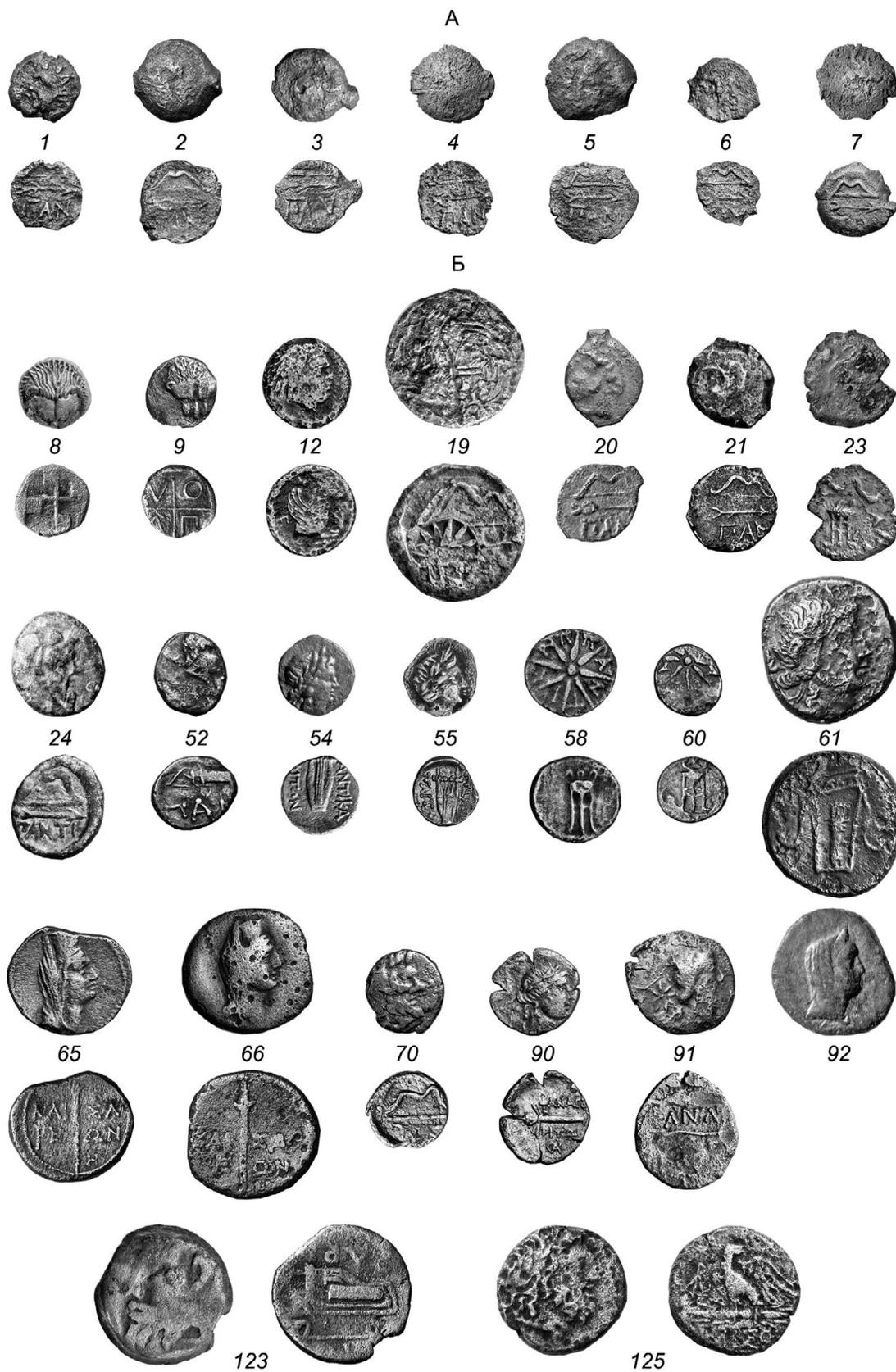

Рис. 1. Монеты из некрополя Фанагории. Полисная чеканка

Впервые публикуемые нумизматические материалы из некрополя такого крупного города Северного Причерноморья как Фанагория безусловно представляют важный источник для изучения денежного обращения региона и особенностей местного погребального обряда. Между тем база нумизматических данных других ближайших некрополей (Боспор и Юго-Западный Крым), с которыми, мы могли бы сравнить фанаторийские материалы, представлена неоднородно. С одной стороны, она достаточно регулярно пополняется информацией о новых монетных находках из эталонных могильников на территории Крыма, примыкающей к Европейскому Боспору и связанной с ним общими политическими, экономическими и миграционными процессами.⁷ С другой стороны, сами боспорские материалы освещены лишь частично. Например, это монетные комплексы из могильников Китея⁸, Александровские скалы (под Керчью)⁹, Волна 1 (на Тамани)¹⁰, Артезиана и других памятников, главным образом Восточного Крыма.¹¹ Сколько-нибудь обобщающая картина монетных находок из некрополей крупнейших боспорских городов, включая Фанагорию и Пантикапей, до сих пор не создана.¹² Задача нашей работы состоит в частичном восполнении этой лакуны публикацией важного монетного комплекса из раскопок некрополя столицы Азиатского Боспора в 1975–2021 гг.¹³

1. Общая характеристика некрополя Фанагории и погребения с монетами

Исследования некрополя Фанагории с 1975 по 2021 гг. производились регулярно. По большей части раскопки носили спасательный характер. Изучались участки древнего кладбища, подвергавшиеся разрушению вследствие природных факторов и действия грабителей, а также площади некрополя, попадавшие в зоны различного рода строительства. В частности, масштабные для своего времени охранные раскопки проходили на Восточном и Западном некрополях Фанагории в 1978–1980 гг. в связи со строительством коммуникаций винзавода. В это время на разных участках древнего кладбища было открыто 203 погребения. С 1986 по 1988 гг. при работах на раскопе «Южный город» были открыты 14 погребений конца 6 – начала 5 в. до н. э. В 1987–2000 гг. производились раскопки на территории западного некрополя Фанагории – так называемый «могильник МТФ». За весь период исследований здесь было открыто 65 захоронений. На протяжении последних двадцати лет – с 2001 г. и по настоящее время – систематические исследования проходят на большом участке Восточного некрополя, где запланировано строительство здания музея. Параллельно с раскопками на территории Восточного некрополя, проводились работы на южном и западном некрополях Фанагории, где были исследованы отдельные грунтовые склепы и курганы, в том числе один из самых крупных на Азиатском Боспоре – курган «царского» ранга Бююр-Гора (Буерова могила). За весь рассматриваемый в этой статье период исследований столичного некрополя на всех его участках открыто 727 погребальных комплексов, но монеты встречены только в 102 из них. Их хронология охватывает более чем тысячелетний период с 5 в. до н. э. по 5 в. н. э. Комплексы представлены довольно разнообразными типами погребальных сооружений. Среди них встречаются как большие грунтовые и каменные семейные склепы, каменные ящики, погребения в подбойных могилах и могилах с перекрытием, так и самые простые в конструктивном отношении захоронения. Находки монет встречаются практически во всех типах погребальных сооружений. В частности, около 38% монетных находок обнаружено в склепах, 38% монет

⁷ Храпунов 2009; 2013; 2019; 2020.

⁸ Молев, Молева 2016, 76–97.

⁹ Бейлин и др. 2019.

¹⁰ Абрамзон и др. 2018; Абрамзон, Цокур 2021.

¹¹ См. Бейлин и др. 2019, 28.

¹² В старой литературе (ИАК, ОАК) регулярно публиковались монетные находки из раскопок некрополя Пантикапея, а также некрополей на Таманском полуострове (см. Пахомов 1940, № 702–704, 743).

¹³ Издан только крупный клад, найденный в 2011 г. в почти не сохранившейся могиле, выявленной на территории Восточного некрополя при строительстве НЦ «Фанагория». В кувшине хранилось 3695 боспорских статов 3 – начала 4 в. н. э. Клад был сокрыт в 307/308 г. н. э. (см.: Абрамзон, Кузнецов 2017; Abramzon, Kuznetsov 2019).

открыто в разнообразных могилах, около 4% приходится на инвентарь захоронений в каменных ящиках, порядка 20% монет происходят из прочих археологических объектов фанагорийского «города мертвых».

2. «Обол Харона» в погребальной практике Фанагории

2.1. Выбор: класть или не класть монету в могилу?

Итак, монеты найдены в 102 комплексах из 727, что составляет около 14% от общего числа открытых захоронений. В настоящий момент у нас недостаточно данных для исчерпывающего ответа на вопрос, почему монеты встречаются не во всех погребениях. Как отметил Ж.-М. Дуайен, было бы интересно определить «типичный профиль» умершего, не получавшего денег: пол, возраст, возможный социальный статус.¹⁴ Однако антропологические исследования в Фанагории часто сталкиваются с объективными трудностями (особенности грунта, определяющие плохое состояние останков, или поздние разрушения погребений, обусловленные различными факторами). Половозрастную идентификацию погребенных в могилах с монетами удалось наиболее полно провести в комплексах, раскопанных 2005–2021 гг., в которых находки монет сопровождали погребения 17 мужчин, 11 женщин и 11 детей (см. ниже).

Для могил разных эпох статистика встречаемости монет в погребальных комплексах на отдельных участках некрополя несколько колеблется. Например, монеты найдены в 6 из 26 эллинистических погребений (23%), открытых в 2005–2006 гг.¹⁵ Раскопки прежних лет дают следующую картину: исследования Восточного некрополя в 1950–1951 гг. выявили монеты только в 3 из 27 погребений 2 в. до н.э. (11%), 5 из 42–1 в. до н.э. – 2 в. н.э. (12%), 3 из 20–3–4 вв. (15%).¹⁶

Близкое соотношение характерно, например, и для грунтового могильника Волна 1, где монеты присутствуют в 84 из 783 погребений, что составляет порядка 11% от общего числа могил.¹⁷ Подобная ситуация (9–10% от числа могил) наблюдается и в боспорских некрополях не только в классический и эллинистический периоды, но и римское время.¹⁸

В целом, частота встречаемости монет в боспорских погребениях мало чем отличается от общегреческой практики. Например, в некрополе Олинфа в Халкидике только 10% из 644 захоронений 5–4 вв. до н.э. содержали монеты.¹⁹

2.2. Хронология монет в погребениях

Из почти восьмисот погребений фанагорийского некрополя, открытых за рассматриваемый период, происходят 128 монет 5 в. до н.э. – 4 в. н.э. Выпуски Пантикапея и Фанагории доримского времени (92 экз.) составляют 74% от общей массы найденных монет. К этим городским выпускам примыкают ольвийский «борисфен» и пара тетрахаалков Амиса. Остальные 33 монеты относятся к римскому периоду (26%).

Группа I. Боспорские монеты	122
1. Городские	92
Пантикапей, 5–1 вв. до н.э.	66
Фанагория, 2–1 вв. до н.э.	26

¹⁴ Doyen 2012, XI.

¹⁵ Медведев 2010, 353.

¹⁶ Марченко 1956, 111, 118, 122–123.

¹⁷ Абрамзон, Цокур 2021, 349.

¹⁸ Бейлин и др. 2019, 43, 45.

¹⁹ Grindler-Hansen 1991, 212.

2. Царские	30
Полемон I (14/13–9/8 гг. до н.э.)	6
Аспург (14/15–37/38 гг.)	3
Гепеирия (37/38–38/39 гг.)	1
Митридат III (39/40–45/46 гг.)	4
Котис I (45/46–68/69 гг.)	7
Рескупорид II (68/69–91/92 гг.)	1
Савромат II (174/175–210/211 гг.)	3
Рескупорид V (242/243–276/277 гг.)	2
Фофорс (285/286–309/310 гг.)	3
Группа II. Небоспорские монеты	6
1. Северное Причерноморье	1
Ольвия, 3 в. до н.э.	1
2. Понт	2
Амис, ок. 85–65 гг. до н.э.	2
3. Римская империя	3
Траян (98–117)	1
Феодосий I (379–395)	2

Итак, нумизматические материалы из фанагорийского некрополя охватывают время с 480–460 гг. до н.э. до последней четверти 4 в.н.э. Между тем для некрополей Европейского Боспора отмечено, что присущая греческому погребальному обряду практика помещения в могилы монет в качестве «обола Харона» постепенно затухает после денежного кризиса середины – второй половины 3 в. до н.э. и к концу следующего столетия сходит на нет. Существует попытка объяснить это явление возможными существенными изменениями социального и этнического состава населения боспорских городов и поселений в связи с притоком большого количества аборигенного населения, вынужденного оставить многочисленные неукрепленные поселки в глубинных частях Керченского полуострова и Крыма. Однако с 1 в. до н.э. традиция «оболов Харона» возрождается и особенно ярко прослеживается в первые века н.э. В позднеимперский период (вторая половина 3 – начало 4 в.) и ранневизантийское время (5–10 вв.) практика помещать монеты в индивидуальные и коллективные гробницы снова становится нормой.²⁰

Между тем на материалах могильников Фанагории и Волна 1 не прослеживается никакого перерыва в поступлении монет в погребения, причем особенно много монет относится именно к 2 в. до н.э. Так, в фанагорийском некрополе массовые боспорские типы – пантикапейский «Аполлон/горит»²¹ и фанагорийский «сатир/лук и стрела»²² вместе с остальными одиночными типами столетия составляют более половины (53%) всех монет, найденных за рассматриваемый период раскопок. Отсутствие в данной выборке монет того или иного хронологического отрезка полностью восполняется монетами из раскопок некрополя прежних лет²³, а также золотыми индикациями, оттиснутыми в местной мастерской с монет, обращавшихся на рынке Фанагории в синхронное этим изделиям время.²⁴

2.3. Выбор типа

Выбор монетных типов для боспорских погребений не был особенно важен как, например, для ряда римских некрополей Европы, где для могил специально подбирались монеты с изображением погребального костра, орла на сфе-

²⁰ Бейлин и др. 2018, 28.

²¹ Анохин 1986, № 169.

²² Там же, № 147.

²³ Так, например, позднейшие статеры из публикуемой коллекции принадлежат чекану Фоксфорса, однако раскопки Восточного некрополя в 1950–1951 гг. дали статеры Рескупорида VI 323 г. н.э. из детского погребения № 90 (292) и 315–332 гг. – из погребения 99 (301). См. Марченко 1956, 122–123.

²⁴ Абрамзон, Ворошилов и др. 2017; 2020.

ре и другими сюжетами, связанными с дивинизацией членов императорского дома.²⁵ Типы монет в боспорских некрополях, включая фанагорийский, просто отражают особенности денежного обращения в синхронный погребению период. Как правило, выбирались наиболее массовые типы. Например, во 2 в. до н.э. это пантикапейский тип «Аполлон/горит» и фанагорийский «сатир/лук и стрела» (впрочем, здесь, играл роль даже не сам иконографический тип, а номинал).

Иконография же играла определяющую роль в выборе монеты, помещенной в могилу, только единожды – в конце 1 в. до н.э. Так, популярностью в погребальном обряде пользовались монеты Полемона I типа «Персей/герма с пальмовой ветвью»²⁶ (погр. № 168, 285) и золотые индикации с них. Встречаются и грубые имитации монет с гермой, изготовленные в более позднее время. Использование и тех, и других связано с культом Гермеса Некропомпа (Психопомпа) – проводника душ в подземное царство.²⁷

Другой случай составляет подбор именно римских монет для золотых индикаций, особенно оттисков на погребальных лентах: существует мнение, что профиль императора на ленте, возможно, усиливал звучание героической темы венка.²⁸ Но этот сюжет мы не рассматриваем в настоящей статье.

2.4. Количество монет в погребениях

Отмечено, что обряд помещения монет в могилу приводит к выбору их количества, но, по-видимому, в греческой практике нет никакого правила.²⁹ Например, в некрополе Олинфа в могилах 5–4 вв. до н.э. каждого погребенного сопровождают одна или пять монет, реже – три.³⁰ Нередко в греческих могилах встречается большое количество монет, что намного превышает сумму, необходимую для платы Харону.³¹

В абсолютном большинстве фанагорийских погребений встречается по одной монете (почти всегда боспорской), изредка – 2–3 монеты (например, в погребениях № 192 и 213 присутствуют по 2 монеты, № 142–3 монеты, все – ВАН), и даже 4 или 5 – № 82–84, 90). В погребении № 295.2 (№ 82–84, 90) соседствуют 4 монеты Фанагории (три – мелкая медь с луком и стрелой на реверсе, одна из них половинка³²) и одна серебряная гемидрахма митридатовской эпохи.³³ Но эти монеты могли обращаться синхронно.

В Восточном некрополе встречаются целые комплексы: в погребении № 62 найден кошелек с 7 монетами 3 в. до н.э.; в разрушенной могиле на участке Восточного некрополя – кувшин с 3695 боспорскими статерами 3 – начала 4 в. н.э., сокрытие которого, напротив, связано не с ритуалом, а с военными действиями в округе Фанагории в 307/8 г. н.э.³⁴ В погребении № 84 зафиксировано 5 монет от начала 3 в. до н.э. до середины 1 в. н.э. (№ 15, 33, 34, 103, 111). Позднейшие из них – ассы Митридата III и Котиса I с отверстием (№ 111). Возможно, это свидетельствует о продолжительности функционирования семейного склепа или вторичном использовании эллинистического склепа (3–2 вв. до н.э.) в римское время.

2.5. Номиналы монет

Серебряные номиналы в погребения клали крайне редко. В Фанагории зарегистрировано всего 6 таких случаев. В классический и эллинистический периоды крупные номиналы серебра в могилах не встречаются, и роль «оболов Харона»

²⁵ Doyen 2012, XIII–XIV.

²⁶ Анохин 1986, № 286.

²⁷ Калашник 2013, 93, 96.

²⁸ Там же, 87.

²⁹ Doyen 2012, XI.

³⁰ Grindler-Hansen 1991, 212.

³¹ Например, в одном захоронении в Никесиани найдено 124 бронзовых монеты и одна золотая (Grindler-Hansen 1991, 213; Doyen 2012, XI).

³² Анохин 1986, № 147.

³³ Там же, № 206.

³⁴ Абрамзон, Кузнецов 2017.

Таблица 1. Хронологическое распределение типов в погребениях³⁵

Датировка	Типы монет	Число монет	Погребения
I. Полисная чеканка			
<i>1. Пантикапей</i>			
480–460	голова льва/ incuse. Анохин 1986, № 15	1	191
438–400	голова льва/АПО . Анохин 1986, № 26/2	1	тризна 1
330–315	сатир/Пегас. Анохин 1986, № 112	3	2, 309, курган 1.2
330–315	сатир/горит. Анохин 1986, № 113	1	225
Нач. 3 в. до н.э.	сатир/голова льва, осетр с контрамарками. Анохин 1986, № 130	1	100
300–290	сатир / голова быка. Анохин 1986, № 132	3	84, 101, 1 (ЗН)
300–275	сатир/лук и стрела. Анохин 1986, №133	1	ВН
300–275	то же, перечеканка. SNG BM I 898	1	220.2
275–250	сатир/лук и стрела (деградированный тип). SNG BM I 900–905	10	62, ВН
Сер. 3 в. до н.э.	то же с надчеканкой «треножник». Анохин 1986, № 139	1	191
Сер. 3 в. до н.э.	сатир/лук и стрела. Анохин 1986, № 145	1	300
175–110	Аполлон/горит. Анохин 1986, № 169	30	1, 3, 9, 22, 48, 50, 59, 62, 63.2, 84, 143, 162, 169, 199, 202, 212, 213, 220, 258, 261, 295
150–110	Аполлон/лира. Анохин 1986, № 168	2	110
120–110	сатир/рог изобилия между шапками Диоскуров. Анохин 1986, № 175	1	69
120–110	сатир/шапки Диоскуров. Анохин 1986, № 176	1	ВН
Нач. I в. до н.э.	треножник/звезда. Анохин 1986, № 203	3	299, ВН
88/85–63	Дионис/горит. Анохин 1986, № 212	2	ВН,
13–12	Афродита Урания/жезл, ΚΑΕΣΑΡΕΩΝ. Анохин 1986, № 322	4	4.3, 216, 259
<i>2. Фанагория</i>			
200–110	сатир/лук и стрела, ФА. Анохин 1986, № 147	21	190, 199, 224, 228, 247, 295.2, 291, 300, 305
200–150	Дионис/гроздь винограда, ФА. Анохин 1986, № 177	2	60, ВН
90–80	Дионис/скипетр. Анохин 1986, № 206	1	295.2
49/48–21/20	Нике/пальмовая ветвь. Анохин 1986, № 227	1	ВН
13–12	Афродита Урания/жезл, ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ. Анохин 1986, № 323	1	135
<i>3. Ольвия</i>			
300–275	Борисфен/секира и колчан, ΔΙ. SNG BM I 481	1	1
<i>4. Амис</i>			
100–85	Арес/меч. SNG BM I 1147–1149	1	79
85–65	Зевс/орел. SNG BM I 1220	1	3
II. Римский период 2. Боспорское царство			
<i>Полемон I (14/13–9/8)</i>			
14/13–9/8	Артемиды/собака. Анохин 1986, № 275	1	103
14/13–9/8	Аполлон/треножник, Δ. Анохин 1986, № 280	2	103
14/13–9/8	лев/ветвь, Γ. Анохин 1986, № 281	1	168
14/13–9/8	Персей/герма и пальмовая ветвь, Ζ. Анохин 1986, № 286	2	168, 285

³⁵ Здесь и далее участки некрополя обозначены сокращениями: ВН – Восточный некрополь, ЮВН – Юго-восточный некрополь, ЗН – Западный некрополь.

Таблица 1. Хронологическое распределение типов в погребениях (окончание)

Датировка	Типы монет	Число монет	Погребения
<i>Аспург (14/15–37/38)</i>			
14/15–37/38	Аспург/Тиберий. Анохин 1986, № 319	1	53.2
37/38 г.	Аспург/Калигула. Анохин 1986, № 320	2	131, ВН
<i>Гелепирия (37/38–38/39)</i>			
37/38–38/39	Гелепирия/Афродита Урания. Анохин 1986, № 326	1	Склеп 4.2
<i>Митридат III (39/40–45/46)</i>			
39/40–45/46	Митридат III/атрибуты Геракла и Посейдона. Анохин 1986, № 330	4	84, 157, 191, 296.1
<i>Котис I (45/46–68/69)</i>			
45–50	Британник/Котис I. Анохин 1986, № 345	1	191
49–54	Клавдий/Агриппина. Анохин 1986, № 344	2	166, 168
49–54	Клавдий/Агриппина. Анохин 1986, № 349	1	128
54/55–59/60	Нерон/Агриппина. Анохин 1986, № 350	2	84, 296
63 г. н.э.	Нерон/Поппея. Анохин 1986, № 351	1	100
<i>Рескупорид II (69/70–93/94)</i>			
80/81–93/94	Курульное кресло/венок. Анохин 1986, № 377	1	224/1
<i>Савромат I (93/94–123/124)</i>			
103/104–108/109	бюст царя/венок. Фролова 1997/1: XLIV, 10–11	1	104
115/116–118/119	бюст царя/щит и копье. Анохин 1986, № 464	1	296.2
118/119–123/124	бюст царя/венок. Анохин 1986, № 466	1	220
<i>Рескупорид V (242/243–276/277)</i>			
250/251 г. н.э.	Статер. ЗМФ. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 305	1	163
251/252 г. н.э.	Статер. НМФ. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 347	1	166
<i>Фофорс (285/286–309/310)</i>			
287/288 г. н.э.	Статер. ΔПФ. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2421	1	251
298/299 г. н.э.	Статер. ΕϚФ. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3007	1	27
303/304 г. н.э.	Статер. Χ. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3627	1	ЮВН, курган 1
2. Римская империя			
<i>Траян (98–117)</i>			
103–111	Денарий. Бюст Траяна/Аравия. RIC 2: 253, No. 142	1	3Н, склеп
<i>Феодосий I (379–395)</i>			
379–383	бюст Феодосия I/император и Виктория на галере. RIC 9, 257, No. 25(с)	1	142
379–95	бюст Феодосия I/император попирает пленника. RIC 9, 245, No. 25(b)	1	142

выполняют диоболы (чаще) и гемидрахмы. Два самых ранних диобола относятся еще к 5 в. до н.э. и принадлежат к пантикапейской чеканке, основанной серебре – единственном монетном металле в ранней чеканке Боспора (№ 1, 2). Один из них найден в тризне 1. В женском погребении № 110 середины 2 в. до н.э. найдены два пантикапейских диобола типа «Аполлон/лира»³⁶ (№ 54, 55; рис. 1. 54, 55), в то время как в остальных погребениях столетия присутствуют только медные монеты. Из погребения № 295.2 митридатовского времени происходит фанагорийская гемидрахма ок. 90–80 гг. (№ 90; рис. 1. 90). В римское время используются главные серебряные номиналы. Так, сильно потертый денарий Траяна 103–111 гг. обнаружен в склепе 2 в. н.э. на западном некрополе (№ 126; рис. 2. 126). В погребениях № 163 и 166 (№ 118, 119) найдены билонные статеры

³⁶ Анохин 1986, № 168.

Рис. 2. Монеты из некрополя Фанагории. Римский период

Таблица 2. Положение монет в погребальных комплексах

Местоположение	Кол-во случаев	Погребальные комплексы		
		ВН	ЗН	Курганы
<i>голова</i> (всего)	16			
– в ротовой полости	8	2, 27, 190, 191, 199, 212, 258, 295.2		
– на черепе, под/за черепом, у черепа	8	34, 62, 103, 104.1, 247, 251.1, 295.2, 305		
<i>шея</i> (монисто)	1	142		
<i>грудь</i>	4	60, 295.3, 296.3, 300		
<i>у плеча</i>	4			
– у правого	3	110, 131, 259		
– у левого	1	291		
<i>живот</i> (среди костей таза)	4	53.2, 103, 163, 299.2		
<i>руки</i> (всего)	3			
– в/около кисти правой руки	1	62		
– у правой руки (лучевая кость)	1	63.2		
– около локтя правой руки	1	69		
<i>ноги</i> (всего)	6			
– у правого бедра	2	62, 128		
– у голени/межу голеней	2	135.1, 157 (скелет 1)		ЮВН, курган 1
– стопы/за стопами	2	100, 224.1		
<i>в/под/рядом с предметами погребального инвентаря</i>	1			
– в бутероли меча	1	228.1		
<i>в каменном ящике, в углу</i>	1	50		
<i>в заполнении</i>	31			
– камера	11	84, 101, 191, 166, 168, 200, 213, 220, 220.2, 224, 287	1	
– дромос	6	кв. 4, 9, 100, 166, 169, 261		
– могильная яма	10	1, не опр., 20, 48, 159, 162, 216, 230, 285, 295.2		
– заполнение ямы склепа	4	Прирезка 4, 3, 4, 4.2		
<i>тризна</i>	1	1		
<i>не ясная локация</i> (среди сдвинутых костей)	3	168 (гроб 1), 225, 296.2		ВН, курган 187, погр. 2

Рескупорида V 250/251 и 251/252 гг. Все остальные монеты – бронзовые. Среди монет доримского времени доминирует пантикапейская и фанагорийская медная мелочь, к которой в митридатовскую эпоху присоединяются редкие боспорские анонимные оболы и понтийские тетрагалки, а во второй половине – конце 1 в. до н. э. – последние городские выпуски, маркирующие конец полисной чеканки. Чеканка боспорских царей представлена медью **ΒΑΕ** различных номиналов, приписываемой Полемону I, ассами, сестерциями и статерами 1–4 вв. н. э. Картину дополняют редкие римские медные монеты и золотые индикации боспорских и римских монет.³⁷ Таким образом, главный критерий выбора определялся наиболее «ходовыми» номиналами.³⁸

2.6. Местоположение монет в могиле

Подобно другим боспорским кладбищам, материалы фанагорийского некрополя свидетельствуют о том, что положение монет в могиле обычно было фиксированным (см. Табл. 2 и 3). Традиционно, монета находится у погребённого в области головы, рядом с ней или в изголовье (16 случаев), обычно – во рту;

³⁷ Абрамзон и др. 2017; Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2020.

³⁸ Doyen 2012, XI.

Рис. 3. Монета у плеча погребенного (погр. 291/2017)

в 3-х случаях на груди (рис. 3); у плеча (4 случая); на животе (4 случая); в руке или рядом (6 случаев); в области ног (5 случаев); либо чаще всего просто брошенной в могилу при засыпке в качестве своеобразного «дара» (31 случай). Исходя из имеющихся данных, можно констатировать, что монеты располагались преимущественно в области головы покойного.

Анализируя приведенную статистику с учетом археологического контекста необходимо признать, что положение монет у головы, на груди с определенной долей вероятности фиксировать их первоначальное положение (при совершении погребения) как непосредственно «во рту», скорее всего за щекой/губами погребенного (рис. 4). При распаде мягких тканей лица человека монета перемещалась вниз и ее положение фиксируется рядом с головой. При этом в погребальных сооружениях с полостью (склепы, каменные ящики, могилы с подбоем и перекрытием) монета по случаю могла перемещаться дальше от первоначального положения, чем в простых могилах, где ее положение «фиксировал» грунт засыпки.

Положение монет у пояса и ног, в некоторых случаях определенно ассоциируется с кошельком³⁹, от органической основы которого зачастую не остается и следа (рис. 5. 1, 2; 6; 7).

Серебряный диобол серии АПОЛ ок. 438–400 гг. до н.э. найден при расчистке тризны 1 (№ 2); монета не имеет следов термического воздействия, что, возможно, говорит о варианте тризны без костра.⁴⁰

Крайне редко монеты кладутся под предметы погребального инвентаря, в них или рядом с ними. Так, в погребении № 228 мелкая фанагорийская монета 2 в. до н.э. вложена в ножны клинкового оружия (рис. 8), оказавшись в бутероли (№ 72).

Таким образом, в погребальном обряде Фанагории 5 – начала 1 в. н.э. прослеживается достаточно стабильный (хотя и не всегда обязательный) обычай класть в погребение монету в качестве «обла Харона» или бросать ее в качестве «дара» в могилу при засыпке во время церемонии захоронения. Далеко не все захоронения взрослых сопровождаются монетами, однако, как правило, монеты присутствуют в детских погребениях.

³⁹ Ворошилов, Ворошилова 2021, 288.

⁴⁰ О вариантах тризны детально см. Марченко 1956, 105.

Рис. 4. Монета за щекой погребенного (погр. 295.2/2017)

Рис. 5. Монета в «кошелек» у голени погребенного (курган 187, погр. 1)

Рис. 6. Монета на животе ребенка
(погр. 299/2017)

Половозрастная идентификация погребенных в могилах с монетными находками была проведена преимущественно в комплексах, открытых раскопками 2005–2021 гг. Согласно имеющимся данным, находки монет сопровождали погребения 17 мужчин, 11 женщин и 11 детей (Табл. 3).

Рис. 7. Монета в «кошельке» на поясе погребенного (погр. 163/2011)

2.7. Половинки монет.

Разрубленные пополам монеты встречаются всего дважды – в погребениях 3–2/1 вв. до н.э. Так, на участке Восточного некрополя (прирезка кв. 4), в заполнении дромоса найдена половинка пантикапейской монеты первой четверти 3 в. до н.э. типа «сатир/лук и стрела, ΠΑΝ»⁴¹ (№ 18). Из детского погребения № 295.2 происходит фанагорийская медная монета 2 в. до н.э. типа «сатир/лук и стрела, ΦΑ» (№ 83)⁴², соседствующая с такими же целыми монетами. Цель использования половинок объяснить затруднительно. В качестве рабочей гипотезы можно провести параллель с традицией преднамеренной порчи зеркал, зафиксированной в погребальной практике столицы Азиатского Боспора⁴³ и проявлявшейся в разрубании зеркала на куски или его надсечении.

⁴¹ Анохин 1986, № 133.

⁴² Там же, № 146.

⁴³ Ворошилова 2014, 26–28.

Рис. 8. Монета в ножнах (погр. 228/2014)

Таблица 3. Хронологическое распределение монет в погребениях⁴⁴

№ монеты в списке	Участок некрополя, № могилы	Дата монеты	Пол и возраст погребенного, лет	Место положения монеты	Металл	Центр чеканки	Число монет в могиле	Отверстие, примечание
8	ВН, 191	480–460		камера	AR	П	1	–
9	ВН	438–400		тризна 1	AR	П	1	–
10	ВН, 2	330–315		челюсть	AE	П	1	–
11	ВН, курган 187, погр. 2	330–315	Муж., 25–39		AE	П	1	–
12	ВН, 309	330–315	Жен., 35–45		AE	П	1	–
13	ВН, 225	330–315	Муж., 45–55	среди костей	AE	П	1	–
14	ВН, 100	Нач. 3 в. до н.э.		дромос	AE	П	1	–
15	ВН, 84	300–290		камера	AE	П	1	–
16	ВН, 101	300–290		камера	AE	П	1	–
17	ЗН, 1	300–290		камера	AE	П	1	–
123	ВН, 1	300–275			AE	О	1	–
18	ВН кв. 4	300–275		заполнение дромоса	AE	П	1	половинка монеты
19	ВН, 220/2	300–275		камера	AE	П	1	–
1–7	ВН, 62	275–250		у правой кисти/ бедра	AE	П	7	–
20	ВН, кв. 1, 2	275–250			AE	П	1	–
21	ВН	275–250		заполнение могилы	AE	П	1	–
22	ВН	275–250			AE	П	1	–
23	ВН, 191	Ок. 250 г.			AE	П	1	–
24	ВН, 20	Ок. 250 г.		заполнение могилы	AE	П	1	–
67	ВН, 199	200–110	Ребенок, 1,5–2	челюсть	AE	Ф	1	–
68	ВН, 190	200–110	Муж., 35–45	челюсть	AE	Ф	1	–
69	ВН, 208	200–110			AE	Ф	1	–
70	ВН, кв. 46	200–110			AE	Ф	1	–
71	ВН, 224	200–110		заполнение камеры	AE	Ф	1	–
72	ВН, 228.1	200–110	Муж., 35–45	в бутероли	AE	Ф	1	–
73	ВН, 247	200–110	Муж., больше 50	череп	AE	Ф	1	–
74	ВН, 285	200–110		отвал кв. 3, 4	AE	Ф	1	–
75	ВН, кв. 2, шт. 4	200–110			AE	Ф	1	–
76	ВН, кв. 2, шт. 2	200–110			AE	Ф	1	–
77	ВН, прирезка кв. 4	200–110		заполнение ямы склепа	AE	Ф	1	–
78	ВН, 287	200–110		камера	AE	Ф	1	–
79	ВН, прирезка кв. 4,	200–110		заполнение ямы склепа	AE	Ф	1	–
80	ВН, кв. 1	200–110			AE	Ф	1	–

⁴⁴ Обозначения чеканок: П – Пантикапей, Ф – Фанагория, Б – Боспорское царство (римский период), А – Амис, О – Ольвия, Р – римские.

Таблица 3. Хронологическое распределение монет в погребениях (продолжение)

№ монеты в списке	Участок некрополя, № могилы	Дата монеты	Пол и возраст погребенного, лет	Место положения монеты	Металл	Центр чеканки	Число монет в могиле	Отверстие, примечание
81	ВН, кв. 2	200–110			АЕ	Ф	1	–
82–84	ВН, 295.2	200–110	Ребенок	челюсть, за черепами	АЕ	Ф	3	2 монеты и половинка монеты
85	ВН, 291	200–110	Муж., 45–55	у левого плеча	АЕ	Ф	1	–
86	ВН, 300	200–110	Жен., 40–49	грудь	АЕ	Ф	1	–
87	ВН, 305	200–110	Жен., 30–39	череп	АЕ	Ф	1	–
88	ВН, 60	200–150	Жен., 35–45	грудь	АЕ	Ф	1	–
89	ВН, кв. 4	200–150			АЕ	Ф	1	–
25	ВН, кв. 1–2	175–120			АЕ	П	1	–
26	ВН, 1	175–120			АЕ	П	1	–
27	ВН, 22	175–120			АЕ	П	1	–
28	ВН, 62	175–120	Жен., 15	череп	АЕ	П	1	–
29	ВН, 63/2	175–120	Муж., 40–49	лучевая кость правой руки	АЕ	П	1	–
30	ВН, 48	175–120		заполнение	АЕ	П	1	–
31	ВН, 50	175–120	Муж., 30–39	угол каменного ящика	АЕ	П	1	–
32–33	ВН, 84	175–120			АЕ	П	2	–
34	ВН, 143.1	175–120	Муж., 45–49	череп	АЕ	П	1	–
35	ВН, 162	175–120		заполнение	АЕ	П	1	–
36	ВН, 169	175–120		заполнение дромоса	АЕ	П	1	–
37	ВН, 159	175–120		заполнение	АЕ	П	1	–
38–40	ВН, 3	175–120		подъемный материал	АЕ	П	3	–
41	ВН, 199	175–120	Ребенок, 1,5–2	челюсть	АЕ	П	1	–
42	ВН, 202	175–120		камера	АЕ	П	1	–
43	ВН, 212	175–120		челюсть	АЕ	П	1	–
44–45	ВН, 213	175–120		камера	АЕ	П	2	–
46	ВН, 220	175–120		камера	АЕ	П	1	–
47	ВН, 258	175–120		челюсть	АЕ	П	1	–
48	ВН, 261	175–120		заполнение дромоса	АЕ	П	1	–
49	ВН, 295/3	175–120	Ребенок	грудь	АЕ	П	1	–
50	ВН, кв. 4, шт. 6	175–120			АЕ	П	1	–
51	ВН, кв. 1, шт. 4, об. 288	175–120			АЕ	П	1	–
52	ВН, 9	175–120		заполнение дромоса	АЕ	П	1	–
53	ВН, кв. 3	175–120			АЕ	П	1	–
54–55	ВН, 110	150–110	Жен., 15–16	правое плечо	АР	П	2	–

Таблица 3. Хронологическое распределение монет в погребениях (продолжение)

№ монеты в списке	Участок некрополя, № могилы	Дата монеты	Пол и возраст погребенного, лет	Место положения монеты	Металл	Центр чеканки	Число монет в могиле	Отверстие, примечание
56	ВН, 69	120–110	Жен., 50	локоть правой руки	АЕ	П	1	–
57	ВН, кв. 1	120–110			АЕ	П	1	–
58	ВН, 299/2	Нач. I в. до н.э.	Ребенок	тазовая кость	АЕ	П	1	–
59	ВН, кв. 1	Нач. I в. до н.э.			АЕ	П	1	–
60	ВН, кв. 2, шт. 2	Нач. I в. до н.э.			АЕ	П	1	–
124	ВН, кв. 79	100–85			АЕ	А	1	–
90	ВН, 295.2	90–80			АР	Ф	1	–
61	ВН	88/85–63			АЕ	П	1	–
62	ВН, кв. 1,	88/85–63		заполнение погр. ямы	АЕ	П	1	–
125	ВН, 3	85–65			АЕ	А	1	–
91	ВН, кв. 2	49/48–21/20			АЕ	Ф	1	–
63	ВН, склеп 4, 3	13–12	Ребенок		АЕ	П	1	–
64	ВН, 216	13–12			АЕ	П	1	–
65	ВН, кв. 1, шт. 3, об. 284	13–12			АЕ	П	1	–
66	ВН, 259	13–12	Ребенок, 4,5–5,5	правое плечо	АЕ	П	1	–
92	ВН, 135.1	13–12	Жен., 30–39	между берцовыми костями	АЕ	Ф	1	–
93–95	ВН, 103	кон. I в. до н. э.)		2 – тазовые кости 1 – череп	АЕ	Б	3	–
96	ВН, 230	кон. I в. до н. э.)		заполнение	АЕ	Б	1	–
97	ВН, 168, гроб 1	кон. I в. до н. э.)	Муж., 30–50	среди костей	АЕ	Б	1	–
98	ВН, 285	кон. I в. до н. э.)			АЕ	Б	1	–
99	ВН, 53.2	14/15–37	Ребенок, 5–6	область живота	АЕ	Б	1	–
100	ВН, 131	37/38 г.	Муж., 30–39	правая ключица	АЕ	Б	1	–
101	ВН	37/38 г.		случ. нах.	АЕ	Б	1	–
102	ВН, склеп 4.2	37/38–38/39	Ребенок		АЕ	Б	1	–
103	ВН, 84	39/40–45/46			АЕ	Б	1	–
104	ВН, 157, скелет 1	39/40–45/46	Ребенок, 2–2,5	левая голень	АЕ	Б	1	–
105	ВН, 191	39/40–45/46		камера	АЕ	Б	1	–
106	ВН, 296.3	39/40–45/46	Ребенок	грудь				+
107	ВН, 191	45–50		камера	АЕ	Б	1	–
108	ВН, 166	49–54		камера	АЕ	Б	1	–
109	ВН, 168	49–54	Муж., 20–29	камера	АЕ	Б	1	–
110	ВН, 128	49–54	Муж., 30–39	правое бедро	АЕ	Б	1	–
111	ВН, 84	54/55–59/60		камера	АЕ	Б	1	+
112	ВН, 296.2,	54/55–59/60		среди костей скелетов 3, 4	АЕ	Б	1	–
113	ВН, 100	63 г. н.э.	Жен., 40–49	ноги	АЕ	Б	1	–

Таблица 3. Хронологическое распределение монет в погребениях (окончание)

№ монеты в списке	Участок некрополя, № могилы	Дата монеты	Пол и возраст погребенного, лет	Место положения монеты	Металл	Центр чеканки	Число монет в могиле	Отверстие, примечание
114	ВН, 224.1	80/81–93/94.	Муж., 30–39	ноги	АЕ	Б	1	–
126	ЗН, склеп	103–111			АР	Р	1	–
115	ВН, 104.1	103/104–108/109	Жен., 20–29	череп	АЕ	Б	1	–
116	ВН, 296.2	115/116–118/119		среди костей скелетов 3, 4	АЕ	Б	1	–
117	ВН, 220	118/119–123/124		камера	АЕ	Б	1	–
118	ВН, 163	250/251 г.	Муж., 40–44	тазовые кости	АЕ	Б	1	–
119	ВН, 166	251/252 г.		заполнение дромоса	АЕ	Б	1	–
120	ВН, 251.1,	287/288 г.	Муж., 30	область шеи	АЕ	Б	1	–
121	ВН, 27	298/299 г.		челюсть	АЕ	Б	1	–
122	ЮН, курган, 1	303/304 г.	Муж., больше 50	правая голень	АЕ	Б	1	–
127–128	ВН, 142	379–395	Жен., 30–35	монисто среди бус на шее	АЕ	Р	2	+

2.8. Монеты с отверстиями.

Появление монет с отверстиями в Восточном некрополе Фанагории фиксируется с рубежа 30/40-х гг. н. э. – середины 1 в. Самая ранняя из них – асс Митридата III (№ 106), позднейшие – монеты Феодосия I (№ 127, 128). Всего 4 пробитых монеты найдены в трех погребениях (№ 106, 111, 127, 128). Это свидетельствует о том, что использование монисто не характерно для погребального обряда Фанагории, как, например, и для другого некрополя на Таманском п-ове – Волна 1. В то же время в некрополях населения Юго-Западного Крыма пробитые монеты (все – римские) встречаются часто (см. ниже).

3. Небоспорские монеты в погребениях

Иноземные монеты встречены только в 4 погребениях (№ 118–123). Данные находки заслуживают особого комментария, поскольку привозные монеты исключительны как для фанагорийского некрополя и всей боспорской погребальной практики, так и нумизматического профиля Боспора в целом.

Ольвия. «Борисфен» первой четверти 3 в. до н. э. из погребения № 1 Восточного некрополя (№ 123; рис. 1. 123) пополняет ряд относительно редких находок монет центров Северного Причерноморья, поступавших на Боспор.⁴⁵ Доминирование выпусков Ольвии второй половины 4 – первой половины 3 в. до н. э. в этой группе монетных находок отражает хронологические особенности торгового присутствия этого полиса на боспорском рынке. Обратный процесс поступления боспорских монет в Ольвию отмечен еще большей активностью.⁴⁶ В материалах Фанагории зарегистрировано 6 монет Ольвии 5 в. до н. э. – 1 в. н. э., в том числе и два «борисфена» конца 4 – первой четверти

⁴⁵ Перечень боспорских находок см. Розов 2014, 282–283, 294–295, № 14–16.

⁴⁶ Там же, 284.

3 в., один из которых происходит из упомянутого погребения.⁴⁷ Поскольку находка «борисфена» в могиле представляет уникальный случай использования ольвийских монет в погребальной практике Боспора, позволительно связать ее присутствие с неким ольвиополитом, скончавшимся на чужбине и похороненным в местном некрополе.

Амис. Напротив, присутствие тетрагалков Амиса 100–85 и 85–65 гг. до н. э. в погребениях № 79 и 3 (№ 124, 125; рис. 1. 125) закономерно, учитывая обилие понтийской меди митридатовского времени на денежном рынке Боспора и самой Фанагории. На городище последней найдено уже около сотни единичных монет. Только из царской резиденции, сгоревшей во время антимитридатовского восстания 63 г. до н. э., происходит несколько десятков единичных монет, главным образом, Амиса и Синопы, и еще полтора десятка в кошельках осажденных.⁴⁸ Тетрагалки Амиса и Синопы зарегистрированы и в погребениях в округе Фанагории⁴⁹, а также Горгиппии времени Асандра.⁵⁰

Римская империя. Находки римских монет в фанагорийском некрополе очень редки. Так, упомянем просверленную позднеримскую монету из погребения на «аллее курганов» к югу от г. Майской в окрестностях Фанагории (раскопки 1874 г.).⁵¹ Из детской могилы № 47 некрополя «С», раскопанной в 1936–1937 гг., происходит медная монета Клавдия II.⁵² За рассматриваемый период римские монеты найдены еще в двух погребениях. Это денарий Траяна из склепа на Западном некрополе (№ 126; рис. 2. 126) и две бронзовые монеты Феодосия I из погребения № 142 Восточного некрополя – обе в виде подвесок среди бус⁵³ (№ 127, 128; рис. 2. 127, 128)

Отметим, что к пробитым римским монетам из погребений примыкают еще три монеты с отверстиями, найденные на городище: Феодосия I, Флакиллы и Аркадия.⁵⁴ Использование позднеримской меди в качестве подвесок говорит о демонетизации какой-то ее части. Это явление особенно заметно в некрополях населения Юго-Западного Крыма. Так, например, по наблюдениям Н. И. Храпунова, 40% монет из крымского некрополя Нейзац имеют отверстия, причем последние проделывались только в медных монетах и никогда – в серебряных. В соседнем некрополе Дружное также встречаются монеты с отверстиями, причем опять, только медные, а не серебряные. Монеты с отверстиями обнаружены, за редким исключением, только в детских и женских погребениях.⁵⁵ Таким образом, римские монеты на периферии античного мира не всегда участвовали в денежном обращении или являлись обычным элементом погребального обряда («оболом Харона»): часть их использовалась только в качестве украшений. Надо полагать, что находки пробитых римских монет в Фанагории связаны не с греческим населением, а сармато-аланским элементом, прибывшим из Крыма, где практика делать из римских монет монисто получила заметное распространение.

Заключение

Итак, процесс исследования монет в погребальном контексте позволяет аккумулировать минимальную информацию для правильной интерпретации данных. Информация, полученная при изучении монет из некрополя Фанагории, может быть включена в пополняемую базу данных о нумизматических материалах из других некрополей Боспора и Юго-Западного Крыма. Однако, как верно отмечает Ж.-М. Дуайен, полная интерпретация погребальных ритуалов, где монеты, по-видимому, играют важную роль, зависит от точности полевых наблюдений.⁵⁶

⁴⁷ Список см. Абрамзон 2013, № 9–13.

⁴⁸ См. Abramzon, Kuznetsov 2011.

⁴⁹ Пахомов 1940 (III), 11, № 676.

⁵⁰ СН XI 153.

⁵¹ Пахомов 1940 (III), 30, № 784.

⁵² Кропоткин 1961, 39, № 15.

⁵³ Abramzon 2011, 271. Pl. 1. 7, 8; Ворошилова 2011, 143, рис. 1. 2, 3; Абрамзон, Кузнецов, Остапенко 2021, 68, рис. 112.

⁵⁴ № описи Ф-21–64 (Феодосий I); Ф-07–24 (Аркадий); Абрамзон 2013, рис. 5. 151 (Флакилла).

⁵⁵ Храпунов 2009, 70–71.

⁵⁶ Douen 2012, XVI.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список монет из некрополя Фанагории⁵⁷

№ п/п	№ описи	Двор, правитель	Датировка	Издание	Размер, мм	Вес, г	Участок некрополя, погребение, примечание
Группа 1. Боспорские монеты							
№1–7 – кошелек из погр. 62 (7 монет)							
1.	Ф-80-2	Пантикапей	275–250	SNG BM 900–905	12	1.10	ВН, участ. Б, погр. 62, у правой кисти
2.	Ф-80-3				15	1.84	
3.	Ф-80-4				15	1.38	
4.	Ф-80-5				14	1.35	
5.	Ф-80-6				15	1.65	
6.	Ф-80-7				12	1.02	
7.	Ф-80-8				14	1.64	
8.	Ф-13-106	Пантикапей	480–460	Анохин 1986, № 15	12	1.85	ВН, погр. 191
9.	Ф-08-25	АПО	438–400	SNG BM I 845	12	1.03	ВН, тризна 1
10.	Ф-80-9	Пантикапей	330–315	SNG BM I 873	16	2.35	ВН, уч. Б, погр. 2
11.	Ф-12-49	Пантикапей	330–315	То же	15	3.14	ВН, курган 187, погр. 2
12.	Ф-18-52	Пантикапей	330–315	То же	15	2.40	ВН, погр. 309
13.	Ф-14-50	Пантикапей	330–315	SNG BM I 874–875	13	1.18	ВН, погр. 225
14.	Ф-07-44	Пантикапей	Нач. 3 в. до н.э.	SNG BM I 886	20	5.56	ВН, погр. 100
15.	Ф-06-51	Пантикапей	300–290	SNG BM I 890–893	16	2.78	ВН, погр. 84
16.	Ф-07-45	Пантикапей	300–290	То же	17	3.79	ВН, погр. 101
17.	Ф-18-50	Пантикапей	300–290	То же.	15	1.94	ЗН, погр. 1
18.	Ф-16-161	Пантикапей	300–275	SNG BM I 894–896	16	1.49	ВН, прирезка кв. 4, заполнение дромоса. Половинка монеты
19.	Ф-14-54	Пантикапей	300–275	SNG BM I 898	21	3.53	ВН, погр. 220/2
20.	Ф-75-11	Пантикапей	275–250	SNG BM I 900–905	16	1.49	ВН, кв. 1–2
21.	Ф-16-215	Пантикапей	275–250	То же	15	1.91	ВН, засыпка борта
22.	Ф-16-221	Пантикапей	275–250	То же	14	1.15	ВН
23.	Ф-13-128	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, № 139	16	1.26	ВН, погр. 191
24.	Ф-19-113	Пантикапей	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, № 145	17	4.45	ВН, погр. 320, заполнение
25.	Ф-75-9	Пантикапей	175–120	SNG BM I 920–922	11	2.09	ВН, кв. 1–2
26.	Ф-80-1	Пантикапей	175–120	То же	12	1.10	ВН, уч. Б, погр. 1
27.	Ф-80-10	Пантикапей	175–120	То же.	11	1.49	ВН, уч. Б, погр. 22
28.	Ф-06-41	Пантикапей	175–120	То же	12	2.06	ВН, погр. 62
29.	Ф-06-44	Пантикапей	175–120	То же	12	1.91	ВН, погр. 63/2
30.	Ф-06-45	Пантикапей	175–120	То же	13	1.52	ВН, погр. 48
31.	Ф-06-46	Пантикапей	175–120	То же	12	1.28	ВН, погр. 50
32.	Ф-06-52	Пантикапей	175–120	То же	12	1.20	ВН, погр. 84
33.	Ф-06-53	Пантикапей	175–120	То же	12	1.10	ВН, погр. 84
34.	Ф-10-99	Пантикапей	175–120	То же	11	1.81	ВН, погр. 143, скелет 1
35.	Ф-11-4	Пантикапей	175–120	То же	12	1.22	ВН, погр. 162
36.	Ф-11-28	Пантикапей	175–120	То же	12	2.46	ВН, погр. 169 (склеп под бортом), заполнение дромоса
37.	Ф-11-34	Пантикапей	175–120	То же	12	1.95	ВН, погр. 159
38.	Ф-11-200	Пантикапей	175–120	То же	14	2.08	ВН, кв. Б–2, Б–3, подъемный материал
39.	Ф-11-201	Пантикапей	175–120	То же	12	2.58	Там же
40.	Ф-11-202	Пантикапей	175–120	То же	10	1.73	Там же

⁵⁷ Номера в списке соответствуют номерам в фототаблицах.

№ п/п	№ описи	Двор, правитель	Датировка	Издание	Размер, мм	Вес, г	Участок некрополя, погребение, примечание
41.	Ф-13-104	Пантикапей	175–120	То же	11	1.79	ВН, погр. 199
42.	Ф-13-146	Пантикапей	175–120	То же	10	1.22	ВН, погр. 202
43.	Ф-14-45	Пантикапей	175–120	То же	11	1.45	ВН, погр. 212
44.	Ф-14-47	Пантикапей	175–120	То же	11	0.56	ВН, погр. 213
45.	Ф-14-48	Пантикапей	175–120	То же	11	0.67	ВН, погр. 213
46.	Ф-14-52	Пантикапей	175–120	То же	11	1.09	ВН, погр. 220
47.	Ф-15-127	Пантикапей	175–120	То же	12	1.35	ВН, погр. 258
48.	Ф-15-129	Пантикапей	175–120	То же	13	0.82	ВН, погр. 261, заполнение дромоса
49.	Ф-17-32	Пантикапей	175–120	То же	13	1.39	ВН, погр. 295/3
50.	Ф-16-48	Пантикапей	175–120	То же	11	1.42	ВН, кв. 4, шт. 6
51.	Ф-16-57	Пантикапей	175–120	То же	11	2.04	ВН, кв. 1, шт. 4, об. 288
52.	Ф-16-214	Пантикапей	175–120	То же	13	1.84	ВН, кв. 4, прирезка шахты дромоса, погр. 9
53.	Ф-16-219	Пантикапей	175–120	То же	11	1.41	ВН, кв. 3
54.	Ф-07-49	Пантикапей	150–110	SNG BM I 919	12	1.30	ВН, погр. 110
55.	Ф-07-50	Пантикапей	150–110	То же	12	0.92	ВН, погр. 110
56.	Ф-06-40	Пантикапей	120–110	SNG BM I 924–925	18	2.80	ВН, погр. 69
57.	Ф-16-220	Пантикапей	120–110	SNG BM I 926	13	2.33	ВН, кв. 1. Перечеканка
58.	Ф-17-77	Пантикапей	Нач. 1 в. до н.э.	SNG BM I 941–944	15	2.52	ВН, погр. 299, скелет 2
59.	ФМ-КП-43/6 Н 350	Пантикапей	Нач. 1 в. до н.э.	То же	12	1.52	ВН, кв. 1. Перечеканка
60.	ФМ-КП-41/7 Н 351	Пантикапей	Нач. 1 в. до н.э.	То же	12	1.40	ВН, кв. 2, шт. 2
61.	ФМ-КП 42/1 Н 343	Пантикапей, анонимный обол	88/85–63	Анохин 1986, № 212 сл.	24	15.74	ВН
62.	ФМ-КП-43/8 Н 352	Пантикапей, анонимный обол	88/85–63	То же	24	11.79	ВН, кв. 1, заполнение погр. ямы
63.	Ф-11-204	Пантикапей как Кесария	13–12	Анохин 1986, № 322	22	3.91	ВН, склеп 4, детск. погр. 3
64.	Ф-14-46	Пантикапей как Кесария	13–12	То же	22	3.48	ВН, погр. 216
65.	ФМ-КП-43/3 Н 347	Пантикапей как Кесария	13–12	То же	21	4.28	ВН, кв. 1, шт. 3, об. 284
66.	ФМ-КП-42/2 Н 344	Пантикапей как Кесария	13–12	То же	22	5.18	ВН, погр. 259
67.	Ф-13-102	Фанагория	200–110	SNG BM I 990–994	13	1.24	ВН, погр. 199
68.	Ф-13-103	Фанагория	200–110	То же	12	2.56	ВН, погр. 190
69.	Ф-13-138	Фанагория	200–110	То же	11	2.41	ВН, погр. 208
70.	Ф-13-145	Фанагория	200–110	То же	14	1.28	ВН, кв. 46
71.	Ф-14-53	Фанагория	200–110	То же	11	0.30	ВН, погр. 224, заполнение камеры
72.	Ф-14-55	Фанагория	200–110	То же	13	1.49	ВН, погр. 228, скелет 1 в бутероли
73.	Ф-15-128	Фанагория	200–110	То же	12	1.38	ВН, погр. 247, скелет 1
74.	ФМ-КП-43/2 Н 346	Фанагория	200–110	То же	13	0.94	ВН, отвал (кв. 3, 4), погр. 285
75.	Ф-16-25	Фанагория	200–110	То же	13	0.90	ВН, кв. 2, шт. 4
76.	Ф-16-49	Фанагория	200–110	То же	13	2.44	ВН, кв. 2, шт. 2

№ п/п	№ описи	Двор, правитель	Датировка	Издание	Размер, мм	Вес, г	Участок некрополя, погребение, примечание
77.	Ф-16-160	Фанагория	200–110	То же	13	2.33	ВН, прирезка кв. 4, заполнение ямы склепа
78.	Ф-16-162	Фанагория	200–110	То же	13	1.32	ВН, погр. 6
79.	Ф-16-160	Фанагория	200–110	То же	13	2.33	ВН, прирезка кв. 4, заполн. ямы склепа
80.	Ф-16-216	Фанагория	200–110	То же	13	1.22	ВН, кв. 1, Перечеканка из типа Анохин 1986, № 169.
81.	Ф-16-217	Фанагория	200–110	То же	11	1.34	ВН, кв. 2
82.	Ф-17-24	Фанагория	200–110	То же	13	0.72	ВН, погр. 295.2
83.	Ф-17-25	Фанагория	200–110	То же	19	1.72	ВН, погр. 295.2, Половинка монеты. Перечеканка из типа Анохин 1986, № 133
84.	Ф-17-27	Фанагория	200–110	То же	13	2.18	ВН, погр. 295.2, перечеканка из типа Шелов 1956, № 66
85.	Ф-17-26	Фанагория	200–110	То же	15	3.90	ВН, погр. 291
86.	Ф-17-33	Фанагория	200–110	То же	11	1.17	ВН, погр. 300
87.	Ф-18-51	Фанагория	200–110	То же	13	1.60	ВН, погр. 305
88.	Ф-06-42	Фанагория	200–150	Анохин 1986, № 177	14	2.16	ВН, погр. 60
89.	Ф-16-218	Фанагория	200–150	То же	12	1.29	ВН, кв. 4
90.	Ф-17-23	Фанагория	90–80	Анохин 1986, № 206	15	1.58	ВН, погр. 295.2
91.	ФМ-КП-43/5 Н 349	Фанагория	49/48–21/20	Анохин 1986, № 227	19	3.62	ВН-2, кв. 2
92.	Ф-08-130	Фанагория как Агриппия	13–12	Анохин 1986, № 323	22	5.61	ВН, погр. 135, скелет 1
93.	Ф-07-47	Полемон I	14/13–9/8	Анохин 1986, № 275	15	2.80	ВН, погр. 103
94.	Ф-07-48	Полемон I	14/13–9/8	Анохин 1986, № 280	21	5.63	ВН, погр. 103
95.	Ф-07-51	Полемон I	14/13–9/8	То же.	21	8.30	ВН, погр. 103
96.	Ф-14-49	Полемон I	14/13–9/8	Анохин 1986, № 281	20	5.29	ВН, погр. 230
97.	Ф-11-8	Полемон I	14/13–9/8	Анохин 1986, № 286	23	6.86	ВН, погр. 168, гроб 1
98.	ФМ-КП-43/1 Н 345	Полемон I	14/13–9/8	То же	21	8.49	ВН, кв. 3, шт. 7, погр. 285
99.	Ф-06-43	Аспург (14/15–37/38)	14/15–37/38	BAR 1102, XLII, 21	21	8.86	ВН, погр. 53/2
100.	Ф-08-142	Аспург	37/38 г.	Анохин 1986, № 319	22	6.94	ВН, погр. 131
101.	Ф-21-65	Аспург	37/38 г.	BAR 1102, XLVI, 2 (obv.), 3 (rev.)	22	9.43	ВН, подъемные сборы
102.	Ф-11-203	Гепеирия (37/38–38/39)	37/38–38/39	BAR 1102, XLVII, 2	24	6.08	ВН, склеп 4, детское погр. 2
103.	Ф-06-54	Митридат III (39/40–45/46)	39/40–45/46	Анохин 1986, № 330	24	3.1	ВН, погр. 84
104.	Ф-11-26	Митридат III	39/40–45/46	То же	23	9.02	ВН, погр. 157, скелет 1
105.	Ф-13-105	Митридат III	39/40–45/46	То же	22	9.65	ВН, погр. 191
106.	Ф-19-127	Митридат III	39/40–45/46	То же	21	1.98	ВН, погр. 296, гроб 3. Отверстие
107.	Ф-13-127	Котис I (45/46–68/69)	45–50	Анохин 1986, № 345	20	3.87	ВН, погр. 191.
108.	Ф-11-3	Котис I	49–54	Анохин 1986, № 344	24	5.21	ВН, погр. 166
109.	Ф-11-7	Котис I	49–54	То же.	23	4.67	ВН, погр. 168
110.	Ф-08-46	Котис I	49–54	Анохин 1986, № 349	21	4.75	ВН, погр. 128
111.	Ф-06-50	Котис I	54/55–59/60	Анохин 1986, № 350	23	6.66	ВН, погр. 84. Отверстие

№ п/п	№ описи	Двор, правитель	Датировка	Издание	Размер, мм	Вес, г	Участок некрополя, погребение, примечание
112.	Ф-19-126	Котис I	54/55–59/60	То же	21	4.30	ВН, погр. 296, гроб 2, скелеты 3, 4
113.	Ф-07-46	Котис I	63 г. н.э.	BAR 1102, LV, 6–7	23	7.10	ВН, погр. 100
114.	Ф-14-56	Рескупорид II (69/70–93/94)	80/81–93/94	Анохин 1986, № 377	27	15.17	ВН, погр. 224, гроб 1, скелет 1
115.	Ф-07-81	Савромат I (93/94–123/124)	103/104–108/109	Фролова 1997/1, XLIV, 10	27	6.70	ВН, погр. 104, скелет 1
116.	Ф-19-125	Савромат I (93/94–123/124)	115/116–118/119	Фролова 1997/1, XLIX, 5	26	8.09	ВН, погр. 296, гроб 2, скелеты 3, 4
117.	Ф-14-51	Савромат I	118/119–123/124	Анохин 1986, № 466	26	11.40	ВН, погр. 220
118.	Ф-11-19	Рескупорид V (242/243–276/277)	250/251	Абрамзон, Кузнецов 2017, № 305	19	6.26	ВН, погр. 163
119.	Ф-11-5	Рескупорид V	251/252	Абрамзон, Кузнецов 2017, № 347	19	6.57	ВН, погр. 166, заполнение дромоса
120.	ФМ-КП-46/19 Н 376	Фофорс (285/286–309/310)	287/288	Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2421	20	7.51	ВН, погр. 251, гроб 1, скелет 1
121.	Ф-05-82	Фофорс	298/299	Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3007	20	6.57	ВН, погр. 27
122.	Ф-12-26	Фофорс	303/304	Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3627	20	6.52	ЮВН, курган, погр. 1
Группа 2. Небоспорские монеты							
123.	Ф-04-21	Ольвия	300–275	SNG BM I 481	23	9.4	ВН, погр. 1
124.	Ф-18-37	Амис	100–85	SNG BM I 1147–1149	20	4.57	ВН, кв. 79
125.	ФМ-КП-43/4 Н 348	Амис	85–65	SNG BM I 1220	22	6.71	ВН, кв. 1, к СЗ от погр. 3
126.	Ф-88-1	Римская империя. Рим. Траян (98–117)	103–111	RIC 2, 253, No. 142	20	2.66	ЗН, МТФ, склеп
127.	Ф-10-167	Никомедия. Феодосий I (379–395)	379–383	RIC 9, 257, No. 25(с)	24	4.15	ВН, погр. 142. Отверстие
128.	Ф-10-168	Феодосий I. Двор не ясен	379–395	RIC 9, 245, No. 25(b)	19	3.16	Там же. Отверстие

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. 2013. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 61–107.
- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2020. Золотые индикации из позднеантичного склепа Фанагории // *Нурanis* 2, 27–36.
- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Внуков С. Ю. 2017. Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из восточного некрополя Фанагории // *КСИА* 249, 282–290.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2017. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории (Фанагория 5). Москва.
- Абрамзон М. Г., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. 2018. Комплекс пантикапейских серебряных монет 5 в. до н. э. из некрополя поселения Волна 1 // *КСИА* 252, 15–24.

- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Куликов А. В. 2019. Погребения с монетами могильника Александровские скалы 1 // ДБ 24, 26–58.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2021. Позднеантичный склеп из кургана на Южном некрополе Фанагории // КСИА 262, 283–294.
- Ворошилова О. М. 2011. Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // ПИФК 4, 137–145.
- Ворошилова О. М. 2014. Преднамеренно поврежденные зеркала из некрополя Фанагории // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань, 26–28.
- Калашник Ю. П. 2013. Пантикапейские индикации // Ю. А. Виноградов, М. Ю. Вахтина, В. А. Горнчаровский (ред.), Фидития. Памяти Ю. В. Андреева. Санкт-Петербург, 88–99.
- Кропоткин В. В. 1961. Клады римских монет на территории СССР (САИ Г4-04). Москва.
- Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя в 1950–1951 гг. // А. П. Смирнов (ред.), Фанагория (МИА 57). Москва, 102–127.
- Медведев А. П. 2010. Новые открытия в восточном некрополе Фанагории // АМА 14, 350–368.
- Молев Е. В., Молева Н. В. 2016. Боспорский город Китей (БИ Suppl. 5). Симферополь–Керчь.
- Пахомов Е. А. 1926–1959. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I–VIII. Баку.
- Розов В. Н. 2014. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова // ДБ 18, 272–307.
- Сударев Н. И., Болдырев С. И. 2009. «Обол Харона» как археологический термин // В. Н. Зинько (ред.), Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы (Боспорские чтения X). Керчь, 435–440.
- Терещенко А. Е. 2018. Монетные комплексы в античных погребениях (к постановке проблемы) // ПИФК 1, 68–74.
- Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина 1 в. до н.э. – середина 4 в. н.э.). Ч. I–II. Москва.
- Храпунов Н. И. 2009. Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // ПИФК 3, 55–82.
- Храпунов Н. И. 2019. Некоторые наблюдения над монетными находками в крымских могильниках позднеимперского времени // Электронный научно-образовательный журнал «История» 83 (10/9). URL: <https://history.jes.su/s207987840007209-8-1/> / (дата обращения 25.01.2020 г.).
- Храпунов Н. И. 2020. Новые находки монет в могильнике Нейзац // Stratum Plus 4, 227–234.
- Abramzon M., Kuznetsov V. 2011. The Rebellion in Phanagoria in 63 BC (New Numismatic Evidence) // ACSS 17, 75–110.
- Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. 2019. A Hoard of 3rd–4th Centuries AD Bosporan Staters from Phanagoria (2011) // ACSS 25, 308–356.
- Doyen J.-M. 2012. The “Charon’s Obol”: Some Methodological Reflexions // Journal of Archaeological Numismatics 2, I–XVIII.
- Grinder-Hansen K. 1991. Charon’s Fee in Ancient Greece? – Some Remarks on a Well-known Death Rite // Acta Hyperborea 3, 207–218.
- Khrapunov N. 2013. Coins in the Cemetery of Neyzats (1996–2008 Finds) // I. N. Khrapunov (ed.), Exploring the Cemetery of Neyzats. Simferopol–Kristiansand, 270–298.
- Stevens S. T. 1991. Charon’s Obol and Other Coins in Ancient Funerary Practice // Phoenix 45/3, 215–229.
- Tselekas P. 1996. Grave Hoards of Greek Coins from Greece // NC 156, 249–259.

Е. Е. Антонов

ПЛАНИРОВКИ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНИХ СКИФОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

Аннотация. Статья посвящена сравнению планировок поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму с «варварскими» памятниками соседних регионов: Центральной и Юго-Западной частей полуострова, Боспора, Нижнего Поднепровья. Наибольшее число параллелей обнаруживается с поселениями других регионов Крымской Скифии. Так, в центральной части полуострова зафиксированы элементы упорядоченной застройки, «цитадели», блокировка домов в кварталы, неукрепленные «предместья». Элементы упорядоченной застройки, пристройка домов к оборонительным стенам, квартальная застройка выявлены и на некоторых поселениях Нижнего Поднепровья. Вместе с тем, ни в Центральном Крыму, ни на Нижнем Днепре, эти принципы организации застройки не были воплощены в полном объеме в рамках одного поселения. Главное же отличие позднескифских населенных пунктов в Северо-Западном Крыму – абсолютное преобладание многокамерных домов. В соседних регионах такие дома соседствовали с однокамерными, более того, последняя разновидность жилищ часто преобладала.

Ключевые слова. Северо-Западный Крым, позднескифская археологическая культура, поздние скифы, Крымская Скифия, Боспор, Нижнее Поднепровье, планировки поселений.

E. E. Antonov

GRIDS OF LATE SCYTHIAN SETTLEMENTS IN NORTH–WESTERN CRIMEA

Abstract. The article is dedicated to the comparison of the layouts of the late Scythian settlements in the North-Western Crimea with the “barbarian” sites of neighbouring regions: the Central and South-Western parts of the peninsula, the Bosporos and the Lower Dnieper. The largest amount of similarities is found in comparison to the settlements of other regions of the Crimean Scythia. For example, in the central part of the peninsula, elements of orderly development, “citadels”, grouping of houses into blocks and unfortified “suburbs” are found. Elements of orderly development, the addition of houses to the defensive walls and block development were also found in some settlements in the Lower Dnieper region. At the same time, such principles of development organisation were not fully implemented within the framework of one settlement neither in the Central Crimea, nor in the Lower Dnieper, these principles of organising development were not implemented within the framework of one settlement. The main trait of the Late Scythian settlements in the North-Western Crimea is a predominance of multi-chamber houses. In neighbouring regions, such houses coexisted with single-chamber houses, moreover, which are often found in larger quantities.

Key-words. North-Western Crimea, Late Scythian archaeological culture, Late Scythians, Crimean Scythia, Bosporos, Lower Dnieper, settlement grids.

Цель настоящей статьи – сравнение планировочных структур позднескифских поселений Северо-Западного Крыма с «варварскими» памятниками соседних регионов. Такие сравнения неоднократно проводились и до этого момента², однако эти сравнения как правило представляли собой краткие упоминания, были основаны на внешних сходствах и не учитывали хронологические изменения. Подробное изучение застройки поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму³, а также её изменений с течением времени, позволяют подойти к вопросу об их возможных аналогиях с большим вниманием к деталям.

¹ Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

² Подробную библиографию см. ниже.

³ Антонов 2017б; 2021б; 2021в.

Большинство строительных остатков на позднескифских поселениях в Северо-Западном Крыму удаётся синхронизировать в рамках трёх археологически различных этапов, а в отдельных случаях – в рамках более «узких» подэтапов.⁴ Благодаря такому членению удалось создать схему изменения застройки указанных поселений. Кратко она может быть представлена следующим образом.

Этап I (около 120 г. до н.э. – середина 1 в. до н.э.) включает в себя три подэтапа.

Подэтап Ia (около 120 г. до н.э. – около 110 г. до н.э.). Поселения представляют собой небольшие укрепления. «Варвары» используют оборонительные сооружения и помещения, сохранившиеся от предыдущего, греческого периода. Маркерами присутствия поздних скифов выступают следы ремонта, небольшие перестройки внутри греческих помещений, а также небольшие по площади новые пристройки.

Подэтап Ib (около 110 г. до н.э. – 70-е гг. до н.э.) связан с присутствием понтийских гарнизонов. Он выделяется только на материалах Калос Лимена и Кара-Тобе. На других позднескифских поселениях региона это присутствие не прослеживается, поэтому их строительные остатки датируются только сравнительно широко – от примерно 110 г. до н.э. до середины 1 в. до н.э., что соответствует подэтапам Ib и Iv (вторая четверть I в. до н.э.).

К *подэтапам Ib и Iv* (около 110 г. до н.э. – середина 1 в. до н.э.) относится появление новой, собственно позднескифской, упорядоченной застройки. Её единицами выступают многокамерные дома, они блокируются в кварталы, часто примыкающие изнутри к оборонительным стенам. Кладки, как правило, следуют трассам более ранних греческих стен. На Чайке выделяется «цитадель» – укрепление в центре поселения, представляющее перестроенную греческую усадьбу.

Позднескифские постройки, которые могут быть датированы узко, исключительно *подэтапом Iv* (вторая четверть I в. до н.э.), открыты только на Кара-Тобе. Примечательно, что для них характерны те же приёмы и особенности приспособления греческих помещений, что использовались на Чайке в подэтапе Ia.

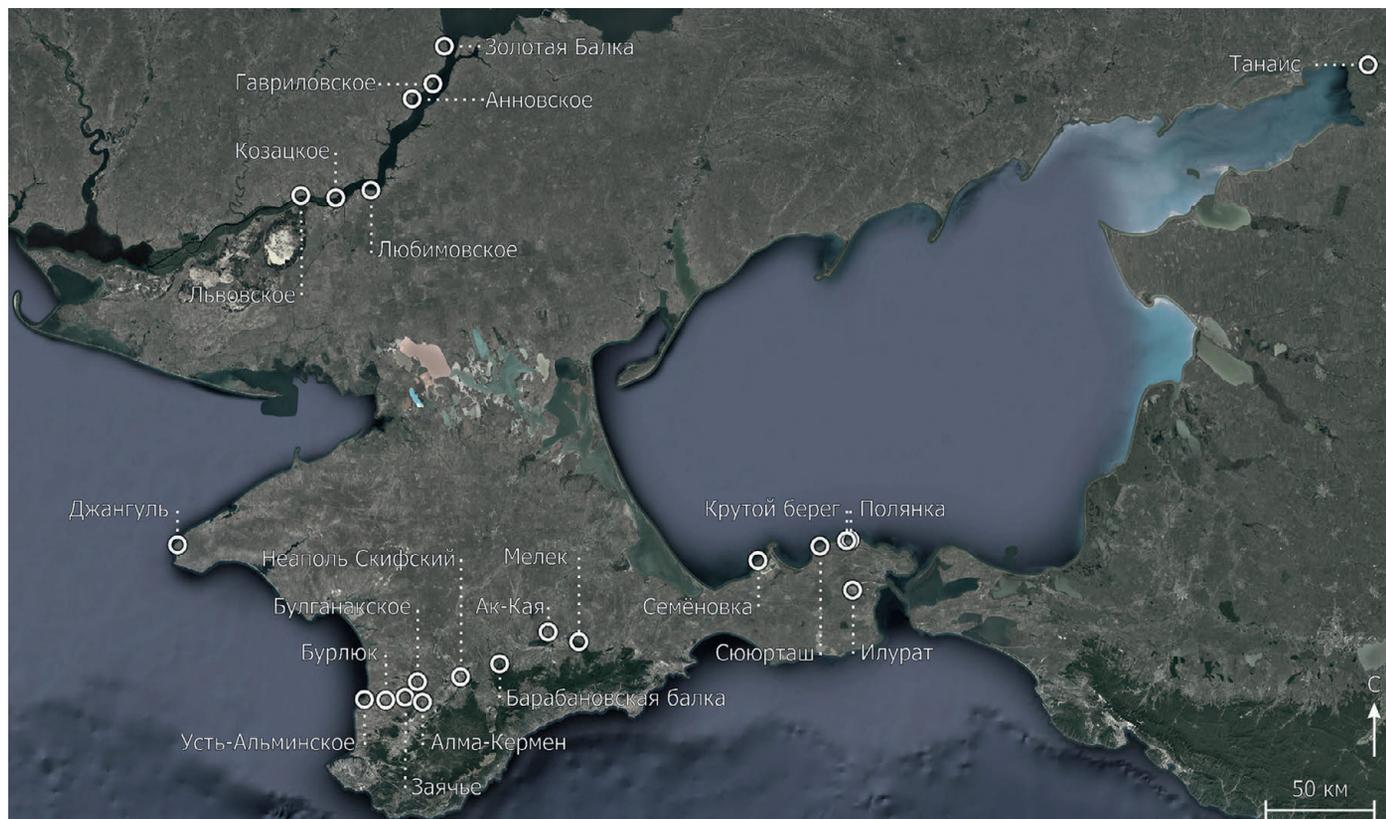
Этап II (середина 1 в. до н.э. – около 20 г. н.э.) характеризуется применением на всех поселениях принципов, заложенных около 110 г. до н.э. – середины 1 в. до н.э. Поселения достигают максимальных размеров, у них появляются своеобразные «предместья». В начале этапа все поселения укреплены, около 20 г. до н.э. укрепления ремонтируются ближе к 20 г. н.э. теряют свою оборонительную функцию. «Предместья» за единственным исключением (Южно-Донузлавское) не укреплены.

На этапе III (около 20 г. н.э. – начало 2 в. н.э.) сохраняется прежняя, заложенная греками, ориентация построек, но укрепления на большинстве поселений уже не используются, а площади поселений сокращаются. Квартальная застройка и укрепления зафиксированы только в Калос Лимене, что, видимо, объясняется его большими размерами и, вероятно, особой ролью. Новые дома на большинстве поселений многокамерные, но планировка их меняется.

Прежде чем перейти к обзору возможных аналогий позднескифским поселениям Северо-Западного Крыма, нужно отметить два обстоятельства. Во-первых, приходится констатировать слабую изученность планировок поселений Крымской Скифии – в частности, и застройки римского времени памятников Северного Причерноморья – в целом.⁵ Во-вторых, в большей части публикаций точность датировок строительных остатков ниже, чем та, которую удалось достигнуть на материалах Северо-Западного Крыма. Эти обстоятельства заставляют относиться к возможным аналогиям с большой осторожностью.

⁴ Антонов 2018.

⁵ Крыжицкий 1993, 175; Буйских 2008, 204.

Рис. 1. «Варварские» поселения Северного Причерноморья – возможные аналогии позднескифским памятникам Северо-Западного Крыма

Аналогии позднескифским поселениям Северо-Западного побережья полуострова ищут в нескольких регионах⁶: в памятниках региона предшествующего времени⁷, в Центральной⁸ и Юго-Западной⁹ частях Крымской Скифии, в Нижнем Поднепровье¹⁰, на Боспоре.¹¹ Поэтому и проводить сравнение логично по этому, региональному принципу (рис. 1).¹²

В последние годы только Т. Н. Смекалова предполагала, что в сложении позднескифской культуры в Северо-Западном Крыму участвовало местное население.¹³ Однако поселения джангульской группы, которые исследователь связывает с этим автохтонным населением, заметно отличаются от позднескифских: они не укреплены, застройка неплотная.¹⁴ Кроме того, джангульские памятники отделены от позднескифских значительным промежутком времени: «местные» поселения гибнут в первой трети 3 в. до н. э.¹⁵, а поздние скифы занимают Северо-Западный Крым только около 120 г. до н. э.¹⁶

Между позднескифскими поселениями в Северо-Западном и *Центральном* Крыму сходств больше. Так, на поселениях Центрального Крыма зафиксированы

⁶ С Херсонесом и его ближней хорой позднескифские поселения Северо-Западного Крыма никто не сравнивал. Последние сводные работы (Николаенко 2001; Буйских 2008; Николаенко и др. 2020) показывают, что аналогий там нет.

⁷ Смекалова 2013, 6–8.

⁸ Колтухов 1999, 77; Уженцев 2006, 93.

⁹ Высотская 1994, 30, 32; Уженцев 2006, 93.

¹⁰ Щеглов 1967, 211; 1978, 132; Колтухов 1999, 56, 63.

¹¹ Яценко 1970, 37–38; Масленников 1990, 92–93; 1998, 128; Попова 1998, 194; 2017, 278, 304; Колтухов 1999, 77; Храпунов 2004, 116.

¹² Предпочтение отдавалось тем памятникам, где раскопками открыты каменные постройки. Сведения, полученные в ходе разведок, за редкими исключениями, игнорировались

как не дающие целостной картины и твёрдых оснований для датировки.

¹³ Смекалова 2013, 6–8; Смекалова, Кутайсов 2017, 421, 425.

¹⁴ Смекалова, Кутайсов 2017, 425.

¹⁵ Смекалова 2013, 6–8; Смекалова, Кутайсов 2017, 421, 425.

¹⁶ Антонов 2021а.

элементы упорядоченной застройки. Она, в частности, предполагается на Ак-Кая, где предположительно датируется первой половиной – серединой 3 в. до н. э.¹⁷ Элементы упорядоченности отмечаются и для застройки позднеэллинистического времени в Неаполе Скифском.¹⁸ Со 2 в. н. э. упорядочивается и планировка Булганакского акрополя.¹⁹ Черты регулярной планировки читаются в рельефе на поселении Мелек.²⁰

Многие позднескифские поселения в Центральном Крыму, затронутые раскопками, имели «цитадели»: Булганакское поселение в эллинистическое и римское время²¹; Мелек²²; возможно, Неаполь, уже в 175–135/131 гг. до н. э.²³ Все поселения в Центральном Крыму, изученные на широких площадях, имели укрепления. В Неаполе с рубежа 2–1 в. до н. э. появляется пригород.²⁴ На Ак-Кая эллинистическая застройка примыкала к крепостным стенам изнутри.²⁵

На материалах Неаполя зафиксированы те же процессы, что происходили в Северо-Западном Крыму. Со второй половины 1 в. н. э. город почти полностью запустевает²⁶ и восстанавливается только в последней четверти 2 в. н. э., но уже как неукрепленное поселение.²⁷ Однако имеются и отличия. Блокировка домов в кварталы на поселениях Центрального Крыма предполагается только на Мелеке²⁸, застройка Неаполя большую часть его истории неплотная, «кустовая».²⁹ Позднескифские дома на поселениях Центрального Крыма как однокамерные, так и многокамерные.

Некоторые сходства наблюдаются также между синхронными поселениями поздних скифов в Северо-Западном и Юго-Западном Крыму. Так, все поселения укреплены, большая часть построек Усть-Альминского поселения³⁰ одинаково ориентирована³¹, на Заячьем предполагается существование квартальной застройки во 2–3 вв. н. э.³² Очевидны и отличия: цитадели раскопками на позднескифских поселениях в Юго-Западном Крыму не обнаружены, открытые там дома – как однокамерные, так и многокамерные.

Планировка большинства поселений Нижнего Поднепровья второй половины 2 в. до н. э. – конца 2 в. н. э. тоже упорядочена. Так, почти на каждом поселении зафиксирована одинаковая ориентация кладок: на Золотой Балке³³, Гавриловском³⁴, Анновском³⁵, Козацком³⁶ и Любимовском³⁷ поселениях. Укрепленные и неукрепленные части выделяются на Золотой Балке³⁸, Анновском³⁹ и Любимовском⁴⁰ поселениях. Кроме того, на Гавриловском⁴¹ и Козацком⁴² поселениях есть дополнительно укрепленные «цитадели».

«Предмесье» Анновского поселения похоже на «пригород» Калос Лимена: постройки располагаются «кустами», на расстоянии в десятки метров друг от друга.⁴³ На Золотой Балке⁴⁴ и акрополе Анновского поселения⁴⁵ зафиксированы кварталы. Их структура на Золотой Балке похожа на «цитадель» Кара-Тобе⁴⁶ и, судя по описанию, на северный квартал Беяуса⁴⁷: дома пристроены изнутри к внешним стенам квартала.⁴⁸ Но есть и отличия. В центре кварталов Золотой Балки располагались дворы, а не башня, как на Кара-Тобе. Кроме того, большинство домов Золотой Балки однокамерные.⁴⁹

Однокамерные дома характерны и для других поселений Нижнего Поднепровья. Можно отметить и другие различия. Например, на Золотой Балке дома примыкают к оградкам кварталов⁵⁰, а не оборонительной стене поселения. На Козацком⁵¹ и Гавриловском⁵² поселениях дома находятся на небольшом расстоянии от оборонительной стены, но не примыкают к ней.

Упорядоченность и квартальная система застройки характерны и для многих «варварских» поселений Боспора. Кварталы на боспорских сельских

¹⁷ Зайцев 2017, 125.

¹⁸ Высотская 1975, 20; 1979, 29, 88.

¹⁹ Храпунов 1991, 17, 28.

²⁰ Зайцев, Шкрибляк 2017, 144, 342, рис. 14.

²¹ Храпунов 1991, 28.

²² Зайцев, Шкрибляк 2017, 144, 342, рис. 14.

²³ Зайцев 2003, 22–23.

²⁴ Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015, 128.

²⁵ Там же, 201; Зайцев 2017, 125.

²⁶ Зайцев 2003, 34.

²⁷ Там же, 37–38.

²⁸ Зайцев, Шкрибляк 2017, 144, 342, рис. 14.

²⁹ Зайцев 2003, 22–23, 30–32, 37–38.

³⁰ К сожалению, автор раскопок характеризует планировку поселения в целом, не выделяя изменений, которые должны были происходить с течением времени. По строительным периодам рассматриваются только отдельные постройки (Высотская 1994, 31–32).

³¹ Там же, 31–32.

³² Высотская 1972, 28.

³³ Вязьмитина 1962, 74, 105–106.

³⁴ Погребова 1958, 184, 185, рис. 30. 2; 38.

³⁵ Гаврилюк, Абикулова 1991, 18–19.

³⁶ Вязьмитина 1986, 226.

³⁷ Былкова 2007, 45.

³⁸ Вязьмитина 1962, 74, 105–106.

³⁹ Гаврилюк, Абикулова 1991, 18–19.

⁴⁰ Дмитров 1955, 68.

⁴¹ Погребова 1958, 184, 185, рис. 30. 2; 38.

⁴² Вязьмитина 1986, 226.

⁴³ Гаврилюк, Абикулова 1991, 18–19.

⁴⁴ Вязьмитина 1962, 74, 105–106.

⁴⁵ Гаврилюк, Абикулова 1991, 18–19.

⁴⁶ Антонов 2017а.

⁴⁷ Смекалова, Кутайсов 2017, 360; 2019, 119.

⁴⁸ Крыжицкий 1993, 229–231.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Гошкевич 1913, 120, 122, 124, 129.

⁵² Погребова 1958, 192, рис. 38; Бреде 1960, 195.

поселениях существуют уже в эллинистическое время (Сююрташ⁵³, Крутой берег⁵⁴, западный район Танаиса⁵⁵). Эти кварталы отличаются друг от друга конфигурацией, наиболее «правильная» их планировка выявлена на Полянке⁵⁶ (1 в. до н. э.) и в Илурате⁵⁷ (около середины 2 в. н. э.). Во многих случаях дома примыкают к оборонительным стенам.⁵⁸

Однако, в отличие от Северо-Западного Крыма, на «варварских» поселениях Боспора не выделяются «цитадели»⁵⁹, ничего не сообщается и о неукрепленных «предместьях». Главное же отличие заключается в преобладании в перенаселенных боспорских пунктах однокамерных домов.

Таким образом, поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму не имеют точных аналогий на соседних территориях. Это легко объяснимо для подэтапа Ia (около 120 г. до н. э. – около 110 г. до н. э.): небольшие крепости появляются на месте более ранних греческих усадеб и городов, что отличает их от всех населенных пунктов соседних регионов. Поселения Северо-Западного Крыма подэтапов Ib и Iv (около 110 г. до н. э. – середина 1 в. до н. э.), а также этапа II (середина 1 в. до н. э. – около 20 г. н. э.) по своей структуре имеют наибольшее (но не полное) сходство с памятниками Центрального Крыма и Нижнего Поднепровья.

Поселения Центрального Крыма, в частности, демонстрируют знакомство поздних скифов со многими принципами, которые затем были использованы при планировании новых пунктов в Северо-Западном Крыму: устройство «цитаделей», элементы упорядоченной застройки, «квартальная» система и т. д. Однако нигде в Центральном Крыму позднеэллинистического времени эти принципы не были воплощены в полном объеме в рамках одного поселения.

Одним из ключевых признаков, сближающих поселения римского времени в Северо-Западном Крыму и Нижнем Поднепровье, (но не единственным) представляется блокировка домов в кварталы. В обоих регионах она подразумевает наличие предварительного плана застройки. И если в Северо-Западном Крыму «квартальную» систему можно попытаться объяснить греческим наследием – планировкой, оставшейся от херсонесского этапа истории Северо-Западного Крыма, то к поселениям в Нижнем Поднепровье такое объяснение неприменимо.

Нет точных аналогий и поселениям Северо-Западного Крыма этапа III (около 20 г. н. э. – начало 2 в. н. э.). Впрочем, не исключено, что это связано с их плохой сохранностью. Похожий процесс – превращение укрепленного поселения в неукрепленное – зафиксирован на материалах Неаполя более позднего времени.

Главным отличием позднескифских поселений всех трёх этапов в Северо-Западном Крыму является основная единица застройки – многокамерный дом. На соседних территориях, в отличие от Северо-Западного Крыма, существовали не только многокамерные дома, но и однокамерные, вторая их разновидность часто преобладает. Этот вопрос заслуживает отдельного подробного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Е. Е. 2017а. Позднескифская «цитадель» городища Кара-Тобе: планировка, хронология, периодизация // *Stratum Plus* 3, 223–237.
- Антонов Е. Е. 2017б. Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму // *ПИФК* 3, 99–123.
- Антонов Е. Е. 2018. Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма // *Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Историческая наука* 4 (70) 3, 3–15.

⁵³ Масленников 2017, 165.

⁵⁴ Ковальчук 2017, 255; Масленников 2017, 165.

⁵⁵ Болтунова, Каменецкий, Деопик 1969, 11–12; Шелов 1970, 120, 124.

⁵⁶ Масленников 2017, 166.

⁵⁷ Горончаровский 2019, 70–72.

⁵⁸ Гайдукевич 1958, 142; Кругликова 1970, 13, 15, 78; Ковальчук 2017, 255; Масленников 2017, 165; 2020, 237, рис. 7, 245, рис. 14.

⁵⁹ «Цитадели» открыты на ряде городищ Европейского Боспора: Ново-Отрадном, Багерове Северном, в Артезиане и др. Но эти поселения либо раскопаны на небольшой площади, либо имеют регулярную, совершенно «неварварскую» планировку (Масленников 1998, 112–127).

- Антонов Е. Е. 2021а. Ещё раз о времени занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами // В. Е. Родинкова (ред.), Новые материалы и методы археологического исследования (Материалы VI конференции молодых ученых). Москва, 99–103.
- Антонов Е. Е. 2021б. Планировки поселений Северо-Западного Крыма во второй половине I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. // КСИА 264, 346–365.
- Антонов Е. Е. 2021в. Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I – начале II в. н. э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.) VII. Симферополь, 10–17.
- Болтунова А. И., Каменецкий И. С., Деопик Д. В. 1969. Раскопки западного района Танаиса // Д. Б. Шелов (ред.), Античные древности Подонья–Приазовья. Москва, 3–97.
- Бреде К. А. 1960. Розкопки Гаврилівського городища рубежу нашої ери // АП УРСР IX, 191–203.
- Буйских А. В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь.
- Былкова В. П. 2007. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон.
- Высотская Т. Н. 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
- Высотская Т. Н. 1975. Скифские городища. Симферополь.
- Высотская Т. Н. 1979. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев.
- Высотская Т. Н. 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Вязьмитина М. И. 1986. Городища Нижнего Днепра // С. Д. Крыжицкий, А. С. Русяева, В. А. Анохин, С. С. Бессонова, Е. В. Черненко (ред.), Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 223–240.
- Вязьмитина М. И. 1962. Золота Балка. Поселення сарматського часу на нижньому Дніпрі. Киев.
- Гаврилюк Н. А., Абикулова Н. А. 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Препринт. Ч. I. Киев.
- Гайдукевич В. Ф. 1958. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 г. (МИА 85). Москва – Ленинград, 9–148.
- Горончаровский В. А. 2019. На подступах к столице Боспора. Античная крепость Илурат в Восточном Крыму. Санкт-Петербург.
- Гошкевич В. И. 1913. Древние городища по берегам низового Днепра // ИАК 47, 117–145.
- Дмитров Л. Д. 1955. Раскопки Любимовского городища // КСИА АН УССР 4, 67–69.
- Зайцев Ю. П. 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь.
- Зайцев Ю. П. 2017. Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Ю. П. Зайцев (ред.), Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 121–131.
- Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. 2017. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма // Ю. П. Зайцев (ред.), Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 139–153.
- Ковальчук А. В. 2017. Пространственная планировка и общая хронология поселения «Крутой берег» // Ю. П. Зайцев (ред.), Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 251–257.
- Колтухов С. Г. 1999. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь.
- Кругликова И. Т. 1970. Раскопки поселения у деревни Семеновки // А. И. Мелюкова (ред.), Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. (МИА 155). Москва, 4–81.
- Крыжицкий С. Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Кутайсов В. А., Смекалова, Т. Н. 2019. Древние греки в Северо-Западной Таврике. Симферополь.

- Масленников А. А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. Москва.
- Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Москва.
- Масленников А. А. 2017. Социально-имущественная дифференциация сельского населения античного Боспора по материалам поселенческих структур // Ю. П. Зайцев (ред.), Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 155–168.
- Масленников А. А. 2020. Укрепления городища Полянка // ДБ 25, 229–259.
- Николаенко Г. М. 2001. Хора херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Часть II. Севастополь.
- Николаенко Г. М., Смекалова Т. Н., Терехин Э. А., Пасуманский А. Е. 2020. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. I. Санкт-Петербург.
- Погребова Н. Н. 1958. Позднескифские городища на нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // К. Ф. Смирнов (ред.), Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье (МИА 64). Москва, 103–247.
- Попова Е. А. 1998. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н. э. – I в. н. э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // В. Л. Янин (ред.), Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Москва, 182–195.
- Попова Е. А. 2017. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н. э. – I в. н. э. // Stratum Plus 3, 259–307.
- Смекалова Т. Н. 2013. Динамика системы расселения и иерархия поселений в северо-западном Крыму в позднем бронзовом и раннем железном веках // МАКК VIII/2, 6–16.
- Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. 2015. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. Санкт-Петербург.
- Смекалова, Т. Н., Кутайсов, В. А. 2017. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. Санкт-Петербург.
- Уженцев В. Б. 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.). Симферополь.
- Храпунов И. Н. 1991. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // МАИЭТ II, 3–34, 183–234.
- Храпунов И. Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Керчь – Симферополь.
- Шелов Д. Б. 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. Москва.
- Щеглов А. Н. 1967. Раскопки в Северо-Западном Крыму // АО 1966, 210–212.
- Щеглов А. Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград.
- Яценко И. В. 1970. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА 124, 31–38.

О. М. Ворошилова, А. Н. Ворошилов

ЗОЛОТО В ПОГРЕБАЛЬНОМ КОСТЮМЕ ЖИТЕЛЕЙ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ФАНАГОРИИ*

Аннотация. Статья посвящена костюму жителей позднеантичной Фанагории, украшенному золотом. Женский убор с золотыми бляшками, типичный для варварской аристократии гуннского времени, связан с Боспором и широко известен в комплексах позднеантичного времени. Однако погребений, где элементы костюма сохранились *in situ* немного.

В Фанагории нашивные украшения одежды происходят из девяти престижных погребальных комплексов. Эти материалы позволяют реконструировать женский погребальный костюм Боспора Киммерийского в позднеантичное время. Особую ценность имеет комплекс из северной камеры склепа 315/2019, в котором многочисленные золотые предметы найдены непо потревоженными на шее и груди женщины. Они разделяются на два набора: детали ворота нижней одежды/платья и обшивку ворота верхней одежды (плаща или накидки). Великолепная сохранность этого комплекса украшений позволяет реконструировать особенности фасона одежды.

Золотые детали декора женской одежды гуннского времени, скорее всего, имеют боспорское происхождение. Они близки к церемониальным изделиям из золотой и серебряной фольги, имитировавшим дорогие ременные гарнитуры и монеты в погребальном обряде позднеантичного времени. Фанагорийские материалы дают нам основания выдвинуть гипотезу о распространении в элитарной культуре эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском женского костюма, декорированного золотыми нашивками, который с высокой долей вероятности мог быть погребальным, то есть специально изготовленным для похорон знатных и состоятельных горожанок Боспорского государства того времени.

Ключевые слова. Боспорское царство, Фанагория, некрополь, эпоха Великого переселения народов, женский костюм, золотой декор.

O. M. Voroshilova, A. N. Voroshilov

GOLD IN FUNERAL CLOTHING OF LATE ANTIQUE PHANAGORIA

Abstract. The article deals with gold-decorated clothing used by residents of late antique Phanagoria. Women's attire with golden plaques, which is typical for the barbarian aristocracy of the Hunnic Age, was connected with Bosporos and well known in late ancient complexes. However, there are not so many burials where clothing elements survived *in situ*. In Phanagoria, sewn-on clothing decorations are found in nine prestigious burial complexes. These materials allow us to reconstruct women's funeral clothing used in the Cimmerian Bosporos in Late Antiquity. A complex from the northern chamber of tomb 315/2019 is of special value, since it includes numerous golden items found undisturbed on woman's neck and chest. They are divided into two sets: elements of underclothing/dress collar and strapping of outer clothing (cloak or cape) collar. Very good preservation of this decoration complex allows us to reconstruct the specific features of the clothing style. Golden elements in decorations of Hunnic Age women's clothing are most likely of Bosporan origin. They are close to ceremonial articles made of golden and silver foil, which imitated luxurious belt fittings and coins in funeral rites of Late Antique period. The Phanagorian materials suggest that the women's clothing decorated with golden plaques was widespread in the elite culture of the Migration Period in the Cimmerian Bosporos and could be tailor-made for funerals of noble and wealthy Bosporan townswomen of that time.

Key-words. Bosporan Kingdom, Phanagoria, cemetery, Great Migration Period, women's costume, gold ornaments.

* Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

Устойчивая традиция украшения одежды золотыми бляшками, появившись на Боспоре в первые века нашей эры, сохраняется и в 4–5 вв. Штампованные из тонкой золотой фольги выпуклые бляшки создавали видимость массивных вещей, при минимальной затрате металла.¹ По мнению некоторых исследователей древнего костюма, женский убор с золотыми бляшками, типичный для варварской аристократии гуннского времени, имеет северопричерноморские истоки и более связан с культурой оседлого населения позднеантичных центров, таких как Боспор Киммерийский и Танаис. В гораздо меньшей степени он присущ степным варварам Северного Причерноморья, гуннам и аланам.²

Элементы декора из золотой фольги широко известны в комплексах позднеантичного времени. Однако погребений гуннского времени, где декоративные элементы костюма сохранились *in situ* не так много. В Фанагории нашивные украшения одежды происходят из девяти погребений. К таким украшениям, мы относим не только различные виды бляшек со сквозными отверстиями, но и рубчатые пронизи. Последние, нередко, встречаются в захоронениях совместно с бисером или бусами и могли входить в состав ожерелья. Но как правило, золотые пронизи представлены малым количеством и даже в совокупности с бусами или бисером не могли, на наш взгляд, выступать в качестве полноценного ожерелья. Кроме того, толщина фольги этих элементов золотого убранства в некоторых случаях весьма мала, она позволяет держать форму изделия, но при минимальной нагрузке деформируется и разрушается.

Золотой декор одежды обнаружен в захоронениях нескольких типов. Большинство нашивных украшений происходит из склепов (шесть из девяти), дважды встречены они в подбойных могилах и один раз в могиле с перекрытием. Кратко охарактеризуем погребальные комплексы и рассмотрим археологический контекст найденных в них украшений костюма.

Погребение 50/1937 – двухкамерный грунтовый склеп, который состоял из глубокого прямоугольного дромоса с парой коридоров в противоположных торцевых стенах. Коридоры вели в прямоугольные камеры. Склеп был ограблен в древности, в связи с чем, многие вещи найдены в переотложенном состоянии. Золотая трубчатая бусина была найдена в коридоре восточной камеры.³ В самой восточной камере склепа были расчищены три деревянных гроба с остатками истлевших скелетов. В центральной части камеры среди скопления предметов были найдены другие золотые вещи, среди которых золотая бусина из фольги свернутой в три трубочки (золотая трехчастная пронизь). Западная камера склепа, где стояло два деревянных гроба, так же содержала находки из золота.⁴ Помимо изделий из золота в склепе обнаружены стеклянная и глиняная посуда, бронзовые и серебряные фибулы и пряжки, железные мечи, бронзовое зеркало, остатки деревянных шкатулок и др. Находки позволяют датировать захоронения в склепе концом 4 – первой половиной 5 в. н. э.⁵

Склеп 1/1991 – грунтовый склеп, ориентированный погребальной камерой на северо-запад. В коридоре и на дне дромоса найдены два листка от погребального венка из золотой фольги, фрагменты бронзовых наконечников ремня, большое количество осколков стеклянного сосуда. В погребальной камере обнаружено пять захоронений в деревянных гробах. Золотые пронизи обнаружены на погребенной в гробу 2. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток (к входу). Левая рука вытянута вдоль туловища. Кисть правой руки, согнутой в локте, была положена на кости таза. Ноги – параллельны. У головы найдены золотые серьги. В области шеи находилось ожерелье из бисера и четырех

¹ Хайрединона 2002, 71–72.

² Мастыкова 2014, 147.

³ Смирнов 1938, 56.

⁴ Там же, 57–59.

⁵ Ворошилов, Ворошилова 2015, 31–32.

рубчатых пронизей, изготовленных из тонкой золотой фольги. На пальце правой руки находился золотой перстень с вставкой. На коленных чашечках лежали: бронзовое круглое зеркало, бронзовый пинцет, изготовленный из согнутой пополам пластинки, распавшаяся бронзовая монета. На крышке гроба, в области ног, стояла придонная часть сероглиняного кувшина. В склепе обнаружены и другие золотые, металлические и керамические предметы, позволяющие датировать захоронения в усыпальнице концом 4 – первой половиной 5 в. н. э.⁶

Погребение 29/2005 совершено в подбойной могиле. Шахта правильной прямоугольной формы ориентирована длинными сторонами по линии север–юг. Подбой сделан в западной стенке шахты. Основание подбоя углублено ниже дна шахты. На дне подбоя лежал скелет женщины свыше 55 лет. Ее похоронили вытянуто на спине, ноги были согнуты в коленях, а затем завалились вправо. Левая рука вытянута, правая согнута в локте, ее кисть покоилась на нижней части живота. У головы стояли костяная пиксида, небольшой горшок и сероглиняный кувшин. В верхней части грудной клетки найдены две двойные рубчатые золотые пронизи, стеклянная бусина⁷ и мелкий, распавшийся при расчистке, стеклянный бисер желтого цвета. У левой бедренной кости лежал зуб лошади. Сероглиняный кувшин, украшенный сетчатым орнаментом, и костяная пиксида, вкуче с элементами декора одежды, датируют погребение концом 4 – началом 5 в. н. э.⁸

Погребение 39/2005 совершено в подбойной могиле. Шахта правильной прямоугольной формы ориентирована длинными сторонами по линии север–юг с незначительным отклонением. Подбой сделан в восточной стенке шахты, чуть выше уровня ее дна. Камера имела овальную в плане форму и была ориентирована так же, как и входная шахта. На дне подбоя обнаружено одно погребение. Скелет мужчины (?)⁹ 45–50 лет лежал на спине, вытянуто, головой на север при незначительном отклонении к западу (рис. 1. 1). Правая рука чуть согнута в локте, ее кисть прижата к бедру. Левая рука согнута в локте и отведена в сторону. Ноги были довольно широко расставлены. В изголовье стоял сероглиняный кувшин. В районе шеи погребенного находилась россыпь золотых пронизей, подвесок и бляшек (рис. 1. 2).¹⁰ Расположение золотых предметов под нижней челюстью и на шейных позвонках дает основание относить их к обшивке ворота одежды. Золотые украшения позволяют датировать погребение ступенью D1, скорее всего, началом 5 в. н. э.¹¹

Погребение 142/2010 – грунтовая яма прямоугольной формы, скорее всего, с перекрытием¹². В могиле обнаружено захоронение женщины в возрасте около 30 лет.¹³ Она лежала вытянуто на спине головой на восток, руки – вдоль тела, ноги – параллельны. Под скелетом и над ним зафиксированы следы органического тлена. У восточной стенки могилы, за головой (череп представлял собой костный тлен), были поставлены: краснолаковое блюдо, на котором стояла краснолаковая тарелка и сероглиняный лощеный горшок; рядом с ними находился сероглиняный кувшинчик с зооморфной ручкой в виде птицы. В области шеи найдены пять рубчатых пронизей из золотой фольги (рис. 1. 3), здесь же находились четыре цилиндрические пронизи глухого светлого стекла. У предплечий лежали бронзовые двухпластинчатые фибулы¹⁴, характерные для 4 – начала 5 в. н. э.¹⁵ У лучевых костей правой руки компактно располагался следующий инвентарь: бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула¹⁶; головка еще от одной бронзовой фибулы; две бронзовые монеты Феодосия I (379–395 гг.), обе с отверстиями; железный предмет, сплетенный из круглых в сечении колечек; изделия из бронзы: колокольчик, подвеска в виде плоского диска с 13-ю сквозными отверстиями, подвеска-амулетница, пронизи, колечко. Здесь же обнаружены:

⁶ Шавырина, Ворошилова 2013, 443–447; Ворошилов, Ворошилова 2015, 47–48.

⁷ Алексеева 1978, 62–63 (тип 1), табл. 33, 1. Такие бусы существовали на протяжении всей античной эпохи.

⁸ Медведев 2013, 368; Ворошилов, Ворошилова 2015, 60–61.

⁹ По определению антрополога скелет посредственной сохранности имеет признаки, характерные для мужчины, между тем, особенности погребального обряда свидетельствуют в пользу того, что перед нами женское захоронение.

¹⁰ Находки сданы на хранение в Государственный музей-заповедник «Фанагория» (№ ВХ-99-53).

¹¹ Медведев 2013, 394; Ворошилов, Ворошилова 2015, 61.

¹² Вполне вероятно, погребальное сооружение представляло собой не простую прямоугольную яму, а могилу с «запличками», т. е. с перекрытием. На это указывает большая глубина захоронения от поверхности вкуче с минимальными размерами нижней части могилы, которые удалось зафиксировать при раскопках. Принимая во внимание, что участок на котором обнаружено захоронение очень сильно пострадал от антропогенных факторов можно предположить, что верхняя, более широкая часть могилы и перекрытие были разрушены при сносе курганов на этом участке для строительства очистных сооружений винзавода в советские годы.

¹³ Ворошилова 2011а, 137–145.

¹⁴ Амброс 1966, 83 (вариант 21-1-3, 4).

¹⁵ Ворошилова 2011а, 141, рис. 2. 7, 8.

¹⁶ Амброс 1966, 68 (вариант 16-3-1), табл. 12. 4–6.

Рис. 1. 1 – погребение 39/2005; 2 – погребение 39/2005, детали обшивки ворота *in situ*; 3 – погребение 142/2010, золотые пронизи *in situ*; 4 – погребение 169/2011, золотые пронизи *in situ*

три раковины морских моллюсков с отверстиями, 56 бусин, среди которых амфоровидная подвеска глухого черного стекла с зигзагообразным орнаментом белым стеклом по тулову, две глазчатые бусины, янтарная бочковидная бусина, сердоликовая четырнадцатигранная бусина, костяная амфоровидная подвеска и другие стеклянные бусы. Судя по фибулам и монетам, погребение датируется последней четвертью 4 – началом 5 в. н. э.¹⁷

Погребение 169/2011 – однокамерный грунтовый склеп. В камере стояло пять деревянных гробов. Нашивные украшения найдены в гробу 3. В нем обнаружен скелет ребенка 5–7 лет, который лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток ко входу в камеру. По обеим сторонам черепа погребенного обнаружены две золотые серьги. В области шеи и верхней части груди, примерно на уровне ключиц, зафиксирован ряд декоративных элементов костюма – девять золотых рубчатых

¹⁷ Ворошилова 2011а; Ворошилов, Ворошилова 2015, 66–68.

пронизей, состоящих из трех трубочек каждая (рис. 1. 4) и стеклянные бусы.¹⁸ На плечах находились две бронзовые фибулы-броши. В области тазовых костей обнаружены: бронзовая фибула, колокольчик, два бронзовых браслета, стеклянные бусы.¹⁹ Большое количество предметов погребального инвентаря, обнаруженного в склепе, позволяет датировать его концом 4 – началом 5 в. н. э.²⁰

Погребение 1/2014 – однокамерный земляной склеп. Дромос, коридор и камера располагались по одной оси, ориентированной по линии север – юг. На полу камеры обнаружен тонкий тлен от трех деревянных гробов и одной крышки (?) гроба. Гробы стояли в ряд, параллельно друг другу (рис. 2. 1). Нашивные украшения находились в гробу 1, который стоял вдоль западной стены камеры. Сохранность костных останков в гробах оказалась максимально плохой – тонкий невнятный костный тлен. Такое плачевное состояние скелетов объясняется, вероятно, тем, что свод камеры склепа на Южном некрополе Фанагории простоял вплоть до момента раскопок. То есть около 1500 лет в глубокой полости гробницы сохранялась благоприятная среда для жизнедеятельности микроорганизмов, которые почти полностью уничтожили скелеты. Тем не менее, в южной части гроба найдены рубчатые пронизи из золотой фольги (рис. 2. 2). Вероятно, они находились у головы погребенного, на это указывает форма гроба и конфигурация костного тлена в нем. В местах стыков досок обнаружены продолговатые участки гипса, сохранившие форму щелей между досок. На отпечатках досок располагался костный тлен от скелета взрослого человека. Его конфигурация свидетельствует о том, что человек был уложен головой на юг, в сторону входа в камеру. У колен найден железный нож. Среди других находок в склепе стоит отметить бронзовую пряжку с хоботковидным язычком, найденную в гробу 2 и позволяющую отнести захоронения в склепе к концу 4 – началу 5 в. н. э.

Погребение 315/2019 – двухкамерный грунтовый склеп (рис. 2. 3, 4). Нашивные украшения были найдены в захоронениях, расположенных в обеих камерах склепа.

В одном из семи деревянных гробов – **3/315с/2019**, стоявших в непострадавшей от действий грабителей северной камере склепа (рис. 2. 3), была похоронена женщина, умершая в возрасте около пятидесяти лет. Покойная лежала вытянуто на спине головой на юго-восток к входу в погребальную камеру склепа (рис. 3. 1). Руки вытянуты вдоль тела, ноги параллельны. Между бедренными костями погребенной чуть выше колен на темном органическом пятне найдены: бронзовая игольница, предмет из бронзовой проволоки, мел, железный нож. Все предметы, компактно лежавшие у ног женщины, очевидно, находились в небольшой кожаной сумке-кошельке. Подобные сумки являются распространенным элементом костюма эпохи Великого переселения народов, известны они и в захоронениях жителей позднеантичной Фанагории. Вокруг шеи и на груди женщины поверх её ключиц обнаружено скопление элементов декора из золотой фольги (рис. 3. 2).²¹ Благодаря выдающейся сохранности комплекса при тщательной расчистке удалось зафиксировать положение золотых предметов *in situ*. Выявлено семь разновидностей золотых изделий (3 вида пронизей/подвесок, 4 вида нашивных бляшек) украшавших наряд женщины. Находки локализованы в двух местах. На шее обнаружены пронизи. На груди (по уровню ключиц) сохранилась декоративная композиция из нашивных бляшек.²²

Южная погребальная камера склепа была частично ограблена в древности (рис. 2. 4). Здесь так же найдены остатки семи деревянных гробов. В гробу **1/315ю/2019** обнаружен скелет женщины, уложенной на спину вытянуто головой на северо-запад, ко входу. Скелет сохранился плохо. Руки вытянуты вдоль тела и прижаты к стенкам гроба, ноги параллельно вытянуты (рис. 3. 3). Рядом

¹⁸ Ворошилова 2013, 126, рис. 3. 1, 2.

¹⁹ Там же, 126, рис. 3.

²⁰ Ворошилова 2013; Ворошилов, Ворошилова 2015, 72–73.

²¹ Находки из склепа 315/2019 сданы на хранение в Государственный музей-заповедник «Фанагория» (№ ФМ-КП-110/9-150 АН262-403).

²² Ворошилов, Ворошилова 2021, 42.

Рис. 2. 1 – погребение 1/2014; 2 – погребение 1/2014, золотая пронизь *in situ*; 3 – северная камера склепа 315/2019; 4 – южная камера склепа 315/2019

с головой, вокруг черепа и частично под ним обнаружены треугольные нашивные бляшки из золота (рис. 3. 4), судя по их расположению – окрестность вокруг головы, которая изначально лежала прямо на затылке, бляшки служили украшением головного убора женщины или капюшона ее плаща. Под костями черепа у зубов верхней челюсти на органическом тлене, устилавшем дно гроба обнаружена индикация из золотой фольги.²³ У костей нижней челюсти, на груди по линии ключиц, обнаружены рубчатые пронизы из золотой фольги. Между бедренными костями женщины у ее колен обнаружена «кожаная сумочка», в которой найден железный нож с деревянной рукоятью, крепившейся при помощи двух серебряных заклёпок. Предмет из тонкой бронзовой проволоки согнутой в форме кольца. А также несколько фрагментов стеклянного сосуда. По погребальному инвентарю и конструкции склепа, время сооружения его относится к концу 4 – началу 5 в. н. э.

Следует отметить, что среди материалов из раскопок некрополя Фанагории известен еще один склеп 21/2005.²⁴ В нем был захоронен младенец, одежда

²³ Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2020, 28–29, рис. 1. 2.

²⁴ Медведев 2013, 354–362.

Рис. 3. 1 – погребение 3 северной камеры склепа 315/2019; 2 – золотые украшения из погребения 3 *in situ*; 3 – погребение 1 южной камеры склепа 315/2019; 4 – золотые украшения из погребения 1 *in situ*

которого была украшена золотыми каплевидными бляшками. Автор раскопок датировал комплекс 4 в. н. э., ссылаясь на наличие в нем янтарных грибовидных подвесок, основная масса которых встречается в черняховских комплексах, а также стеклянного кувшина.²⁵ На наш взгляд датировка комплекса может быть скорректирована. Золотые бляшки подобной формы в основном встречаются в захоронениях более раннего времени. В частности, подобные изделия происходят из двух фанагорийских склепов второй половины 1 – первой половины 2 вв. н. э.²⁶, к этому же периоду относятся аналогичные бляшки из Херсонеса.²⁷ Стеклянный сосуд из склепа относится к 1 группе биконических кувшинов по типологии, предложенной Н. З. Куниной.²⁸ Кувшины такой формы характерны для

²⁵ Медведев 2013, 354–362.

²⁶ Трейстер 2015б, 399–400, табл. 21. 4; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2015, 538, 541, табл. 77. 1.

²⁷ Журавлев и др. 2017, 107–108, 293, табл. 60. 200–203.

²⁸ Кунина 1997.

второй половиной 1 в. н. э.²⁹, некоторые экземпляры встречаются в комплексах первой половины 2 в. н. э.³⁰ Грибовидные подвески так же известны в комплексах римского времени.³¹ Таким образом, с высокой долей вероятности, описанный склеп относится к римской, а не позднеантичной эпохе.

Кратко рассмотрев все позднеантичные комплексы Фанагории с золотым декором одежды можно констатировать, что украшения одежды происходят в основном из склепов (шесть из девяти случаев). Семейные усыпальницы по праву относятся к одному из самых престижных и дорогостоящих типов погребальных сооружений Боспора. Не вызывает сомнения, что погребенные в них жители Фанагории относились к городской элите столицы Азиатского Боспора.

Нашивные украшения, в тех случаях, где это удалось зафиксировать, располагались в области головы, шеи и на груди. Среди них можно выделить несколько разновидностей: *рубчатые пронизи, подвески-лунницы, ромбические бляшки, круглая бляха со вставкой (пуговица?), треугольные бляшки, круглые бляшки, сигмовидные бляшки (концевые и рядовые)*.

Рубчатые пронизи – это трубочки, свернутые из тонких золотых пластин, украшенных поперечными валиками. В фанагорийских комплексах такие пронизи встречены в восьми из девяти рассматриваемых комплексов. Среди них представлены пронизи одинарные, двойные, тройные, а также состоящие из четырех параллельных трубочек.

Одинарные трубочки встречены в двух погребениях: 1/1991 и 39/2005 (рис. 4. 1, 2). Их длина варьируется от 0,82–0,85 см до 1,20–1,24 см, диаметр трубочки – 0,19–0,21 см. В склепе 1/1991 найдено восемь пронизей, которые обнаружены в сочетании с гагатовым бисером. Из подбойной могилы 39/2005 г. происходит тридцать семь одинарных пронизей, которые входили в состав обшивки ворота одежды совместно с подвесками-лунницами и ромбической бляшкой.

Двойные пронизи происходят из одной подбойной могилы 29/2005 (рис. 4. 3). Всего найдено две пронизи длиной 1,07–1,09 см, шириной 0,37 см, диаметр трубочки 0,18 см.

Тройные пронизи встречены в трех захоронениях 142/2010, 169/2011, 1/315ю/2019 (рис. 4. 4, 5, 6). Их длина варьируется от 1,13–1,28 см до 1,31–1,38 см, ширина от 0,50 см до 0,79 см, диаметр трубочки 0,20 см. В могиле 142/2010 пять пронизей найдены совместно со стеклянными бусами. Из склепа 169/2011 происходит девять пронизей, которые тоже обнаружены вместе с небольшим количеством стеклянных бус. В погребении 1/315ю/2019 обнаружено 5 таких пронизей.

Пронизи, состоящие из четырех трубочек, открыты в двух склепах: 50/1937 и 1/2014. Три пронизи происходят из склепа 50/1937 (рис. 4. 7), две пронизи найдены в склепе 1/2014 (рис. 4. 8). Их длина 1,2–1,3 см, ширина 0,6 см, диаметр трубочки 0,10–0,15 см.

В тех случаях, когда удалось зафиксировать место положения пронизей, они найдены в области шеи или верхней части груди. Вероятнее всего, эти украшения нашивались на верхний край одежды, так как даже в сочетании с бусами или бисером, количество элементов слишком мало даже для символического ожерелья.

Рубчатые пронизи известны в комплексах эллинистической эпохи Прикубанья и Крыма. Широко представлены они и в захоронениях первых веков нашей эры на территории Северного Причерноморья, Кавказа, Прикубанья,³² Юго-Западного Крыма.³³ В позднеантичную эпоху такие украшения встречаются, как в погребениях некрополей Боспорских городов³⁴, некрополе Танаиса,³⁵ могильниках Крыма, так и на Среднем Дунае.³⁶

²⁹ Кунина 1997, 43–45, 44, рис. 1.

³⁰ Там же, 43.

³¹ Стоянова 2016, 129.

³² Гущина, Засецкая 1994, 104, табл. 5. 51; 130, табл. 31. 292; 147, табл. 48. 442.

³³ Пуздровский 2007, 383, рис. 109. 6; 384, рис. 110. 12, 19; 387, рис. 113. 3; Трейстер 2015а, 126–128.

³⁴ Засецкая 1993, табл. 11.13; табл. 47. 220; табл. 50. 245; табл. 57. 324, 325; Ханутина, Хршановский 2009, рис. 4. 10.

³⁵ Арсеньева и др. 2001, табл. 6. 60; 40. 484.

³⁶ Мастыкова 2014, 143–144.

Подвески-лунницы – имеют пельтовидную форму со штампованным орнаментом в виде рельефных завитков и псевдозерни по краю и в центре. В верхней части находится петля для крепления. Она сформирована из скрученного в трубочку прямоугольного элемента, припаянного к обеим сторонам подвески. Размер подвесок – 1,1–1,4 см в длину, от 1,2–1,3 см в ширину. Лунницы происходят из двух комплексов – 39/2005 и 3/315с/2019. В подбойной могиле 39/2005 найдено одиннадцать подвесок (рис. 4. 9). Они входили в состав обшивки ворота вместе с рубчатymi пронизями и ромбической бляшкой (рис. 5). В погребении 3 из склепа 315с/2019 подвески располагались по обеим сторонам от круглой бляхи с кастом – по четыре экземпляра с каждой стороны (рис. 4. 10; рис. 6. 1). Помимо бляхи, подвески так же сочетались с ромбическими бляшками. Таким образом, в обоих открытых случаях лунницы найдены совместно с ромбическими бляшками. Из погребения 39/2005 происходит одна такая бляшка (рис. 4. 11), а в погребении 3/315с/2019 их обнаружено семь (рис. 4. 12).

Рис. 4. 1–8. Рубчатые пронизы: 1 – погребение 1/1991; 2 – погребение 39/2005; 3 – погребение 29/2005; 4 – погребение 142/2010; 5 – погребение 169/2011; 6 – погребение 1/315ю/2019; 7 – погребение 50/1937 (по Трейстер 2015, 347, табл. 3. 8); 8 – погребение 1/2014; 9 – лунницы из погребения 39/2005; 10 – лунницы из погребения 3/315с/2019; 11 – ромбические пронизы из погребения 39/2005; 12 – ромбические пронизы из погребения 3/315с/2019; 13 – бляшка из погребения 3/315с/2019

Рис. 5. Золотой декор обшивки ворота из погребения 39/2005

Ромбические бляшки, представляли собой коробочки, изготовленные из золотой фольги. В плоскостях торцевых граней по диагональной оси пробиты отверстия для нанизывания или пришивания. Ромбические бляшки имели размеры 0,4–0,5×0,4–0,5 см, толщиной 0,2 см. И лунницы и ромбические бляшки имеют массу аналогий в синхронных комплексах эпохи Великого переселения народов,³⁷ как правило, их находят в женских захоронениях.³⁸

Круглая бляха с вставкой происходит из погребения 3/315с/2019. Она сделана из круглого золотого листа диаметром 1,5 см, на края которого напаян пластинчатый каст шириной 0,2 см, у основания обрамленный напаянной рубчатой проволокой (рис. 4. 13; 6. 1). В касте – вставка из янтаря или стекла (распалась при расчистке). На оборотной стороне припаяны две узкие пластинки (0,2×0,9–1,0 см), образующие параллельно расположенные петли. Диаметр бляхи – 1,5 см, высота – 0,4–0,5 см, масса – 1,48 г. Украшение местами помято, имеется небольшой разрыв, вставка утрачена.³⁹ Среди похожих по форме и технике изготовления предметов стоит отметить драгоценные накладки, происходящие из погребений боспорского некрополя 4 – первой половины 5 в. н. э.⁴⁰, находку из могилы 82 могильника у с. Лучистое⁴¹ и подобный элемент декора из богатого погребения в Северном Дагестане.⁴²

Треугольные бляшки найдены в двух захоронениях, открытых в северной и южной камерах склепа 315/2019. В погребении 3 северной камеры склепа,

³⁷ Мастыкова 2014, 142–143, рис. 4.

³⁸ Ворошилов, Ворошилова 2021, 43–44.

³⁹ Там же, 2021, 43.

⁴⁰ Засецкая 1993, табл. 35. 157д, 159д; табл. 57. 321.

⁴¹ Хайрединова 2006, 69.

⁴² Маслов, Державин 2018, 17, рис. 2.

двадцать девять плотно нашитых друг к другу бляшек входили в состав обшивки ворота. Бляшки имели форму равнобедренного треугольника (рис. 7. 2). На всех трех окончаниях бляшек имеются сквозные отверстия. Бляшки крепились при помощи двух отверстий в верхних углах треугольника. Нижний угол оформлен в виде окружности/петли. Весь периметр бляшки оконтурен рельефным рифленным бортиком псевдозерни. Выпуклый ободок вокруг нижней окружности гладкий, рифление отсутствует. Внутреннее поле щитка бляшки декорировано штампованным рельефом в виде розеток, вписанных в треугольник внутреннего

Рис. 6. 1 – реконструкция расположения бляшек обшивки ворота нижней одежды женщины из погребения 3/315с/2019; 2–4 – золотой декор на груди женщины: 2 – реконструкция расположения бляшек обшивки ворота верхней одежды; 3 – обшивка правой стороны ворота; 4 – обшивка левой стороны ворота

Рис. 7. 1 – треугольные бляшки из погребения 1/315ю/2019;
 2 – треугольные бляшки из погребения 3/315с/2019;
 3 – круглые бляшки из погребения 3/315с/2019

поля композиции, состоящих из выпуклых окружностей: одна в центре и восемь вокруг. Размер треугольных бляшек – 1,3–1,4 см в длину и 1,1–1,2 см в ширину.

В погребении 1, южной камеры склепа 315/2019, найдено девять треугольных бляшек (рис. 7. 1). Размер бляшек – 1,6–1,7 см в длину и 1,1–1,2 см в ширину. Они располагались в области головы покойной и, очевидно, составляли обшивку головного убора женщины.

Круглые и сигмовидные бляшки (концевые и рядовые), вместе с треугольными бляшками найдены в одном погребении 3/315с/2019, где составляли обшивку ворота покойной.

Круглые бляшки – составляли верхний пояс ворота (рис. 6. 2). Всего найдено двадцать семь круглых бляшек диаметром 1,0–1,1 см, нашитых вплотную друг к другу вдоль верхней кромки одежды (рис. 7. 3). Бляшки имеют два сквозных отверстия, расположенные симметрично по краям. На поверхности штампованный рельеф в виде розеток, состоящих из выпуклых окружностей: одна в центре и восемь вокруг. Внешний диаметр оформлен в виде рифленого бортика шириной 1,5 мм, имитирующего зернь.

Сигмовидные бляшки – составляли средний пояс ворота. Выделяется два вида таких украшений сигмовидной формы. Края бортов ворота одежды оформляли две *концевые сигмовидные бляшки* (рис. 8. 1). По своей морфологии они идентичны сигмовидным рядовым нашивкам, только пространство между выступами изготовлено из того же листа фольги. Эти элементы завершают

каждую из сторон (левая/правая) ворота. Их размеры 2,9–3,0×1,1×0,1 см. Сигмовидные рядовые бляшки в количестве сорока пяти штук формировали основное поле золотой «пекторали» воротника (рис. 6. 2; 8. 2). Они имеют выпуклую тисненую форму, окончания выполнены в виде полусфер, на каждой из бляшек имеется по пять сквозных отверстий маленького диаметра. Отверстия располагаются на всех углах и окончаниях бляшек. Размер сигмовидных рядовых бляшек колеблется в диапазоне 2,7–3,1 см в длину и 1,0–1,1 см в ширину.

Описанные выше нашивные украшения позволяют реконструировать женский погребальный костюм позднеантичного времени. Особую ценность представляют бляшки из погребения 3/315с/2019 (рис. 3. 2), где они найдены в наибольшем количестве и располагались *in situ* на шее и в верхней части груди – в области ключиц женщины, в качестве обшивки ворота ее верхней одежды (возможно, плаща или накидки).

В нижней части шеи выявлена декоративная композиция, сформированная линией чередующихся элементов трех видов: круглая бляха с вставкой, подвески-лунницы, ромбические бляшки (рис. 6. 1). Все они имеют конструкцию, позволяющую использовать их в качестве нашивных элементов декора. Анализ элементов золотого декора, найденных на шее знатной фанагорийской женщины

Рис. 8. 1 – сигмовидные концевые бляшки из погребения 3/315с/2019; 2 – сигмовидные рядовые бляшки из погребения 3/315с/2019

из погребения 3/315с/2019, и археологического контекста, в котором они обнаружены, позволяет интерпретировать их как детали ворота нижней одежды/платья. Крупная и достаточно прочная бляшка с янтарной вставкой и двумя петлями на обороте могла выполнять функции пуговицы, при помощи которой верхний край одежды с двумя бортами застегивался, а ее ворот достаточно плотно облегал шею. При этом остальные бляшки обрамляли край лицевой части ворота.⁴³

Обшивка ворота одежды женщины включала три композиционных пояса (рис. 6. 2, 3, 4). Верхний состоял из круглых бляшек, нашитых вплотную друг к другу вдоль верхней кромки одежды. Средний пояс, шириной 3 см состоял из двух видов нашитых бляшек сигмовидной формы, нашитых вплотную друг к другу. Края бортов ворота одежды оформляли две концевые внешние сигмовидные бляшки. Нижний пояс шириной около 1,5 см, выполнен из бляшек треугольной формы, расположенных основанием равнобедренного треугольника вдоль границы пояса сигмовидных бляшек. Положение большей части нашитых бляшек *in situ* позволяет реконструировать не только размеры ворота, но и его форму, особенности конструкции одежды. Ворот имел форму правильной дуги, окружавшей основание шеи женщины по линии ключиц. Положение концевых бляшек внахлест позволяет говорить о том, что одежда могла запахиваться левой стороной на правую. Хотя несколько миллиметров нахлеста ворота скорее свидетельствуют в пользу фасона верхней одежды с бортами встык.⁴⁴

В целом рассмотренные украшения из золотой фольги широко представлены в комплексах позднеантичного времени. Схожие декоративные элементы известны в захоронениях первой половины 5 в. н. э. в некрополях Боспора⁴⁵, Крыма⁴⁶ и Танаиса.⁴⁷ Использование нашитых бляшек для декорирования костюма в гуннскую эпоху было широко распространено на просторах Евразии.⁴⁸

Фанагорийские материалы дают нам основание поддержать мнение Э. А. Хайрединовой, отметившей непрочность золотых нашитых бляшек, и то обстоятельство, что они не предназначались для перешивания.⁴⁹ Детальное рассмотрение нашитых элементов женской одежды свидетельствует о том, что декор из тонкой золотой фольги не мог выдержать нагрузок, связанных с повседневным использованием одежды (даже парадной, одевавшейся далеко не каждый день и ненадолго). Присоединяясь к наблюдениям исследователя, мы не можем полностью принять ее мнение о том, что в гуннскую эпоху хоронили только в прижизненной (не специальной погребальной) одежде.⁵⁰ Скорее всего, эта точка зрения в полной мере справедлива для подавляющего большинства погребальных комплексов рядовых членов общества того времени, но, как нам кажется, такая закономерность не распространяется на элитарную культуру эпохи Великого переселения народов, особенно на Боспоре. Присоединяясь к мнению коллег о боспорском происхождении и производстве золотых деталей декора женской одежды гуннского времени⁵¹, отметим их близость к церемониальным изделиям из золотой и серебряной фольги, имитировавшим дорогие ременные гарнитуры и монеты в погребальном обряде позднеантичного и позднеантичного времени.⁵²

Учитывая крайне низкие эксплуатационные характеристики бляшек из золотой фольги, отсутствие на них следов продолжительного использования (деформации, изломы, разрывы, свидетельства ремонта/замены элементов и др.)⁵³, эта близость не выглядит случайной. Кроме того, важно учитывать, что в позднеантичной столице Азиатского Боспора «погребальная индустрия» была хорошо развита, ее продукция повсеместно встречается в захоронениях горожан, но более всего в престижных гробницах. Нельзя игнорировать и то обстоятельство,

⁴³ Ворошилов, Ворошилова 2021, 44.

⁴⁴ Там же, 2021, 44–45.

⁴⁵ Засецкая 1993, табл. 25. 94–97; 57. 323; 58. 336, 343.

⁴⁶ Айбабин 1994, 112, рис. 9. 19, 20; 1999, 69, рис. 25. 1, 8; Айбабин, Хайрединова 1998, рис. 26. 1; Пуздровский и др. 2001, 40, рис. 2. 18.

⁴⁷ Арсеньева и др. 2001, 85, 122, табл. 6. 58–60; 40. 483–485.

⁴⁸ Мастыкова 2021, 147–149.

⁴⁹ Хайрединова 2006, 72.

⁵⁰ Там же, 53.

⁵¹ Хайрединова 2006, 72; Мастыкова 2014, 147; Сапрыкина 2015, 255–265.

⁵² Ворошилова 2011б, 321–324; Ворошилов, Ворошилова 2018, 138–139; Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2020, 35.

⁵³ В комплексе золотого декора из погребения 3/315с/2019 повторные пробития отверстий зафиксированы на подвеске-луннице, а также на шести треугольных бляшках. Между тем, характер поврежденных треугольных бляшек свидетельствует о том, что, скорее всего, их повредили во время пришивания. Все повторные пробития отверстий в этих элементах производились тонкой иглой в углах основания треугольника, которые крепились в самом неудобном для нашивания месте – вдоль нижней кромки среднего композиционного ряда из сигмовидных бляшек. Т.е. ремонтные отверстия, скорее всего, появились не в результате эксплуатации наряда, а при его создании в результате неудачных действий портного.

что золотом обычно украшена исключительно лицевая сторона одежды, то есть та, которую было видно участникам погребальной церемонии. Перечисленные доводы дают нам основания предположить, что женский костюм позднеантичного Боспора, декорированный золотыми нашивками, с высокой долей вероятности мог быть погребальным, то есть специально изготовленным для похорон знатных и состоятельных горожанок Боспорского государства того времени. Вполне возможно, что у варварской аристократии, народов окружавших Боспор в эпоху Великого переселения народов, аналогичные элементы женского «княжеского» костюма играли несколько иную роль в погребальном обряде.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2020. Золотые индикации из позднеантичного склепа Фанагории // *Нуранис* 2, 27–36.
- Айбабин А. И. 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // *МАИЭТ* 4, 89–131.
- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984. Киев.
- Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ Г1-12). Москва.
- Амброс А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) (САИ Д1-30). Москва.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. Москва.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2015. Золото в некрополе Фанагории // М. Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории (Фанагория 2)*. Москва, 29–76.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2018. Позднеантичное захоронение с погребальным ремненным гарнитуром из Фанагории // *ПИФК* 3, 125–142.
- Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. 2021. Золото в женском погребальном костюме элиты позднеантичного Боспора: новые материалы из Фанагории // *МАИЭТ XXVI*, 40–56.
- Ворошилова О. М. 2011а. Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // *ПИФК* 4 (34), 137–145.
- Ворошилова О. М. 2011б. Об имитациях деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории // В. Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 321–324.
- Ворошилова О. М. 2013. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // *Stratum plus* 4, 125–131.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. Санкт-Петербург.
- Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С. 2017. Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). Москва.
- Засецкая И. П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // *МАИЭТ* 3, 23–104.
- Маслов В. Е., Державин В. Л. 2018. Богатое погребение эпохи Великого переселения народов из Северного Дагестана // *Stratum plus* 4, 333–346.
- Мастыкова А. В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. Москва.
- Мастыкова А. В. 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // *КСИА* 232, 136–150.
- Мастыкова А. В. 2021. Золотые аппликации и трубочки-пронизи в престижном женском костюме в гуннское время // *Археологическое наследие* 1, 146–159.

- Медведев А. П. 2013 Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. н. э. (раскопки 2005 г.) // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 330–402.
- Мордвинцева В. И., Хачатурова Е. А., Юрченко Т. В. 2015. Краснодарский государственный историко-археологический музей им. Е. Д. Фелицына // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 535–555.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. 2001. Новые памятники III–IV вв. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ VIII, 32–50.
- Пуздровский А. Е. 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь.
- Сапрыкина И. А. 2015. Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 208–265.
- Смирнов А. П. 1938. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Государственного Исторического музея в 1937 г. Санкт-Петербург. (Архив ИИМК РАН. Фонд № 2/1937. № 236).
- Стоянова А. А. 2016. Подвески из могильника Нейзац // И. Н. Храпунов (ред.), Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э.–IV в. н. э.). Симферополь, 122–165.
- Трейстер М. Ю. 2015а. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 77–181.
- Трейстер М. Ю. 2015б. Каталог II. Институт археологии РАН // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). Москва, 391–534.
- Хайрединова Э. А. 2002. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма V–VII вв. // МАИЭТ 9, 53–118.
- Ханутина Э. В., Хршановский В. А. 2009. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // В. Ю. Зуев (ред.), Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Санкт-Петербург, 58–69.
- Шавырина Т. Г., Ворошилова О. М. 2013. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 415–479.

Л. А. Голофаст

ХРИСТИАНСТВО В ФАНАГОРИИ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА¹

Аннотация. Крайняя малочисленность связанных с христианством находок и их неравномерное распределение во времени создает значительные трудности при восстановлении истории Фанагорийской христианской общины. Восполнить лакуны до некоторой степени помогают имеющиеся сведения об истории христианства в других центрах Северо-Восточного Причерноморья, неотъемлемой частью которого являлась Фанагория.

Несомненно, новая религия проникает в Фанагорию, как и в другие центры Боспорского царства, в последней четверти 3 в. из Малой Азии, откуда готы, возвращаясь из своих пиратских набегов, привозили пленных христиан. Именно к периоду после морских походов варваров относятся первые зафиксированные на Боспоре признаки христианства: различные вещи с христианскими символами, христианские участки на некрополе в Керчи.

Незначительное количество раннехристианских памятников говорит о том, что в этот период распространение религии в регионе происходило, главным образом, благодаря деятельности миссионеров, и число приверженцев христианства было невелико. С включением Боспора в сферу влияния Византийской империи церковь и государство предпринимают совместные усилия по христианизации региона: скорее всего, именно в это время по обе стороны Керченского пролива строятся церкви, в Фанагории учреждается епископская кафедра и строится христианский храм, внутреннему убранству которого, скорее всего, принадлежали два мраморных резервуара для воды, сигмовидный стол и рельеф с изображением Орфея, найденные при раскопках на «Нижнем городе».

Форма и материал, из которого изготовлен один из найденных резервуаров, позволяет интерпретировать его как крещальную купель. Причем небольшая глубина найденной емкости не означает, что в ней крестили только детей, поскольку в большинстве случаев крещение совершалось без полного погружения: стоявшего в купели крещаемого просто обливали водой. Однако уже с 4 в. при крещении начали использовать стоячую воду, а наполнять купель предписывалось вручную. Поэтому объяснить назначение двух отверстий в фанагорийском резервуаре в случае его использования в качестве купели трудно. Лучше объясняет наличие двух отверстий другой возможный вариант использования резервуара: в качестве реликвария, в котором хранились мощи, их частицы или какие-то другие реликвии. Через верхнее отверстие в реликварий на хранящиеся в нем мощи наливали масло, которое выливалось через отверстие в нижней части.

Что касается чаши с ручками-выступами вдоль края, то подобные емкости, как правило, определяют либо как купели для крещения детей, либо, чаще, как чаши для освященной воды, которую в раннехристианское время использовали для ритуального омовения рук перед входом в храм. Известные автору точные аналогии фанагорийскому сосуду происходят исключительно с территории провинций Мезия Секунда и Фракия. Не исключено, что именно оттуда фанагорийская емкость была привезена войсками, присланными на Боспор Юстинианом для подавления восстания против ставленника Византии Грода.

Мраморный сигмовидной стол с арочной каймой также мог входить в состав инвентаря христианского храма. В церковном обиходе использование таких столов было вторичным, взятым из светской жизни и идет от раннехристианской традиции совместных поминальных трапез, совершавшихся над могилами мучеников. Позже их использовали в храмах в качестве престолов и столов для приношений, а также в трапезных монастырей. Несмотря на то, что сигмовидные столы, в частности столы с арочной каймой, использовали как в светском, так и христианском обиходе, их находки вне контекста обычно связывают с христианскими храмами. Однако в подобных случаях нельзя исключать возможность их использования и в качестве обычного обеденного стола.

¹ Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

Наконец, с христианством может быть связана мраморная плитка с изображением Орфея, образ которого перешел в христианскую иконографию из языческого искусства. Незначительные размеры и сильная потертость фанагорийского фрагмента, к сожалению, не позволяют уверенно определить религиозный статус изображения, который, как правило устанавливают по составу «слушателей» и контексту.

Строго говоря, из перечисленных находок только одну, мраморную чашу с вырезанным крестом, можно отнести к предметам интерьера христианского храмового комплекса безусловно. Сигмовидный стол могли использовать и в христианском культе, и по его прямому назначению – в качестве обеденного стола. Образ Орфея одинаково использовался как язычниками, так и христианами. Разным целям мог служить и мраморный резервуар. Но среди аргументов за и против их использования в христианском культе, все же преобладают первые. Кроме того, обнаружение всех предметов на довольно небольшом участке «Нижнего города» позволяет надеяться на то, что в ходе будущих раскопок здесь будет открыт христианский храм, и таким образом подтвердится предложенная интерпретация найденных предметов.

Храм, к которому, возможно, относились перечисленные находки, по-видимому, был разрушен в середине 6 в. Тогда же, скорее всего, прекратила существование и Фанагорийская епархия. Какие-либо сведения о фанагорийских христианах более позднего времени полностью отсутствуют, но, судя по информации о христианских общинах, имевшихся в других центрах региона, а также в городах Хазарского каганата, были они и в Фанагории, которая в этот период, скорее всего, входила в состав Зихийской епархии. У нас нет свидетельств о притеснениях христиан в городах Хазарского каганата. Наоборот, согласно сведениям, содержащимся в письменных источниках, жизнь христиан там протекала довольно спокойно. О благосклонном отношении хазарской элиты к христианству говорят и браки с византийским императорским домом, в частности брак Юстиниана II и сестры кагана Феодоры, после заключения которого он «уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой» (Theoph. Chron. 704–705; пер. И. С. Чичурова).² Что же касается археологических свидетельств, то число связанных с христианством находок 8–10 вв. чрезвычайно мало, и их невозможно связать непосредственно с христианским населением Фанагории.

Ключевые слова. Христианство, раннесредневековый период, Фанагория, Северо-Восточное Причерноморье, сигмовидный стол, купель, реликварий, чаша для омовений, Орфей.

L. A. Golofast

CHRISTIANITY IN PHANAGORIA. ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE

Abstract. Extremely low amounts of finds related to Christianity and their uneven distribution over time presents difficulties in reconstructing the history of the Phanagorian Christian community. The information on the history of Christianity in other centres of the North-Eastern Black Sea, a region where Phanagoria played a crucial part, can help fill the blanks to a certain extent.

Without any doubt, the new religion arrived to Phanagoria, as well as to the other centres of the Bosporan kingdom, in the last quarter of the third century AD from Asia Minor, when the Goths brought Christians as captives from their pirate raids. The first recorded signs of Christianity in the Bosporos belong to the period after the sea campaigns of the “barbarians”. These include personal possessions with Christian symbols and Christian burial plots in the necropolis in Kerch.

A small number of early Christian monuments points to the fact that during this period the spread of Christianity in the region heavily relied on the activities of missionaries, while the number of christians was still small. Later, after the inclusion of the Bosporos in the sphere of influence of the Byzantine Empire, the church and the state were making joint efforts to Christianize the region: most likely, it was at this time that Christian churches were built on both sides of the Kerch Strait, an episcopal chair was established in Phanagoria and a Christian church was built, decorated with two marble water tanks, a sigmoid table and a relief depicting Orpheus. All this was found during the excavations in the “Lower City” trench.

² Чичуров 1980, 62.

The shape and material from which one of the found tanks is made allows for its interpretation as a baptistery. The small depth of the found container does not necessarily mean that only children were baptised in it, since in most cases baptism was performed without complete immersion. The baptised stood in the font and water was poured over him. However, from the fourth century AD stagnant water was used for baptism, and the font had to be filled manually. It is, therefore, difficult to explain the purpose of the two holes in the Phanagorean reservoir if it was used as a font. Their presence is better explained by another possible use of the tank – as a reliquary. Oil was poured into the reliquary through the upper opening to cover the relics stored in it, and then came out through the opening in the lower part.

Regarding the bowls with protruding handles along the edge, such vessels are considered to serve either as fonts for child baptism, or, more often, as bowls for consecrated water, which, during the early Christian times, were used to wash hands before entering the temple. Their exact analogies, known to the author, come exclusively from the provinces of Moesia Secunda and Thrace. It is possible that it was from there that the Phanagorian container was brought by the troops, which were sent to the Bosphoros by Justinian to suppress the uprising against the Byzantine ruler named Grod.

A marble sigmoid table with an arched border could also be part of the inventory of a Christian church. In church life, the use of such tables was secondary. It comes from secular life, from the early Christian tradition of communal meals served on the graves of martyrs. Later they were used in temples and monasteries as thrones and tables for offerings. Despite the fact that sigmoid tables, particularly those with an arched border, were used both in secular and Christian everyday life, they are usually associated with Christian churches when found out of context. However, one cannot exclude the possibility of them being used as a regular dining table.

Finally, a marble tile with the image of Orpheus, which came to the Christian iconography from pagan art, can also be associated with Christianity. Unfortunately, due to its insignificant size and severe damage, this fragment does not allow us to determine the religious status of the image with any degree of certainty. Usually such assumptions can be made based on the amount of depicted listeners and the find's context.

Strictly speaking, only one of the listed finds, a marble bowl with a carved cross, can be attributed to the items from the interior of the Christian temple. The sigmoid table could be used both in the Christian cult and for its original purpose, as a dining table. The image of Orpheus was used by both pagans and Christians. A marble tank could possibly also serve different purposes. However, between the arguments “for” and “against” its use in a Christian context, the former prevail. In addition, the discovery of all the objects together in a rather small area of the “Lower City” excavation site allows us to hope that, during future excavations, a Christian church will be discovered here, confirming our interpretations.

The temple to which the finds may have belonged was apparently destroyed in the middle of the sixth century AD. At the same time, most likely, the Phanagorian diocese also ceased to exist. There is no information on Phanagorian Christians during later periods, but, judging by the information about the Christian communities that existed in other centres of the region, as well as in the cities of the Khazar Khaganate, Christians were present in Phanagoria, which, during this period was likely a part of the Zikhia diocese. So far, we have no evidence of the oppression of Christians in the cities of the Khazar Khaganate. On the contrary, according to the information from written sources, the life of Christians there was a rather calm one. The favourable attitude of the Khazar elite towards Christianity is also evidenced by marriages with the Byzantine imperial family. Of particular interest is the marriage of Justinian II and the sister of the Khagan, Theodora, after which he “left for Phanagoria and lived there with Theodora”. As for archaeological evidence, the number of finds associated with Christianity from the 8th to 10th centuries AD is extremely low, and it is impossible to connect them directly with the Christian population of Phanagoria.

Key-words. Christianity, Early Mediaeval period, Phanagoria, North-Eastern Black Sea region, sigmoid table, font, reliquary, ablution bowl, Orpheus.

История христианской общины Фанагории никогда подробно не рассматривалась, т.к. кроме подписи епископа Фанагории под актами константинопольского собора 518 года и нескольких надгробий, другие сведения о ней, в том числе археологические, до недавнего времени отсутствовали. Поскольку история городской христианской общины вряд ли отличалась от истории общин других городов СВ Причерноморья, представляется целесообразным прежде чем обратиться к рассмотрению недавних, связанных с христианством находок из Фанагории, вкратце остановиться на том, что известно об истории христианства в СВ Причерноморье в целом.

Христианство на Боспор проникает, по-видимому, в последней четверти 3 в. из Малой Азии, откуда готы, возвращаясь из своих пиратских набегов, привозили пленных христиан³, и где эта религия получила широкое распространение уже во 2 в. В 113 г. Плиний Младший в своем письме к Траяну из Вифинии, где тот участвовал в гонениях на христиан, свидетельствовал, что в провинции Понт было очень много христиан из трудящегося населения городов и сел: «Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям...» (Plin. Epist., X, 96).⁴

В описании мученичества св. Афеногена, хореепископа небольшого поселения Педяхтои (Каппадокия, недалеко от Севастеи (совр. Сивас), казненного в период гонений на христиан в 303–304 гг.⁵, говорится о его путешествии, скорее всего, на Боспор, для выкупа христиан, захваченных германцами во время набега 264 и/или 276 г.: «В то время, когда Афеноген исполнял обязанности хореепископа, ... племя готов совершало набеги на всю страну в течение долгого времени». Во время нашествия готы предали огню церковь, построенную святым в Педяхтое, взяли в плен много мужчин, женщин и детей и увели их в свою собственную страну. Хореепископ, будучи «удручен по поводу увода в плен членов его паствы», собрал средства, необходимые для путешествия в страну варваров, и немедленно отправился в путь.⁶ Свою миссию он выполнил успешно: привел много пленных из страны варваров, «возвратился в свою деревню и их всех вернул братьям и родителям». О захваченных в плен христианах говорит и Григорий Тавматург в т.н. «Каноническом послании», написанном по поводу рейдов боранов и готов на Понт в 256–257 гг.⁸ Филосторгий и Георгий Созомен рассказывают, что среди пленных были люди из клира, которые проповедовали среди готов⁹, и, хотя оба свидетельства касаются «западных» готов, логично предположить, что миссионеры были и среди пленных, попадавших на Боспор. Например, каппадокиец Евтих, которому Василий Великий приписывает заслугу распространения христианства среди восточных готов.¹⁰ Как бы то ни было, но именно к периоду после морских походов варваров относятся первые зафиксированные на Боспоре признаки христианства.

В одном из погребений (могила 36) некрополя у с. Ново-Отрадное найден бронзовый перстень с сердоликовой геммой с изображением двух рыб и креста между ними. Инвентарь, найденный в могиле, типичен для Боспора второй половины/конца 2 – середины 3 вв.¹¹, но находка в нем подвязной фибулы варианта 15/I-5 по А. К. Амброзу¹², датруемая второй половиной 3 в.¹³, не исключает использование склепа до конца столетия. Еще одна гемма с изображением двух рыб с Т-образным крестом между ними была обнаружена на некрополе Китея в склепе 1–2 вв., который был вторично использован во второй половине 3 в.¹⁴ Там же открыт склеп 4 в. с выполненным красной краской изображением креста в круге и буквами «альфа» и «омега».¹⁵

³ Кулаковский 1891, 27; Гайдукевич 1949, 466.

⁴ Цит. по: Плиний Младший 1982, 206.

⁵ Хайрединова 2001, 296–297, 298.

⁶ В Армянской версии мученичества речь идет о нескольких походах Афеногена в варварские земли.

⁷ Айбабин 1999, 46; Хайрединова 2001, 298.

⁸ Творения святого... 1916, 58–61.

⁹ Васильевский 1912, 365–366

¹⁰ Кулаковский 2003, 152; Васильевский 1912, 364–365; Хайрединова 2001, 300–301.

¹¹ Арсеньева 1963, 194–195, рис. 3; 1970, 106–107, табл. 12–10; Юрочкин 2003, 16, рис. 1. 2; Зинько 2017, 62, рис. 43а. 1.

¹² Амброз 1966, 51, табл. 9. 11–13; Арсеньева 1970, 123, табл. 12. 13.

¹³ Айбабин 1999, 47.

¹⁴ Хршановский 1994, 264–265; Юрочкин 2003, 16, рис. 1. 1; Зинько 2007, 57, рис. 2; 2010, 424; 2017, 62, рис. 43а. 2.

¹⁵ Гайдукевич 1952, 229, рис. 99; Диатропов, Емец 1995, 19; Виноградов 2015, 323.

В детском погребении (Золотое Восточное (Сююрташ) на Азовском побережье Керченского полуострова) найдена греческая надпись из 10-ти строк, выполненная темной краской на вложенном в бронзовый цилиндрок лоскуте льна размерами 5,0×4,5 см. Она датируется по характеру письма 3–4 вв. Надпись гласит: «Заклинаю вас Богом живым, всякий дух и призрак и всякий зверь отступит от души этой женщины».¹⁶ Амулеты в форме цилиндрика были широко распространены среди ранних христиан¹⁷, хотя бытовали и в более позднее время. Так, в Скалистинском могильнике такие трубочки с коричневым тленом внутри встречаются наряду с нателными крестами в погребениях 7–9 вв.¹⁸

Из Керчи и Феодосии происходят две геммы с христианскими символами – с изображением птицы и креста, а также человеческой фигуры и креста, датирующиеся 3–4 вв.¹⁹ Кроме того, известна пряжка с квадратной сердоликовой вставкой с изображением креста и двух фланкирующих его птиц, предположительно найденная в районе Илурата²⁰ и датирующаяся временем не ранее середины 4 в.²¹

По-видимому, в 4 в. в Керчи возникли христианские участки на некрополе в районе Глиница, откуда происходит подавляющее большинство христианских надгробий²², по дороге, ведущей к Царскому кургану, и на северном склоне горы Митридат, где вплоть до конца 7 в. хоронили в старых семейных склепах: на участке открыто 11 склепов с христианскими символами, фрагмент стеклянной палеры с изображением юноши (пророка Моисея, по интерпретации Н. П. Кондакова) и двух монограмматических крестов²³, а также около двух десятков христианских надгробий.²⁴ В общей сложности в Керчи найдено около 20 надгробий, датирующихся 4 в., в том числе хорошо известное известняковое надгробие Евтропия, похороненного в окрестностях Пантикапея, с датой смерти 601 г. Боспорской эры, т. е. 304 г. н. э. и небольшим прочерченным крестом.²⁵ Еще более 20 датируются 4–5 вв.²⁶

Известно имя одного из боспорских священнослужителей, дьякона Евсевия, указанное в надгробной надписи 437 года.²⁷

Количество раннехристианских памятников, найденных на азиатской стороне Боспора, незначительно. Это «позднеантичное» надгробие 5–6 вв., найденное у хутора Красный Курган в районе Анапы, с вырезанным на нем крестом на фронте²⁸; посвящение фиасотов четвертой четверти 5 в. (до 491 г.) и надгробие Сотиады второй половины 4–5 в. из Тамани²⁹; владельческая надпись Савага из окрестностей станицы Троицкой (?) 478–479 гг., и, возможно, надгробие Платониды из окрестностей Тамани 4–5 вв.³⁰

В этот период христиане, по-видимому, использовали для богослужений погребальные сооружения, скорее всего, уже заброшенные. Возможно, к таким сооружениям относится, например, Царский курган.³¹ Для христианских богослужений, по мнению ряда исследователей, использовались склеп 32 («склеп с крестами») и так называемое «святилище», открытые на некрополе Илурата.³² Однако, на мой взгляд, для такой идентификации нет необходимых оснований.³³ Достаточно сравнить указанные илуратские погребальные сооружения, например, с храмом, открытым на загородном юго-восточном некрополе Херсонеса на плато Девичьей горы, для которого, безусловно, был переоборудован один из вырубленных в скале склепов.³⁴

Уже к 325 году существовала Боспорская епархия: епископ Кадм (в синайском и арабском списках – Домн), носивший титул Боспорского (Βοσπόρου), то есть епископа всего Боспорского царства, участвовал в I Вселенском соборе

¹⁶ Шкорпил 1898, 10; Латышев 1900, 11; Герцигер 1973, 85, 97, рис. 20.

¹⁷ Диатроптов, Емец 1995, 19.

¹⁸ Веймарн, Айбабин, 1993, 188, рис. 7. 9; 14. 20; 16. 22; 20. 35; 31. 27; 23. 9; 42. 30, 31, 40; 121. 13.

¹⁹ Diatroptov 1999, 224; Зинько 2007, 58; Зинько 2010, 424; Зинько 2017, 62.

²⁰ Зинько 2007, 58, рис. 3; Зинько 2017, 62, рис. 43б.

²¹ Автор признателен И. О. Гавритухину за предоставленную консультацию.

²² Зинько 2010, 425.

²³ Кондаков 1879.

²⁴ Зинько 2007, 59, 62–63 (здесь же см. список литературы о расписных христианских склепах Боспора).

²⁵ Гайдукевич 1949, 465; Диатроптов, Емец 1995, 12; Юрочкин 2003, 20, рис. 2. 5.

²⁶ Виноградов 2015, 266–306, 308, 310–312.

²⁷ Виноградов 1998, 238–239; Зубарь 1999, 324.

²⁸ Салов 1985, 57, рис. 3; Юрочкин 2003, 19, рис. 1. 8.

²⁹ Виноградов 2015, 332.

³⁰ Виноградов, Чхайдзе 2012, 53–54 (здесь же см. ссылки на соответствующую литературу); Виноградов 2015, 333.

³¹ Диатроптов, Емец 1995, 20; Зубарь 1999, 324.

³² Зинько 2007, 60–61.

³³ Кубланов 1979, 95–97.

³⁴ Яшаева, Голофаст, Денисова, Моисеев 2018.

в Никее³⁵, а в 344 г. прибывший на собор в Никомедию безымянный боспорский епископ³⁶ погиб во время землетрясения, которое произошло до начала собора.³⁷ Сообщение о боспорском епископе, который в 358 году участвовал в Никомедийском соборе содержится в «Церковной истории» раннехристианского историка Созомена.³⁸ Известен боспорский епископ Евдоксий середины 5 в., который участвовал в двух константинопольских соборах 448 и 459 гг. и втором эфесском 449 года.³⁹ 483 годом датируется первый известный официальный документ с изображением крестов – надпись в честь Тиберия Юлия Диптуна.⁴⁰

Скорее всего, распространение христианства в регионе происходило в этот период, главным образом, благодаря деятельности миссионеров, число приверженцев христианства было невелико, и языческие верования были достаточно сильны. Об этом, в частности, свидетельствуют домашние жертвенники позднеантичного времени с захоронениями костей животных, которые устраивали в нишах стен или в ларях внутри жилых помещений. Такие жертвенники известны по раскопкам на поселениях Генеральское-Восточное, Зеленый Мыс, Салачик, в бухте у Золотого Восточного I, на мысе Зюк, в Тиритаке. Известны они и на азиатском берегу Боспора.⁴¹ Даже в начале 6 в. на Боспоре стояли идолы из серебра и электра, и попытка их уничтожения ставленником Византийской империи царем живших близ Боспора гуннов Гордом (у Феофана) или Гродом (у Малалы), принявшим крещение в Константинополе, вызвала восстание, в результате которого Грод был убит, а прибывший с ним византийский гарнизон уничтожен.

Для подавления восстания Юстиниан отправил на Боспор войска. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым овладели войска ромеев. Юстиниан установил в Боспоре римское правление («в Босфоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно» (Theoph. 527–528 гг.; пер. И. С. Чичурова).⁴² Стремясь закрепить контроль над проливом, он заново отстраивает крепостные стены Боспора, учреждает имперскую администрацию в портовом городе на азиатском берегу Боспорского пролива и включает его в строительную программу.

Для усиления власти империи в регионе церковь и государство предпринимают уже совместные усилия по христианизации региона. Скорее всего, именно в это время по обе стороны Керченского пролива возводятся христианские базилики.⁴³ На *европейской стороне Боспора* в Керчи несколько севернее храма Иоанна Предтечи открыты остатки базилики 6 в.⁴⁴, а в 1833 году в 100 метрах к юго-западу от того же храма был открыт, но позже разобран еще один храм, который, судя по базиликальной трехнефной композиции и находке большого количества обломков мраморных архитектурных деталей, также относится к ранневизантийскому времени.⁴⁵ В Тиритаке обнаружена трехнефная базилика с двумя рядами колонн и купелью.⁴⁶ Следует отметить находку в Тиритаке сосуда типа фляги рубежа 5–6 вв. с граффити с посвящением св. Феодору (Тирону?).⁴⁷ Возможно, базилика была на поселении Зеленый Мыс, которое гибнет в 570–580 гг.: на третьей террасе поселения была открыта постройка из хорошо обработанных прямоугольных блоков известняка и найдены замковый камень арки и феодосианская мраморная капитель.⁴⁸ Причем капитель была незавершенным изделием (не проработаны стреловидные листья и нет отверстия для крепления к стволу колонны).⁴⁹

Азиатская сторона Боспора. Существование ранневизантийской базилики в Гермонассе позволяют предполагать находки в Тамани и ее окрестностях колонн и нескольких капителей из проконнесского мрамора, датирующихся 6 в.,

³⁵ Тохтасьев 1999, 90–91; Зинько 2007, 59; Виноградов 2018, 49–52.

³⁶ По мнению В. М. Зубаря, в данном случае имелся в виду Боспор Фракийский (Зубарь 1999, 323).

³⁷ Кулаковский 1891, 28; Виноградов 2010, 140; Айбабин 2016, 305.

³⁸ Созомен 1948, 305.

³⁹ Кулаковский 1891, 28; Зубарь 1999, 325; Зинько 2010, 42.

⁴⁰ Кулаковский 1891, 28; Виноградов 1998, 245.

⁴¹ Емец, Масленников 1992, 32–42.

⁴² Чичуров 1981, 51.

⁴³ Зубарь 1999, 325; Зинько 2010, 429.

⁴⁴ Макарова 1982, 98–99; 1991, 136; 1998, 388, рис. 20.

⁴⁵ Науменко, Пономарев 2013а, 249–250; 2013б, 295–309, рис. 2. 3.

⁴⁶ Гайдукевич 1940, 190–200; 1952, 67–72.

⁴⁷ Диатроптов, Емец 1995, 19; Емец 2002, 83–84.

⁴⁸ Масленников, Мокроусов, Сазанов 1999, 395–396.

⁴⁹ Мокроусов 2000, 99–101.

а также фрагмента каменного рельефа с изображением держащего плат ангела с нимбом и двумя крыльями, датированного А. В. Банк 5–6 вв.⁵⁰ В Ильичевской крепости также был построен христианский храм, о чем свидетельствуют мраморные архитектурные детали.⁵¹ Кроме того, в доме начальника гарнизона на стене сохранились остатки сгоревшего деревянного креста, а в одном из помещений казарм открыта молельня с основанием для аналоя, нишей в стене над ним и изображением руки в благословляющем жесте. Найден также энколпион сирийского производства 6 в.⁵²

По-видимому, с Византией, которая с начала 6 в. предпринимала попытки по включению Боспора в сферу своего влияния, следует связывать учреждение епископской кафедры в Фанагории: подпись епископа Фанагории Иоанна⁵³ стоит под документами константинопольского собора 518 г.⁵⁴

Присутствие в Фанагории епископа подразумевает наличие в городе христиан и, как минимум, одного храма. Однако количество известных до недавнего времени христианских памятников, найденных на территории Фанагории, на удивление, крайне незначительно. Это известняковая стела с вырезанными на ней крестом и греческой надписью: «Господи, помоги Феодоту» 2-й пол. 4–5 в., случайно найденная в районе Западного некрополя, где, возможно, располагалось христианское кладбище⁵⁵, и мраморная плита с греческой надписью: «Господи, помоги рабу Твоему Кириаку капитану, всем морякам и Георгию грешнику», относящаяся к 6–7 вв.⁵⁶ 481 годом датируется надгробие Евферия, найденное в поселке Сенной.⁵⁷ Из окрестностей хут. Соленого происходит надгробие Устана 4–5 вв.⁵⁸

Что же касается храма, то до недавнего времени каких-либо археологических следов его наличия в городе выявлено не было. Только в 2019 и 2021 гг. в ходе исследований на раскопе «Нижний город» было найдено сразу несколько памятников, которые могли принадлежать внутреннему убранству христианского храма⁵⁹. Храм, по-видимому, был разрушен в середине 6 в. Тогда же, скорее всего, прекратила свое существование и Фанагорийская епархия.⁶⁰

Прежде всего, это два мраморных резервуара для воды, которая была задействована в нескольких церковных обрядах: крещение, водосвятие⁶¹, омовение перед входом в храм и омовение рук священников и связанной с евхаристией церковной утвари. Хотя перечисленные ритуалы включали ряд одинаковых элементов, их совершение в одной емкости было невозможно, поскольку каждый включал ряд особенных, присущих только ему действий. Это объясняет тот факт, что крещальные купели, фиалы и бассейны для омовений располагались, как показали археологические раскопки, в разных частях храмового комплекса и представляли собой самостоятельные инсталляции.⁶² Иногда предназначенные для разных обрядов емкости стояли в одном помещении, например, в нартексе, но при этом в разных местах, как, например, в храме Богородицы 12 в. в Афинах, где крещальная купель и емкость для освященной воды стояли в разных концах нартекса.⁶³ Поскольку емкости, предназначенные для использования в разных ритуалах, часто были схожи по форме и размерам, точно определить, в каком именно обряде использовались резервуары, найденные, как в Фанагории, вне контекста⁶⁴, чрезвычайно трудно, если вообще возможно.

Водосвятие совершалось на праздник Крещения Господня (Богоявления) 6 января, в память об освящении вод Иордана при крещении Иисуса Христа.⁶⁵ Освящение воды совершалось у источника, фонтана питьевой воды, который, как правило, представлял собой открытый каменный бассейн и располагался

⁵⁰ Коровина 1999, 60; 2001, 29; Ендольцева, Чхаидзе 2016, 56–60, рис. 1. 1, 3–5; 2. 1–5; Чхаидзе, Виноградов, Елшин 2017, 260.

⁵¹ Николаева 1988, 14; 1989, 87.

⁵² Николаева, Десятчиков 2001, 84–85.

⁵³ Васильевский 1912, 384, прим. 2.

⁵⁴ В Константинополе, где проходила не только большая часть Вселенских соборов, на которых, как правило, был представлен весь епископат империи, проводились также поместные Соборы и «синоды эндимуса» (σύνοδος ἐνδήμουσα), которые отличались тем, что на первый специально вызывались епархиальные архиереи, а на второй призывались архиереи из числа временно находившихся в столице по своим делам митрополитов и епископов (Асмус, Никифоров 2015, 299, 304–305). Константинопольский собор 518 года, на котором присутствовал Фанагорийский епископ, относился к числу последних.

⁵⁵ Чхаидзе 2006, 53–55, 58–60, рис. 2, 3, 8–10; Виноградов, Чхаидзе 2012; Виноградов 2015, 325.

⁵⁶ Виноградов 2015, 325; Чхаидзе 2015а, 422.

⁵⁷ Виноградов 2015, 326.

⁵⁸ Виноградов, Чхаидзе 2012, 53–54 (здесь же см. ссылки на соответствующую литературу); Виноградов 2015, 328.

⁵⁹ Автор глубоко признателен автору раскопок В. Д. Кузнецову за предоставленную возможность изучить и опубликовать материал из его раскопок.

⁶⁰ Голофаст 2021, 52–53.

⁶¹ В современной церкви практикуются Великое и Малое водосвятие, но поскольку чин Малого водосвятия сформировался только в 11–12 вв. (рукописи Евхология, отражающие доиконоборческую практику, его не содержат (Желтов 2005, 145), я буду рассматривать только чин Великого водосвятия.

⁶² Bogdanović 2017, 373.

⁶³ Kandić 1998–1999, 62.

⁶⁴ Значительное количество, преимущественно беспаспортных емкостей, предназначенных для совершения различных христианских обрядов, опубликованы В. Руджери, который интерпретирует их как бассейны для обряда Водосвятия и для хранения освященной воды (Ruggieri 2017). Некоторые из них схожи с фанагорийским резервуаром.

⁶⁵ Kandić 1998–1999, 61.

перед храмом в атриуме. В раннехристианских письменных источниках такой фонтан называли терминами, обозначающими живую воду (фонтан, источник, колодец), чаще всего *phiale* (фиал). Такой фиал располагался, например, в атриуме Софии Константинопольский. Согласно описанию св. Софии византийского поэта 6 в. Павла Силенциария, в нем освящалась вода на Богоявление, после чего народ уносил ее домой.⁶⁶ Считается, что вода, освященная в день Крещения Христа, который начали отмечать как отдельный праздник в 4 в., обладает особой силой. Ее предписывалось хранить весь год.⁶⁷ В Константинополе еще один фиал был обнаружен при раскопках в квартале Манганы, где перед западным фасадом большого храма монастыря св. Георгия, сооруженного при императоре Константине IX (1042–1059), был открыт прямоугольный продолговатый атриум, в центре которого размещался фиал восьмигранной формы с колоннами на углах и бассейном посередине.⁶⁸ Фиал обнаружен в атриуме епископской базилики Херсонеса. Херсонесский фиал имел слив, через который вода сливалась в грушевидную цистерну, а с северной стороны из него выходила свинцовая труба, по которой воду подавали, очевидно, в саму базилику.⁶⁹ Позже, ритуал водосвятия совершался и в расположенной в нартексе храма емкости без слива, где освященная вода хранилась весь год.⁷⁰

Однако здесь следует обратить внимание на тот факт, что воду в фиале в канун Крещения начали освящать с 6 в. Точнее к 6 в.⁷¹ этот обряд получает широкое распространение⁷², а первоначально фиал служил для омовений входящих в храм верующих. Практика омовения рук, а иногда и ног, перед входом в священное пространство была заимствована христианством из античности и практиковалась христианской церковью с 4 в.⁷³ Самое раннее упоминание о фонтанах, используемых для ритуального омовения, содержится в *Historia Ecclesiastica* Евсевия Кесарийского, где описывается собор в Тире (Ливан), возведенный между 313 и 322 гг.: «39. Впрочем, вошедшему через ворота внутрь он (т. е. Тирский епископ Павлин. – ЛГ) не позволил сразу же вступать в святилище нечистыми и неомытыми ногами, но, оставив между храмом и воротами ограды весьма большое место... 40. Здесь, напротив храма, поместил он символы святого очищения, т. е. устроил источники, обильно дающие воду для омовения вступающим в церковный двор» (Euseb.10. 4, 38–40; пер. М. Е. Сергеенко).⁷⁴ По-видимому, фиал и после 6 в. использовали не только при совершении ритуала водосвятия, но и продолжали использовать для омовения рук, ног и лица. В этом смысл надписи на фиале Св. Софии: ΝΙΨΟΝ ΑΝΟΜΙΜΑΤΑ ΜΙ ΜΟΝΑΝ ΟΨΙΝ (Омой свои грехи, а не только лицо).⁷⁵

Наряду с омовением в фиале в восточной церкви практиковался обряд омовения рук перед молитвой, заключающийся в погружении пальцев в воду перед тем, как перекреститься при входе в храм. В этой связи любопытно свидетельство Паулина Нольского (353–431; римский сенатор, консул, христианский поэт), который в *Epistolae* описывает *cantharus* для омовения рук в атриуме собора св. Феликса в кладбищенском комплексе Симитиль (Кампания, Италия), построенном около 402 г.⁷⁶ Уже во 2 в. один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей, теологов и апологетов Тертуллиан (155/165–220/240) посвятил две главы омовению рук перед молитвой в трактате «О молитве» (*De Oratione*), где пишет о бесполезности омовения рук без очищения души: «Впрочем, как можно допустить, чтобы для молитвы нужно было умыть только руки, а между тем совесть оставить неочищенную? Тут умыть руки значит в духовном смысле то, чтоб они чисты были от крови, убийства, жестокостей, идолопоклонства

⁶⁶ Mango 1972, 85; Kandić 1998–1999, 62; Желтов 2005, 142.

⁶⁷ Kandić 1998–1999, 61–62.

⁶⁸ Седов 2017, 401.

⁶⁹ Автор глубоко признателен С. Г. Рыжову за предоставление пока неопубликованной информации об особенностях херсонесского фиала.

⁷⁰ Kandić 1998–1999, 65.

⁷¹ По свидетельству Павла Силенциария (6 в.), уже в конце 4 в., во времена Иоанна Златоуста, верующие приходили (к фиалу) в полночь в канун 6 января и при свете многочисленных свечей набирали непортящуюся чудотворную воду (Millet 1905, 110).

⁷² Millet 1905, 109; Ruggieri 2017, 306.

⁷³ Broilo 2009, 6–7, 10.

⁷⁴ Евсевий Памфил 1993.

⁷⁵ Kandić 1998–1999, 62; Bogdanović 2017, 375.

⁷⁶ Broilo 2009, 8.

и всех других скверн, которые, зарождааясь в духе, исполняются посредством рук» (Tertul. De Oratione 11; пер. Е. Карнеева).⁷⁷

Для омовения рук использовалась мраморная, каменная или глиняная емкость, которая, как правило, стояла в нартексе, у входа в основное помещение храма.⁷⁸ Так, в базилике Галаты она найдена непосредственно слева от двери, ведущей из нартекста в основное помещение.⁷⁹ В Ибиде (Румыния) основание разбитого глиняного бассейна, верхняя часть которого была найдена в центре нартекса, также было найдено *in situ* слева от входа в неф.⁸⁰ Суть обряда требовала, чтобы вода, использовавшаяся в этих целях, была всегда свежей и, очевидно, освященной священником, поэтому большинство более или менее хорошо сохранившихся емкостей для омовений имеют отверстие для быстрой смены воды.⁸¹ Позже эта традиция распространилась по всей территории Византийской империи. В Восточной православной церкви этот обряд был утрачен, скорее всего, в иконоборческий период, но сохранился до нашего времени в римской католической церкви⁸², которая использует для этих целей небольшую каменную емкость, расположенную у входа.

Ритуал омовения рук священников и архиепископов, церковной утвари, стола для приношений и расположенных на нем предметов совершался с раннехристианского времени.⁸³ Емкость для его совершения располагалась в алтаре или дьяконнике, как, например, в крестообразных храмах Херсонеса (т. н. храме с ковчегом, № 19, загородном храме), при которых имелись помещения с апсидой и резервуаром.⁸⁴

Крещение. Крещальные купели на раннем этапе истории христианства представляли собой большие полностью заглубленные в землю бассейны (писцины). Часто их выкапывали в земле или вырубали в скале, как, например, в Херсонесе в баптистериях епископской (т. н. Уваровской) и Западной базилик⁸⁵, и выкладывали мрамором. Располагались они в отдельно стоящих зданиях – баптистериях. Позже, когда число взрослого некрещеного населения уменьшилось, и отпала необходимость в больших купелях, их размеры уменьшились, их начали запускать в землю только частично, и в конце концов нормой стали купели, полностью возвышающиеся над полом. В течение некоторого времени они сохраняли вид бассейнов, но со временем становились все меньше и меньше, и начали больше напоминать небольшие ванны или баки.⁸⁶ Тенденцию к уменьшению крещальных купелей исследователи отмечают уже в 5 в. и, особенно, в 6 в.⁸⁷ Так, небольшие купели открыты в Херсонесе в Западной базилике, Базилике 1935 года, Базилике в базилике.⁸⁸ Такие купели могли быть самых разнообразных форм, иногда довольно грубо обработанными, с минимальным орнаментом или вообще лишенными декора и каких-либо христианских символов.

Сам обряд совершался либо путем трехкратного полного погружения крещаемого в воду, либо, в случае использования купелей небольших размеров, обливании его водой.⁸⁹

Теперь обратимся к рассмотрению резервуаров, найденных в Фанагории.

1. Один из них, найденный в 2019 г. на раскопе «Нижний город» в южном борту квадрата Г1, имеет трапецевидную форму с округлыми стенками (сохранились две боковые и задняя стенки; передняя отсутствует), плавно переходящими на внутренней стороне к плоскому дну (рис. 1).⁹⁰ Боковые грани имеют широкий бортик с двумя полукруглыми вырезами. Поверхность отшлифована, но сохранились следы инструмента. В левом нижнем углу, на задней стенке, на сгибе перехода к дну – круглое отверстие диаметром 3,8–4,5 см; второе

⁷⁷ Творения Тертуллиана 1849, 39–40.

⁷⁸ Minchev 2018, 131.

⁷⁹ Ibid., 131, fig. 6.

⁸⁰ Opaït, Opaït, Bănică 1992, 117, Taf. 25, Abb. 9; Minchev 2018, 131, fig. 6.

⁸¹ Minchev 2018, 132, figs. 1, b, e; 2, c.

⁸² Kandić 1998–1999, 62; Minchev 2018, 133.

⁸³ Kandić 1998–1999, 76.

⁸⁴ Бертъе-Делагард 1907, 22–24; Домбровский 1993, 292; Завадская 2002, 264, 265 и др.

⁸⁵ Завадская 2002, 257.

⁸⁶ Stauffer 2010, 13.

⁸⁷ Завадская 2002, 258.

⁸⁸ Рыжов 1997; Завадская 2002, 259, 263.

⁸⁹ Stauffer 2010, 10.

⁹⁰ Государственный музей-заповедник «Фанагория», ФМ-КП-71/11 А2134 ГК 20431185.

Рис. 1. Мраморный резервуар, найденный в Фанагории на раскопе «Нижний город»

круглое отверстие диаметром 3,0–3,3 см – в середине задней стенки под краем. Стенки отверстий с продольными желобками. Глубина резервуара – ок. 45 см; ширина в нижней части, непосредственно над дном – 63 на 40 см; толщина задней стенки – ок. 9,8 см; ширина боковых бортиков в широкой части – 15,4 см; в узкой (там, где вырезы) – 9,9 см; высота – около 55 см; ширина боковых граней в верхней части – 80,5 см. Сделан из цельного блока мрамора.

С учетом формы резервуара и материала, из которого он изготовлен, его можно интерпретировать как крещальную купель, хотя отсутствие христианских символов, которые, если они все же были, размещались на отсутствующей передней стенке, не позволяет это утверждать с полной уверенностью. Однако, хотя следует повторить, что купели часто были лишены каких-либо изображений. Для умовения рук священников и церковной утвари и омовения рук прихожан перед входом в храм он слишком велик и глубок, а для совершения обряда водосвятия слишком мал.

Как уже отмечалось, купели небольших размеров принято относить к тому времени, когда число взрослого некрещеного населения было минимальным, и на смену крещению взрослых пришло крещение детей. Однако глубина большинства известных купелей 4–5 вв., т. е. в период, когда крестили преимущественно взрослых, не превышает 1 м (обычно меньше: в базилике в Цебельде, например, глубина обнаруженной там купели составляет 0,53 м, в Фивах – всего 0,35 м, в баптистериях Северной Африки она варьируется от 0,37 до 1 м.⁹¹ Современные исследователи полагают, что в большинстве случаев крещение совершалось без полного погружения: стоявшего в купели крещаемого просто обливали водой⁹², что, несомненно, было скидкой на городские условия, где не всегда имелась «живая», т. е. проточная вода.⁹³ Причем, такой способ практиковался с самых ранних христианских времен. В Дидахе (полное название – «Учение Господа через двенадцать апостолов язычникам»), самом раннем из известных (конец 1 – начало 2 вв.) памятнике церковного права и христианского богослужения, говорится, что крестить надо: «... в проточной (живой) воде. Но если нет проточной воды, крести – в другой. Если не можешь в холодной, используй теплую. Но если нет ни той, ни другой, то трижды возлей воду на голову во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Did. 7, 1–3; пер. по: Ehrman 2014). Именно таким образом могли совершать крещение взрослых в фанагорийской купели: крещаемый просто стоял в купели примерно по колено в воде и его обливали водой. Подобный обряд изображен на одном из рельефов алтарной преграды 9 в. в храме

⁹¹ Хрушкова 1982, 166–167.

⁹² Ткаченко 2015, 360; Khrushkova 2017, 51.

⁹³ Zimmermann 2020, 86.

Рис. 2. Изображение сцены крещения на одном из рельефов алтарной преграды 9 в. в храме Сант-Амброджо в Милане (по: Hahn 1999, fig. 6)

Сант-Амброджо в Милане: крещаемый стоит в схожей по размерам с фанагорийской купели по колено в воде, а стоящий на скамеечке священник поливает его сверху водой из кувшина (рис. 2). Именно такой порядок совершения обряда крещения был самым распространенным.⁹⁴ В более раннее время вместо кувшина, по-видимому, использовали небольшие патеры, типа уже упоминавшейся, найденной на северном склоне горы Митридат, которую Н. П. Кондаков связывает с обрядом крещения, о чем свидетельствует как изображенный на ней Моисей, изводящий воду из камня, так и изображения именно таких сосудов в сценах крещения на раннехристианских памятниках, в частности на мозаике купола Баптистерия православных (середина 5 в.) в Равенне.⁹⁵ Скорее всего, для священника, совершавшего обряд крещения, была предназначена ступень, расположенная с восточной стороны купели в Западной базилике Херсонеса.⁹⁶

Если в фанагорийской купели крестили взрослых, то возникает вопрос, как крещаемый в нее забирался. Дело в том, что наружные лестницы в купелях нигде не практиковались, и высота купелей обуславливалась степенью их заглубления в пол.⁹⁷ Т. е. если в фанагорийской купели наряду с детьми крестили взрослых, то она была заглублена. Однако никаких следов, свидетельствующих о расположении нижней ее части ниже уровня пола, в настоящий момент не видно.

Что же касается формы фанагорийского экземпляра, то такие купели простейших геометрических форм (квадрат, прямоугольник, круг) были распространены с раннехристианского времени. Они могли быть как простых очертаний без орнаментики, так и с различными украшениями, вогнутыми стенками и проч. Причем прямоугольная форма считается самой ранней.⁹⁸ Кубическая форма

⁹⁴ Хрушкова 1982, 167.

⁹⁵ Кондаков 1879, 70–71.

⁹⁶ Завадская 2002, 258.

⁹⁷ Хрушкова 1982, 167.

⁹⁸ Самая ранняя купель прямоугольной формы датируется серединой 3 в. (Дура Европос: Stauffer 2010, 14–15, 17).

купелей была характерна, например, для Сиро-Палестинского региона (список подобных купелей с соотв. литературой см. Ткаченко 2015, 360). Из ближайших регионов прямоугольные купели небольших размеров, по форме очень схожие с фанагорийским экземпляром, были особенно характерны для Восточной Грузии, где их, как правило, вырезали из цельного каменного блока. Следует отметить, что среди них встречаются экземпляры без христианских символов и вообще без каких-либо изображений.⁹⁹ В Херсонесе также была найдена «мраморная четырехугольная, продолговатая купель с отверстием для стока воды и изображением креста на каждой из узких сторон, как на капителях».¹⁰⁰

Смущает наличие в фанагорийском резервуаре двух отверстий (в нижней и верхней части задней стенки). Логично предположить, что они были предназначены для заполнения резервуара водой и ее слива, т. е. создания эффекта «живой», т. е. проточной воды, в которую, согласно древним текстам, должно было три раза погружать крещаемых. Однако это традиция характерна, преимущественно, для первых трех столетий истории христианства. С 4 в. с изменением архитектуры зоны крещения начали использовать стоячую воду.¹⁰¹ Причем если после крещения воду из купелей выводили через специальные сливы в какое-то определенное «непопираемое» место¹⁰², то наполнять купель предписывалось вручную, и отступления от этой практики были очень редки.¹⁰³ Например, большая купель в баптистерии Уваровской базилики в Херсонесе наполнялась вручную водой, хранившейся в цистерне, расположенной за южной стеной баптистерия¹⁰⁴ и не имевшей выводящей трубы.¹⁰⁵

Наличие двух отверстий в верхней и нижней части рассматриваемой емкости позволяет предложить еще один возможный вариант ее использования: в качестве реликвария¹⁰⁶, в котором хранились мощи, их частицы или какие-то другие реликвии. Возможно, большой резервуар служил одновременно «футляром» для реликвария меньших размеров и основанием алтарной мензы.¹⁰⁷ Такое основание имела, например, алтарная менза в храме Сан-Витале в Равенне.¹⁰⁸

Подобные реликварии снабжались системой трубок, которые позволяли через отверстие в крышке наливать масло на хранящиеся в них мощи, которое затем через отверстие в нижней части выливалось.¹⁰⁹ Такие реликварии были особенно популярны в городах Известнякового массива на севере Сирии, где в ходе раскопок их находят *in situ* десятками. Известны их находки и в других регионах, в частности в Марселе. Одна находка такого реликвария происходит из Западного Причерноморья: в Нове (Болгария) в баптистерии, расположенном внутри епископской базилики, была найдена известняковая крышка реликвария сиро-палестинского типа. По определению А. Минчева, в форме саркофага довольно больших размеров: длина крышки – 0,66, ширина – 0,42 см, высота – 0,32 см. В одной из ее стенок просверлено сквозное отверстие, предназначенное для литургического обряда омовения маслами хранящихся в реликварии мощей неизвестного святого.¹¹⁰

2. Трудно однозначно определить назначение еще одной емкости, фрагмент которой был найден в 2021 году на берегу Таманского залива постоянным участником Фанагорийской экспедиции Д. Лихтиным. Это окатанный фрагмент чаши полусферической формы с плоским краем и массивным выступом с почти квадратным в плане верхом и конической нижней частью (судя по аналогиям, чаша имела четыре таких ручки-выступа, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга вдоль внешнего края) (рис. 3. 1, 2). На верхней поверхности выступа вырезан равноконечный крест с расширяющимися концами. Мрамор белый мелкозернистый. Толщина стенки – 2,7 см.

⁹⁹ Berdzenishvili 2011, 159, 160, fig. 5, 6, 9, 11, 13, 14, 18–20.

¹⁰⁰ ОАК за 1991 год, 4.

¹⁰¹ Berdzenishvili 2010, 581; 2011, 160.

¹⁰² Kandić 1998–1999, 62, 63; Ткаченко 2015, 360.

¹⁰³ Хрушкова 1982, 167; Завадская 2002, 265.

¹⁰⁴ Косцюшко-Валюжинич 1902, 93; Бертье-Делагард 1907, 86–87; Завадская 2002, 266.

¹⁰⁵ Автор признателен С. Г. Рыжову за консультацию.

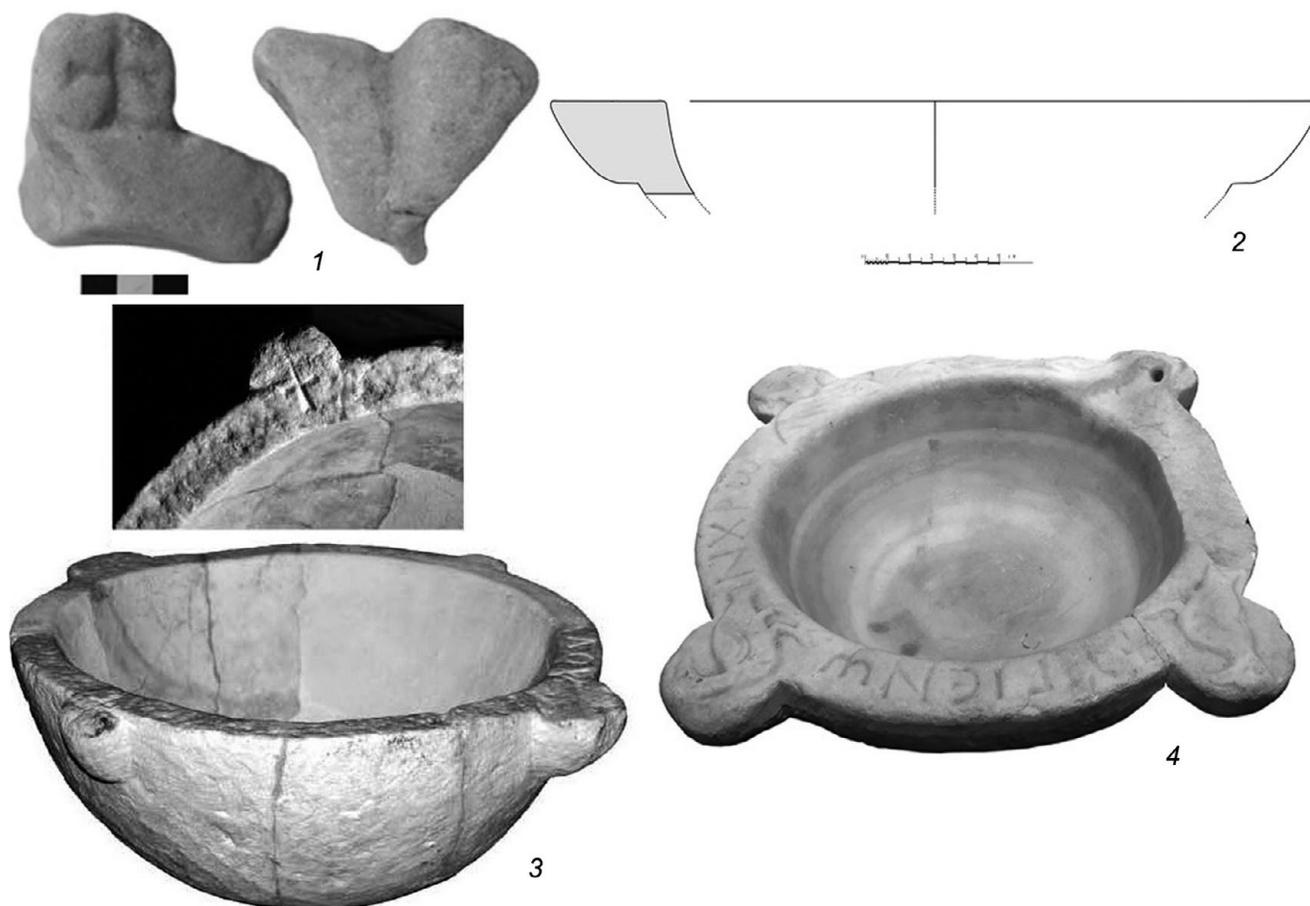
¹⁰⁶ Приношу искреннюю благодарность А. Ю. Виноградову, предложившему этот вариант использования фанагорийского резервуара и предоставившему значительное число публикаций о реликвариях разного типа.

¹⁰⁷ Обычно мензы располагались на специальных постаментах с нишей для реликвии в передней части.

¹⁰⁸ Бернацкий 2004, 12.

¹⁰⁹ Moliner 2006, 132, fig. 68.

¹¹⁰ Minchev 2003, № 20, 30–31, 57; Biernacki 2006, 63.

Рис. 3. Чаши с христианской символикой: 1, 2 – чаша из Фанагории (случайная находка). Мрамор; 3 – чаша из раннехристианского монастыря Джанавара (близ Варны). Мрамор. 6 в. (по: Минчев, Тенекеджиев 2015, обр. 3); 4 – Чаша из раскопок в Варне. Мрамор. 4 – начало 7 вв. Археологический музей Варны

Определяют такие чаши либо как купели для детей, либо, чаще, как чаши для освященной воды, которую использовали в раннехристианское время для ритуального омовения рук перед входом в храм.¹¹¹ Форма и сам ритуал омовений перед входом в храм, несомненно, были заимствованы из античного времени, когда подобные неглубокие мраморные чаши на высоком основании (периррантерии) использовались для ритуальных омовений и располагались обычно перед входом на священную территорию¹¹². В античности была распространена и практика votivных приношений такого типа чаш с посвятельными надписями в храмы и святилища.¹¹³

Аналогичные чаши, как правило, с вырезанными на бортике раннехристианскими надписями и символами, известны по раскопкам в провинциях Мезия Секунда и Фракия. Одна из них, была найдена в бывшей деревне Винаца (ныне жилой район Варны). На бортике этого сосуда вырезаны греческая надпись, начинающаяся крестом: “+ ΥΓΙΕΝΟΝ ΧΡΩ”, бюст безбородого мужчины (Иисуса Христа?) и голубь. Надпись и, соответственно, сам сосуд датируется 6 в.¹¹⁴ Чаша с вырезанным на бортике крестом, аналогичным кресту на фанагорийском сосуде, и частично сохранившейся греческой надписью с упоминанием донатора, который был именитым гражданином Одессоса, высоким военным командующим и важным членом имперской администрации при дворе Юстиниана, найдена в монастыре Джанавара 5 – начала 7 вв. близ Варны (Одессополь) (рис. 3. 3)¹¹⁵ и хранится в Археологическом музее Варны. Из раскопок в Варне происходит еще одна чаша с греческой надписью и изображениями птиц, вырезанными вдоль края и на верхней

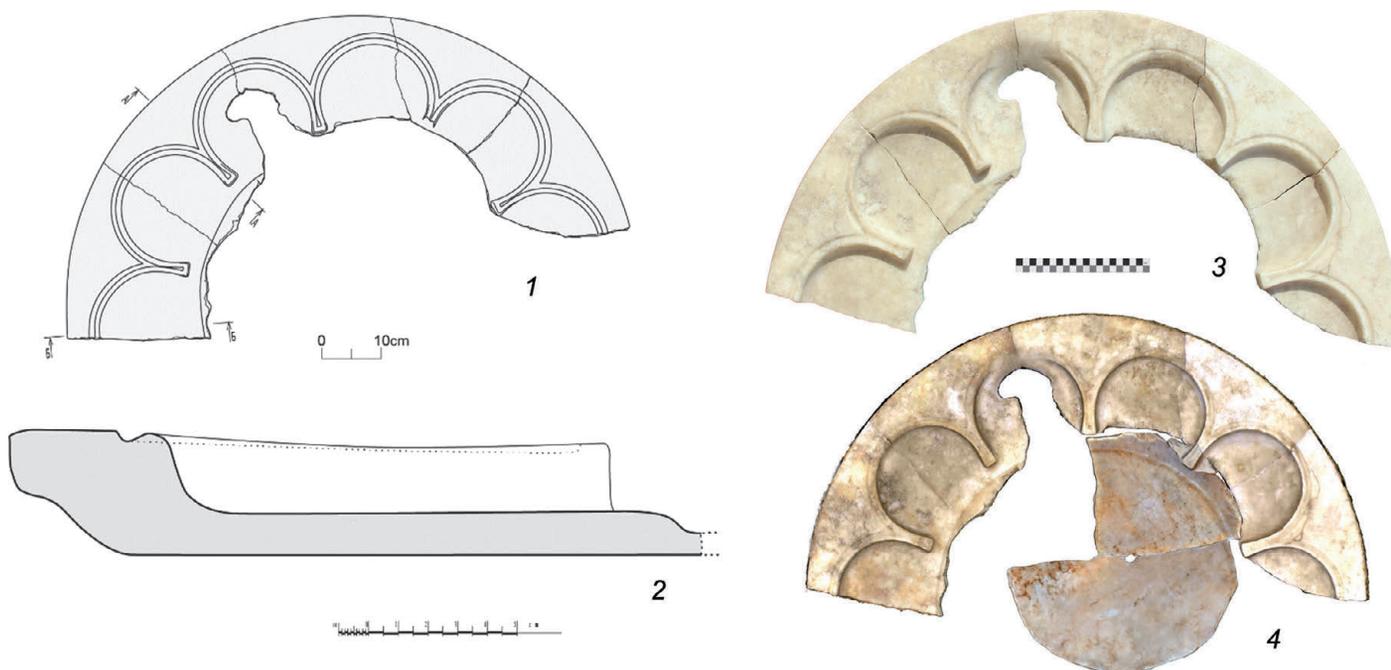
¹¹¹ Lafontaine-Dosogne 1967, 45–48; Opaïț, Opaïț, Bănică 1992, 117–118, note 17; Opaïț 2004, 83–84; Popescu 2012, 566–569, fig. 4, 5; Minchev 2018, 133–134

¹¹² Παυλακτή 2002, 281–289; цит. по: Завойкиной, Новичихину 2021, 172.

¹¹³ Завойкина, Новичихин 2021, 172.

¹¹⁴ Beșevliev 1964, 95, no. 139, Taf. 50, Abb. 138.

¹¹⁵ Минчев, Тенекеджиев 2015, 281, обр. 3; Minchev 2018, 134.

Рис. 4. Сигмовидный стол из раскопок в Фанагории. Мрамор. 3d реконструкция выполнена художником-конструктором М. С. Криворучкой

поверхности ручек-выступов, также хранящаяся в Археологическом музее Варны (рис. 3, 4). Причем, в одной из ручек вырезан слив со сквозным отверстием. Большой мраморный сосуд этого же типа с вырезанной на бортике раннехристианской надписью был найден в нефе т. н. Великой базилики 5–6 вв. в Филиппополе (Болгария).¹¹⁶ Два мраморных сосуда в форме мортария с раннехристианскими надписями, также фланкируемыми крестами, были найдены в Румынии, где также датируются 6 в.: один был случайно найден в Констанце (древний Томис), место находки второго неизвестно, но, скорее всего, он происходит из той же провинции.¹¹⁷

Несколько экземпляров таких мраморных сосудов с вырезанными на верхней поверхности выступов стилизованным растительным орнаментом, надписью ХРО и крестом найдено в Коринфе в позднеримских комплексах; один, хотя и найден в контексте 10–11 вв., датируется, скорее всего, более ранним временем.¹¹⁸

В городе Явне (Израиль) также найдены небольшие фрагменты чаш разных форм с выступами, которые связывают с христианскими храмами поздневизантийского времени (т. е. временем до начала 7 в.).¹¹⁹

Несколько чаш разных форм, в том числе и изготовленная из мраморного импоста, найдено в Херсонесе. Точное место их обнаружения и, соответственно, назначение неизвестно, но считается, что они могли использоваться в богослужебной практике: для омовения рук при входе в храм, в дьяконике, баптистериях или как емкости для святой воды.¹²⁰

Как уже отмечалось, известные автору точные аналогии фанагорийскому сосуду происходят исключительно с территории провинций Мезия Секунда и Фракия. Но именно с этих территорий Юстиниан в 527/528 г. отправил войска для подавления восстания, вспыхнувшего на Боспоре против ставленника Византии Грода. По словам Феофана, на Боспор были отправлены морем отряд готов и одновременно по суше от Одиссополя Годила и стратиг Фракии стратилат Бадурий. Солдаты прибывших византийских полков были христианами и, возможно, послужили некоторым бустером для большего распространения христианства на Боспоре. Это, естественно, искушает связать фанагорийский

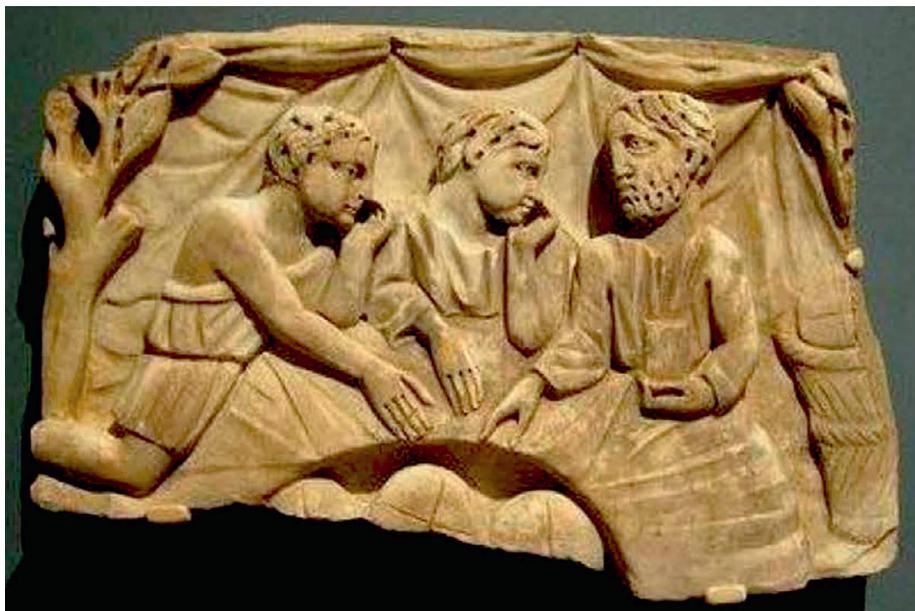
¹¹⁶ Minchev 2018, 133–134.

¹¹⁷ Popescu 1976, 58–59, nos. 60, 61.

¹¹⁸ Davidson 1952, 123, pls. 60, 61, nos. 827–829.

¹¹⁹ Fischer, Taxel 2007, 233, fig. 16. 2.

¹²⁰ Бернацкий 2004, 16–17, рис. 12.

Рис. 5. Фрагмент крышки саркофага с изображением сцены трапезы на открытом воздухе. Мрамор. 3 в. Рим, Национальный римский музей

сосуд с описанными событиями: не был ли он привезен на Боспор присланными Юстинианом войсками и пожертвован ими в епископскую базилику Фанагории?

3. Мраморный стол с арочной каймой. Пять его фрагментов были найдены в 2019 г. в слое пожара (квадраты Г1 и Д1) середины 6 в.¹²¹, еще два (небольшой фрагмент обрамляющего арки бордюра и фрагмент центральной части столешницы, которая, по-видимому, была вторично использована в более позднее время (из нее была сформована круглая плитка) – в 2021 году (рис. 4).¹²² Столешница имеет несколько заглубленную центральную часть, по периметру которой идет кайма из арок (сохранились 4 целые и 2 их части), обрамленных бордюром с глубоким округлым в сечении желобком. Верхняя поверхность и торец очень хорошо отполированы; нижняя – хорошо отшлифована. Толщина бортиков – 3,8 см; толщина центральной части – 0,8–1,1 см. На оборотной стороне маленького фрагмента края сохранилось небольшое углубление с частью свинцовой скобы, служившей либо для крепления конструкции к основанию, либо для ее ремонта.

Столы с подобным оформлением края могли быть как круглыми, так и сигмовидными, и по фрагменту не всегда удается определить его точную форму. Именно с таким случаем мы имеем дело в Фанагории. Однако самой распространенной формой стола в позднеантичное время была все же сигмовидная.¹²³

Происхождение. Столы сигмовидной формы, *sigma*, и соответствующие им дуговидные обеденные ложа, *stibadium*, начали входить в обиход аристократических домов римских провинций в самом конце 3 в.¹²⁴ и в течение следующего столетия вытеснили привычные прямоугольные столы и прямоугольные ложа (κλίνη). Причем сначала, еще в 1 в. н. э., в обиход входят дуговидные ложа, форма которых происходит из традиции проведения пикников, на которых участники возлежали, как правило, полукругом, опираясь на подушки.¹²⁵ Позже разбросанные на листе подушки заменяют дуговидные ложа. Примеры таких лож на воздухе дали раскопки в Помпеях и на вилле Адриана в Тиволи.¹²⁶ Известны их многочисленные изображения на тканях, серебряной посуде, костяных изделиях, мозаиках и т. д.; встречаются они и в росписях римских гробниц и на крышках саркофагов 2 – начала 4 вв. (рис. 5).¹²⁷ Пока точно не установлено, когда

¹²¹ Голофаст 2021, 52–53.

¹²² Государственный музей-заповедник «Фанагория», ФМ-КП-71/10 А2133 ГК 20431177.

¹²³ Kleinbauer 1979, 637.

¹²⁴ По мнению К. Данбабин, изменение формы столов произошла несколько позже – к концу 4 в. (Dunbabin 2003, 191).

¹²⁵ Предполагается, что само слово *stibadium* происходит от греческого *stibades*, т. е. листья либо разбросанные по земле, либо собранные в матрасы и подушки, которые использовались на таких трапезах.

¹²⁶ Dunbabin 1991, 132, 134.

¹²⁷ Ibid., 132–134; Vroom 2007, 315.

stibadium впервые появляется в интерьере, но археология выявила несколько примеров их использования уже в конце 2 в. Среди них – мозаика, форма которой повторяет форму сигмовидного ложа, в одном из домов периода Севера (193–211) в Антиохии, и мозаика конца 2 в. в апсидальном помещении в Сент Коломбе, Вьен (Франция). Однако если в период ранней империи их использовали крайне редко, то в 3–5 вв. мода на сигма-ложа уже превалирует¹²⁸, что объясняют ростом популярности театрализованных представлений, которые финансировала провинциальная и особенно сенаторская аристократия, сконцентрировавшая в своих руках значительные богатства.¹²⁹ Действительно, если *triclinia* были предназначены для создания интимной обстановки, подходящей для беседы между гостями, то изогнутое дугой ложе, расположенное перед сценой, как нельзя лучше подходило для пиров-представлений, и обедающие теперь стали больше зрителями, чем собеседниками.¹³⁰

Мода на такую мебель привела к изменениям в архитектуре жилых домов, в которых главный зал приемов (*triclinium*) становится апсидальным.¹³¹ Большое количество помещений с апсидой открыты во многих частных домах и виллах Средиземноморья (Испании, Италии, Сицилии, Хорватии, Греции, Марокко, Тунисе и Турции), где их использовали до 6 в. включительно.¹³² Встречаются большие залы с тремя апсидами (например, на вилле Пьяца Армерина на Сицилии)¹³³ или даже несколькими апсидами, как, например, в папском дворце в Риме и в *Triclinium* 19 лож в Большом императорском дворце в Константинополе, который использовался для организации государственных банкетов до 10 в. включительно.¹³⁴ Такое долгое использование сигмовидных столов было исключением: в средневизантийский период ложа заменили на стулья и скамьи, а сигмовидные столы – на длинные прямоугольные, хотя в некоторых монастырях продолжали использовать столы сигмовидной формы.¹³⁵

Использование. Сигмовидный стол полукруглой стороной был обращен к ложу. Прямая внешняя сторона такого стола была удобна для обслуживания. Судя по изображениям на мозаиках и фресках, сотрапезники возлежали на ложах, на которые клали специальные мягкие валики, служившие для них опорой, но теперь их тела располагались не вдоль стола, а радиально расходились от него (рис. 6).¹³⁶ На мозаике, обнаруженной на вилле сокольничего в Аргосе, отмечен не только полукруг для ложа, но и семь клиновидных сегментов, на которые это ложе было разделено.¹³⁷ Число сотрапезников варьировалось от четырех до 12.

*Использование в церковном обиходе.*¹³⁸ В церковном обиходе использование таких столов было вторичным, взятым из светской жизни и идет от раннехристианской традиции совместных поминальных трапез, совершавшихся сначала над могилами мучеников, а затем и простых смертных. Первоначально центром трапезы служила надгробная плита или крышка саркофага, на которую иногда ставили дополнительную столешницу-мензу. Кроме того, мензы часто помещали рядом с могилой и складывали на них еду и питье для умершего или использовали в качестве надгробий.¹³⁹ Позже они появляются в храмах, где выполняли функции престолов и столов для приношений. Причем в церковном обиходе использовали столы разных форм и в разных целях: алтарные мензы имели прямоугольную столешницу, стоявшую на специальном постаменте в виде столба с нишей для реликвии или на специальном сундуке, внутри которого располагался реликварий.¹⁴⁰ Круглые и сигмовидные столы в литургических обрядах не применялись.¹⁴¹ Во всяком случае, каких-то сведений об их использовании

¹²⁸ Dunbabin 1991, 130.

¹²⁹ Stephenson 2016, 58.

¹³⁰ Ibid., 60, 62; Dunbabin 1998, 89.

¹³¹ Ellis 1997, 41–42; Malmberg 2013, 1035; Stephenson 2016, 63

¹³² Vroom 2007, 318–319.

¹³³ Ellis 1997, 43; Vroom 2007, 319; Stephenson 2016, 64.

¹³⁴ Vroom 2007, 319; Malmberg 2013, 1035.

¹³⁵ Malmberg 2013, 1035–1036.

¹³⁶ Stephenson 2016, 64.

¹³⁷ Dunbabin 1991, 129.

¹³⁸ В христианской практике они получают название *martyr-table* или *mensa sacra* (Scranton 1957, 139).

¹³⁹ Kitzinger 1960, 25–26; Popović 1998, 300.

¹⁴⁰ Бернацкий 2004, 12.

¹⁴¹ Chalkia 1991, 54, note 117; Peirano 2018, 123.

Рис. 6. Тайная вечеря. Мозаика в базилике Сант-Аполлинаре-Нуово. Равенна. 6 в.

в качестве главного престола нет.¹⁴² Пока можно говорить только об их вспомогательной роли в церковном обиходе: они могли служить вспомогательным алтарем, столом для приношений, столешницей в баптистериях.¹⁴³ В храме, открытом на острове Кос главный алтарь представлял собой прямоугольный стол, а сигмовидная столешница, скорее всего, лежала на сложенном из камней кубе с нишей для реликвии, расположенном в северном нефе храма.¹⁴⁴

В резиденции епископа в Нове два подобных стола найдены в помещении, расположенном к югу от большой базилики. Там же *in situ* были обнаружены две округлые опоры сигмовидных столов, стоявшие по сторонам входа.¹⁴⁵

Сигмовидные столы часто находят, как в Нове, в помещениях, расположенных с южной стороны базилик (т. н. *skenophylakion*) и предназначенных для хранения одежды, литургического инвентаря, в них также оставляли продукты, принесенные для литургических целей, а также в дар епископу и его ближайшему окружению.¹⁴⁶ Так, каменное основание сигмовидного стола было найдено в Алики (Фасос) в помещении, расположенном к югу от основных помещений раннехристианской базилики.¹⁴⁷ Такое же основание под сигмовидный стол найдено в Соо (Греция) в помещении, также расположенном к югу от основного здания одной из базилик.¹⁴⁸ Для приносимых в церковь даров, скорее всего, использовался стол, фрагменты которого были найдены с наружной стороны крестообразного Загородного храма в Херсонесе.¹⁴⁹

О вспомогательном характере использования сигмовидных столов в интерьере храмов свидетельствуют также находки в одном храме нескольких таких столов. Так, в крохотном пещерном храме, открытом в окрестностях Херсонеса,

¹⁴² Хотя здесь следует упомянуть главный престол в храме Св. Сергия (Mar Sarkis) в Маалуле возле Дамаска (Flood 2001, 60, fig. 27).

¹⁴³ Баптистерии, точнее консигнатории (помещение баптистерия, где крещаемый получал миропомазание после крещения) иногда использовались для проведения поминальных ритуалов (Хрушкова 1982, 168).

¹⁴⁴ Roux 1973, 179.

¹⁴⁵ Biernacki 1999; 2006, 67–69, fig. 7. A, B; Бернацкий 2004, 15; Бернацкий, Кленина 2003, 88, рис. 8.

¹⁴⁶ Sodini, Kolokotsas 1984, 51, 52; Biernacki 2006, 69; Бернацкий, Кленина 2003, 89.

¹⁴⁷ Sodini, Kolokotsas 1984, 141, fig. 121, pl. 51–52.

¹⁴⁸ Biernacki 1999, 83.

¹⁴⁹ Косцюшко-Валюжинич 1904, 52, рис. 31а, 31б; Залеская 1976, 208; Бернацкий 2004, 14.

¹⁵⁰ Следует отметить, что в самом храме также были найдены многочисленные фрагменты разбитой сигмовидной мраморной столешницы с надписью по краю (посвящение ктитора в храм), датированной 6–7 вв. (Виноградов 2015, 24).

были найдены фрагменты 4 менз, в том числе и, предположительно, сигмовидной формы.¹⁵¹ Маловероятно, что храм имел четыре алтаря.

Естественно, что столы, на которые складывали продукты, надо было регулярно очищать от их остатков и мыть. По всей видимости, для облегчения этого процесса предназначалось наклонное отверстие на прямой стороне одного из сигмовидных столов из Нове.¹⁵²

Любопытно использование плит с арочной каймой в баптистериях некоторых храмов Северной Африки, где встречаются купели характерной многолепестковой формы, например, в Ахолла (Тунис), а в баптистерии в Тебессе (Алжир) на дне купели лежит круглая многолепестковая плита, схожая по оформлению с фанагорийской.¹⁵³

Встречаются такие мензы и в трапезных средневековых монастырей, что объясняется мемориальным характером трапезных, которые в ранних монастырях Сирии, Египта и Палестины, как правило, располагались в непосредственной близости к погребальным пещерам и были связаны с храмом или часовней коридором. В монастырях средне- и поздневизантийского времени трапезная считалась вторым по значимости зданием монастырского комплекса и, как правило, располагалась рядом с главным монастырским храмом и была ориентирована на его нартекс, где располагались гробницы донаторов, их семей и иногда священников. Некоторые византийские типиконы указывают на то, что все поминальные службы задействовали трапезную, т.к. они всегда включали обязательную поминальную трапезу в память о христианских святых и мучениках, и по монастырским правилам после молитв в завершении ритуала монахи и монахини следовали в трапезную.¹⁵⁴ Известно, что Афанасий Афонский (10 в.) построил *trapeza* с 20 большими сигмастолами, за каждым из которых могло сидеть 12 монахов.¹⁵⁵ Часто в трапезных сигмовидные столы располагали на обоих концах длинных прямоугольных каменных столов, покрытых простыми прямоугольными плитами.¹⁵⁶

Все сигмовидные столы имеют несколько возвышающийся над центральным полем край¹⁵⁷, по оформлению которого выделяют три варианта¹⁵⁸: столы с жемчужным орнаментом, идущим вдоль края столешницы и, как правило, украшенные «каймой» с рельефными изображениями охоты или звериного гона, языческих и библейских сюжетов и христианских символов; т.н. столы «с бортиком»¹⁵⁹ и столы с «каймой» из арок¹⁶⁰, к которым относится фанагорийский экземпляр.

Следует отметить, что сигмовидные столешницы опирались на металлическое, деревянное или каменное основание. Фанагорийская, судя по хорошо отшлифованной нижней поверхности, стояла либо на металлическом или деревянном основании, либо на ножке, оставлявшими нижнюю поверхность столешницы видимой. Такие основания были характерны как для жилых домов, так и для церковных зданий, в отличие от каменных цоколей, которые не требовали тщательной обработки нижней поверхности столешницы и встречаются почти исключительно в жилых домах.¹⁶¹

Датировка. Как правило, сигмовидные столы всех типов датируют концом 3–6/7 в.¹⁶² Хотя приведенная дата весьма предположительна, поскольку определить их точную дату не позволяют отсутствие стилистических изменений в их конструкции и декорировке, а также тот факт, что подавляющее их число найдено либо вне контекста, либо во вторичном использовании.

Ареал. Сигмовидные столы были широко распространены: их более или менее сохранившиеся фрагменты находят при раскопках многих центров Средиземноморья, Причерноморья и Европы.¹⁶³ До сих пор сигмовидные столы

¹⁵¹ Яшаева, Голофа́ст, Денисова, Моисеев 2018, 335–336, рис. 17, 18.

¹⁵² Biernacki, Klenina 2002, 189.

¹⁵³ Kitzinger 1960, 30–31, fig. 16; Урбанович 2017, 125.

¹⁵⁴ Popović 1998, 301, 302.

¹⁵⁵ Ibid., 292.

¹⁵⁶ Ibid., 299, fig. 28d.

¹⁵⁷ Если на них складывали различные приношения, например, кусочки хлеба, предназначенного для освящения символической общей трапезы или для причастия, то несколько возвышающийся край был необходим, чтобы приношения не падали со стола (Roux 1973, 179).

¹⁵⁸ Chalkia 1991.

¹⁵⁹ Фрагмент такого стола был найден в Херсонесе (Бернацкий 2004, 14, рис. 6).

¹⁶⁰ Назначение арочных вырезов по краю остается непонятным (Kleinbauer 1979, 638).

¹⁶¹ Peirano 2018, 123–124.

¹⁶² Scranton 1957, 140; Kleinbauer 1979, 638.

¹⁶³ Čičikova 1972, 245–257; Kleinbauer 1979, 638; Biernacki 1999, 75–86; Бернацкий, Кленина 2003, 87–88, рис. 8; Tocci 2010, 116.

Рис. 7. Сигмовидный стол. Мрамор. 5–6 вв. Музей Метрополитен. Нью-Йорк

используются в качестве алтарей в некоторых коптских и сирийских церквях и встречаются во вторичном использовании в мусульманских средневековых памятниках Сирии и Египта.¹⁶⁴ Значительное количество хорошо сохранившихся сигмовидных столов хранится в различных музеях, однако, к сожалению, происхождение большей их части неизвестно. Выявлены они и в ходе раскопок в Херсонесе.¹⁶⁵ Надо отметить, что в Северном Причерноморье помимо Фанагории и Херсонеса, находки фрагментов менз известны и в других центрах. Однако их не всегда идентифицируют как мензы, а, чаще, как «плоские чаши». Например, в Ильичевке были найдены «фрагменты пяти плоских мраморных блюд диаметром от 30 до 50 см».¹⁶⁶

Что касается конкретно столов с арочной каймой, то они были широко распространены и встречаются как в светских, так и христианских контекстах. Г. Ру в публикации 1973 года привел 50 находок таких столов.¹⁶⁷ Подавляющее их большинство происходит из района Восточного Средиземноморья.¹⁶⁸ В качестве примера можно привести наиболее известные. Один из таких столов хранится в музее Метрополитен в Нью Йорке (рис. 7). Его горизонтальный край украшен рельефными изображениями 4 агнцев, фланкирующих крест с буквой ρ. Стол был приобретен в Риме и сделан либо на месте, либо где-то еще в Италии в 5 или 6 вв.¹⁶⁹ Еще один сигмовидный стол с арочной каймой происходит из раскопок в Эфесе.¹⁷⁰ Несколько фрагментов аналогичных столов из белого, красного и зеленого мрамора было найдено в Коринфе (рис. 8). Причем, все столы, за исключением одного, были связаны с христианскими храмами, в том числе один обнаружен в сооружении, которое, предположительно, служило монастырской

¹⁶⁴ Flood 2001.

¹⁶⁵ Косцюшко-Валюжинич 1904, 52, рис. 31а, 31б; Залеская 1976, 208, рис. 1, 2; Бернацкий 2004, 14; Виноградов 2015, 24; Яшаева, Голофаст, Денисова, Моисеев 2018, 335, 345.

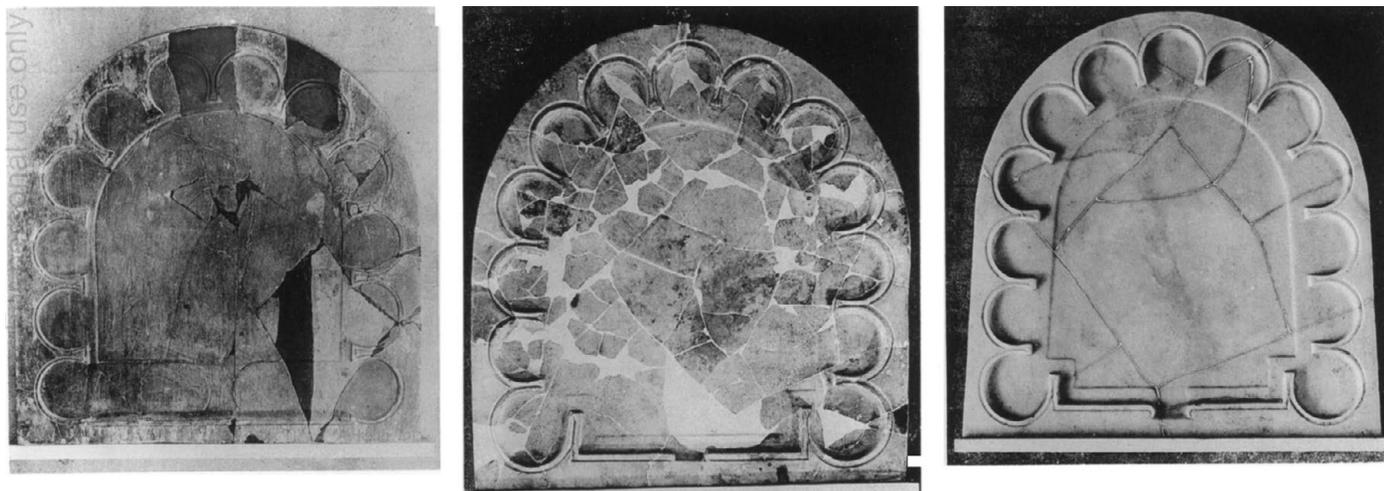
¹⁶⁶ Николаева 1989.

¹⁶⁷ Roux 1973, 192–196, № 122–172.

¹⁶⁸ Kleinbauer 1979, 638.

¹⁶⁹ Ibid.

¹⁷⁰ Roux 1973, fig. 60.

Рис. 8. Сигмовидные столы из раскопок в Коринфе (по: Scranton 1957, pl. 36 b–d)

гостиницей.¹⁷¹ На Афинской Агоре аналогичный стол (рис. 9) был найден в доме, который из «дома философа» превратился в дом видного члена местной христианской общины. К нему он перешел после эдикта 529 г., когда в Афинах были закрыты философские школы.¹⁷² Его ЮВ часть, в которой первоначально располагался нимфей и триклиний, был превращен в баптистерий, а стол был найден в помещении, которое, как предполагается, использовалось в качестве *catechumeneum*. В нем проводились службы для готовящихся к крещению и использовали для погребальных и поминальных трапез.¹⁷³ Столы с арочной каймой были найдены при раскопках базилик в Карфагене, Гиппоне и Сбейтле.¹⁷⁴ 6 фрагментов таких столов были обнаружены на Кипре.¹⁷⁵ Их изображения встречаются на миниатюрах и в произведениях прикладного искусства. Так, стол с арочной каймой изображен на миниатюре «Пир Фараона» в так называемом Венском Гenezисе 6 в. (рис. 10) и на расположенном в центре диска 9–10 вв. медальоне с изображением Тайной вечери (рис. 11).

4. В 2019 г. на раскопе «Нижний город» в кладке одного из домов 9 в. был обнаружен небольшой фрагмент мраморной плитки размером 10,2×7,45 см, на которой сохранилась часть (согнутая в колене нога) мужской фигуры¹⁷⁶ и изображения неких животных, идентификация которых не представляется возможной из-за сильной сглаженности поверхности (рис. 12). Сюжет, часть которого составлял рассматриваемый фрагмент, был, по-видимому, снизу обрамлен бордюром шириной 2,05 см. Толщина плитки – 13,0–14,0 см. Обратная сторона шероховатая.

Сюжет, куда идеально вписывается фанагорийский фрагмент – это играющий на лире Орфей, окруженный животными. Орфей был очень популярен в языческом искусстве¹⁷⁷ и перешел в христианскую иконографию, став в раннехристианском искусстве самым известным языческим персонажем. Согласно греческому мифу, лирический поэт и музыкант Орфей, сын фракийского царя Эагра и музы Каллиопы, вывел людей из варварства и дикости и принес им культуру и поэзию. С Христом его сближают два момента. Во-первых, сошествие в подземное царство, что соответствует сошествию Христа в ад, а во-вторых, его цивилизаторская роль: Орфей своей лирой укрощал диких зверей, а Спаситель своими божественным словом привлекал к себе диких людей, т. е. язычников. Подобная параллель проводится во многих сочинениях древних авторов, в частности, Климента Александрийского (ок. 150 – ок. 215)¹⁷⁸, который первым

¹⁷¹ Scranton 1957, 139–140, pl. 36 b-d.

¹⁷² Shear 1973, 163.

¹⁷³ Frantz 1988, 89, pl. 72 e, f, a.

¹⁷⁴ Урбанович 2017, 127.

¹⁷⁵ Roux 1973, 135, 169, pl. 84–87.

¹⁷⁶ Фигура была высотой около 11 см. Рост рассчитан по формуле: $P = (D \times 100) : 15,8$, где P – рост человека, D – длина ступни в сантиметрах. Длина стопы составляет в среднем 15,8% роста мужчин.

¹⁷⁷ Известно около 70 позднеантичных мозаик, а также мраморные скульптуры и рельефы, изделия из слоновой кости.

¹⁷⁸ Покровский 1916, 12.

Рис. 9. Сигмовидный стол, найденный на Афинской Агоре в слое разрушения 80х гг. 6 в. Мрамор

Рис. 10. Миниатюра «Пир Фараона» с изображением сигмовидного стола с арочной каймой. Венский Генезис (Венское Бытие). Сирия. Первая половина 6 в. Вена, Австрийская национальная библиотека

Рис. 11. Медальон с изображением Тайной вечери. Деталь диска. Перегородчатая эмаль. Византия. 9–10 вв. Лувр. Париж

Рис. 12. Фрагмент рельефа из раскопок Фанагории

Рис. 13. Рельеф с изображением Орфея на саркофаге. Мрамор. Ок. 240–250 гг. Археологический музей. Фессалоники (Греция)

обратился к языческим образам для того, чтобы убедить слушателей в том, что новая религия выше старых традиций, таким образом привлекая к ней язычников.¹⁷⁹ В труде «Протрептик» (*Protrepticus*) или «Увещании к эллинам» (ок. 195 г.) он развивает идею Новой Песни, которую поет Новый Музыкант, очаровывающий не животных, а человеческие души и мироздание.¹⁸⁰

Сцена, изображающая Орфея, умиротворяющего диких животных, впервые встречается на мозаиках 2 в. н. э., пика популярности достигает в 3–4 вв., продолжает использоваться весь 5 в., а к концу 6 в. практически сходит на нет. Причем после 4 в., когда христианство стало доминирующей религией и разработало свою систему символов и образов, отпала необходимость в заимствованиях из языческого искусства, чтобы замаскировать свои идеи, и языческие сюжеты, в том числе изображения Орфея, продолжали использовать уже по традиции.¹⁸¹ Самые поздние изображения Орфея – на мозаике из Иерусалима¹⁸² и пиксиде из слоновой кости константинопольского или итальянского происхождения из Бриуда (Франция, базилика св. Иулиана)¹⁸³ – датируются 6 в.

Можно говорить о сложении устойчивого иконографического типа Орфея. Как в языческом, так и в христианском искусстве Орфей обычно представлен сидящим или стоящим в центре композиции в окружении животных и диких зверей, всегда одет во фригийскую одежду (тунику или штаны, фригийскую шапку, сапоги и мантию) и держит в левой руке лиру, опирающуюся на левое колено, и, как правило, плектр в правой. Так Орфей изображен, например, на рельефе саркофага около 240–250 гг., хранящемся в Археологическом музее в Фессалониках (Греция) (рис. 13) и на курительнице из слоновой кости 5 или 6 вв. из Национального музея Барджелло во Флоренции (рис. 14).¹⁸⁴ Изображения каких-то других персонажей в подобной позе и в подобном окружении в позднеантичной иконографии, как языческой, так и раннехристианской, неизвестны.

Надо отметить, что христианский образ Орфея ничем не отличается от языческого, что объясняет тот факт, что число Орфеев, интерпретируемых

¹⁷⁹ Jourdan 2014, 113–127.

¹⁸⁰ Hanfmann 1980, 87–88, fig. 23; Jourdan 2014, 117; Collier 2014, 17.

¹⁸¹ Collier 2014, 23.

¹⁸² Hachili 2009, 78, fig. IV-14.

¹⁸³ Hanfmann 1980, 87–88, fig. 23.

¹⁸⁴ Zwirn 1979, 182, No. 161.

Рис. 14. Курильница с изображением играющего на лире Орфея в окружении животных и сцен охоты. Слоновая кость. 4–5 вв. Национальный Музей Барджелло. Флоренция

различными исследователями как христианский образ, варьируется от 10 до 24.¹⁸⁵ Критериями для причисления того или иного изображения Орфея к христианским обычно служат, во-первых, состав его «слушателей», включающий только мирных животных (как правило, овец) и птиц, а, во-вторых, контекст, в который помещен сюжет с Орфеем: как правило, его окружают библейские сцены (Даниил во рву со львами, воскрешение Лазаря, Моисей, ударом посоха иссекающий воду из скалы).

В последнее время к наиболее важным раннехристианским изображениям Орфея причисляют десять: 6 фресок в римских катакомбах и 4 саркофага.¹⁸⁶ Из изображений на саркофагах к христианским относят два саркофага из Остии, хранящиеся ныне в музее Пио-Кристиано (Музей христианского искусства папы Пия IX, или Пио-христианский музей, художественный музей в составе

¹⁸⁵ Prigent 1984, 206.

¹⁸⁶ Тот факт, что все эти изображения происходят из погребального контекста, объясняется тем, что в этот период большинство проявлений раннехристианского искусства встречается именно на погребальных памятниках (Jourdan 2014, 118–119).

комплекса «Музеи Ватикана») и в музее Остии (рис. 15. 1, 2); саркофаг из базилики Сан Гавино в Порто Торрес (Сардиния) (рис. 15. 3) и фрагмент саркофага, найденный в Какаране (департамент Жер, Франция). Все относятся к концу 3 – началу 4 в.¹⁸⁷ Из них ближе всего к фанагорийскому рельефу – изображения на трех из перечисленных саркофагов – двух из Остии и саркофаге из Порто Торрес. К ним можно добавить изображение на саркофаге с изображением Орфея, Доброго Пастыря и орант, хранящиеся в Музее изобразительных искусств в Бостоне (рис. 15. 4). На перечисленных саркофагах Орфей движется влево и опирается согнутой левой ногой либо на схематично изображенную линию земли, либо на животное (на самом деле, такое впечатление обычно создано очень плотным заполнением поля рисунка фигурами животных и зверей).

К сожалению, незначительные размеры и сильная потертость поверхности сохранившегося фрагмента из Фанагории не позволяет определить окружение Орфея, лишая, таким образом, нас возможности определить религиозный статус изображения.

Если сюжет, частью которого был рассматриваемый фрагмент, более или менее ясен, то определить, частью какого предмета он был, довольно сложно. Как правило, аналогичные изображения Орфея были характерны для саркофагов. Однако наш фрагмент слишком тонок, чтобы быть стенкой саркофага. Скорее всего, он представлял собой нижнюю часть какого-то рельефа, обрамленного гладкой рамкой.

Таким образом, за последние два раскопочных сезона в наше распоряжение попали четыре предмета, которые предположительно можно отнести к предметам интерьера христианского храмового комплекса. Строго говоря, только один из них, мраморная чаша с вырезанным крестом, относится к таковым безусловно. Что же касается остальных, то сигмовидный стол могли использовать и в качестве стола для приношений или разного рода трапез в христианском культе, и по своему прямому назначению – в качестве обеденного стола, хотя чаще находки таких столов интерпретируют как несомненный знак христианской деятельности; образ Орфея одинаково использовался как язычниками, так и христианами; разным целям мог служить и мраморный резервуар. Но среди аргументов за и против их использования в христианском культе, все же превалируют первые. Кроме того, обнаружение всех предметов на довольно небольшом участке «Нижнего города» позволяет надеяться на то, что будущие раскопки подтвердят предложенную интерпретацию найденных предметов.

Все перечисленные находки датируются 5–6 вв. Три происходят из слоя пожара середины 6 в. Каких-либо сведений о судьбе фанагорийских христиан в более позднее время нет. Что же касается Таманского полуострова в целом, то, по-видимому, в конце 6 в. он перешел в юрисдикцию епархии Зихия¹⁸⁸, учреждение которой, как предполагается, состоялось во второй трети 6 в. в рамках политики императора Юстиниана I (527–565) по укреплению связей с союзниками Византийской империи в Восточном Причерноморье.¹⁸⁹ Первый известный «епископ народа зихов» – Дометиан, подписи которого стоят под актами V Вселенского собора 553 г. в Константинополе.¹⁹⁰ В это время епархия, очевидно, охватывала только кавказские территории, т.к. вместе с ее иерархом на соборе присутствовал боспорский епископ.¹⁹¹ К концу 7 в. название уже служило общим наименованием для области церковной юрисдикции кафедр Северного и Северо-Восточного Причерноморья. Когда произошло объединение и почему новое церковно-административное образование

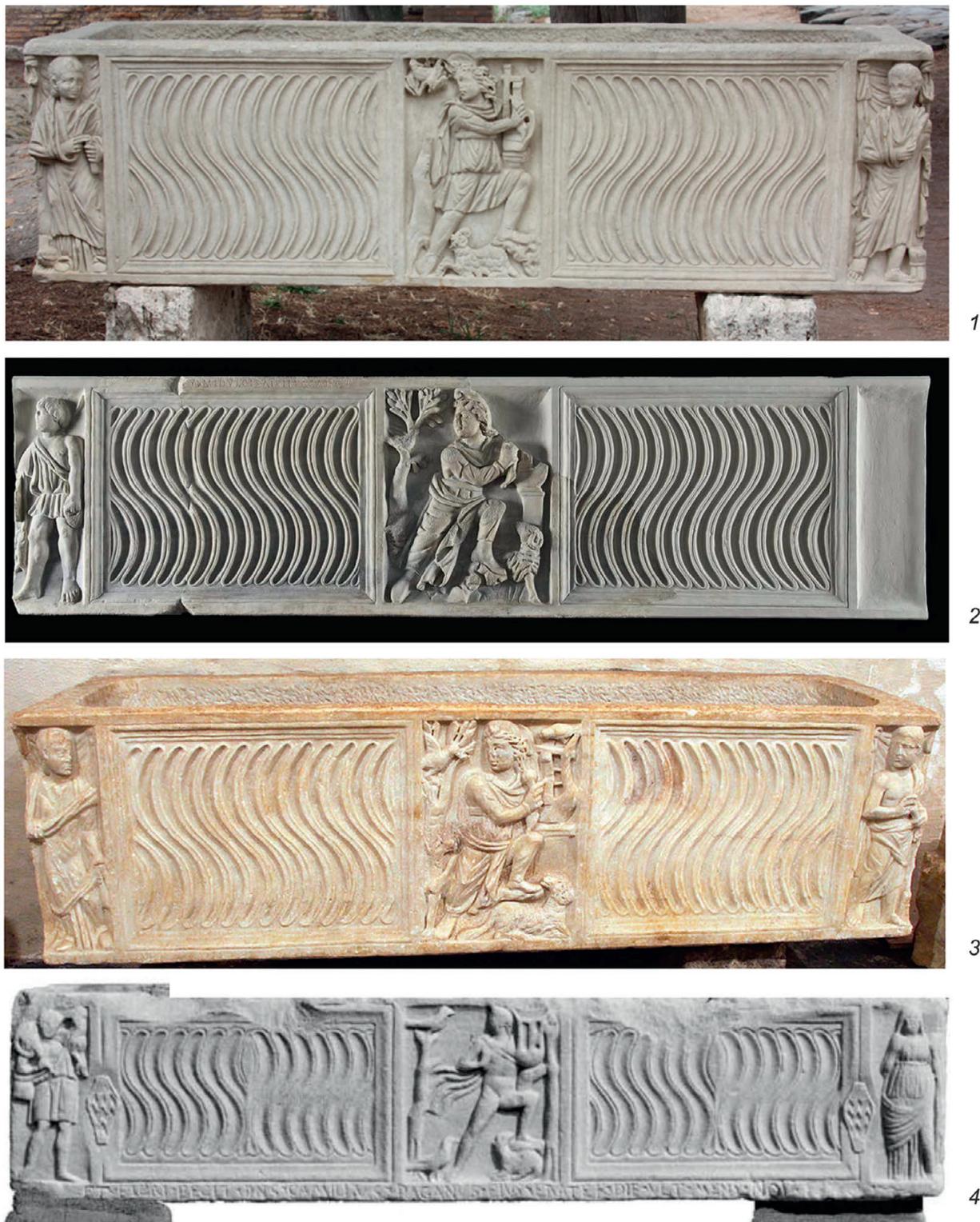
¹⁸⁷ Prigent 1984, 206–207.

¹⁸⁸ Область Зихия, по Прокопию Кесарийскому, простиралась по северо-восточному побережью Черного моря, выше Абасгии и Алании, в этом же районе помещал ее Феофан (Прокопий Кесарийский 1993, 168; Чичуров 1980, 69; Науменко 2003, 131). Более определенны сведения Константина Багрянородного, у которого Зихия располагалась по морскому побережью Кавказа, к северу от абхазов, между реками Укрух (Кубань) и Никопсис (Нечепсухо) в районе Туапсе (см. Константин Багрянородный, 1991, 175, 404; Науменко 2003, 131). Центром епархии первоначально являлась Никопсия. В качестве наиболее вероятного места локализации Никопсии рассматриваются одна из трех городищ-крепостей, расположенных возле ст. Новомихайловской в устье р. Нечепсухо (Туапсинский район Краснодарского края) (Анфимов 1980, 92–95, рис. 1; Гадло 1991, 97; Чхаидзе 2013, 48; 2018, 112). Эта гипотеза, хотя и представляется вполне оправданной с точки зрения письменных источников (Виноградов 2009, 191), однако не является общепризнанной (Воронов 1988, 72–73; Чхаидзе 2013, 48; 2018, 112–113, здесь же см. полный обзор всех версий локализации Никопсии).

¹⁸⁹ Виноградов 2009, 188; Чхаидзе 2013, 47.

¹⁹⁰ Виноградов 2009, 188; Чхаидзе 2013, 47; 2018, 112.

¹⁹¹ Науменко 2003, 132.

Рис. 15. Христианские саркофаги с изображением Орфея: 1 – саркофаг из Остии. Мрамор. Музей Остии (по Karivieri 2020, fig. 8); 2 – саркофаг из Остии. Мрамор. Ок. 300 г. Музей Пио-Кристиано (Музей христианского искусства папы Пия IX в составе комплекса «Музеи Ватикана»); 3 – саркофаг из базилики Сан Гавино в Порто Торрес (Сардиния); 4 – саркофаг с изображением Орфея, Доброго Пастыря и орант. 280–310 гг. Бостон, Музей изобразительных искусств (по: Ноек, Herrmann 2013, fig. 4)

получило название Зихийской епархии неизвестно, но в таком виде епархия фигурирует в епископальных списках на протяжении 8–9 вв. В состав епархии входил Херсон, Боспор и Никопсия: такой состав зафиксирован в первой и второй Нотичиях Константинопольского патриархата, датируемых, соответственно временем около 680 года и концом 7 в.¹⁹² Причем, по мнению В. Е. Науменко, первостепенную роль в этой епархии играл, по-видимому, епископ Херсона.¹⁹³ В третьей Нотичии, так называемой нотичии К. Де Боора, составленной в начале IX в.¹⁹⁴ или в начале 860 г.¹⁹⁵, кафедрами Зихии названы Херсон, Боспор и Сугдея. Центр ее располагался в Доросе¹⁹⁶, а во главе стоял архиепископ Готии, которому подчинялась и впервые упомянутая епископия Таматархи, ставшая с 10 в. центром Зихийской епархии.¹⁹⁷ Естественно предположить, что фанагорийские христиане, которые, несомненно, имелись в городе в 8–9 вв., окармлились зихийским епископом.

Несколько дополняют список сведений о христианстве на Боспоре памятники сфрагистики. В Херсоне найдены моливдовулы боспорских иереев – епископа Петра Пистика (7–8 вв.) и архиепископов Луки конца 9 – первой трети 10 в., Николая и Георгия начала второй половины 10 в.¹⁹⁸ Из письма патриарха Фотия 873/875 гг. известно имя еще одного епископа Боспора, Антония, которого Фотий благословляет на обращение иудеев в христианство.

Некоторые сведения о христианах региона содержатся в рассказах о путешествии Константина Философа в Хазарию ок. 861 г. Как свидетельствует «Пространное» («Паннонское») Житие Константина Философа, составленное между 869 и 880 гг., маршрут византийской миссии проходил через Херсон. Далее, «сев на корабль, он направился в Хазарию к Меотскому озеру и к Каспийским воротам Кавказских гор», где принял участие в «состязании вер» с представителями хазар, иудеев и «сарацинов» (мусульман).¹⁹⁹ Присутствие на диспуте кагана указывает, что местом его проведения была, скорее всего, столица Хазарского каганата в устье Волги.²⁰⁰ Таким образом, путь Константина к хазарской столице пролегал, как минимум, рядом с Фанагорией. Результатом деятельности византийского посольства в Хазарию явилось подтверждение византийско-хазарского союза, а результатом миссии Константина – решение о религиозной неприкосновенности христиан в Хазарии, сопровождавшееся крещением незначительного числа жителей Итиля и фулььского народа в Таврике.²⁰¹ Анализ письменных источников позволил сделать вывод о том, что во время пребывания Константина Философа в Хазарии византийцы, скорее всего, получили сведения о географии христианских общин на территории каганата.²⁰²

В Житии Або Тифлисского²⁰³, составленном вскоре после гибели святого в 786 г., говорится, что в Хазарии «было много городов и деревень, которые верою во Христа живут спокойно». В одном из этих населенных пунктов Або принял крещение. Ал-Масуди, характеризуя систему правосудия в столице хазар на реке Итиль (Волга), называет двух чиновников, судящих местных христиан по закону Евангелия. Ибн Хаукаль описывает христианские храмы в хазарском городе Семендер накануне нападения россос ок. 969 г. О большом числе христиан среди населения Хазарского каганата говорит и ал-Бекри (ум. 1094 г.).²⁰⁴

О благосклонном отношении хазарской элиты к христианству говорят браки с византийским императорским домом²⁰⁵, в частности брак Юстиниана II и сестры кагана Феодоры, после заключения которого в 704–705 гг. «Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой» (Theoph. Chron. 704–705; пер. И. С. Чичурова).²⁰⁶

¹⁹² Darrouzès 1981, 206, 218; Виноградов 2009, 188; 2013, 172; Науменко 2003, 131; Чхаидзе 2013, 47; 2018, 112.

¹⁹³ Науменко 2003, 132.

¹⁹⁴ Цукерман 2010, 402–405.

¹⁹⁵ Darrouzès 1981, 241–242, 245 (№ 3).

¹⁹⁶ Ibid., 232–233, 242; Чхаидзе 2013, 48.

¹⁹⁷ Виноградов 2009, 188; Чхаидзе 2013, 48–49.

¹⁹⁸ Смычков, 1999, 128, № 3; Алексеев 2001, 132–134, № 1–4; 2019, 225.

¹⁹⁹ Жития Кирилла и Мефодия, 1986, 106–118.

²⁰⁰ Науменко 2003, 139.

²⁰¹ Жития Кирилла и Мефодия 1986, 118–120; Науменко 2003, 138–139.

²⁰² Науменко 2003, 140.

²⁰³ Або Тбилели, этнический араб, живший при дворе правителя Картли Нерсеса (Коновалова 2002, 60).

²⁰⁴ Науменко 2003, 141; там же см. список литературы.

²⁰⁵ См. Коновалова 2002, 60.

²⁰⁶ Чичуров 1980, 62.

Что касается археологических свидетельств, то в Боспоре у подножия горы Митридат и на ее северном, южном и восточном склонах открыты участки городского некрополя, где в 7–первой половине 8 вв. христиане хоронят в плитовых и грунтовых могилах. На некоторых плитах обкладки могил высечены кресты.²⁰⁷ Известны сделанные боспорскими мастерами по привозным образцам перстни 7 в. с изображением архангела Михаила²⁰⁸ и св. всадника.²⁰⁹ К 6–7 вв. относятся два золотых наперстных креста византийского производства.²¹⁰ На северо-западной колонне храма Иоанна Предтечи была вырезана эпитафия Кириака, датирующаяся 757 годом.²¹¹ Ряд вещей с христианской символикой, найденных в ходе «старых» раскопок на некрополях Боспора ранневизантийского времени, собраны и опубликованы А. В. Зинько и Л. Ю. Пономаревым.²¹² Из Тамани происходит группа простых крестов-тельников, широко датирующихся 8–13 вв.²¹³ и надгробие с надписью об упокоении Идония 6–7 вв.²¹⁴

О существовании в Боспоре в 9 в., как минимум, одного храма известно из сообщения монаха Епифания, который посетил город между 815 и 843 гг. и видел там большую церковь с многочисленными иконами и ракой с надписью «Симона апостола», вмурованной в ее основание.²¹⁵

Позже, в первой или второй половине 10 в.²¹⁶ была построена церковь Иоанна Предтечи.²¹⁷ Дату, полученную в ходе раскопок Т. И. Макаровой у стен храма, подтверждают найденные в кладке парусов и купола амфоры-голосники коническо-вытянутого типа по классификации В. В. Булгакова, наиболее массовое распространение которых приходится на первую половину 10 в.²¹⁸

Как христианский храм интерпретируют полуразобранное еще в древности сооружение 8–9 вв., открытое при раскопках поселения Пташкино. По мнению автора раскопок А. В. Гадло, храм в плане представлял трехнефную базилику укороченных пропорций, с квадратными столбами вместо колонн. Храм, отличающийся примитивностью постройки и отсутствием фундамента, так и не был достроен и никогда как христианское культовое сооружение не функционировал.²¹⁹

Дата еще одного найденного на Боспоре храма требует уточнения. Это небольшой одноапсидный храм, раскопанный В. Н. Корпусовой на поселении Золотое. По сообщению Н. Г. Винокурова, принимавшего участие в работе экспедиции, керамика, найденная при его раскопках – салтовская.²²⁰

По-видимому, в хазарское время был возведен храм на поселении у д. Героевки, на берегу пролива, где в 1963 г. были найдены мраморная капитель колонны от алтарной преграды и обломки керамических плиток пола.²²¹

К более позднему времени, скорее всего, к 10–11 вв., относится т. н. таманский храм, который ранее интерпретировали как упоминаемую в ПВЛ церковь, построенную в 1022 году Мстиславом Владимировичем.²²²

У поселка Уташ близ Анапы найдена каменная плита с греческой надписью, которая свидетельствует о сооружении церкви или часовни Преображения Господня севастом Артемием. Здесь же найдены архитектурные детали, открыт христианский некрополь с десятками каменных христианских надгробий с изображениями вписанных в круг крестов, предварительно датирующихся 8–10 вв.²²³ В нескольких пунктах Таманского полуострова, в том числе в Фанагории, открыт ряд по большей части безынвентарных погребений в каменных ящиках, которые, как правило, интерпретируют как христианские, но датируют достаточно широко – в пределах 7–14 вв.²²⁴

Число связанных с христианством находок 8–10 вв. в Фанагории чрезвычайно мало. К ним относятся литой свинцовый крест, предварительно интерпре-

²⁰⁷ Айбабин, Хайрединова 2015; 2018.

²⁰⁸ Хайрединова 2014, 444–445, рис. 2. 1; 3. 1; Федосеев, Пономарев 2018; Хайрединова 2019, 35–36, рис. 3. 1, 2.

²⁰⁹ Хайрединова 2014, 445–446, рис. 2. 2; 3. 6.

²¹⁰ Хайрединова 2018.

²¹¹ Науменко, Пономарев 2013, 246.

²¹² Зинько, Пономарев 2014.

²¹³ Чхаидзе 2015б, 76.

²¹⁴ Чхаидзе 2015а, 422.

²¹⁵ Макарова 1982, 99; Виноградов 2005, 311–313.

²¹⁶ По мнению ряда исследователей, для окончательного определения даты строительства храма и выделения отдельных строительных периодов необходимо привлечь дополнительные археологические данные (Науменко, Пономарев 2013, 248).

²¹⁷ Макарова 1982, 97; 1991, 141; 1998, 365, 388.

²¹⁸ Никитенко 1970, 276–278; Артеменко 2010, 9–11, рис. 1; 2; Булгаков 2004, 5–11; Пономарев 2019, 275–276.

²¹⁹ Гадло 1980, 135–143.

²²⁰ Ермолин 2018, 254–255.

²²¹ Гадло 1980, 137, рис. 5.

²²² Чхаидзе, Виноградов, Елшин 2017, 279.

²²³ Чхаидзе 2015а, 422.

²²⁴ Все известные к моменту публикации погребения этого типа подробно проанализированы В. Н. Чхаидзе (см. Чхаидзе 2006).

Рис. 16. Граффити на стенках шаровидных амфор 8–9 вв. из раскопок Фанагории: 1 – квадрат И5, штык 21; 2 – квадрат А5, штык 21; 3 – квадрат И3, штык 21; 4 – квадрат К3, штык 21; 5 – квадрат В7, штык 21

тируемый как торговая печать (ему будет посвящена отдельная публикация), и несколько граффити, которые можно определить как христианские символы. Все они нанесены на стенки шаровидных амфор с мелким зональным рифлением 8 – первой половины 9 в.²²⁵, произведенных в гончарных центрах Крыма: буквы ХР, нанесенные зубчатым штампом по сырой глине и до нанесения ангоба (рис. 16. 2)²²⁶; крест с треугольниками на концах, нанесенный по обожженной глине (рис. 16. 5)²²⁷; удлиненный крест (такое впечатление, что граффито было нанесено вместе МЗР до нанесения ангоба) (рис. 16. 3); крест в круге, нанесенный по обожженной глине и светло-бежевому ангобу (рис. 16. 1)²²⁸; крест на Голгофе, нанесенное по обожженной глине (рис. 16. 4)²²⁹. Как видим, ни одну из перечисленных находок нельзя уверенно связать с местным населением. Свинцовый крест, если верна его предварительная интерпретация как торговой пломбы, был привезен в город с каким-то товаром. Что же касается граффити, то они, вероятнее всего, были нанесены либо гончарами, либо производителями перевозившегося в амфорах вина.

Заключение. Крайняя малочисленность связанных с христианством находок и их неравномерное распределение во времени создает значительные трудности при восстановлении истории фанагорийской христианской общины. Восполнить лакуны до некоторой степени помогают имеющиеся сведения об истории христианства в других центрах СВ Причерноморья, неотъемлемой частью которого являлась Фанагория.

Несомненно, новая религия проникает в Фанагорию, как и в другие центры Боспорского царства, в последней четверти 3 в. из Малой Азии, откуда готы, возвращаясь из своих пиратских набегов, привозили пленных христиан. Именно к периоду после морских походов варваров относятся первые зафиксированные на Боспоре признаки христианства: различные вещи с христианскими символами, христианские участки на некрополе в Керчи.

Незначительное количество раннехристианских памятников говорит о том, что в этот период распространение христианства в регионе происходило, главным образом, благодаря деятельности миссионеров, и число приверженцев

²²⁵ Голофаст, Евдокимов 2019.

²²⁶ Государственный музей-заповедник «Фанагория», ФМ-КП-113/1 А2283 ГК 33742691.

²²⁷ Государственный музей-заповедник «Фанагория», ВХ-96/110.

²²⁸ Государственный музей-заповедник «Фанагория», ВХ-96/112.

²²⁹ Государственный музей-заповедник «Фанагория», ВХ-96/113

христианства было невелико. С включением Боспора в сферу влияния Византийской империи церковь и государство предпринимают совместные усилия по христианизации региона: скорее всего, именно в это время по обе стороны Керченского пролива строятся христианские храмы, в Фанагории учреждается епископская кафедра и строится христианский храм, внутреннему убранству которого, скорее всего, принадлежали два мраморных резервуара для воды, сигмовидный стол и рельеф с изображением Орфея, найденные при раскопках на Нижнем городе.

Форма и материал, из которого изготовлен один из найденных резервуаров, позволяют интерпретировать его как крещальную купель. Причем небольшая глубина найденной емкости не означает, что в ней крестили только детей, поскольку в большинстве случаев крещение совершалось без полного погружения: стоявшего в купели крещаемого просто обливали водой. Однако уже с 4 в. при крещении начали использовать стоячую воду, а наполнять купель предписывалось вручную. Поэтому объяснить назначение двух отверстий в фанагорийском резервуаре в случае его использования в качестве купели трудно. Лучше объясняет наличие двух отверстий другой возможный вариант его использования: в качестве реликвария, в котором хранились мощи, их частицы или какие-то другие реликвии. Через верхнее отверстие в реликварий на хранящиеся в нем мощи наливали масло, которое выливалось через отверстие в нижней части.

Что касается чаши с ручками-выступами вдоль края, то подобные емкости, как правило, определяют либо как купели для крещения детей, либо, чаще, как чаши для освященной воды, которую в раннехристианское время использовали для ритуального омовения рук перед входом в храм. Известные автору точные аналогии фанагорийскому сосуду происходят исключительно с территории провинций Мезия Секунда и Фракия. Не исключено, что именно оттуда фанагорийская емкость была привезена войсками, присланными на Боспор Юстинианом для подавления восстания против ставленника Византии Грода.

Мраморный сигмовидный стол с арочной каймой также мог входить в состав инвентаря христианского храма. В церковном обиходе использование таких столов было вторичным, взятым из светской жизни и идет от раннехристианской традиции совместных поминальных трапез, совершавшихся над могилами мучеников. Позже их использовали в храмах в качестве престолов и столов для приношений, а также в трапезных монастырей. Несмотря на то, что сигмовидные столы, в частности столы с арочной каймой, использовали как в светском, так и христианском обиходе, их находки вне контекста обычно связывают с христианскими храмами. Однако в подобных случаях нельзя исключать возможность их использования и в качестве обычного обеденного стола.

Наконец, с христианством может быть связана мраморная плитка с изображением Орфея, образ которого перешел в христианскую иконографию из языческого искусства. Незначительные размеры и сильная потертость фанагорийского фрагмента, к сожалению, не позволяют уверенно определить религиозный статус изображения, который, как правило, устанавливают по составу «слушателей» и контексту.

Строго говоря, из перечисленных находок только одну, мраморную чашу с вырезанным крестом, можно отнести к предметам интерьера христианского храмового комплекса безусловно. Сигмовидный стол могли использовать и в христианском культе, и по его прямому назначению – в качестве обеденного стола. Образ Орфея одинаково использовался как язычниками, так и христианами.

нами. Разным целям мог служить и мраморный резервуар. Но среди аргументов за и против их использования в христианском культе, все же преобладают первые. Кроме того, обнаружение всех предметов на довольно небольшом участке Нижнего города позволяет надеяться на то, что в ходе будущих раскопок здесь будет открыт христианский храм, и таким образом подтвердится предложенная интерпретация найденных предметов.

Храм, к которому, возможно, относились перечисленные находки, по-видимому, был разрушен в середине 6 в. Тогда же, скорее всего, прекратила существование и фанагорийская епархия. Какие-либо сведения о фанагорийских христианах более позднего времени полностью отсутствуют, но, судя по информации о христианских общинах, имевшихся в других центрах региона, а также в городах Хазарского каганата, были они и в Фанагории, которая в этот период, скорее всего, входила в состав Зихийской епархии. У нас нет свидетельств о притеснениях христиан в городах Хазарского каганата. Наоборот, согласно сведениям, содержащимся в письменных источниках, жизнь христиан там протекала довольно спокойно. О благосклонном отношении хазарской элиты к христианству говорят и браки с византийским императорским домом, в частности брак Юстиниана II и сестры кагана Феодоры, после заключения которого он «уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой». Что же касается археологических свидетельств, то число связанных с христианством находок 8–10 вв. чрезвычайно мало, и их невозможно связать непосредственно с христианским населением Фанагории.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Айбабин А. И. 2016. Боспорское царство в последней четверти III – третьей четверти IV вв. // МАИЭТ 21, 300–311.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2015. Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового некрополя Боспора // БИ XXXI, 354–378.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2018. Ранневизантийский некрополь Боспора // АДСВ 46, 33–53.
- Алексеев Н. А. 2001. Печати боспорских иерархов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Севастополь–Краков, 131–138.
- Алексеев Н. А. 2019. Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и инновации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) // БИ XXXVIII, 225–241.
- Амброз А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. (САИ Д1-30). Москва.
- Анфимов Н. В. 1980. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. Москва, 92–112.
- Арсеньева Т. М. 1963. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА 1, 192–203.
- Арсеньева Т. М. 1970. Могильник у дер. Ново-Отрадное // А. И. Мелюкова (ред.), Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. (МИА 155). Москва, 82–149.
- Артеменко Е. Д. 2010. Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Ремесла и промыслы (Боспорские чтения XI). Керчь, 8–12.
- Асмус В. Протоиерей, Никифоров М. В. и др. 2015. Константинопольские соборы // ПЭ 37, 299–343.
- Бернацкий А. Б. 2004. Алтарные части и их оснащение в базиликах Херсонеса Таврического // Культурные памятники в мировой культуре. Археологический, исторический и философский аспекты. Севастополь, 8–33.

- Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю. 2003. Епископский комплекс V–VI вв. в Нове (Свиштов) в Болгарии // РА 3, 82–97.
- Бертье-Делагард А. Л. 1907. О Херсонесе // ИАК 21, 1–172.
- Булгаков В. В. 2004. Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник I. Киев–Судак, 5–12.
- Васильевский В. Г. 1912. Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. Т. II. Вып. 2. Санкт-Петербург.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.
- Виноградов А. Ю. 2005. Греческие предания о св. Апостоле Андрее. Т. 1. Москва.
- Виноградов А. Ю. 2009. Зихия // ПЭ 20, 186–192.
- Виноградов А. Ю. 2010. Литературные источники // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани II. Москва, 137–145.
- Виноградов А. Ю. 2013. Византийская политика в Восточном Причерноморье (2-я половина 7 – первая половина 10 вв.) // Древности Западного Кавказа 1. Краснодар, 156–176.
- Виноградов А. Ю. 2015. Византийские надписи // IOSPE. Древние надписи Северного Причерноморья 5. Источник в Интернете: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> IOSPE: Т. V. Византийские надписи (kcl.ac.uk) (дата последнего посещения: 03.07.2022).
- Виноградов А. Ю. 2018. Когда же Пантикапей стал Воспором? // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. X-й Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.). Севастополь–Симферополь, 49–52.
- Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. 2012. Позднеантичная христианская надпись из Фанагории // ВДИ 3, 51–57.
- Виноградов Ю. Г. 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в.) // ВДИ 1, 233–247.
- Воронов Ю. Н. 1988. К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов). Махачкала, 72–73.
- Гадло А. В. 1980. К истории восточной Таврики в VIII–X вв. // АДСВ 17, 130–145.
- Гадло А. В. 1991. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории северо-восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Ленинград, 93–106.
- Гайдукевич В. Ф. 1940. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА VI, 190–204.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. Москва–Ленинград.
- Гайдукевич В. Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова (ред.), Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. (МИА 25). Москва–Ленинград, 15–134.
- Герцигер Д. С. 1973. Античные ткани из собрания Эрмитажа // К. С. Горбунова (ред.), Памятники античного прикладного искусства. Ленинград, 71–100.
- Голофаст Л. А. 2021. Фанагория 4–7 вв. по сведениям письменных источников и данным археологии // Нурапис 3, 42–57.
- Голофаст Л. А., Евдокимов П. А. 2019. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ XXIV, 186–216.
- Диатроптов П. Д., Емец И. А. 1995. Корпус христианский надписей Боспора // Эпиграфический вестник 2. Москва, 7–40.
- Домбровский О. И. 1993. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ III, 289–319.
- Евсевий Памфил. Церковная история. Москва, 1993. Источник в Интернете: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija (дата последнего посещения: 29.04.2022).
- Емец И. А. 2002. Посвящение св. Феодору из Тиритаки // Юрочкин В. Ю. (ред.), Церковная археология Южной России. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Симферополь, 83–84.

- Емец И. А., Масленников А. А. 1992. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // СА 4, 32–42.
- Ендольцева Е. Ю., Чхаидзе В. Н. 2016. Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации византийских рельефов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения 21, № 5, 55–66.
- Ермолин С. А. 2018. Христианство на европейском Боспоре в византийско-хазарское время // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология 45, № 2, 242–263.
- Желтов М. 2005. Водоосвящение // ПЭ IX, 140–148.
- Жития Кирилла и Мефодия. 1986. Факсимильное воспроизведение рукописей. Москва–София.
- Завадская И. А. 2002. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ IX, 151–271.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М. 1021. Мраморные чаши с надписями из Горгиппии // ДБ 26, 166–177.
- Залесская В. Н. 1976. Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа // Византийский временник 37, 204–211.
- Зинько Е. А. 2007. Христианские склепы некрополя Боспора IV–VI вв. // МАИЭТ XIII, 56–67.
- Зинько Е. А. 2010. Процесс христианизации Боспорского царства // БИ XXIII, 424–433.
- Зинько Е. А. 2017. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея–Боспора (исследования 1996–2009 гг.) // (БИ Suppl. 16). Симферополь–Керчь.
- Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. 2014. К истории изучения ранневизантийского Боспора (плитово-грунтовый могильник на вершине и северо-восточном склоне г. Митридат) // БИ XXX, 482–492.
- Зубарь В. М. 1999. Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Санкт-Петербург, 321–326.
- Кондаков Н. П. 1879. Древнехристианская патера из керченских катакомб // ЗООИД XI, 67–73.
- Коновалова И. Г. 2002. Христианство в Хазарии // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Москва, 58–61.
- Константин Багрянородный. 1991. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий). Москва.
- Коровина А. К. 1999. Раннесредневековая Гермонасса // VI Чтения памяти проф. В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. Москва, 59–60.
- Коровина А. К. 2001. Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина 1. Санкт-Петербург, 21–31.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. 1902. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК 4, 51–119.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. 1904. Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК 9, 1–62.
- Кубланов М. М. 1979. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА 159, 90–97.
- Кулаковский Ю. А. 1891. Древности Южной России: керченская христианская катакомба 491 года (МАР 6). Санкт-Петербург.
- Кулаковский Ю. А. 2003. История Византии. 395–518 годы. Санкт-Петербург.
- Латышев В. В. 1900. Эпиграфическая заметка // ЗООИД 22. Смесь, 11.
- Макарова Т. И. 1982. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА 4, 91–106.
- Макарова Т. И. 1991. Боспор-Корчев по археологическим данным // П. П. Толочко (ред.), Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). Киев, 121–147.
- Макарова Т. И. 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ VI, 344–393.
- Масленников А. А., Мокроусов С. В., Сазанов А. В. 1999. Исследования Восточно-Крымской археологической экспедиции на азовском побережье Керченского полуострова в 1998 г. // ПИФК VII, 394–396.

- Минчев А., Тенекеджиев В. 2015. Разкопки на раннохристиянския манастир в м. Джанава-ра край гр. Варна // Археологически открития и разкопки през 2014. София, 278–281.
- Мокроусов С. В. 2000. Крымское Приазовье в ранневизантийское время // Пантикапей–Боспор–Керчь. 26 веков древней столице. Керчь, 99–102.
- Науменко В. Е. 2003. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в 8–9 вв. // АДСВ 32, 123–145.
- Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. 2013а. Христианские памятники и топография Боспора X–XII вв. // Т. Ю. Яшаева (ред.), Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента». Севастополь, 244–263.
- Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. 2013б. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «церкви Шевелева» («церкви 1833 г.») // Нартекс. *Byzantina Ucrainensis* 2. Харьков, 295–309.
- Никитенко М. М. 1970. Амфоры-голосники из церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Археологические открытия 1969 года. Москва, 276–278.
- Николаева Э. Я. 1988. К вопросу о христианстве на Боспоре Киммерийском // С. А. Кучинский (ред.), Научно-атеистические исследования в музеях. Ленинград, 14–15.
- Николаева Э. Я. 1989. Христианский комплекс VI в. на Боспоре Киммерийском // Проблемы исследований античных городов (Тезисы докладов III научных чтений, посвященных памяти В. Д. Блаватского). Москва, 85–86. Источник в Интернете: <http://Annales.info/life/small/piag.htm#7296> (дата последнего посещения: 03.07.2022).
- Николаева Э. Я., Десятчиков Ю. М. 2001. О распространении христианства на Боспоре // Таманская старина 1. Санкт-Петербург, 84–85.
- Раскопки в Херсонесе. 1893 // ОАК за 1891 г. Санкт-Петербург.
- Плиний Младший. 1982. Письма. Книги I–X. Изд. подготовили М. Е. Сергеев, А. И. Доватур. Москва.
- Покровский Н. В. 1916. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Петроград.
- Пономарев Л. Ю. 2019. Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзской и османский периоды (обзор источников и дискуссионные вопросы) // БИ XXXIX, 275–309.
- Прокопий Кесарийский 1993. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод, статья, комментарии А. А. Чекаловой. Москва.
- Рыжов С. Г. 1997. Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия. Харьков, 290–299.
- Салов А. И. 1985. Случайные находки у хутора Красный Курган в 1971 и 1972 гг. // КСИА 182, 56–58.
- Седов В. В. 2017. Боголюбровский киворий: фиал и проблема интерпретации комплекса // А. М. Лидов (ред.), Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира. Москва, 397–414.
- Смычков К. Д. 1999. Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ 30, 124–129.
- Созомен Гермий. 1948. Церковная история // ВДИ 3, 302–312.
- Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Пер. проф. Н. Сагарды. Петроград, 1916. Источник в Интернете: <http://tvorenia.russportal.ru/> (дата последнего посещения: 15.03.2022).
- Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века. Перевод Е. Карнеева. Часть вторая. Санкт-Петербург, 1849.
- Ткаченко А. А. 2015. Купель // ПЭ 39, 359–363.
- Тохтасьев С. Р. 1999. ВОСПОРОС // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира (Материалы международной научной конференции). Санкт-Петербург, 90–91.
- Урбанович Г. 2017. Баптистерий как сакральное пространство в североафриканской архитектуре (IV–VI вв.) // А. М. Лидов (ред.), Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира. Москва, 120–133.

- Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. 2018. Византийский перстень с изображением архангела с некрополя Кыз-Аул (Керченский полуостров) // Материалы научной конференции «III Свято-Владимирские чтения». Севастополь, 97–100.
- Хайрединова Э. А. 2001. Новый письменный источник о варварских морских походах второй половины III в. н.э. // Східний світ. 1999. 1–2. ЕТҮМОН. До 80-річчя академіка О. Прицака. Київ, 296–304.
- Хайрединова Э. А. 2014. Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // БИ ХХХ, 442–460.
- Хайрединова Э. А. 2018. Византийские золотые кресты раннесредневекового времени из Керчи // БИ ХХХVII, 246–362.
- Хайрединова Э. А. 2019. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI–VII вв. из Крыма // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения 24/6, 32–46.
- Хрушкова Л. Г. 1982. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977–1979 гг.) // Византийский временник 43, 147–177.
- Хршановский В. А. 1994. Раскопки некрополя Китея // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. Симферополь, 262–266.
- Цукерман К. 2010. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatuuum* // МАИЭТ XVI, 399–435.
- Чичуров И. С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Москва.
- Чхаидзе В. Н. 2006. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология евразийских степей. Москва–Йошкар-Ола, 53–86.
- Чхаидзе В. Н. 2013. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // Н. А. Алексеенко (ред.), ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 47–68.
- Чхаидзе В. Н. 2015а. Краснодарский край. Распространение христианства. Памятники христианской культуры по данным археологии // ПЭ 38, 412–413, 421–427.
- Чхаидзе В. Н. 2015б. Предметы личного благочестия средневековой Матархи // II Свято-Владимирские чтения (Тезисы докладов и сообщений). Севастополь, 76–77.
- Чхаидзе В. Н. 2018. О локализации Никопсии – кафедры Зихской епархии Константинопольского патриархата (VI–IX вв.) // III Свято-Владимирские чтения (Международная научная конференция). Севастополь, 112–114.
- Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., Елшин Д. Д. 2017. Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья (ТГЭ LXXXVI). Санкт-Петербург, 257–285.
- Шкорпил В. В. 1898. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД XXI. Протоколы, 1–11.
- Юрочкин В. Ю. 2003. Раннехристианские символы на Боспоре (опыт археологической интерпретации) // Христианское наследие Византии и Руси. Сборник материалов II международной конференции «Церковная археология: изучение, реставрация и сохранение христианских древностей»). Симферополь, 14–25.
- Яшаева Т. Ю., Голофаст Л. А., Денисова Е. А., Моисеев Д. А. 2018. Раннехристианский пещерный комплекс на ЮВ некрополе Херсонеса // В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева (ред.), Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь С. Г. Рыжова. Севастополь–Калининград, 333–362.
- Berdzenishvili I. 2010. Early Christian Baptisteries from Western Georgia // Кавказоведческие разыскания. Тбилиси, 563–584.
- Berdzenishvili I. 2011. Baptisteries of Eastern Georgia (4th–10th c.) // Bulletin of the Georgian National Museum II (47-B). Series of Social Science. Tbilisi, 15–166 (English Summary).

- Beševliev V. 1964. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Berlin.
- Biernacki A. B. 1999. A Marble Sigma-shaped Mensa from Novae // Der Limes an der unteren Donau von Diokletian bis Heraklios. Vorträge der Internationalen Konferenz Svičtov, Bulgarien (1.–5. September 1998). Sofia, 75–86.
- Biernacki A. B. 2006. Novae in the 5th and 6th c. AD in the Light of the Archaeological Data: a City of Pilgrims // Раннохристиянски мъченици и реликви и тяхното почитане на Изток и Запад. Варна, 57–76.
- Biernacki A., Klenina E. 2002. Some Remarks on the Episcopal Residence from the 5th–6th centuries AD in Novae // The Roman and Late Roman City. Sofia, 187–195.
- Bogdanović J. 2017. The Phiale as a Spatial Icon in the Byzantine Cultural Sphere // А. М. Лидов (ред.), Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира. Москва, 372–396.
- Broilo F. A. 2009. “Cleanses the Sins with the Water of the Pure-flowing Font”: Fountains for Ablutions in the Byzantine Constantinopolitan Context // Revue des Études Sud-Est Européennes XLVII. Bucarest, 5–24.
- Chalkia E. 1991. Le mense paleocristiane. Tipologia e funzioni delle mense secondary nel curto paleocristiano // Studi di Antichità Cristiana XLVI.
- Čičikova M. 1972. Mensa sacra ot Nicopolis ad Istrum // Известия на Националния археологически институт БАН 33. Sofia, 245–258.
- Collier S. 2014. An Exploration into the Reception of Orpheus in the Early Christian Period and the Christian Middle Ages (Thesis Completed in Partial Fulfilment of a BA in Classical Civilization). University of Warwick.
- Darrouzès J. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
- Davidson G. R. 1952. The Minor Objects (Corinth. Results of Excavations XII). Princeton.
- Diatroptov P. D. 1999. The Spread of Christianity in the Bosphorus in the 3rd–6th Centuries // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 5/3, 215–244.
- Dunbabin K. M. D. 1991. Triclinium and Stibadium // W. J. Slater (ed.), Dining in a Classical Context. Ann Arbor, 121–148.
- Dunbabin K. M. D. 1998. *Ut graeco more biberetur*: Greek and Romans on the Dining Couch // I. Nielsen, H. S. Nielsen (eds.), Meals in a Social Context. Aarhus, 91–101.
- Dunbabin K. M. D. 2003. The Roman Banquet. Images of Conviviality. Cambridge.
- Ehrman B. D. 2014. The Apostolic Fathers. Cambridge.
- Ellis S. P. 1997. Late-antique Dining: Architecture, Furnishings and Behavior // R. Laurence, A. Wallace-Hadrill (eds.), Domestic Space in the Roman World: Pompeii and Beyond (JRA Suppl. 22). Portsmouth, 41–51.
- Fischer M., Taxel I. 2007. Ancient Yavneh. Its History and Archaeology // Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University, 34/2, 204–284.
- Flood F. B. 2001. The Medieval Trophy as an Art Historical Trope: Coptic and Byzantine “Altars” in Islamic Contexts // Muqarnas 18, 41–72.
- Frantz A. 1988. Late Antiquity: A. D. 267–700 (The Athenian Agora XXIV). Princeton.
- Hachili R. 2009. Ancient Mosaic Pavements: Themes, Issues, and Trends. Selected Studies. Leiden–Boston.
- Hahn G. 1999. Narrative on the Golden Altar of Sant’ Ambrogio in Milan: Presentation and Reception // DOP 53, 167–187.
- Hanfmann G. M. A. 1980. The Continuity of Classical Art: Culture, Myth, and Faith // K. Weitzmann (ed.), Age of Spirituality: A Symposium. New York, 75–99.
- Hoek A. van den, Herrmann, Jr. J. J. 2013. Celsus’ Competing Heroes: Jonah, Daniel, and Their Rivals // Pottery, Pavements, and Paradise. Iconographic and Textual Studies on Late Antiquity (Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language). Leiden–Boston, 203–254.
- Jourdan F. 2014. The Orphic Singer in Clement of Alexandria and in the Roman Catacombs: Comparison Between the Literary and the Iconographic Early Christian Representation of Orpheus // Studia Patristica LXXIII, 113–127.

- Kandić O. 1998–1999. Fonts for the Blessing of the Waters in Serbian Medieval Churches // *Зорпаф* 27, 61–78.
- Karivieri A. 2020. New Trends in Late Antique Religions, Beliefs and Ideas: Christianity, Judaism, Philosophy and Magic in Ostia // A. Karivieri (ed.), *Life and Death in a Multicultural Harbor City: Ostia Antica from the Republic Through Late Antiquity*. Roma, 371–385.
- Khrushkova L. G. 2017. The Bishop's Basilica (Uvarov's) of Chersonesos in the Crimea. The Modern View after a Century and a Half of Study // *Archaeologia Bulgarica XXI/2*, 27–78.
- Kitzinger E. 1960. A Marble Relief of the Theodosian Period // *DOP* 14, 17–42
- Kleinbauer W. E. 1979. Table Top with Lobed Border // K. Weitzmann (ed.), *Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century* (Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art). New York, 637–638.
- Lafontaine-Dosogne J. 1967. Notes d'archéologie bulgare // *Cahiers archéologique* 17, 45–48.
- Malmberg S. 2013. Banquets, Byzantine // R. S. Bagnall, K. Brodersen, C. B. Champion, A. Erskine, S. R. Huebner *The Encyclopaedia of Ancient History*. Oxford, 1035–1036.
- Mango C. 1972. *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453* (Sources and Documents in the History of Art). Englewood Cliffs.
- Millet G. 1905. Recherches au Mont-Athos. III. Phiale et simandre à Lavra // *BCH* 29, 8–141.
- Minchev A. 2003. *Early Christian Reliquaries from Bulgaria (4th–6th century AD)*. Varna.
- Minchev A. 2018. A Lost Early Christian Rite in the Eastern Church: Terracotta Fonts for Consecrated Water from Moesia Secunda and Scythia // E. Ju. Klenina (ed.), *Sacrum et profanum* (Novae. Studies and Materials VI). Poznan, 125–143.
- Moliner M. 2006. La basilique funéraire de la rue Malaval à Marseille (Bouches-du-Rhône) // *Gallia* 63, 131–136.
- Opaït A. 2004. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th Centuries AD) (BAR IS 1274). Oxford.
- Opaït A., Opaït C., Bănică T. 1992. Der frühchristliche Komplex von Slava Rusă // R. Pillinger, A. Pülz, H. Vetter (Hrsg.), *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter*. Wien, 113–122.
- Παυπακη Ε. 2002. Λιθίνα Λουτήρια, Περιρραντήρια και Καρδοποι της κλασικής αρχαιοτήτος // *Αρχαιογνωσία*. 11 (2001–2002), 273–306.
- Peirano D. 2018. Iasos and Iasian Marble Between the Late Antique and Early Byzantine Eras // D. Matetić Poljak, K. Marasović (eds.), *ASMOSIA XI. Interdisciplinary Studies on Ancient Stone* (Proceedings of the XI International Conference of ASMOSIA). Split, 123–130.
- Popescu E. 1976. *Inscriptele din secolele IV–XIII descoperite in România*. București.
- Popescu E. 2012. Câteva gânduri despre botezul primilor creștini de pe pământul românesc // *Pontica* 45, 549–570.
- Popović S. 1998. The Trapeza in Cenobitic Monasteries: Architectural and Spiritual Contexts // *DOP* 52, 281–303.
- Prigent P. 1984. Orphée dans l'iconographie chrétienne // *Revue d'histoire et de philosophie religieuses*, 64e année, no. 3, 205–221.
- Roux G. 1973. Table chrétiennes en marbre découvertes à Salamine, IV // *Anthologie salaminienne* (Salamine de Chypre 4). Paris, 133–196.
- Ruggieri V. 2017. The Water in the Basin (embatês, loutron) and Byzantine Euchology // *Studi sul'Oriente Cristiano* 21/2, 303–321.
- Scranton R. L. 1957. *Mediaeval Architecture: In the Central Area of Corinth* (Corinth. Results of Excavations 16). Princeton.
- Shear T. L. Jr. 1973. The Athenian Agora: Excavations of 1971 // *Hesperia* 42/2, 121–179.
- Sodini J. P., Kolokotsas K. 1984. *Aliki II: la basilique double*. Paris.
- Stauffer S. A. 2010. On Baptismal Fonts: Ancient and Modern (Gorgias Liturgical Studies 30).
- Stephenson J. 2016. Dining as Spectacle in Late Roman Houses // *Bulletin of the Institute of Classical Studies University of London* 59/1, 54–70.

- Tocci M. 2010. Le tavole 'sigma': alcuni frammenti da Bakchias // P. Buzi, S. Pernigotti (eds.), *Lo scriba e il suo re: dal documento al monument. Atti del quinto Colloquio Bologna*. Imola, 115–137.
- Vroom I. 2007. The Archaeology of the Late Antique Dining Habits in the Eastern Mediterranean: a Preliminary Study of the Evidence // L. Lavan, E. Swift, T. Putzeys (eds.), *Objects in Context, Objects in Use: Material Spatiality in Late Antiquity*. Leiden–Boston, 313–361.
- Zimmermann Ch. 2020. Water in Early Christian Ritual: Baptism and Baptisteries in Corinth // N. Chiarenza, A. Haug, U. Müller (eds.), *The Power of Urban Water: Studies in Premodern Urbanism*. Berlin, 85–104.
- Zwirn S. R. 1979. Pyxis with Orpheus and Hunt Scenes // K. Weitzmann (ed.), *Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century (Catalogue of the Exhibition at The Metropolitan Museum of Art)*. New York, 182–183.

Н. В. Завойкина

НОВЫЕ НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ*

Аннотация. К настоящему времени лапидарий Фанагории насчитывает (с учетом публикуемых) 100 древнегреческих надписей. Для 1000-летней истории крупного античного города эта цифра выглядит весьма незначительной. Пять новых надписей из раскопок Фанагории в 2019 и 2021 гг. представлены в статье.

Надпись № 1 вырезана на небольшом мраморном прямоугольном блоке и датируется концом 1 в. до н. э. – первой половиной 1 в. н. э. Сохранилась правая часть трехстрочной надписи. Внешний вид мраморного блока с надписью дает основание предполагать, что он служил основанием для вотивного приношения (небольшой статуэтки?). Надпись на нем была, видимо, посвяжительной, имя божества располагалось в начале надписи и не сохранилось. После имени божества вырезаны имена и отчества трех дедикантов. Полностью сохранилось отчество последнего посвяителя – Батий.

Надпись № 2 представляет собой остатки шести строк на правой стороне мраморной плиты. Надпись неясного содержания и датируется второй половиной 2 в. н. э. Предполагается восстановления нескольких личных имен.

Надпись № 3 вырезана на колонне серого мрамора и содержит посвящение Богу Высочайшему неким Юлием (полное имя не сохранилось). Оно датируется 60-ми – началом 70-х годов 2 в. н. э. Посвящение Богу Высочайшему встречено в Фанагории впервые, несмотря на широкое распространение этого монотеистического культа в крупных боспорских городах в 2–3 вв. н. э.

Надпись № 4 вырезана на блоке мраморовидного известняка значительного размера. Она датируется 217 г. б. э. и поставлена от имени общины Агриппии (быв. Фанагории). Внушительные размеры блока позволяют думать, что блок был частью какого-то городского сооружения, и надпись на нем была, по всей видимости, строительной.

Надпись № 5 вырезана на мраморной плите и представляет собой фрагмент, по мнению автора, строительной надписи царя Рескупорида II (210–227 гг.). В надписи, предположительно, сообщается о восстановительных работах городских стен, башен и их фундаментов. Эти работы были осуществлены попечением эпимелета, чье имя не сохранилось.

Ключевые слова. Боспорское царство, Фанагория (Агриппия), первые века н.э., надписи.

N. V. Zavoykina

NEW INSCRIPTIONS FROM PHANAGORIA

Abstract. Today, Phanagoria's lapidarium has a hundred ancient Greek inscriptions, including the ones published here. Considering the thousand-year history of a large ancient city, this amount seems very small. Five new inscriptions coming from excavations at Phanagoria in 2019 and 2021 are discussed in this article.

Inscription 1 is carved on a small rectangular marble block and dates to the end of the I century BC – first half of the I century AD. The right part of the three-line inscription has been preserved. The appearance of the marble block with the inscription suggests that it served as the basis for a votive offering or, maybe, a small statuette. Apparently, the inscription was a dedicatory one. The name of the deity was located at the beginning of the inscription and is not preserved. After the deity's name, names and patronymics of three dedicants are carved. The patronymic of the last initiator, Bates, has been fully preserved.

Inscription 2 represents the remains of six lines on the right side of a marble slab. The inscription's content is unclear. It dates between the second half of the second century AD. Several names are expected to be read on the inscription.

Inscription 3 is carved on a grey marble column and contains a dedication to the Most High God by a certain Julius (his full name has not been preserved). It dates back to the 60–70 AD.

* Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центрально-азиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

A dedication to the Most High God is seen in Phanagoria for the first time, despite the wide spread of this monotheistic cult in large Bosporan cities in the second–third centuries AD.

Inscription 4 is carved on a block of marble-like limestone of a rather big size. It dates back to 217 CE and was erected by the community of Agrippia (former Phanagoria). The impressive size of the block suggests that the block was part of an urban structure, and the inscription on it was, apparently, related to construction.

Inscription 5 is carved on a marble slab. It is only preserved fragmentary. According to the article's author, it is a part of a building inscription of King Reskuporides II (210–227 AD). The inscription, presumably, talks about the restoration work of the city walls, towers and their foundations. These works were carried out under the care of *epimeletos*, whose name has not been preserved.

Key-words. Bosporan Kingdom, Phanagoria (Agrippia), first centuries AD, inscriptions.

В настоящее время лапидарная коллекция Фанагории включает 100 надписей¹, датированных с 5 в. до н.э. и по начало 4 в. н.э.² Четыре надписи, найденные в местах удаленных от городища, по ряду объективных причин, следует также относить к памятникам этого города (КБН 1045³, 1016, 1051, 1111⁴). Фанагорийские надписи распределены по хронологической шкале неравномерно. Основное их количество приходится на римское время. Это документы общественного и частного характера. Они представлены почетными надписями, декретами, посвященными надписями, манумиссиями, строительными надписями, надписями фиасов и синодов, надгробиями. Следует отметить, что 26 надписей происходят из дилетантских раскопок или случайных находок второй половины 19 – начала 20 в. В этот период не велось сколько-нибудь подробных отчетов, поэтому сохранившаяся информация о месте и условиях находки определенной надписи достаточно краткая и не всегда ясная.⁵ В изданном в 1965 г. «Корпусе боспорских надписей» учтено уже 40 надписей из Фанагории (КБН 971–1011). Помимо 26 надписей из дилетантских раскопок в этот том вошло 14 надписей, найденных на городище или купленных у местных жителей в 1920-х – 1930-х гг. и после 1945 г. Надгробие, опубликованное в 1941 г.⁶, оказалось не учтенным в КБН. После КБН

¹ Число приведено с учетом публикации пяти новых надписей из раскопок 2019 и 2021 гг. В монографии Е. Г. Застрожновой упоминается надпись «QUIOS PATRIOS», найденная при раскопках 1939 г. в Фанагории (Застрожнова 2019, 217). Полагаю, что речь идет о посвящении «θεοῖς πατρίοις – отеческим богам», опубликованном В. Д. Блаватским в 1940 г. (КБН 977).

² КБН 971; Розанова 1941; Блаватская 1976; Белова 1977; Виноградов 1991; Даньшин 1991; 1993; Завойкина 2008; 2016; 2018 (переиздание: 2020); Кузнецов 2006; 2007; Яйленко 1986; 2001; 2002; 2003; 2010, 357–362, 365–367, 663–667; Ворошилова, Завойкина 2016; Габелко, Завойкина, Шавырина 2007, 334–344; Завойкин, Завойкина 2020, 135–139; Kuznetsov, Rovalyayev 2013.

³ К собранию надписей Фанагории причисляем посвященную надпись 105 г. н.э. царя Савромата I, вырезанную на базе статуи Афродиты Апатуры. Постамент был найден в начале 19 в. во дворе церкви в ст. Тамани. Здесь

хранились камни с надписями, свезенные из окрестностей Тамани, в том числе с городища Фанагории, для строительства суворовской крепости «Фанагория» в 1794 г. Обосновано мнение, что святилище Афродиты Апатуры располагалось, по всей видимости, к западу от Фанагории, на землях, которые принадлежали этому полису (Кузнецов 2013, 314–327, особ. 321).

⁴ Завойкина 2013, 241–242, 245, 250–251 (№ 11).

⁵ Картографирование надписей Фанагории, в том числе, на основании археологических отчетов второй половины 19 – начала 20 вв. из архива ИИМК: Розанова 1949, 170–179; Ломтадзе (Завойкина) 1996, 147–157 (из-за значительного количества технических погрешностей в тексте эта статья нуждается в переиздании). На северо-западной окраине городища Фанагория (в районе раскопа «Город А») было найдено 9 надписей, в двух из них упоминается Аполлон (КБН 975, 985). Последнее обстоятельство позволило предположить существование центра почитания Аполлона в этом районе города в первые века (Ломтадзе 1996, 154–156).

Подводные исследования последних лет затопленной части памятника, расположенной на небольшом удалении от территории «Города А», выявили значительных размеров портовое сооружение конца 3–4 в. (Кузнецов, Латарцев, Колесников 2006, 260–280; Kuznetsov, Olkhovskiy 2014, 62–66). При его строительстве использовались, в том числе, мраморные архитектурные детали, мраморные блоки и плиты с надписями, доставленные из других частей города и с некрополя. В частности, при исследовании этого объекта были обнаружены надгробие Гипсикратии, жены (наложницы) царя Митридата Евпатора, и строительная надпись 220 г. Отмеченные факты подводят к предположению, что надписи, найденные на территории «Города А» могли быть перемещены на северо-западную окраину Фанагории ближе к концу 3 в. для строительных нужд в портовой части города. Остается неизвестным, однако, из какой части города они были доставлены в прибрежную зону.

⁶ Розанова 1941, 247–257.

фанагорийские надписи публиковались Т. В. Блаватской, Н. С. Беловой, Ю. Г. Виноградовым, Д. И. Даньшиным, В. П. Яйленко, В. Д. Кузнецовым, Н. В. Завойкиной. В период между 1965 и 2013 гг. было опубликовано 29 надписей.⁷ С 2013–2021 гг. в научный оборот был введен еще 21 памятник разной степени сохранности.⁸ Тем не менее, количество надписей, найденных на городище или в его ближайшей округе, остается не таким уж значительным, учитывая тысячелетнюю историю этого крупного античного города. Не следует оставлять без внимания то, что значительное число надписей дошло в сильно фрагментированном виде.⁹ Таким образом, публикация новых надписей из раскопок Фанагории не только пополняет их количество, но и привносит свежие документальные свидетельства о различных сферах жизни фанагорийского социума.

Надпись 1 (рис. 1). Фрагмент небольшого мраморного прямоугольного блока, обломан с левой стороны. Он был найден при раскопках на «Нижнем городе» в 2019 г., во вторичном использовании в слое 6 в. н. э. Обработанная поверхность сохранилась с нижней, верхней и правой сторон блока. Его высота – 6 см; длина по передней плоскости – 12,1 см, длина по задней стороне – 16 см; толщина – 9,6 см. На лицевой стороне сохранилась правая часть трехстрочной надписи. Высота букв – 1 см; расстояние между строк – 0,4–0,5 см.

Датировка надписи определяется палеографическими особенностями. Равные симметричные буквы лишены каких-либо украшений и вырезаны аккуратно. Они одинаковой высоты, за исключением *омикрон*: он меньше остальных букв и расположен по центру высоты строки (его стороны не касаются ее верхней и нижней частей). *Альфа* вырезана с изогнутой центральной перекладиной; *бета* состоит из двух несимметричных полуovalов, которые не смыкаются в центре вертикальной гасты; *дельта* в виде равнобедренного треугольника без апексов; *эпсилон* с укороченной центральной горизонталью; центральная перекладина *ню* не доходит до нижнего края правой гасты; *ро* с небольшим и почти круглым сегментом; *сигма* имеет слегка разведенные вверх и вниз горизонтальные гасты; «широкие» *тау* и *ипсилон*. Отмеченные особенности в начертании ряда букв характерны для надписей конца 1 в. до н. э. – первой половины 1 в. н. э.¹⁰

Надпись:

1. [-8/10-] - -ΙΝΟΣΣ - - -
[-8/10-] ΝΔΡΟΣΑΥΤ
[-8/10-] ΙΒΑΤΕΙ vac.

1. После отступа от левого скола видны нижняя часть вертикальной гасты и фрагменты *ню*. После *сигмы* с отступом в 0,5 см видна в сколе верхняя часть другой *сигмы*. 2. В начале строки после скола сохранилась правая часть *ню*. 3. После небольшого отступа от левого скола постамент видна *йота*, далее вырезано ΒΑΤΕΙ.

Небольшие и аккуратные пропорции мраморного прямоугольника, заглаженная поверхность (сохранилась правая часть), наличие надписи на фронтальной стороне – все это вкуче подводят к выводу, что данный блок является, по всей видимости, частью постамента votивного приношения (возможно, служил основанием для небольшой статуэтки). В связи с этим предполагаем, что надпись на постаменте была посвяжительной. Учитывая сохранившиеся размеры блока

⁷ Перечень находок: Тихонов 2014, 209–210. В этой работе не учтены надгробия из Фанагории, изданные В. Д. Кузнецовым и Н. Поваляевым (Kuznetsov, Povalahev 2013, 173–179).

⁸ Kuznetsov, Povalahev 2013, 173–179; Завойкина 2016; 2018 (переиздание: 2020).

⁹ Примерно с 2005 г. ведется работа по электронной публикации 3-го издания «Корпуса древних надписей Северного Причерноморья» (IOSPE³, см.: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>). Однако полноценное издание надписей Фанагории, которые должны войти в том IV («Надписи Азиатского Боспора»), остается делом будущего.

¹⁰ Болтунова, Книпович 1962, 20–22, табл. III. 2–4.

Рис. 1. Постамент с надписью № 1:
а – вид с верху; б – фронтальный вид

и количество литер в строках можно думать, что изначальная длина строки составляла примерно 16–17 букв. Таким образом, в каждой строке с левой стороны утрачено 8–9 букв.

Известная с 6 в. до н.э. краткая формула посвятительных надписей «ὁ δεῖνα τῷ θεῷ»¹¹ позволяет реконструировать структуру и отчасти текст надписи по сохранившимся обрывкам слов и буквам. В фанагорийской надписи имя чтимого божества в *dat. sing.* было вырезано, по всей вероятности, в начале стк.1 и не сохранилось, далее следовали имена трех донаторов в *nom. sing.*, их отчества указывались в генетивной форме. В стк. 1 буквы ΙΝΟΣ принадлежат антропониму на -ivos, например, Ἀττακῖνος, Ἐπιχαρῖνος, Ἴπλαινος, Φιλῖνος и т.п. Сигма в конце стк. 1 принадлежит отчеству донатора, чье имя оканчивалось на -ivos. В стк. 2 сохранившиеся буквы позволяют восстанавливать имя и отчество фанагорийца как [- ? - α]νδρος Αὐτ[- ? -]. Среди мужских имен на -ανδρος наибольшей популярностью на Боспоре пользовалось имя Ἀλέξανδρος¹²; из других имен с этим же композитом на Боспоре отмечены Ἄσανδρος (КБН 1278₉, 1280₁₂₋₁₃), Μένανδρος (КБН 74, 395, 912, 1137). Из имен на Αὐτ- в боспорской антропонимии известны: Αὐτοκλῆς (КБН 174), Αὐτόνομος (КБН 947 Б). Впрочем, могло упоминаться и другое имя на Αὐτ-, например, Αὐτέας, Αὐτοδάμος и пр. В стк. 3 буквы ΒΑΤΕΙ представляют, по всей видимости, форму в *gen. sing.* имени Βάτεις.¹³ Имя Βάτεις является итацистическим вариантом др.-греч. Βάτις¹⁴, Βαττίς (IG VII 4192). Среди однокоренных

¹¹ Примеры см. Lazzarini 1976, 224–230

¹² Отмечено в боспорских надписях более 29 раз (КБН 36, 325, 474, 1169 и пр.).

¹³ Об именах на -εις: Тохтасьев 2012, 431–444.

¹⁴ Zgusta 1955, 367, § 928.

имен упомянем Βάτος (IOSPE I² 85₉), Βάττας (КБН 1137 в II₁₆), Βατίων¹⁵, Βάτων (КБН 1056 I₃; Яйленко 2010, 665–666). По мнению Ф. Бехтеля, все эти имена являются гипокористическими Kurzformen композитных имен с -βατος: Εὔβατος, Ὑπέρβατος, Εὐρυβάτης и т.п.¹⁶ Существует и другое мнение. Имена с основой βατ- негреческие по своему происхождению. Они происходят из фрако-иллирийского ареала, откуда в 6–5 вв. до н.э. проникли в эллинскую антропонию¹⁷ и были адаптированы в разных др.-греческих диалектах с присущими им особенностями. Перед Βάτει видна йота, которая должна принадлежать генетивному окончанию -ει предшествующего имени, например, Γάστει (КБН 376, 377, 379, 380, 1154, 1180 и пр.) или Πάτει (КБН 1242₁₉₋₂₀, 1280₁₈₋₁₉ и пр.), восходящих, соответственно, к Γάστεις и Πάτεις. Однако подобное предположение противоречит структуре написания имен в стк. 1–2, следуя которой перед отчеством Βάτει (сын Батия) должно располагаться личное имя в номинативе. Предположение, что перед Βάτει было вырезано еще одно отчество на -ει, а перед ним стояло личное имя посвяtitеля (такой-то, сын ...ия, внук Батия), лишено основания из-за лакуны 8–10 букв перед Βάτει. Эта лакуна вмещает вторую часть отчества Αὐτ- из стк. 2 и личное имя третьего посвяtitеля. Сказанное подводит к заключению, что концевая сигма в личном имени сына Батия оказалась ошибочно пропущена резчиком. в качестве *ex. gr.* предлагаем восстановление [Πάτε]ι<ς>.

Исходя из сказанного, можно предложить следующую реконструкцию надписи:

- [θεῶ δεῖνι Φιλ¹⁸]ῆνος Σ - - -
[- 5/6 -, Μένα]υδρος Αὐτ-
[ονόμου, Πάτε]ι<ς> Βάτει *vac.*

Перевод: *pomen dei (Фил)ин, сын С ..., (Мена)ндр, сын Авт(онома), (Пат)ий, сын Батия.*

Надпись 2 (рис. 2). Фрагмент мраморной плиты. Найден при раскопках на «Нижнем городе» в 2019 г., в слое 6 в. н.э. Размеры фрагмента: высота – 17 см, толщина – 4 см, длина макс. – 13,5 см. На лицевой стороне плиты сохранились остатки 6-ти строк правой части надписи. Высота букв: в стк. 1 – 2,5 см, в стк. 2 – 6–1,4 см. Расстояние между строк – 1 см. Начертания букв характерны для второй половины 2 в. н.э.¹⁹

Надпись:

- [...]*N vac.*
[...]-ΛΕΞΑΝ
[...]-ΦΙΛΟΥ
[...]-ΚΚΟΥ
- [...]-ΕΣΩ
[...]-ΩΔ

1. Видна правая часть *ню*, после нее следует пустое поле. 2. После скола виден нижний край правой косой гасты; у *ню* в конце строки верхняя часть уничтожена сколом. 4. В начале строки видна верхняя часть верхней косой гасты *каппы*. 6. После *омикрон* видна левая наклонная гаста *лямбды*.

¹⁵ Zgusta 1955, 367, § 928.

¹⁶ Bechtel 1917, 595.

¹⁷ Яйленко 2010, 666 (с отсылкой на гипотезу Ф. Покорного о восхождении слов с основой bat (t)- в разных древних языках к общей средиземноморской основе *bat – царь).

¹⁸ Курсивом выделены предполагаемые восстановления, которые наилучшим образом заполняют лакуны.

¹⁹ Книпович, Болтунова 1962, 24–25

Рис. 2. Надпись № 2

Тип и структура надписи не поддаются определению, впрочем, не восстанавливается и длина строки. Не имеют однозначного восстановления и остатки слов в строках. В стк. 1 буква *ню* является последней, после нее следует пустое поле длиной около 10 см. Такое расположение буквы и ее крупные размеры (в два раза больше букв строками ниже) дают некоторую надежду на то, что *ню* является последней буквой в зачине надписи. В стк. 2 буквы ΛΕΣΑΝ могут трактоваться, например, как фрагмент антропонима Τελέσανδρος (IG II² 2329) или Ἀλέσανδρος (= Ἀλέξανδρος), отмеченного в надписях городов Малой Скифии, Галатии (IScM I 275, 280; SEG 41. 1149). В стк. 3 буквы ΦΙΛΟΥ могут выступать генетивной формой антропонима на -φίλος, например: Μηρόφιλος (КБН 130_{12'}, 710, 1262₁₆ и др.), Πάμφιλος (КБН 36 В_{31-32'}, 388, 483 и др.), Θεόφιλος (КБН 36 В₆₈, 92, 99 и др.). В стк. 4 буквы ΚΚΟΥ рассматриваем предположительно как генетивную форму имени на -κκος: Μόκκος (КБН 538, 539, 933, 1270, 1280_{19-20'}, 1282_{20-21'}, 1286₁₀), Κόκκος (КБН 1193), Φλάκκος, Μίκκος и т.п.

Надпись 3 (рис. 3). Фрагмент колонны из серого мрамора, обломан сверху и снизу, найден при раскопках на «Нижнем городе» Фанагории в 2021 г. Обнаружен в развале камней в траншее 6 в.н.э. Высота макс. – 31 см; диаметр – 26 см. На лицевой поверхности колонны сохранились три строки надписи. Строки 1 и 2 в конце декорированы изображениями листков плюща. Высота букв в стк. 1 – 2,5 см, в стк. 2 и 3 – 3 см. Следует отметить уникальность этой находки: в лапидарной коллекции Фанагории впервые появляется вотивное приношение в виде колонны из мрамора.²⁰

Буквы надписи крупные и равновеликие, вырезаны аккуратно, украшены апексами. Хроноиндикаторы в надписи представлены сочетанием нескольких особых форм букв: *тета* в форме круга, центральная горизонталь не касается его боковых

²⁰ Этот тип вотивных даров божествам отмечен повсеместно в крупных античных центрах.

граней; *омикрон* в форме круга и одного размера с буквами в строке; прямоугольная *сигма*; остроугольная курсивная *омега*; *ипсилон* и *пси* с широко разведенными косыми верхними гасками и с короткими горизонтальными гасками, отделяющими верхние части буквы от их вертикальной основы. Аналогии отмеченным формам букв встречаются в надписи 188 г. из Танаиса (КБН-Альбом 1242). В ней отсутствует такой элемент украшения как горизонтальная черта под верхней частью *ипсилон* и *пси*. Указанное начертание *ипсилон* и *пси* отмечается в надписи фиаса из Горгиппии 161 или 171 г.²¹ Таким образом, палеографические особенности шрифта нового посвящения позволяют датировать надпись 160-ми – началом 170-х гг.

Рис. 3. Посвящение Богу Высочайшему (надпись № 3): *а* – левая часть надписи; *б* – правая часть надписи

Надпись: 1. ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ
ΘΕΩ ΨΙΣΤΩ
ΙΟΥΛΙΟΣ

3. Вырезано одно слово, далее текст утрачен.

Чтение: 1. Ἀγαθῆ τύχη
Θεῷ ψίστῳ
Ἰούλιος

Перевод: в добрый час. Богу Высочайшему Юлий ....

Культ безымянного бога с эпитетами «высочайший», «внемлющий», «гремящий» «справедливый», «вседержитель», «благословенный» получил распространение в городах Боспора в 1–3 вв. Среди исследователей нет единого мнения об этнической и культурно-религиозной принадлежности этого

²¹ Завойкина, Новичихин 2022, 135–138.

божества. В интерпретации культа Бога Высочайшего я солидарна с гипотезой С. Митчелла, согласно которой этот культ был монотеистическим по природе. На его формирование оказали влияние монотеистические культы Ближнего Востока и Малой Азии. Священным животным Бога Высочайшего был орел, а объектом почитания в этом культе был солнечный свет и его земная проекция – огонь. Поэтому зажжённые светильники были одним из основных видов приношений этому божееству.²² Многочисленные посвятельные надписи фиксируют почитание этого божества в Пантикапее, Китее, Горгипии, Танаисе. Новая надпись дополняет список боспорских городов, где чтити безымянного бога, Фанагорией.

Приношение безымянному богу сделано неким Юлием. В боспорских надписях это имя обычно сопряжено со вторым именем (греческим, сарматским и пр.). Подобные сложные имена в первые века носили провинциальные и местные аристократы, получившие римское гражданство в правление императора, чье имя они носили.²³ Представители семей боспорских Юлиев получили права римских граждан, по всей видимости, в правление династии Юлиев в Риме. Так, в царском рескрипте из Гермонассы (КБН 1096²⁴) среди членов городского совета упоминается целая группа лиц с именем Юлий, которые не обязательно были родственниками, но, по всей видимости, принадлежали к привилегированному слою боспорской знати, на вершине которого располагался царский род боспорский Тибериев Юлиев. Среди наиболее ярких представителей боспорской аристократии с именем Юлий второй половины 2 в. н. э. привлекает внимание Юлий Менестрат. Надписи зафиксировали его карьерный путь от хилиарха, главного постельничего Савромата II до пресбевта в Танаисе (КБН 1049, 1245). Об особых отношениях Юлия Менестрата и правящего монарха свидетельствует статуя Савромата II, которую царедворец установил в честь победы царя над таврами в Фанагории, будучи уже освобожденным от должности пресбевта.²⁵ Род Юлия Менестрата был связан с Фанагорией и островным наместничеством еще со времени правления царя Аспурга (КБН 40).²⁶ Несколько косвенных моментов указывают на вероятность того, что мраморная колонна могла быть посвящена именно Юлием Менестратом: во-первых, очевидная дороговизна мраморного вотива с качественно исполненной надписью предполагает высокую платежеспособность донатора; во-вторых, имеются основания думать об особой связи Юлия Менестрата с Фанагорией, которая, вероятно, была его родным городом.

Надпись 4 (рис. 4). Массивная квадратная (изначально) плита из мраморно-видного известняка. Найдена в 2021 г. в развале камней в слое 6 в. при исследовании «Нижнего города». Частично обколота верхняя часть левой и правой сторон, левая часть нижней стороны. Сколы на верхней стороне блока. Обработанные поверхности сохранились на левой и правой боковых и нижней сторонах плиты. Размеры: высота – 39 см, ширина – 38,5 см, толщина – 17 см. Внушительные размеры камня указывают, что он, по всей видимости, являлся строительной деталью и находился, возможно, в кладке стены крупного здания.

Лицевая отшлифованная поверхность сохранилась фрагментарно, только в левой части плиты. На ней видны остатки пяти строк. Центральная и правая части лицевой поверхности уничтожены практически полностью в ходе вторичного использования камня. Строки надписи расположены на равном удалении друг от друга. Высота букв – 1,2–1,5 см; расстояние между буквами – 0,5–0,8 см.

²² См. Завойкина 2018, 46–48.

²³ Завойкина 2013а, 266–267; 2013б, 250–256.

²⁴ Уточнение чтения надписи после сверки с камнем: Яйленко 2010, 519–523.

²⁵ Завойкина 2013б, 250–255.

²⁶ Там же, 255–256.

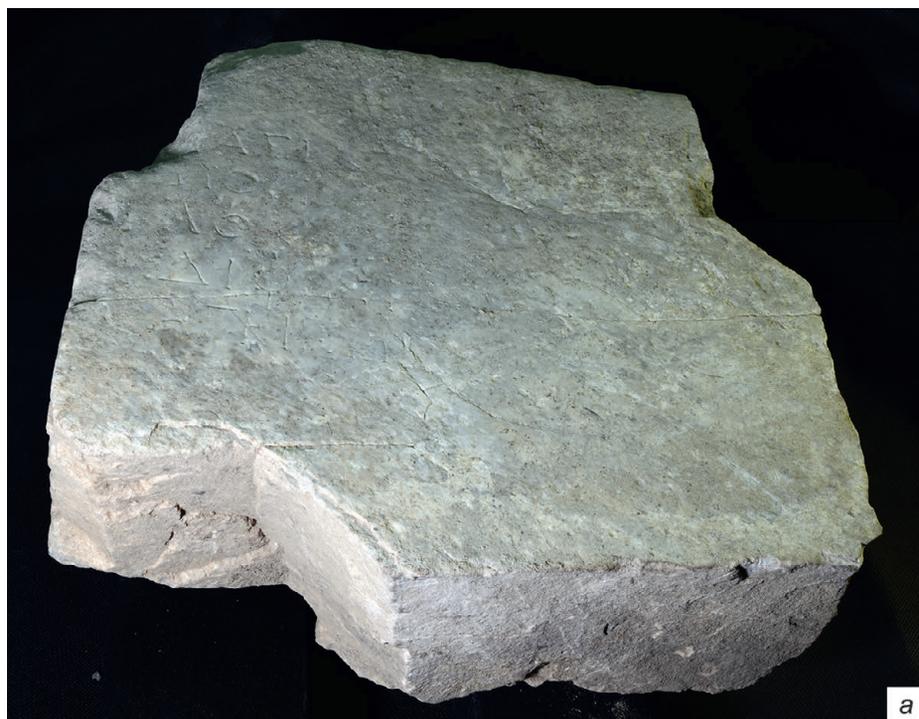
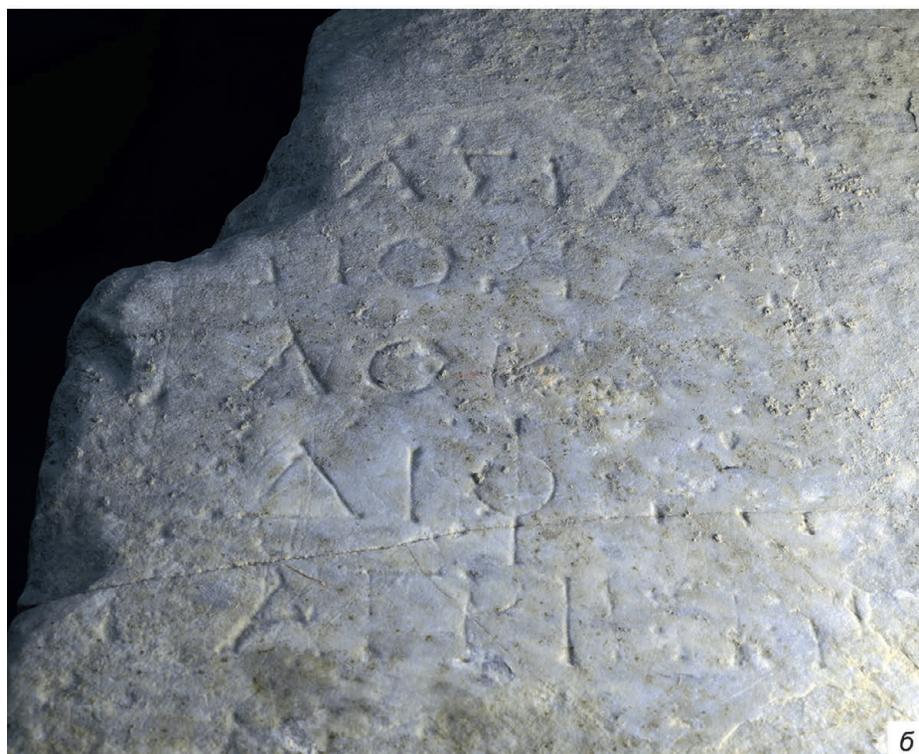

Рис. 4. Надпись № 4:
а – общий вид плиты; б – надпись

В строках буквы вырезаны аккуратно, неглубокими линиями, без апексов и прочих украшений, на равном удалении друг от друга. Соблюдены одинаковые расстояния между строк. *Альфа*, *лямбда*, *дельта* вырезаны с плавно изогнутыми боковыми линиями, правые их гасты выступают за верхние края букв. *Мю* – с ровными боковыми гастами и короткой центральной частью; *омикрон*

в форме немного уплощенного круга имеет одинаковую высоту с остальными буквами в строке; *пи* – широкая, с сильно выступающей за боковые гасты горизонтальной перекладной; *ро* – на высокой ножке с округлым сегментом; *сигма* – боковые верхние гасты короткие, косые линии не глубоко направлены в центр буквы; *фи* – вертикальная гаста длинная, выступает за края строки, центральная часть буквы изображена в форме круга. Отмеченные характеристики свойственны надписям первой трети 3 в. (ср. КБН-Альбом 1230, 1231). Палеографические характеристики согласуются с датировкой надписи по боспорской эре (см. ниже).

Надпись:

1.[...]-ΑΣΙΛΕ[...]
 [...]ΠΟΡΙΔ[...]
 [...]ΛΟΚΑ[...]
 [...]ΔΙΦ ΜΗ[...]
 [...]ΑΓΡΙΠΠΕ[...]

1. Перед *альфой* скол уничтожил левую сторону блока. После *лямбды* лицевая поверхность сколота. 2. *Ро* сохранилась частично, на камне видны вертикальная гаста и нижняя часть полуовала. 4. В конце строки *эта* видна слабо из-за сильной затертости поверхности камня. 5. В конце строки после *пи* видна вертикальная гаста и фрагменты вертикалей *эпсилон*. Далее лицевая поверхность уничтожена.

Сохранившиеся буквы в стк. 1–2 (-ΑΣΙΛ- | -ΠΟΡΙΔ-) и в стк. 4 (-ΛΟΚΑ-) восстанавливаем как эпонимную формулу обычную для надписей Боспора 1–3 вв. н.э.: [Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου] | [Πουλίου Ῥησκου] πόριδος, υἱοῦ βασιλέως | [Σαυρομάτου, φι]λοκα[ίσαρος καὶ φιλορωμαίου] | [εὐσεβοῦς...]. В стк. 4 сохранился год установки надписи ΔΙΦ = 514 г. б.э., что соответствует 217 г. н.э. Следовательно, в эпонимной формуле, расположенной в стк. 1–4, должно упоминаться имя царя Рескупорида II.²⁷ Как правило, в почетных и строительных надписях времени Рескупорида II содержится указание на его происхождение от великого царя Савромата, «υἱὸς μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου» (КБН 53, 55, 1245, 1246, 1248; Кузнецов 2007, 229–231). Элемент титулатуры Рескупорида II «υἱὸς βασιλέως Σαυρομάτου» восстанавливается единственный раз в почетной надписи 222 г. (КБН 953). Редкость этого эпитета не позволяет использовать его в реконструкции. В стк. 5 восстанавливаем [ὁ δῆμος] Ἀγριππέ[ων], народ агриппийцев. Напомню, что около 12 г. до н.э. Фанагория была переименована по царскому указу в Агриппию.²⁸ Община агриппийцев отмечена в двух почетных надписях из Фанагории (КБН 979, 980) и одной строительной надписи.²⁹ Лакуна в конце стк. 4 – начале стк. 5 позволяет предполагать также восстановление выражения «ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος Ἀγριππέων». Этникон ὁ Ἀγριππέων уверенно дополняется при выражении «ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος» в почетной надписи 130 г. в честь Котиса II (КБН 982). Присутствие календарной датировки в стк. 4 после эпонимной формулы выглядит непривычно по своему расположению. В большинстве случаев дата завершает боспорские надписи. После эпонимной формулы дата зафиксирована в манумиссиях (КБН 69, 70, 73, 74 и пр.) и в некоторых посвящениях частных ассоциаций (КБН 1134, 1135, 1136+КБН 77 = Калашник 1970, 148–149).

²⁷ Речь идет о Рескупориде сыне Савромата II (210–227 гг.). В боспорской истории известно пять, а не шесть, царей с именем Рескупорид. Путаница в нумерации возникла среди нумизматов из-за необоснованного предположения, что Аспург в 14 г. принял тронное имя Рескупорид, и это имя сокрыто в легенде ΒΑΡ на его монетах. Однако документальные свидетельства времени правления Аспурга (известно уже более 8 надписей) ясно показывают, что Аспург не принял нового тронного имени и правил под своим собственным (Завойкина 2016а, 150–165; Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 687). Недоразумение основано на неверной расшифровке царской монограммы на монетах Аспурга без должного внимания к документальным свидетельствам.

²⁸ Сапрыкин 2002, 102–106, прим. 15; Яйленко 2002, 232; 2010, 282–283.

²⁹ Яйленко 2002, 230. Подробнее о гражданской общине Фанагории: Завойкина 2013в, 172–173.

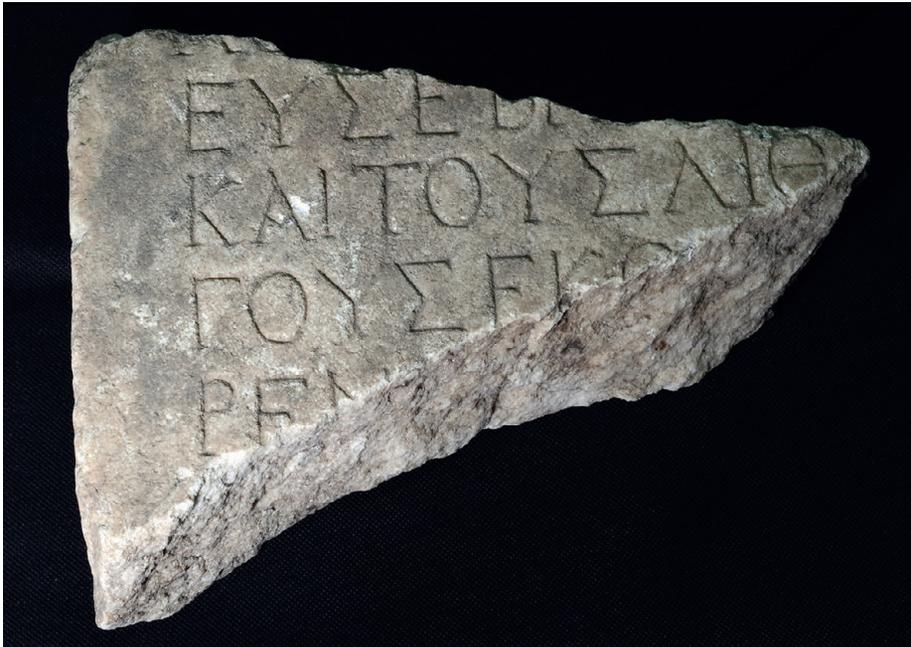

Рис. 5. Надпись № 5

Итак, предлагаем следующий вариант реконструкции:

1. [Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου]
 [Ιουλίου Ῥησκου]πόριδ[ος, υἱοῦ μεγάλου βασιλέως]
 [Σαυρομάτου, φιλοκα[ίσαρος καὶ φιλωρωμαίου]
 [εὐσεβοῦς, ἔτους]διφ´ μη[νός τοῦ δεῖνος -----
5. [- ----- ὁ δῆμος] Ἀγριππέ[ων] -----

Перевод: в царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, сына великого царя Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, года 514 б.э., месяца ..., ... народ Агриппийцев ....

Внушительные размеры каменного блока, на котором сделана надпись № 4, позволяют предположить, что она относилась к разряду строительных актов. В пользу такого предположения свидетельствуют два документа из Фанагории. Надпись о возведении храма Геракла и прилегающих к нему построек на теменосе в 1 в. н. э. свидетельствует, что община агриппийцев могла осуществлять строительные проекты в городе.³⁰ В 220 г. в Фанагории, незадолго до этого подвергшейся разгрому, лохагом был восстановлен разрушенный войной портик.³¹ Дата публикуемой надписи (217 г.) близка по времени к акту 220 г., что позволяет, конечно с известной долей осторожности, сопоставлять эти документы.

Надпись 5 (рис. 5). Фрагмент мраморной плиты. Найдена в 2021 г. при исследовании «Нижнего города», в развале камней в слое 6 в. Размеры плиты: ширина – 31,5 см, высота – 22 см, толщина – 8 см. На плите сохранилась левая сторона надписи. Отступ текста от левого края плиты – 4,5 см. На лицевой поверхности с левой стороны сохранились начальные буквы 4-х строк надписи. Высота букв – 1,5–1,7 см, расстояние между строк – 0,5–0,7 см.

³⁰ Яйленко 2002, 229–234.

³¹ Кузнецов 2007, 229–231, 235–236.

Формы букв надписи характерны в целом для архаизирующего монументального шрифта первой половины 3 в. н. э.³² Этот простой и строгий шрифт отличается использованием форм букв, которые были распространены в 1 в. н. э. Основные его отличия заключаются в использовании удлинненного овала вместо круга у *омикрон* и *теты*; острые углы у *сигмы* сглажены, центральная часть буквы укорочена; *ипсилон* имеет большую верхнюю часть на коротком вертикальном основании. Наиболее близкими аналогиями шрифту фанагорийской надписи представляются формы букв в надписях на базе статуи Каракаллы 201 г., на базе статуи Рескупорида II 223 г., в посвящениях частных сообществ 209 г. и 220 г. из Танаиса (КБН-Альбом 52, 55, 1276, 1278). Отмеченные параллели дают основание датировать надпись первой четвертью 3 в. н. э.

Надпись:

1. ΚΘ[...]
 ΕΥΣΕΒΙ[...]
 ΚΑΙΤΟΥΣΛΙΘ[...]
 ΓΟΥΣΕΚΘ[...]
 ΡΕΝ[...]

1. В начале строки видны нижние части вертикальной и наклонных гас *каппы*, далее в сколе видна левая нижняя часть *омикрон*. 2. В конце строки виден нижний полуовал *беты* и нижняя часть вертикальной гас, далее скол уничтожил буквы. 3. После *каппы* сохранилось верхняя часть овала.

Ключевыми для понимания типа и содержания надписи являются стк. 3–4. В стк. 3 буквы ΚΑΙΤΟΥΣΛΙΘ читаются как «καὶ τοὺς λιθ- ? - ». Здесь сохранилось начало существительного или прилагательного на λιθ- в *acc. pl. masc.* или *neutr.* Среди многочисленных слов на λιθ- внимание привлекают сущ. λίθος, камень, и сущ. λιθολόγημα, фундамент из необработанного камня (Хер. Сур. 6.3.25; IG² 1660, 1672, 1685; LSJ, λιθολογ-). Слово λίθος неоднократно представлено в боспорских эпиграфиках первых веков, но только в единственном числе, и выступает синонимом надгробного памятника (КБН 129, 137, 146, 1089; Яйленко 2010, 667, № 13). Определиться с интерпретацией слова в третьей строке помогают буквы ΓΟΥΣΕΚΘ в начале стк. 4, которые понимаем как -γους ἐκ θ-. Окончание *acc. pl.* сущ. (прил.?) на -γους согласуется в числе и падеже с τοὺς λιθ- строкой выше. В надписи из Элевсина встречается упоминания о работах по раскрытию и очистке основания из необработанных камней башни: «... τῶι ἀνελόντι καὶ ἀνακαθήραντι τοῦ πύργου τὸ λιθολόγημα ...» (IG II² 1672₄₆₋₄₇). Эта цитата позволяет предложить чтение стк. 3–4 как: «...καὶ τοὺς λιθ[ολογημάτων] οἰκοδόμησεν περὶ τοὺς πύρ[ους] | γους ἐκ θ[εμελίων], – ...и фундаменты из необработанных камней восстановил вокруг башен от основания...». После τοὺς πύργους в надписи располагается обычное для строительных актов выражение «ἐκ θεμελίων, от основания» (КБН 62, 64, 68, 731, 897, 1112, 1122, 1241, 1246, 1248 и пр.). В боспорских строительных надписях это выражение сочетается, как правило, с гл. οἰκοδομέω или ἀνοικοδομέω (КБН 1241, 1249, 1251), ἀνασκευάζω.³³ Первые два глагола использовались для передачи процесса реставрации или восстановления обветшавших от времени башен и стен города. Гл. ἀνασκευάζω употребляется в случаях восстановления башен от основания из-за разрушений, например, военного характера. Предполагаем чтение οἰκοδόμησεν (отстроил) как один

³² Болтунова, Книпович 1962, 27–28, табл. IV. 3.

³³ Кузнецов 2007, 231.

из возможных вариантов, который согласуется с подлежащим, располагавшимся в строках выше. Союз *καί* в начале стк. 3 указывает, что работы помимо предполагаемых оснований башен затронули еще один объект, название которого располагалось во второй строке. По всей видимости, следует думать о городской стене (*τείχος*), прилегающей к башням, или, что не исключено, въездных воротах (*πυλῶν*), фланкированных башнями.³⁴ В итоге, восстановление 3–4 строк указывает на вероятность того, что мы имеем дело со строительной надписью.

Известно, что строительные надписи на Боспоре ставились как от имени правящего царя, так и от имени чиновников или частных лиц, и сообщали об оказанных благодеяниях по восстановлению или благоустройству полиса (КБН 1045, 1122, 1254; Блаватская 1976, 92–94 = Яйленко 2010, 576–577 и пр.). В начале стк. 1 сохранились нижние части *каппы* и *омикрон*; в стк. 2 – буквы *ΕΥΣΕΒΙ*. Реконструкция начальной части надписи зависит от интерпретации букв *ΕΥΣΕΒΙ*, поскольку конечная вертикальная гаста может быть как *йотой*, так и левой гастой утраченной *эты*. Эти буквы в стк. 2 могут принадлежать как элементу царской титулатуры «*εὐσεβής*, благочестивый», так и личному имени *Εὐσέβιος* или *Εὐσέβιον*. В начале стк. 1 *каппа* и *омикрон* указывают, что в верхней части надписи было утрачено не менее 1–2 строк. Следовательно, они должны входить в состав имени и/или титула лица, осуществившего финансирование работ, либо в эпонимную формулу. Помимо традиционной эпонимной формулы «*βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου ποτε φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς*», в строительных надписях со времени Савромата II встречается краткая эпонимная формула «*Ἐπὶ βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου ποτε*» (КБН 897) или «*Ἐπὶ βασιλεῖ Ῥησκοσπόριδι υἱῷ μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου*» (КБН 1245, 1246, 1248). Однако ни одна из эпонимных формул не укладывается в предполагаемую длину строк в 32–35 букв (ср. стк. 3–4)³⁵, учитывая начальный слог *-ΚΟ-* в стк. 1. Сказанное подводит нас к предположению, что новая надпись была, по всей видимости, поставлена от имени царя Рескупорида II³⁶ (слог *-κο-*, как представляется, относится к его имени). Царь распорядился осуществить ремонтные работы, видимо, стен и башен Фанагории (Агриппии) попечением неизвестной нам персоны. В совокупности сказанное позволяет предложить восстановление начальной части надписи как: [ὁ ἐκ βασιλέων βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησ] | κο[ύπορις φιλόκαισαρ καὶ φιλωρώμαιος] | εὐσεβή[ς]. Элемент «ὁ ἐκ βασιλέων βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησκοπούρις, происходящий от царей царь Тиберий Юлий Рескупорид» засвидетельствован в титулатуре Рескупорида II почетной надписью 223 г. (КБН 55). Аналогией для восстановления остальных «стандартных» элементов титулатуры царя в строительной надписи служит надпись о ремонте храма Ареса в Пантикапее, осуществленная Савроматом II (КБН 63). Согласно формуляру строительных актов, после конечного элемента титулатуры монарха следовало указание на объект строительства и глагол, характеризующий вид работ (*ἀνεγείρω, οἰκοδομέω, ἀνοικοδομέω* и др.). В лакуне стк. 2 после *εὐσεβή[ς]* располагалось, очевидно, указание на характер работ, связанных с ремонтом стен (или ворот), и в качестве *ex. gr.* предлагаем «...καταφθαρέντα πολέμῳ τὰ τεῖχη ἀνασκευάσεν, – разрушенные войной стены восстановил...». Это дополнение вытекает из хронологической близости и отчасти содержания, как считаем, строительной надписи № 5 и строительного акта 220 г. о восстановлении портика, разрушенного войной, из Фанагории³⁷. Военные разрушения Фанагории незадолго до 220 г. В.Д. Кузнецов связывает с нашествием одного

³⁴ О восстановлении разрушенного временем пилона сообщается в строительном акте Савромата I из Фанагории (Яйленко 2010, 577–578).

³⁵ Длина строки в боспорских надписях на прямоугольных плитах в первые века н.э. не превышает 37–39 букв.

³⁶ См. прим. 27.

³⁷ Кузнецов 2007, 229–231.

³⁸ Там же, 235–236.

из варварских племен, обитавших на границах Боспора³⁸. Не исключено также дополнение «...*χρόνῳ καταφθαρέντα τὰ τεῖχη ἀλεκατέστησεν* – разрушенные временем стены восстановил...». Выражение «*καταφθαρέντα χρόνῳ*, разрушенные временем» неоднократно отмечено в надписях Танаиса, касающихся ремонта городских сооружений (КБН 1242₉, 1243₈, 1246₁₁, 1247₉ и пр.).

Строительные работы обычно осуществлялись под руководством одного или нескольких эпимелетов. В строительных актах указывалось, как правило, имя эпимелета (или их имена). Оно вводится выражением *διὰ ἐπιμελείας ...* (или *διὰ ἐπιμελητῶν ...*³⁹). Полагаю, что стк. 4 содержала фразу «*διὰ ἐπιμελείας*», после которой располагалось имя эпимелета. От отчества эпимелета в начале стк. 5 сохранился буквы *-ρεν-*, которые могут принадлежать таким именам как Ἄρρενείδης (IGDolbia 11, 71), Ἐβρενις, Ἐρέννιος⁴⁰ и т.п. Завершалась надпись, по всей видимости, датой (год, месяц и день) по боспорской эре.

Реконструкция:

[ἐκ βασιλέων βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησ]-

1. κοῦπορις, φιλόκαισαρ καὶ φιλωρώμιοις]

εὐσεβῆ[ς, καταφθαρέντα πολέμῳ τὰ τεῖχη ἀνησκευάσεν]

καὶ τοὺς λιθ[ολογημάτων οἰκοδόμησεν περὶ τοὺς πύρ]-
γους ἐκ θεμελίων διὰ ἐπιμελείας τοῦ δεῖνος - - - - -]

5. *ρεν[- - ἐν τῷ ... ἔτει καὶ μηνὶ τῷ δεῖνι...]*

Перевод: происходящий от царей царь Тиберий Юлий Рескупорид, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, *разрушенные войной эти стены отстроил*, и эти фундаменты из необработанных камней *восстановил вокруг* этих башен от основания попечением ...сына - - - рен - - - в году ... и месяце ....

ЛИТЕРАТУРА

- Белова Н. С. 1977. Новые эпитафические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДИ 3, 105–117.
- Блаватская Т. В. 1976. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА 145, 92–97.
- Болтунова А. И., Книпович Т. Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ 3, 3–31.
- Виноградов Ю. Г. 1991. Фанагорийские наемники // ВДИ 1, 14–33.
- Ворошилова О. М., Завойкина Н. В., 2016. Надгробие фиасота Мокка, сына Левкия, из Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 24–33.
- Габелко О. Л., Завойкина Н. В., Шавырина Т. Н. 2007. «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века н. э. // АМА 12, 334–344.
- Даньшин Д. И. 1991. Три новые надписи из Фанагории // КСИА 204, 98–102.
- Даньшин Д. И. 1993. Фанагорийская община иудеев // ВДИ 1, 59–72.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В. 2020. Третий декрет Спартокидов из Фанагории // ДБ 25, 134–155.
- Завойкина Н. В. 2008. Фрагмент манумиссии из Фанагории // ДБ 12/1, 226–231.
- Завойкина Н. В. 2013а. Фанагорийское общество // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 240–313.
- Завойкина Н. В. 2013б. Из истории боспорской элиты II–III вв. н. э.: Юлий Менестрат и Хофразм сын Фаргобака // ПИФК 2, 250–262.

³⁹ Несколько эпимелетов обычно упоминаются в строительных надписях из Танаиса (КБН 1242, 1243, 1245, 1250).

⁴⁰ LGPN 4, Ἐβρενις, Ἐρέννιος.

- Завойкина Н. В. 2013в. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. Москва.
- Завойкина Н. В. 2016а. Царь Аспург, он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования (Боспорские чтения XVII). Керчь, 150–165.
- Завойкина Н. В. 2016б. Новые надписи Фанагории (находки разных лет) // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 2). Москва, 208–229.
- Завойкина Н. В. 2018а. Новая посвятельная надпись из Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7). Москва, 106–116.
- Завойкина 2018б. Боспорская нефть или нефть для Боспора // НЭ 20, 39–49.
- Завойкина Н. В. 2020. Из эпиграфики Фанагории // ПИФК 2, 62–65.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М., Константинов В. А. 2018. Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгииппии // ВДИ 3, 680–692.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М. 2022. Надписи из раскопок в пригороде античной Горгииппии // ВДИ 1, 133–149.
- Застрожнова Е. Г. 2019. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). Санкт-Петербург.
- Калашник Ю. В. 1970. К надписям КБН 77 и КБН 1136 // ВДИ 4, 148–152.
- Кузнецов В. Д. 2006. Новые надписи из Фанагории // ВДИ 1, 155–172.
- Кузнецов В. Д. 2007. Новые надписи из Фанагории // ВДИ 1, 227–243.
- Кузнецов В. Д. 2013. Апатур // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1), Москва, 314–329.
- Кузнецов В. Д., Латарцев В. Н., Колесников А. Б. 2006. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ 9, 260–280.
- Ломтадзе Н. В. (Завойкина) 1996. Картографирование эпиграфических памятников Фанагории источник по исторической топографии города // В. П. Яйленко (ред.), История и культура древнего мира. Москва, 147–158.
- Розанова Н. П. 1941. Новые надписи Таманского полуострова // СА VII, 247–257.
- Розанова Н. П. 1949. Посвятельные надписи из Фанагории как источник для топографии города // ВДИ 3, 170–179.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже эпох. Москва.
- Тихонов В. А. 2014. Лапидарные надписи Боспора Киммерийского, не вошедшие в «Корпус боспорских надписей» // Вестник Московской финансово-юридической академии 1, 204–219.
- Тохтасьев С. Р. 2012. Этническая и демографическая история античного Северного Причерноморья по данным эпиграфики и ономастики. Санкт-Петербург.
- Яйленко В. П. 1984. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Л. А. Гиндин (ред.), Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история. Археология. Москва, 210–223.
- Яйленко В. П. 1986. Одна боспорская эпитафия // Г. А. Кошеленко (ред.), Проблемы античной культуры. Москва, 222–226.
- Яйленко В. П. 2001. Вторая фанагорийская проксения // ДБ 4, 474–483.
- Яйленко В. П. 2002. Описограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота // ПИФК XII, 229–241.
- Яйленко В. П. 2003. Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х гг. // ДБ 6, 351–376.
- Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский Рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. Москва.
- Bechtel F. 1917. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Dublin.
- Kuznetsov V., Olkhovskiy S. 2014. Port Structures of Roman Times in Phanagoria // SKILLIS: Managing the Underwater Cultural Heritage 14. Supplementum 1, 62–66.

- Kuznetsov V., Povalahev N. 2013. Grabinschriften Phanagoreais // N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg.), Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos (Altertümer Phanagoreias 1). Göttingen, 173–180.
- Lazzarini M. L. 1976. Le formule delle dediche votive nella Grecia Arcaica (Memorie. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. XIX. Fasc. 2). Roma.
- Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.

М. Е. Клемешова

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШУХА-1 В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Аннотация. Автором исследован комплекс лепной посуды поселения Шу́ха-1, расположенного в Крымском районе Краснодарского края. К нему относится керамика эпохи поздней бронзы (в основном, сабатиновская культура) и 6–5 вв. до н. э. Изучение составов формовочных масс этой посуды по методике, разработанной А. А. Бобринским, показало, что гончарные технологические традиции составления формовочных масс керамики эпохи поздней бронзы и 6–5 вв. до н. э. в целом различны. Для первой, в основном, характерен рецепт «глина+шамот+выжимка из навоза животных», для второй – «илистая глина+органический раствор» или «глина+дресва из кальцита». В то же время, в керамике эпохи поздней бронзы встречается рецепт из глины с кальцитом, широко распространенный на этой территории в античное время. Керамика 6–5 вв. до н. э. сделана, в основном, из двух видов формовочных масс: из илистой глины с естественной примесью раковины и из глины с дресвой из кальцита. Керамика первого вида составляет около 2/3 всей посуды этого времени. Согласно результатам исследования автором лепной керамики памятников 6–5 вв. до н. э., территорию Азиатского Боспора и прилегающего к ней с востока района, можно разделить на две части по различиям в гончарных технологических традициях составления формовочных масс. В северо-западной подавляющая доля керамики изготавливалась из илистой глины с естественной примесью раковины, в юго-восточной – из глины с дресвой из кальцита. Морфологически керамика этих территорий также различна и состоит из устойчивых типов сосудов.

Поселение Шу́ха-1 находится в приграничной зоне, относясь к северо-западной области. На поселении Шу́ха-1 впервые выделена представительная группа лепной керамики 6–5 вв. до н. э. из глины с шамотом. В более западных районах такая керамика единична. Один из типов горшков античного времени представляет особый интерес с точки зрения происхождения, хронологии, территории распространения и культурной принадлежности. Это так называемый тип горшков с «воротничком» на венчике. Он выражен двумя вариантами: с гладким «воротничком» и с пальцевыми вдавлениями на нем. На Азиатском Боспоре эти сосуды встречаются только в восточной его части и только в третьей четверти 6 – первой половине 5 вв. до н. э. На основании анализа лепной керамики ряда памятников можно говорить, что эти горшки относятся к отдельной группе керамики и изготавливались населением, отличным от населения выделенных северо-западной и юго-восточной областей Азиатского Боспора. Возможно, оно родственно связано с первым из них, предположительно, синдами.

Ключевые слова. Азиатский Боспор, поселение Шу́ха-1, лепная керамика, эпоха поздней бронзы, 6–5 вв. до н. э., типы сосудов, формовочная масса.

M. E. Klemeshova

HAND-MADE CERAMICS FROM THE SHUKHA-1 SETTLEMENT IN THE KRASNODAR REGION

Abstract. The article's author investigated a group of hand-made ware from the Shukha-1 settlement, located in the Krymsky district of the Krasnodar region. It includes ceramics from the Late Bronze Age (related mainly to the Sabatinovskaya culture) and from the sixth–fifth centuries BC. The study of the compositions of these dishes, using the method developed by A. A. Bobrinsky, showed that the technological traditions of compiling the paste of ceramics of the Late Bronze Age and the sixth–fifth centuries BC are generally different. For the first group, the “clay+grog+dung liquid” technique is mainly characteristic, for the second – “silty clay+organic solution” or “clay+crushed rock (calcite)” techniques prevail. For Late Bronze Age ceramics, there is also a “clay and calcite” technique, spreading in this area in ancient times. Pottery from

the sixth–fifth centuries BC is usually made from two types of paste: from silty clay with a natural mixture of shells and from clay with crushed rock (calcite). Pottery of the first type makes up about 2/3 of all dishes of the period. According to the results of the author's study of hand-made ceramics from archaeological sites dating to the sixth–fifth centuries BC, the territory of the Asian Bosphoros and its Eastern neighbouring region is divided in two parts based on the differences in the technological traditions of creating the paste. In the Northwest, the majority of ceramics was made from silty clays with a natural mixture of shells, while in the Southeast a clay with crushed rock (calcite) mixture was used. Morphologically, the pottery of these territories is also different and consists of stable vessels.

The Shukha-1 settlement is located in the border zone, belonging to the Northwestern region. There, for the first time, a large group of hand-made ceramics dating to the sixth–fifth centuries BC made from clay and grog was identified. In the regions to the West such pottery is rare. One of the types of ancient pots is of particular interest in terms of origin, chronology, distribution area and cultural affiliation. It is the pot with a “collar” on the rim type and it can be seen in two variants: with a smooth “collar” and with a “collar” with finger impressions on it. In the Asian Bosphoros, these vessels are found only in its Eastern part and only date between the third quarter of the sixth and the first half of the fifth centuries BC. Based on the analysis of hand-made ceramics from a number of sites, it can be said that these pots belong to a separate group of ceramics and were made by a population different from the population of the identified Northwestern and Southeastern regions of the Asian Bosphoros. This population, however, could be related to the first group, most likely Sindoi.

Key-words. Asian Bosphoros, Shukha-1 settlement, hand-made ceramics, Late Bronze Age, sixth–fifth centuries BC, types of vessels, paste.

Поселение «Шуха-1» расположено на надпойменной террасе правого берега р. Шуха (рис. 1), в 1,46 км к югу от ж/д переезда автомобильной дороги «Варениковская–Анапа» в ст. Варениковская Крымского района Краснодарского края и в 1,7 км к юго-западу от западной границы кладбища этого населенного пункта.¹

Была исследована площадь в 8350 м², мощность культурного слоя на разных участках составила 0,75–0,9 м. Основное число находок происходило с раскопов Г, Д, Е. Археологический материал относился к эпохе поздней бронзы, раннего железного века (период античности, 6–5 вв. до н. э.) и средневековья (8–10 вв., салтово-маяцкая культура). В настоящей статье приводятся результаты изучения лепной керамики эпохи поздней бронзы – античного времени. Представлены результаты анализа состава формовочных масс этих изделий, выполненного автором по методике, разработанной А. А. Бобринским.²

Посуда позднебронзового века³ и, возможно, начала раннего железного века представлена изделиями нескольких культур. Большая часть фрагментов (49 экз., учтены профильные части и орнаментированные стенки) принадлежит культуре круга Ноуа-Сабатиновка, 15–12 вв. до н. э.⁴ (рис. 2, 3). Вся эта керамика не имеет лощения, что отличает ее от изделий сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья и Крыма⁵ и, видимо, характеризует ее локальный вариант. Ей в основном присущи светло-рыжая внешняя и черно-серая внутренняя поверхности. Встречается посуда с черно-серыми или серо-бежевыми, слегка осветленными поверхностями. Керамика представлена фрагментами горшков (рис. 2. 1, 2, 4, 5, 7–15, 17, 19–23; 3. 1–10) и одноручных (?) сосудов с вертикально поставленной ручкой (рис. 2. 3, 6, 16, 18). Для первых характерны налепные или вытянутые из глиняной массы полого тела сосуда валики с округлыми вдавлениями или насечками. Встречаются выпуклые круглые цилиндрические и конические элементы (рис. 2. 1, 14). Составы формовочных масс (далее ФМ) представлены в таблице 1.

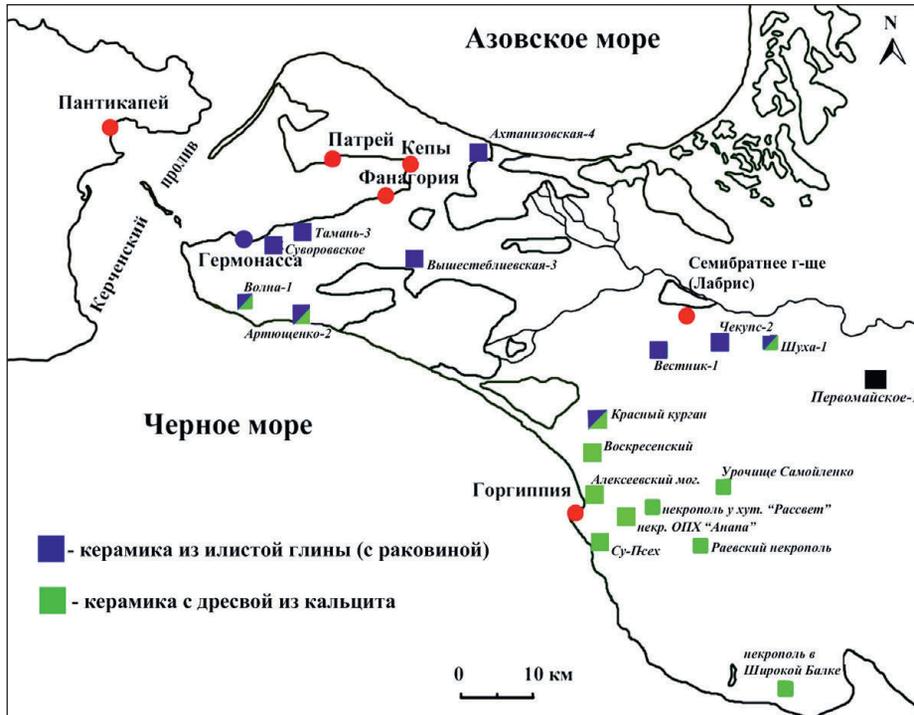
¹ Памятник раскапывался в 2015 г. экспедицией ООО «ПрофЭксперт» (Краснодар) под руководством А. С. Романченко. В ходе проведения охранно-спасательных археологических работ была исследована часть поселения, попадающая под разрушения при расширении высоковольтной линии в рамках сооружения электросетевого энергомоста «Российская Федерация – полуостров Крым».

² Бобринский, 1978; 1999.

³ Культурная принадлежность керамики эпохи бронзы определена Р. А. Мимоходом.

⁴ Кривцова-Гракова 1955, 126, 128–129, рис. 28. 11–13, 21, 23, 25, 27, 30; Шарафутдинова 1968, 24, рис. 2. 20, 26, 33; Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова 1986, 94–98, рис. 26. 9, 16, 19, 20; 27. 13, 14, 15; Гершкович 1997, 131–135, рис. 1; 4. 14; 5. 8; 6. г; Тощев 2007, 187–188, 193, рис. 97. 4–6, 8, 9; 100. 16, 17).

⁵ Кривцова-Гракова 1955, 124; Шарафутдинова, 1968, 24; Лесков 1970, 16; Гершкович 1997, 133, 135; Колотухин 2003, 42.

Рис. 1. Местоположение поселения Шуха-1 на карте памятников 6–1 вв. до н. э. с лепной посудой, сделанной в соответствии с различными культурными гончарными традициями составления формовочных масс

Таблица 1. Состав формовочных масс керамики сабастиновской культуры поселения Шуха-1

№ п/п	Состав ФМ	Кол-во сосудов
1	Гл + Ш + нав. выж.	35 (71,4 %)
2	Гл + Ш + ОР (нав. выж.?)	7 (14,3 %)
3	Гл + Ш + ОР	4 (8,2 %)
4	Гл + Ш + Н	1 (2 %)
5	Гл + Др (кальцит) + ОР	1 (2 %)
6	Гл + Др (кальцит) + Ш + ОР (нав. выж.?)	1 (2 %)
<i>Всего:</i>		49 (100 %)

Примечания: Гл – глина, Ил. гл. – илистая глина, Ш – шамот, Др (кальцит) – дрова из кальцита, П (ракуш.) – песок-ракушечник, Р – дробленая раковина, Н – навоз, нав. выж. – выжимка из навоза животных, ОР – органический раствор.⁶

Фрагменты горла небольшой корчаги⁷ с несколькими рядами горизонтальных косых насечек (рис. 3. 11) могут быть отнесены к кругу кобанской культуры.⁸ Сосуд обожжен в окислительной среде (светло-бежевые поверхности и изломы), состав ФМ корчаги – «глина + шамот + органический раствор (навозная выжимка?)».

Культурная принадлежность фрагментов трех сосудов не была установлена. Два из них представляют собой горла с частью плечиков горшков с резко отогнутым венцом и двумя рядами штампованного орнамента в виде вдавленных углов (рис. 4. 1, 2). Третий фрагмент – стенка закрытого, видимо, сосуда с наlepным (или частично сформированным из глины тулова) орнаментом⁹ в виде двух вертикальных цепочек из находящихся один на другой глиняных круглых дисков

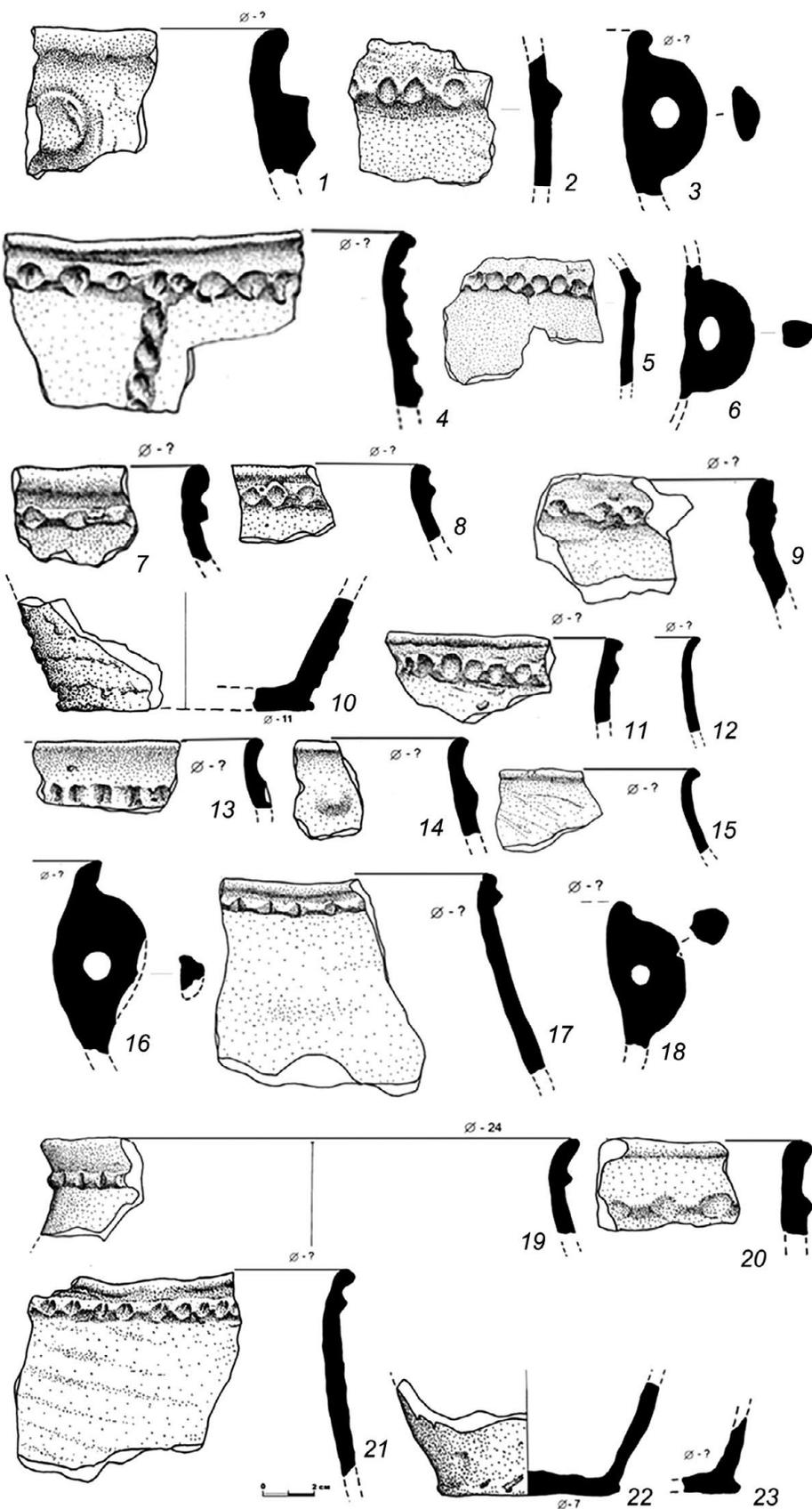
⁶ Примечания относятся ко всем таблицам в тексте.

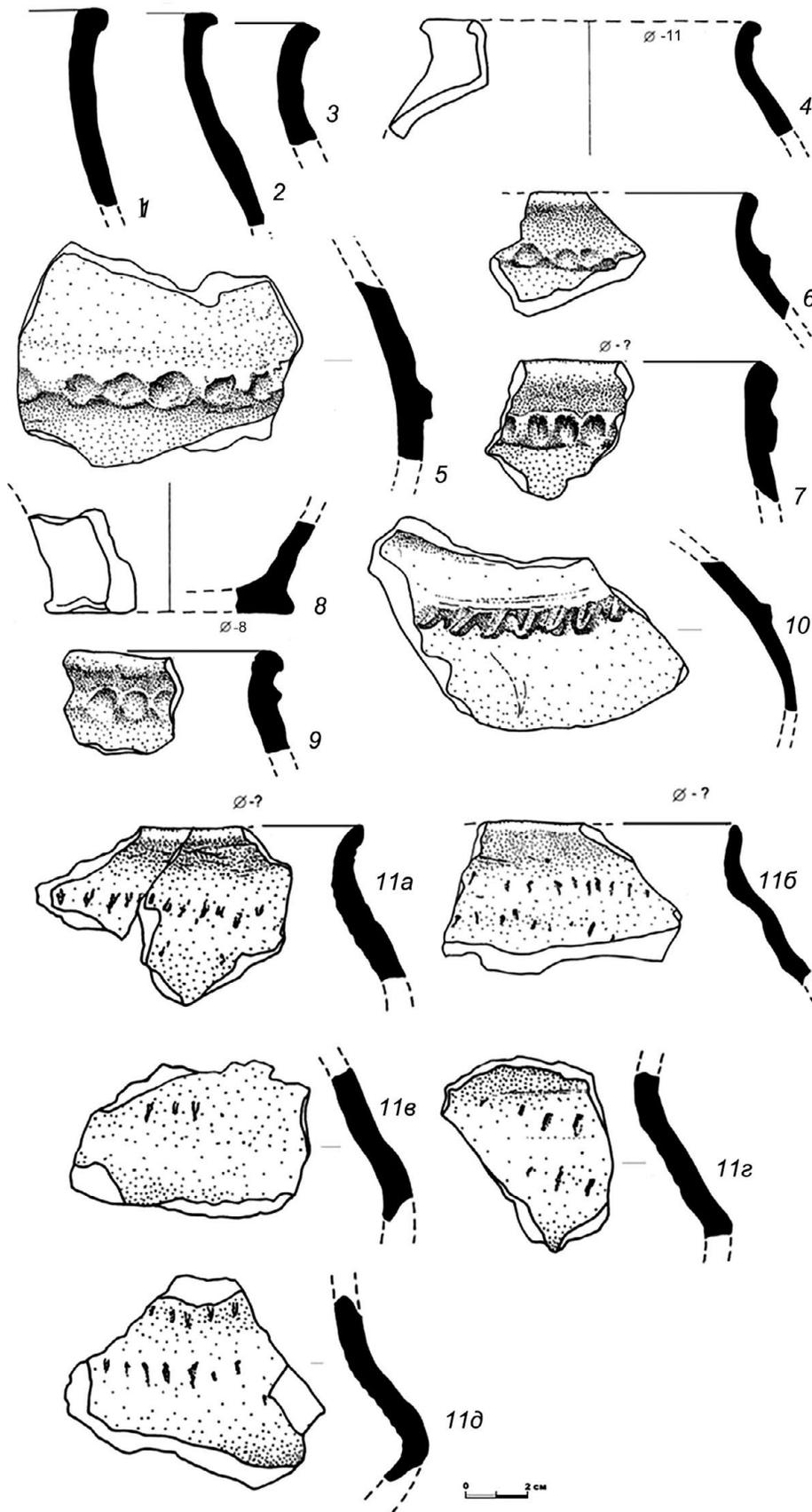
⁷ Поверхности сосуда не лощеные, но очень хорошо заглаженные по сильно увлажненной поверхности чем-то вроде пучка травы.

⁸ Козенкова 1998, 89–90, 155, табл. XXXI. 1–5; 2013, 30, рис. 13. 6–9.

⁹ Автор, к сожалению, не успел сфотографировать и взять образец для определения состава формовочной массы этого фрагмента до передачи его в музей.

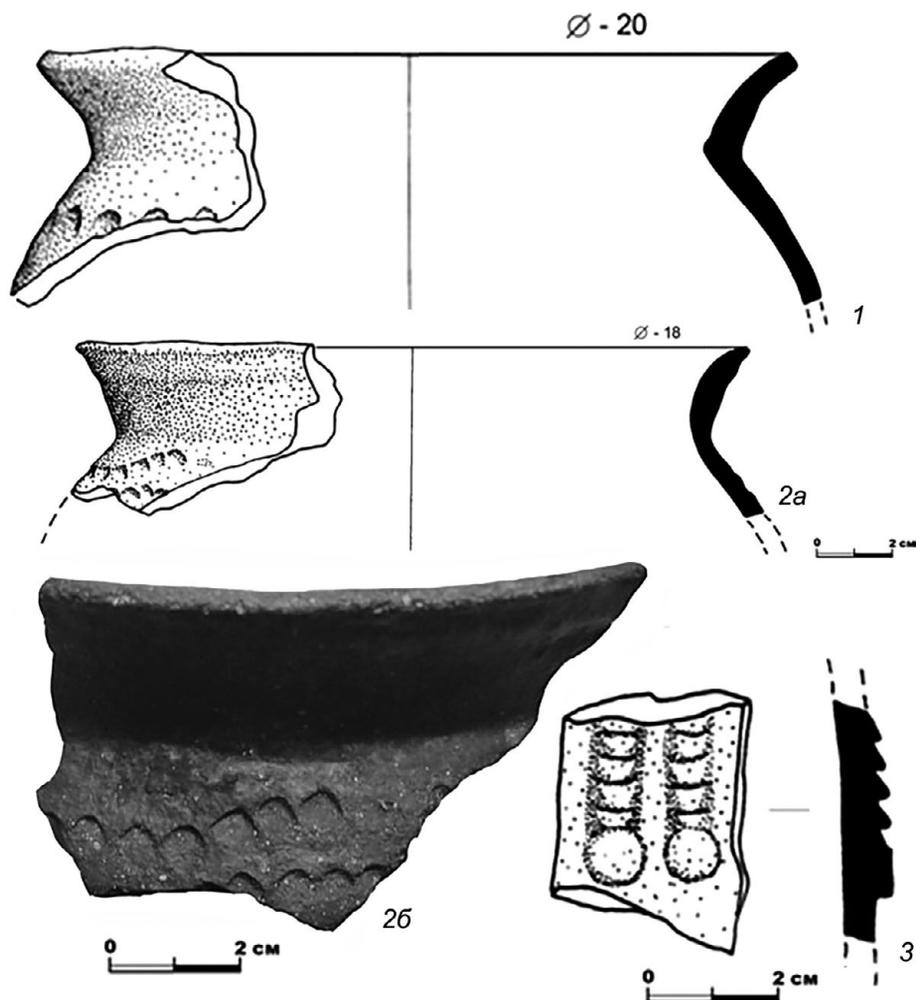
Рис. 2. Керамика эпохи поздней бронзы поселения (сабашиновская культура)

Рис. 3. 1–10 – керамика эпохи поздней бронзы (сабастиновская культура); 11 – фрагменты лепной корчаги круга кобанской культуры

Рис. 4. Керамика эпохи поздней бронзы (неясная культурная принадлежность)

(рис. 4. 3). Для всех трех изделий характерен черно-серый цвет поверхностей и изломов, состав ФМ одного из горшков – «глина + дресва (кальцит) + шамот + органический раствор». Поселение Шуха-1 является сейчас одним из самых восточных памятников сабатиновской культуры.¹⁰

Лепная керамика античного времени составляет около 70% от всей керамики этого времени, обнаруженной на поселении, включая фрагменты амфор, и около 90% – исключая амфорную тару.¹¹ В настоящей работе приводятся результаты исследования фрагментов 68 сосудов.¹² Вся найденная импортная греческая керамика относится к второй половине 6 – первой половине 5 в. до н.э. По мнению А.С. Романченко, во второй половине 6 в. до н.э., а, скорее, в последней трети столетия, на указанном месте возникает небольшое поселение, расцвет которого приходится на рубеж 6–5 вв. до н.э. Оно прекращает функционировать в рамках первой половины 5 в. до н.э., с упором на первую треть века, надежные хроноиндикаторы второй четверти – середины 5 в. до н.э. на памятнике отсутствуют.¹³ По заключению А. А. Завойкиной¹⁴, по амфорному материалу можно говорить о существовании поселения в третьей четверти 6 – первых двух десятилетиях 5 в. до н.э. К наиболее ранним экземплярам относится ручка хиосской амфоры третьей четверти 6 в. до н.э.¹⁵, наиболее поздним – ножка хиосской прямогорлой амфоры последней четверти 5 в. до н.э.¹⁶

¹⁰ Березанская и др. 1986, 85–86, рис. 24.

¹¹ Учитываются только профильные фрагменты как лепных, так и круговых изделий.

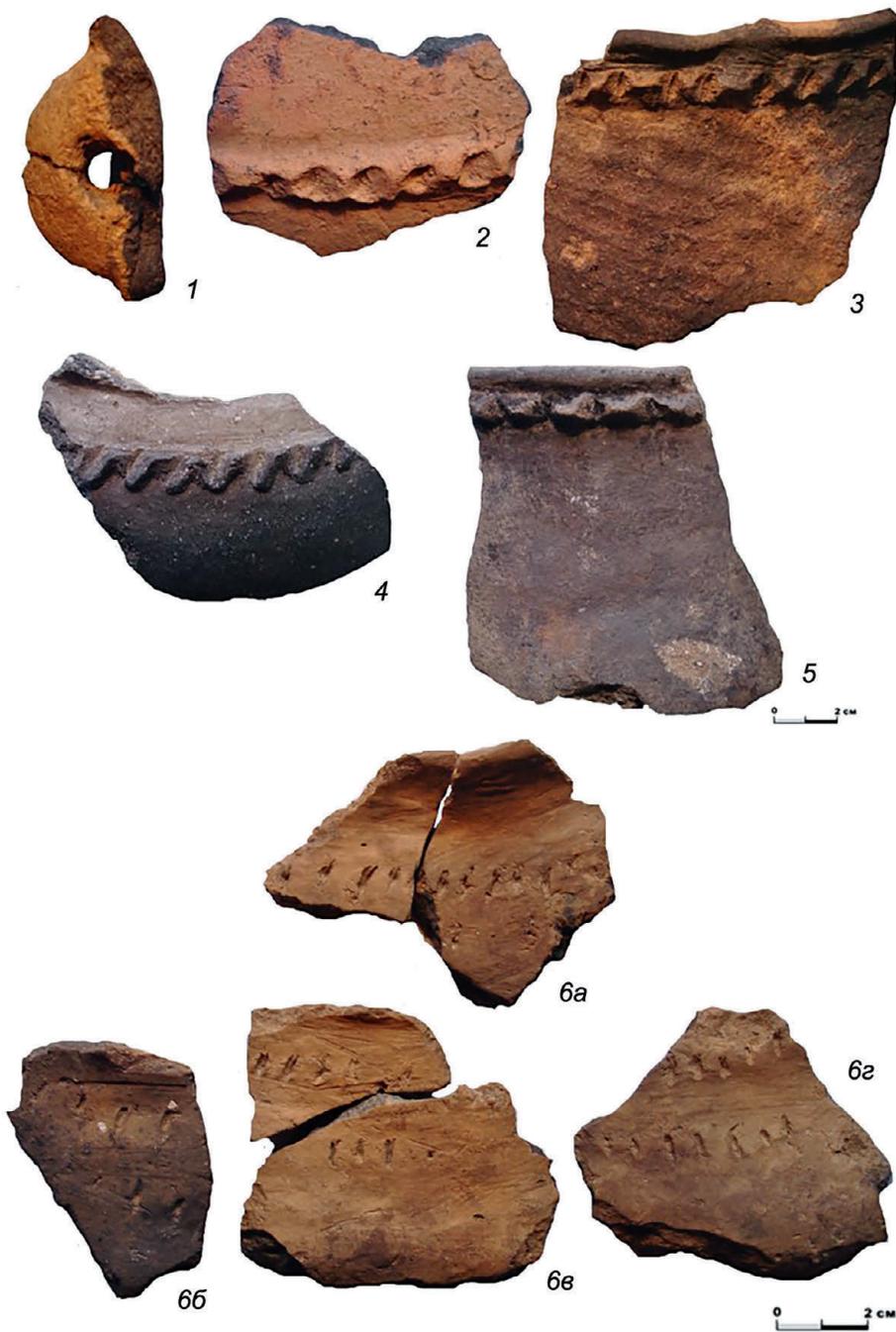
¹² В это число вошли практически все обнаруженные профильные фрагменты керамики античного времени. Точно оценить их общее количество по полевой описи не представлялось возможным, т. к. в ней суммарно учитывалась лепная керамика всех эпох, представленных на памятнике.

¹³ Клемешова, Романченко (в печати).

¹⁴ Автор глубоко признателен д. и. н. А. А. Завойкину за уточнение датировок фрагментов амфор поселения Шуха-1.

¹⁵ Монахов 2003, 15, табл. 3. 2, 3.

¹⁶ Там же, 20, табл. 9.

Рис. 5. 1–5 – керамика эпохи поздней бронзы (сабашиновская культура); 6 – фрагменты лепной корчаги круга кобанской культуры

Датирующим материалом являются профильные фрагменты амфор на сложнопрофилированной ножке (наиболее многочисленные) второй половины 6 – первой половины 5 в. до н. э., всплеск распространения которых приходится на рубеж 6–5 вв. до н. э.,¹⁷ хиосских раннепухлогорлых конца 6 – начала 5 в. до н. э.,¹⁸ клазоменских второй половины 6 – первой четверти 5 в. до н. э.,¹⁹ красноглиняных лесбосских второй половина 6 – первой половины 5 в. до н. э.,²⁰ бронзовый наконечник стрелы (двулопастный остролистый, с шипом на втулке), 7–6 вв. до н. э.²¹ Таким образом, рассматриваемую лепную керамику, вероятно, в основном, нужно относить к последней трети/четверти 6 – первой трети/четверти 5 в. до н. э.

¹⁷ Монахов 2003, 38–42, табл. 23–26.

¹⁸ Там же, 16–17, табл. 3. 5–6; 4.

¹⁹ Там же, 53–54, табл. 33. 1–3.

²⁰ Там же, 48, табл. 30, 4–6; 31.

²¹ Мелюкова, 1964, 18, рис. 1, табл. 6.

Таблица 2. Состав формовочных масс лепной керамики 6–5 в. до н.э. поселения Шуха-1

№ п/п	Состав ФМ	Кол-во изделий
1	Гл + Др (кальцит) + ОР	15 (22,1 %)
2	Гл + Ш + ОР	6 (8,8 %)
3	Гл + Др (кальцит) + Ш + ОР	4 (5,9 %)
4	Гл + Др (кальцит) + Ш + нав. выж.	1 (1,5 %)
5	Гл + П (ракуш.) + ОР	1 (1,5 %)
6	Ил. гл. без искусств. примесей	3 (4,4 %)
7	Ил. гл. + ОР	19 (27,9 %)
8	Ил. гл. (?) + Ш	1 (1,5 %)
9	Ил. гл. + Ш + ОР	7 (10,3 %)
10	Ил. гл. + Ш + Др (кальцит) + ОР	3 (4,4 %)
11	Ил. гл. + Р + ОР	8 (11,8 %)
<i>Всего:</i>		68 (100 %)

На памятнике встречены три вида лепной посуды: корчаги, горшки, миски (рис. 6–13). Отдельно можно отметить четыре археологически целых лепных сосуда (рис. 8. 1, 2; 10. 1; 11. 2), обнаруженных в едином комплексе, первоначально интерпретированном как хозяйственная яма (объект 8).²² Их совместное присутствие свидетельствует об одновременности существования соответствующих типов сосудов.

Вся лепная керамика поселения имеет аналогии в лепном комплексе памятников Таманского полуострова и Горгиппии и ее окружи соответствующего времени, но основные соответствия в массовом материале относятся к близлежащим поселениям левобережья Кубани. Наиболее близкие аналогии керамики Шуха-1 по морфологии сосудов относятся к поселениям этого же периода Вестник-1²³ (Анапский район)²⁴, Урочище Самойленко-1²⁵ (Новороссийский район)²⁶, Чекупс-2²⁷ и Первомайское-1²⁸ (Крымский район), одновременно по форме и формовочным массам – Вестник-1²⁹ и Чекупс-2³⁰. Составы ФМ данной керамики представлены в таблице 2.

Преобладающая часть лепной посуды поселения была сделана из формовочных масс, образованных на основе илестой глины морских лиманов³¹ и состава «глина + дресва из кальцита». Первые из них были ранее определены автором как свойственные при изготовлении лепной посуды местному населению 6–1 вв. до н.э. северо-западной части Азиатского Боспора. К ней относится территория собственно Таманского полуострова до линии, начинающейся примерно 15 км севернее Горгиппии, в районе некрополя Красный Курган. Второй вид формовочных масс был характерен для местной лепной керамики этого же времени юго-восточной части Азиатского Боспора, к востоку и юго-востоку от Горгиппии.³²

При этом доля несмешанных рецептов ФМ, составленных на основе илестой глины («илистая глина без искусственных примесей», «илистая глина + органический раствор», «илистая глина + дробленая раковина + органический раствор»), составляет 44,1%, из глины с дресвой из кальцита («глина + дресва из кальцита + органический раствор») – 22,1%. Доля изделий, содержащих дресву из кальцита, на поселении Шуха-1 составляет 37,5%, керамики, сделанной

²² Клемешова, Романченко, рис. 3 (в печати).

²³ Раскопки 2010–2013 гг. под руководством Н. И. Сударева. Благодарю автора работ за предоставленные для работы материалы.

²⁴ Клемешова 2017б, 262, 266, рис. 1–3; 2019а, 304–321, рис. 1–6.

²⁵ Автором изучена керамика из раскопок 2013 г. Благодарю Н. И. Сударева, А. В. Иванова и Д. И. Карпова за предоставленные для работы материалы.

²⁶ Иванов, Сударев 2018, 181.

²⁷ Автором изучена керамика из раскопок 2019 г. Благодарю Д. Г. Барина и Ю. А. Павленко за предоставленные для работы материалы.

²⁸ Благодарю М. В. Иванова за возможность ознакомиться с керамикой из раскопок 2015 г.

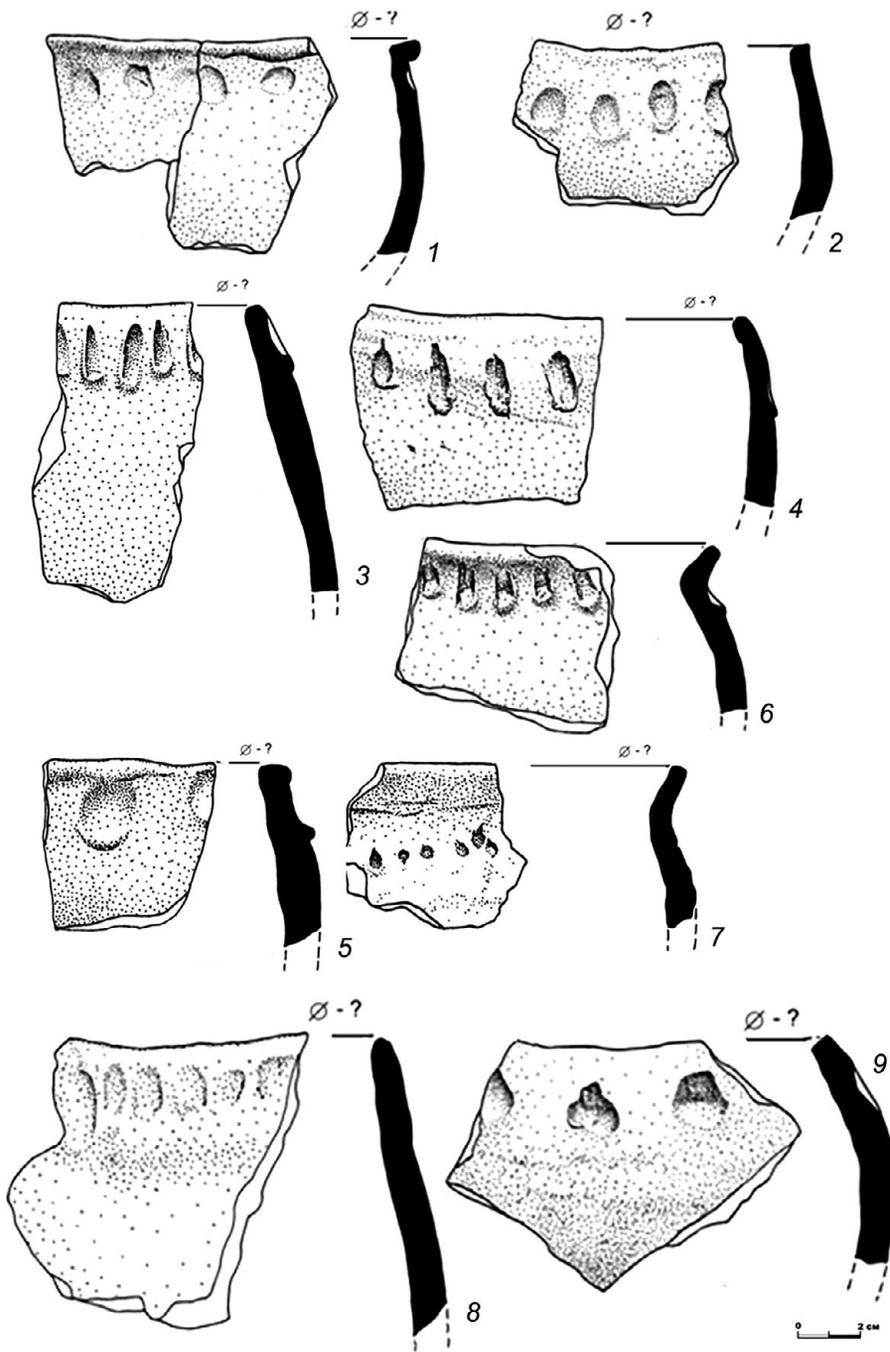
²⁹ Клемешова 2017а; 2017б, 266–269; 2019а, 304–320.

³⁰ Предварительные результаты исследования пока содержатся только в приложении к полевому отчету о раскопках поселения.

³¹ Клемешова 2017а, 228–234.

³² Клемешова 2019б, 30–31; 2021, 102, рис. 4.

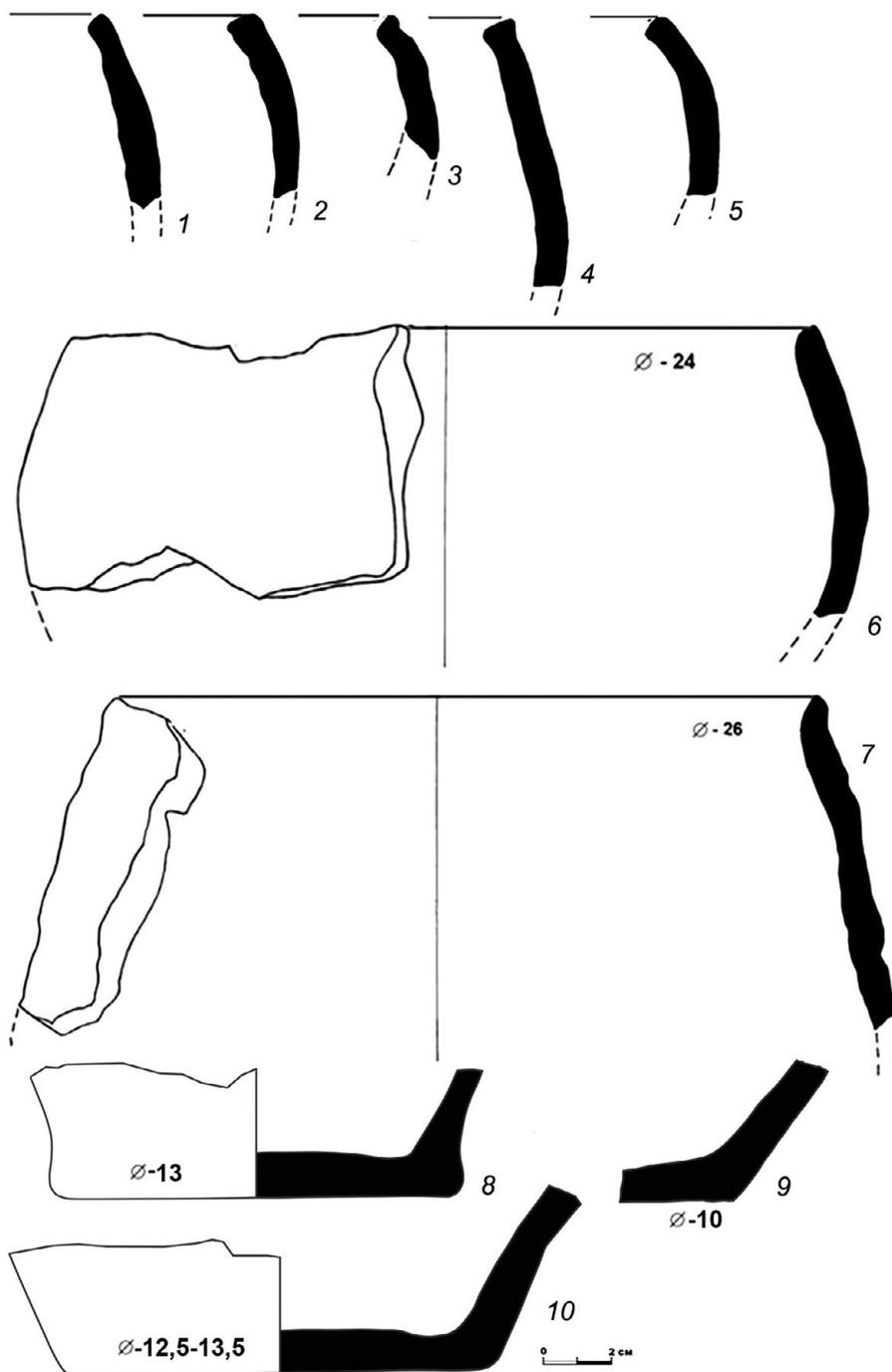
Рис. 6. Фрагменты орнаментированных лепных горшков последней трети 6 – первой трети 5 в. до н. э.

из ФМ на основе илистой глины – 60,3%, содержащей шамот – 30,9%. Таким образом, сравнительный анализ несмешанных рецептов ФМ и компонентов формовочных масс показывает, что во всех случаях количество сосудов, сделанных на основе илистого сырья, т. е. в соответствии с гончарной традицией, распространенной в северо-западной части Азиатского Боспора, на поселении Шу́ха-1 практически в два раза преобладает над числом сосудов, сделанных из глины с дресвой из кальцита.

Морфологически лепная посуда поселения Шу́ха-1 представлена несколькими видами изделий, среди которых выделяется ряд устойчивых типов. Все

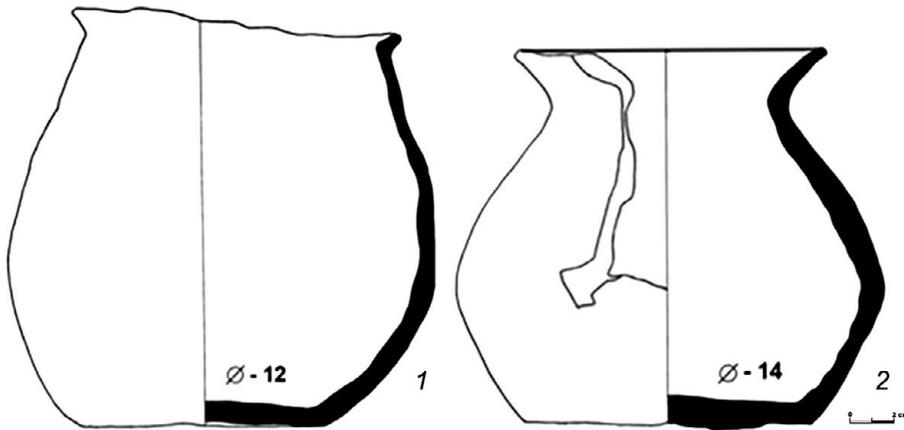
Рис. 7. Фрагменты лепных горшков последней трети 6 – первой трети 5 вв. до н. э.: 1–7 – венчики горшков без орнамента; 8–10 – донца горшков

сосуды плоскодонные. Горшки составляют около 60% всех лепных сосудов. Они распределяются на четыре типа.

1. Без выделенного горла (наиболее распространенный) (рис. 6. 2–4, 5, 8, 9; 7. 1–7), часто с орнаментом из поясок пальцевых вдавлений под краем венчика (рис. 6. 2, 5, 8, 9), иногда подобный же поясок выполнен удлиненными вдавлениями, сделанными заостренным или круглым в сечении предметом с тупым концом (палочкой или костью?) (рис. 6. 3, 4). Этот тип сосудов, как и следующий, относится к наиболее часто встречаемым на поселениях Вестник-1³³, Чекупс-2, Самойленко-1.

³³ Клемешова 2019а, 310–314, рис. 2. 8–25; 3. 1. Здесь же приведена полная библиография аналогий таким сосудам.

Рис. 8. Корчагообразные горшки последней трети 6 – первой трети 5 в. до н.э. из объекта 8

2. Со слегка отогнутым небольшим венцом (рис. 6. 1, 6, 7; 7. 3), иногда также с аналогичным пояском орнамента из пальцевых вдавлений или наколов круглым тупым предметом под линией отгиба венчика (рис. 6. 1, 6, 7). Широко представлен на перечисленных выше поселениях, из которых в настоящее время полностью опубликованы только материалы Вестник-1.³⁴

3. С биконическим туловом и резко отогнутым удлиненным венчиком (корчагообразные) (рис. 8). Это тип горшков распространен на памятниках, расположенных вокруг Горгиппии и к юго-востоку от нее³⁵, часто их поверхность заложена. Слабое лощение внешней поверхности имеет один из представленных на поселении Шуха сосудов (рис. 8. 1).

4. С «воротничком» на венчике (рис. 9, 10, 11. 1). Плоскодонные сосуды со слабо выпуклыми стенками тулова, часто без выделенного горла или с небольшим слегка отогнутым венцом, со своеобразным широким утолщением на нем, образующим четко отделенный от основной плоскости внешней поверхности горшка «воротничок». Данный тип представлен двумя вариантами: с гладким «воротничком» (рис. 9. 1, 9–11; 10. 1) или с пальцевыми вдавлениями на нем, слегка сдвинутыми вниз и формирующими при этом «фестоны» с закругленными нижними краями³⁶ (рис. 9. 2–8; 10. 2; 11. 1). Предположительно, второй вариант представляет собой гибрид между распространенными на Таманском полуострове горшками без выделенного горла с пальцевыми вдавлениями под венчиком и горшками с гладким «воротничком»³⁷, основной зоной распространения которых является левобережье Кубани и территория восточнее Таманского полуострова. Лощение на этих горшках, как и у типов 1 и 2, отсутствует. Основной ареал находок таких сосудов сейчас – восток Азиатского Боспора и левобережье Кубани. На Кубани встречается только вариант с гладким «воротничком», который датируется там по 4 в. до н.э. включительно. Горшки, встречающиеся на памятниках Азиатского Боспора, относятся к третьей четверти 6 – первой половине 5 вв. до н.э. С материалами более позднего времени они пока не обнаружены. В основном они представлены вторым вариантом – с «воротничком» с пальцевыми вдавлениями на нем. В ряде случаев они полностью или практически полностью отсутствуют на памятниках, где широко представлены горшки первых двух перечисленных типов (Вестник-1, Горгиппия). На поселении Шуха-1 число таких сосудов составляет около 20% всех встреченных там типов горшков. Массово представлен этот тип также на поселениях Чекупс-2, Урочище Самойленко-1 и Первомайское-1.

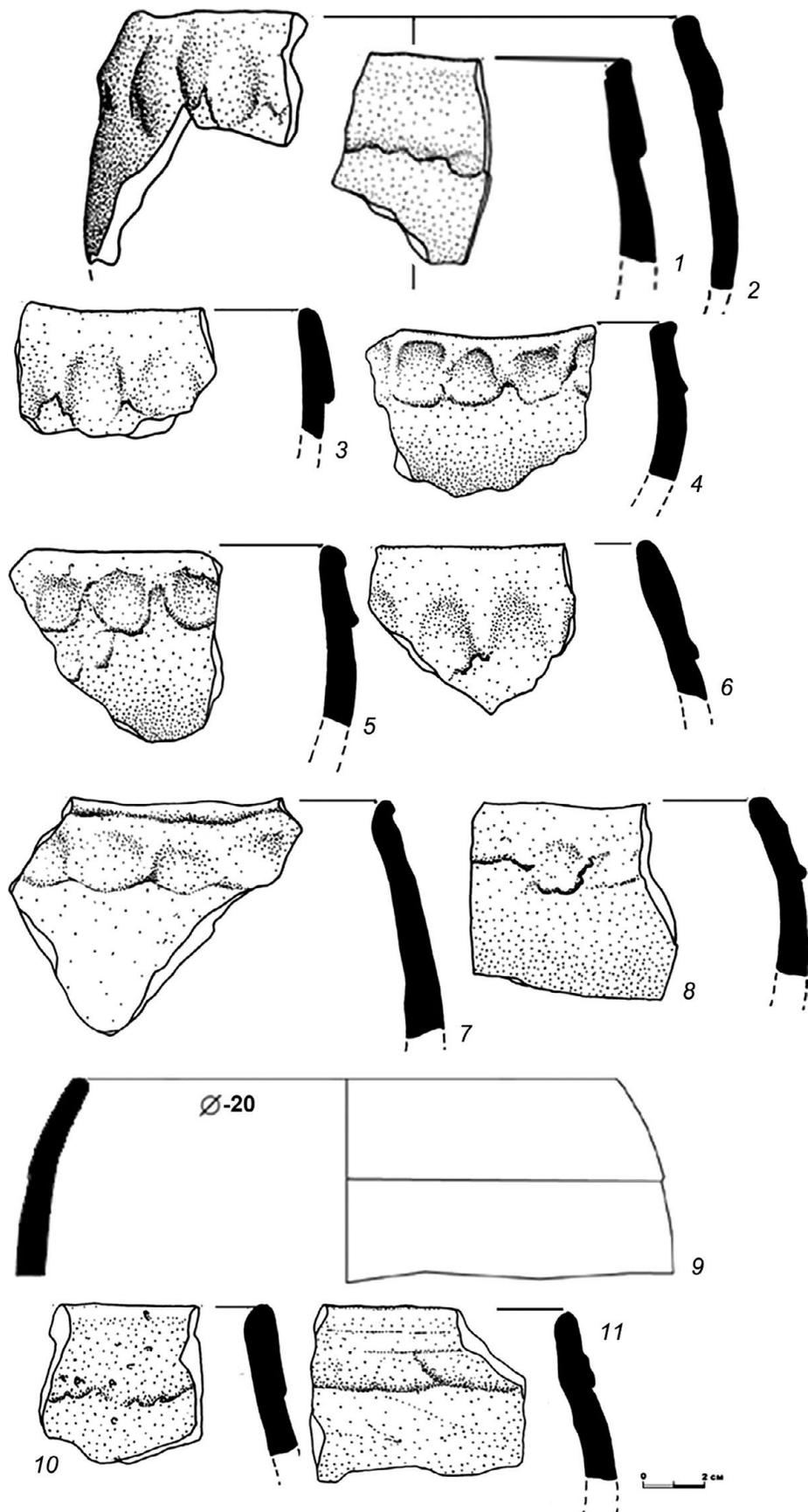
³⁴ Клемешова 2019а, 308, 310, 314–315, рис. 2. 2, 3; 3. 2–6, 8–16, 18, 19, 22. 23.

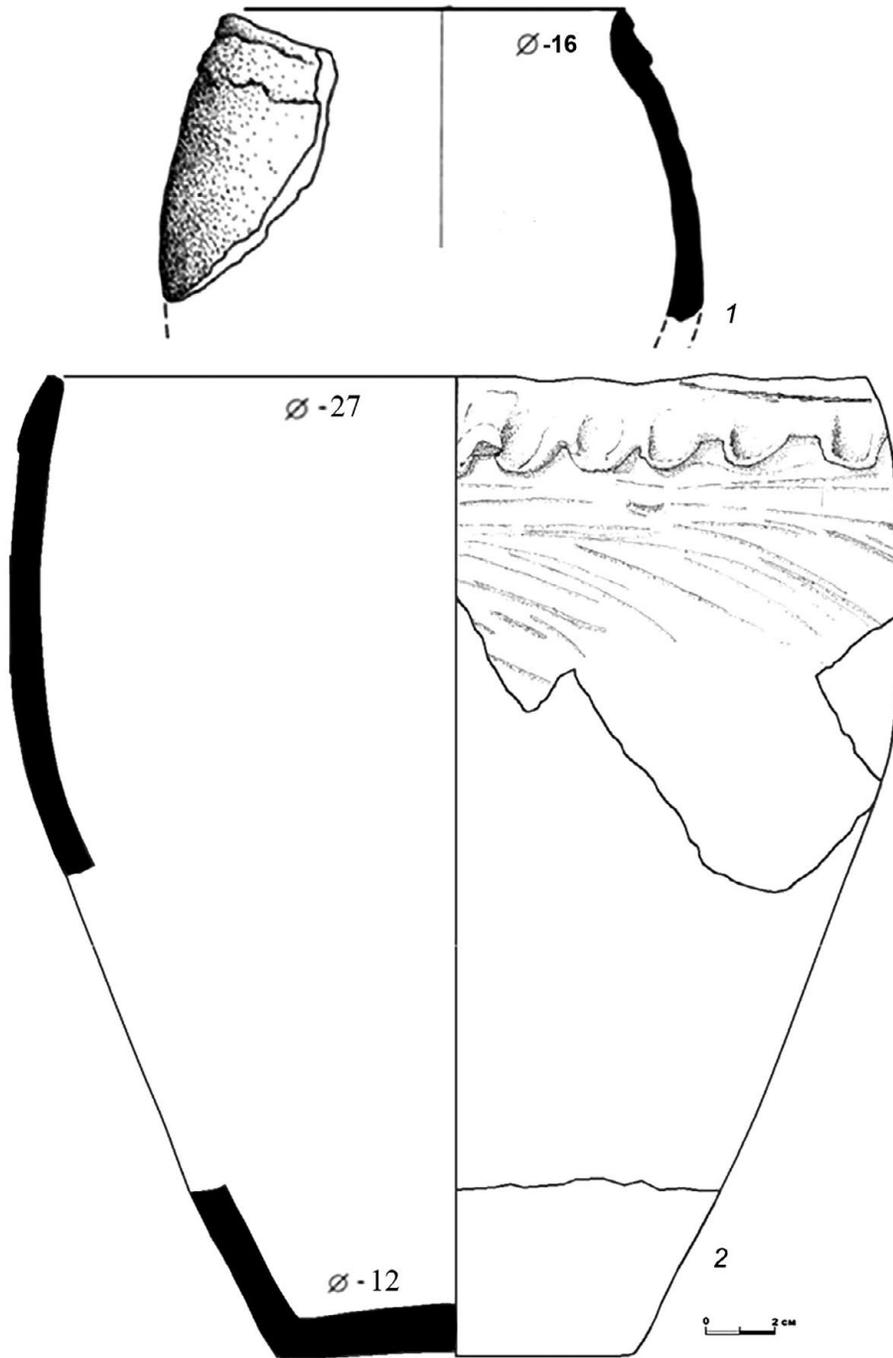
³⁵ Клемешова 2021, 102–103, рис. 6. 1–7, 9, 10, 12–24.

³⁶ Библиографию опубликованных материалов см. Клемешова 2019б, 314.

³⁷ Впервые это предположение, к сожалению, не отраженное в дальнейшем в печати, было высказано в устной форме Г.А. Камелиной.

Рис. 9. Фрагменты лепных горшков с «воротничком» на венчике последней трети 6 – первой трети 5 в. до н.э.

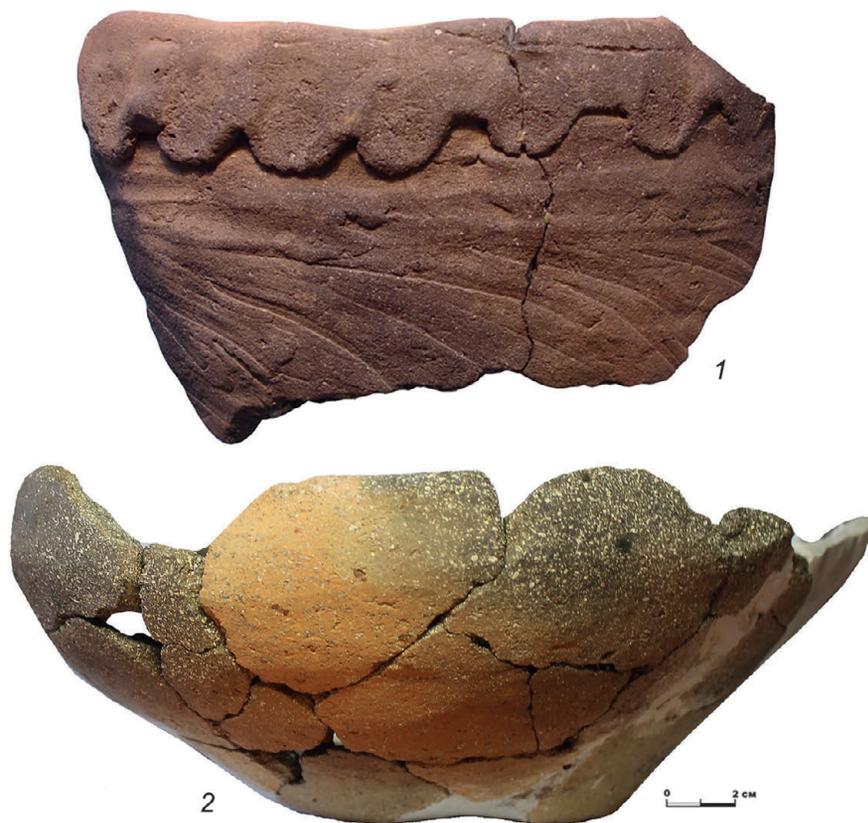
Рис. 10. Фрагменты лепных горшков с «воротничком» на венчике последней трети 6 – первой трети 5 в. до н. э.:
 1 – верхняя часть горшка из объекта 8;
 2 – археологически целый горшок

Миски (около 25% всех лепных сосудов) (рис. 11. 2; 12) характеризуются типом, широко представленным на памятниках западнее и южнее поселения Шуха-1. В частности, он массово присутствует на поселениях Вестник-1³⁸, Чекупс-2³⁹ и Самойленко-1. Это округлобокие сосуды со слегка загнутым внутрь, часто косо срезанным внутрь краем венчика (рис. 12). При этом на поселении Шуха-1 часто встречается вариант со слегка загнутым внутрь крючкообразным заостренным краем венчика (рис. 12. 4, 5, 9, 11). Встречается вариант с плоским краем (рис. 12. 3, 12), округлым, слегка заостренным (рис. 12. 7, 8). В одном случае край венчика слегка отогнут наружу (рис. 12. 6). Около 45% этих мисок имеют

³⁸ Клемешова 2019а, 304, 306, рис. 1. 1–18.

³⁹ Клемешова 2021, 103, рис. 8. 5–8.

Рис. 11. Фотографии лепных сосудов последней трети 6 – первой трети 5 вв. до н.э.: 1 – венчик горшка с «воротничком» на венчике; 2 – миска из объекта 8

сплошное лощение, чаще всего двустороннее, как правило, слабое или среднего качества. Лишь у одного из исследованных сосудов наблюдалось интенсивное «зеркальное» лощение внешней поверхности.

В значительном количестве на поселении обнаружены корчаги (около 15%), выраженные как крупными тарными сосудами, так и небольшими, вероятно, выполняющими роль кухонных горшков. Эти сосуды представлены горлами и венчиками (рис. 13). В основном, все они относятся к одному и тому же типу – с широким воронкообразным горлом с резко отогнутым прямым венчиком. Для примерно половины из них характерно наличие выраженного ребра с внутренней стороны горла в месте перехода линии плеча в венчик (рис. 13. 2, 9, 11–13). У остальных этот переход выражен плавной линией (рис. 13. 1, 3, 4, 6–8, 10). Примерно для 70% из них характерно внешнее лощение и часто такая же обработка верхней части горла изнутри. Тип корчаг с широким отогнутым венцом незначительно представлен на поселении Вестник-1⁴⁰ и Чекупс-2, более массово – на поселениях Урочище Самойленко-1 и Первомайское. В целом, для поселений собственно Таманского полуострова корчаги любых размеров мало характерны и встречаются в очень незначительном количестве. На памятниках восточнее Тамани и ближайшего Прикубанья они, напротив, являются одним из основных видов сосудов.

Рецепты ФМ распределяются относительно видов сосудов следующим образом (табл. 3).

Из ФМ, содержащих кальцитовую дресву, сделаны, в основном, корчаги и часть мисок и горшков без выделенного горла и с «воротничком» на венчике, из ФМ на основе илистой глины – главным образом, горшки (прежде все-

⁴⁰ Клемешова 2019а, 318, рис. 5. 11–15.

Таблица 3. Соотношение видов лепных сосудов и составов формовочных масс поселения Шуха-1

№ п/п	Вид сосудов Состав ФМ	Горшки		Миски	Корчаги
		С «воротничком» на венчике	Иные		
1	Гл + Др (кальцит) + ОР	2	9	2	2
2	Гл + Ш + ОР	–	–	3	3
3	Гл + Др (кальцит) + Ш + ОР	–	–	3	1
4	Гл + Др (кальцит) + Ш + нав. выж.	–	–	1	–
5	Гл + П (ракуш.) + ОР	–	1	–	–
6	Ил. гл. без искусств. примесей	–	3	–	–
7	Ил. гл. + ОР	2	13	3	1
8	Ил. гл. (?) + Ш	–	1	–	–
9	Ил. гл. + Ш + ОР	–	2	2	3
10	Ил. гл. + Ш + Др (кальцит) + ОР	1	–	2	–
11	Ил. гл. + Р + ОР	2	5	1	–
<i>Итого:</i>		7	34	17	10

го – с пальцевыми вдавлениями под венчиком, в том числе с «воротничком» с пальцевыми вдавлениями») и часть мисок, из ФМ, содержащей шамот – преимущественно корчаги и миски. Лощение имеют 17,7% сосудов, в основном, содержащие кальцитовую дресву и шамот.

Таким образом, в результате исследования лепного комплекса поселения Шуха-1 можно сказать следующее.

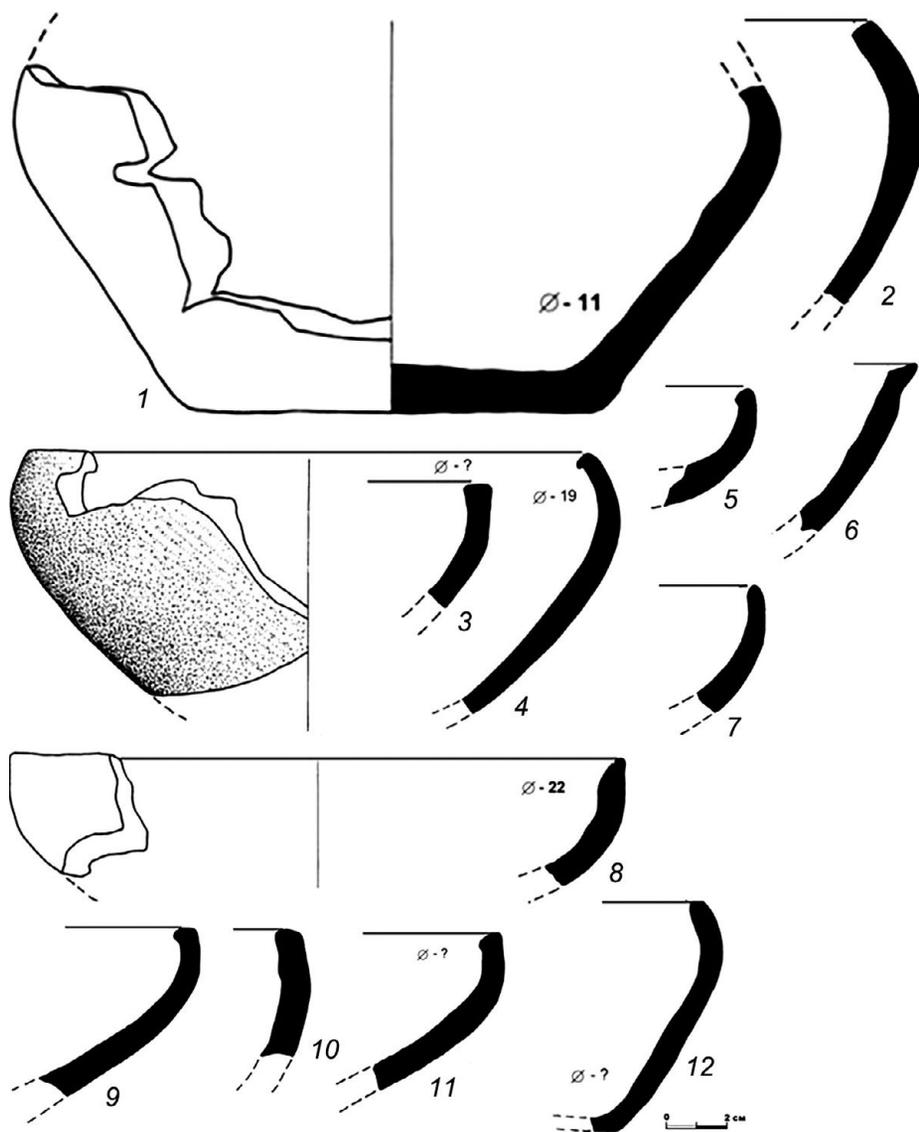
1. Гончарная технологическая традиция составления формовочных масс керамики эпохи поздней бронзы поселения Шуха-1 в целом отлична от технологической традиции составления ФМ керамики 6–5 вв. до н.э. Для керамики эпохи поздней бронзы, в основном, характерен рецепт «глина + шамот + выжимка из навоза животных», для керамики античного времени – «илистая глина + органический раствор» или «глина + дресва из кальцита». В то же время, в керамике эпохи поздней бронзы встречается рецепт из глины с кальцитом, широко распространенный на этой территории в античное время.

2. Согласно результатам исследования лепной керамики памятников 6–1 вв. до н.э., территория Азиатского Боспора и прилегающего к ней с востока района, делится на две части по различиям в гончарных технологических традициях составления формовочных масс. В северо-западной подавляющая доля керамики изготавливалась из илистой глины с естественной примесью раковины, в юго-восточной из глины с дресвой из кальцита. Керамика указанных территорий морфологически также имеет существенные отличия.⁴¹ Указанные различия в технологических традициях и морфологии изготовления сосудов, предположительно, маркируют области расселения двух различных древних племен – синдов на северо-западе и, возможно, керкетов (торетов?), наиболее часто упоминаемых древними авторами в качестве их соседей, на юго-востоке.⁴² Поселение Шуха-1, судя по значительному преобладанию лепной посуды, сделанной из формовочных масс, характерных для северо-западной области, а также распространенных на ней же типов сосудов, относится к территории с ФМ из илистой глины, т.е., предполагаемых синдов. При этом на данном памятнике присутствует и довольно большое число сосудов, по морфологии

⁴¹ Клемешова 2021, 102–103, рис. 5–9.

⁴² Там же, 102–103, рис. 4.

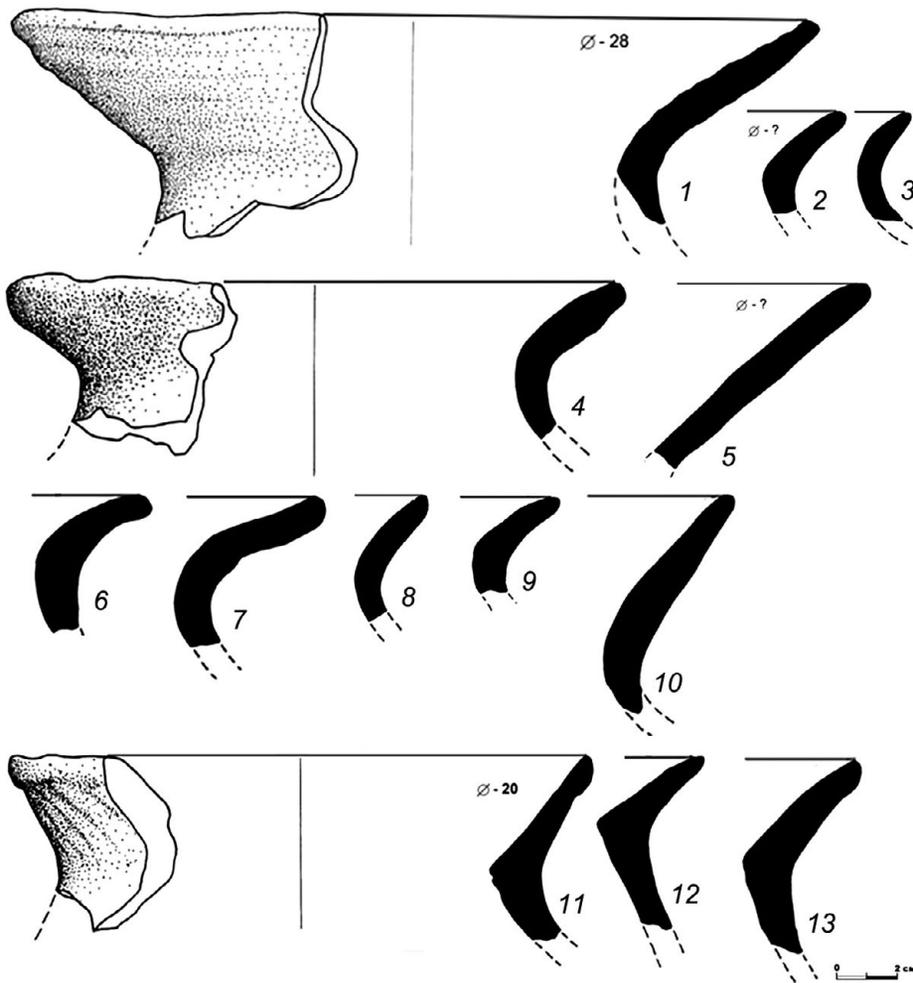
Рис. 12. Фрагменты лепных мисок последней трети 6 – первой трети 5 в. до н. э.

и составам формовочных масс соответствующим типичным для юго-восточной области. Ряд сосудов сделан из формовочных масс, составленных по смешанной технологии. Это показывает ситуацию, явно отличную от, например, наблюдаемой на поселении Вестник-1, на котором обнаружено 74% лепной керамики, изготовленной в местной гончарной традиции, при численном преобладании местных форм посуды.⁴³ Все это позволяет предполагать, что поселение Шуха-1 в 6–5 вв. до н. э. находилось не в глубине территории, на которой проживало население, изготавливавшее лепную посуду специфических форм из илистой глины, а, видимо, в приграничной зоне, и было заселено населением той и другой области, с преобладанием, вероятно, коренных обитателей северо-западной области (предположительно – синдов).

3. На поселении Шуха-1 впервые выделена довольно представительная группа относящейся к 6–5 вв. до н. э. лепной керамики из ФМ, сделанной по несмешанному рецепту из глины с шамотом (8,8%) и керамики, в состав ФМ которой шамот входит (30,9%). Западнее этого памятника несмешанные рецепты

⁴³ Клемешова 2017б, 270; 2019а, 320–321.

Рис. 13. Фрагменты лепных корчаг последней трети 6 – первой трети 5 в. до н.э.

с шамотом единичны, доля смешанных не превышает 19% (поселения Вестник-1, Чекупс-2). Это обстоятельство важно для выяснения района распространения керамики, изготовленной в «шамотной» гончарной традиции, путей проникновения ее в район Таманского полуострова и, возможно, времени зарождения в восточном приграничьи Боспора самой этой традиции.

4. Один из выделенных типов горшков античного времени представляет особый интерес с точки зрения происхождения, хронологии, территории распространения и культурной принадлежности. Это так называемый тип горшков с «воротничком» на венчике. На основании анализа материалов ряда памятников юго-востока Боспора, в том числе Шуха-1, можно говорить, что эти горшки, несмотря на сходство орнаментации, представляют отдельную группу керамики и изготавливались населением, не идентичным населению, лепившим горшки с пальцевыми вдавлениями под венчиком, проживавшему на Таманском полуострове, но, возможно, родственно с ним связанным. Происхождение горшков с «воротничком», судя по предварительным данным, и, вероятно, хронология их бытования, отличны от тех же характеристик горшков с простыми пальцевыми вдавлениями.

Это обстоятельство важно учитывать при интерпретации материалов памятников с подобной керамикой.

ЛИТЕРАТУРА

- Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Москва.
- Бобринский А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // А. А. Бобринский (ред.). Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 5–109.
- Гершкович Я. П. 1997. Происхождение и эволюция сабастиновского керамического комплекса // Археологический альманах 6. Донецк, 125–144.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2018. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации (Боспорские чтения XIX). Симферополь–Керчь, 179–184.
- Клемешова М. Е. 2017а. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // ДБ 21, 228–240.
- Клемешова М. Е. 2017б. Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010–12 гг. (по данным технико-технологического анализа) // КСИА 247, 262–276.
- Клемешова М. Е. 2019а. Типы лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1 // ДБ 24, 303–324.
- Клемешова М. Е. 2019б. Смешанные составы формовочных масс лепной керамики как индикатор межкультурных контактов на юго-востоке Азиатского Боспора // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах (Материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез»). Санкт-Петербург, 30–32.
- Клемешова М. Е. 2021. Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора 6 в. до н. э. – 3 в. н. э. // Нуранис 3, 97–110.
- Клемешова М. Е., Романченко А. С. 2020. Лепная керамика поселения Шука-1 эпохи поздней бронзы и античного времени // X Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Анапа (в печати).
- Козенкова В. И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант (САИ В2-5). Москва.
- Козенкова В. И. 2013. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). Москва.
- Колотухин В. А. 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев.
- Кривцова-Гракова О. А. 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы (МИА 46). Москва.
- Лесков А. М. 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев, 7–59.
- Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов (САИ Д1-4). Москва.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов.
- Шарафутдинова И. Н. 1968. К вопросу о сабастиновской культуре // СА 3, 16–34.
- Тоцев Г. Н. 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье.

В. Д. Кузнецов

КСЕРКС И ПОНТ (Персидская надпись из Фанагории)¹

Аннотация. Фрагмент персидской клинописной надписи, найденный в Фанагории, вызвал большой интерес среди исследователей. Все они, за исключением автора этих строк, пришли к выводу, что она принадлежит Дарию I. Этот вывод сделан практически только на основании анализа текста документа. Однако этот текст не дает твердой почвы для однозначного решения вопроса о том, кому он принадлежит, по причине своей фрагментарности. Выбор в пользу любого из двух персидских царей – Дария или Ксеркса – только на основании надписи всегда будет ошибкой наполовину. Решающее значение имеют доказательства, основанные на данных археологии, нумизматики, литературных источников. Главным из них является археологический контекст, в котором была сделана находка персидского документа. Все эти источники в комплексе свидетельствуют о том, что он был написан по указанию Ксеркса в 480 г. до н.э. Этот вывод дает основание говорить о том, что города северного Понта были вовлечены в Греко-персидские войны, в процессе которых были захвачены персами.

Ключевые слова. Фанагория, персидская надпись, Ксеркс, археологический контекст, Греко-персидские войны.

V.D. Kuznetsov

XERXES AND PONTOS (Persian Inscription from Phanagoria)

Abstract. A fragment of a Persian cuneiform inscription found in Phanagoria aroused great interest among researchers. Except for this author's article, they all came to the conclusion that it belongs to Darius I. This conclusion was made almost exclusively on the basis of the text analysis. However, due to its fragmentary preservation, the text does not provide a solid basis for an unquestionable solution regarding who it belongs to. The choice in favour of either of the two Persian kings, Darius or Xerxes, based solely on the basis of the inscription's context will never be precise. Evidence based on archaeological and numismatical data combined with literary sources plays a key part. The most important part is the archaeological context in which the Persian inscription was found. Together, all sources indicate that it was written on the orders of Xerxes in 480 BC. This conclusion gives us a reason to say that the cities of Northern Pontus were involved in the Graeco-Persian wars, during which they were captured by the Persians.

Key-words. Phanagoria, Persian inscription, Xerxes, archaeological context, Graeco-Persian wars.

Фрагмент древнеперсидской надписи, найденный в Фанагории, вызвал интерес в научной среде. К настоящему моменту этому документу посвящено несколько статей, вышедших как на английском и немецком языках, так на русском (переведенных затем на английский). Можно надеяться, что к дискуссии через некоторое время присоединятся и другие специалисты, которым интересна тема персидского влияния на берегах Черного моря.

Изначально у меня не было намерения возвращаться к дискуссии по вопросу о принадлежности надписи тому или иному персидскому царю и связанным с этим проблемам. Мне казалось, что ответ очевиден. Однако после появления нескольких работ на эту тему стало понятно, что необходимо более подробно разъяснить некоторые обстоятельства, связанные как с контекстом находки, так и с моей точкой зрения. Позиция автора этих строк о том, что надпись связана с именем Ксеркса, входит в противоречие с мнением остальных участников

¹ Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

дискуссии. Следовательно, я обязан еще раз вернуться к анализу исследуемой проблемы.²

Вначале я процитирую небольшой отрывок из статьи Г. Р. Цецхладзе о документе из Фанагории, где он пишет: «Уже появился целый ряд статей, посвященных фанагорийской надписи, большинство из которых носит филологический характер, однако одна написана с исторической точки зрения, и ее авторы считают, что надпись принадлежит Дарию, и их мнение разделяют два филолога. В то же время В. Д. Кузнецов, археолог-классик, единственный из историков и археологов, уверен в принадлежности надписи Ксерксу (на основании датировки слоя, в котором она обнаружена)».³

По поводу этой цитаты отмечу два момента. Первый состоит в том, что автор этих строк изначально является историком, который с юности и на протяжении многих десятилетий участвует в археологических исследованиях, преимущественно в Фанагории. По этой причине я могу сказать, что являюсь одновременно и историком, и археологом. Это замечание имеет значение в том отношении, что мое внимание не сосредоточено исключительно на археологических материалах. Второе замечание по поводу приведенной выше цитаты заключается в том, что моя доказательная база о принадлежности надписи Ксерксу не основана только на обстоятельствах ее находки. Я уже приводил и другие аргументы в своей статье.⁴ Ниже я вернусь к ним еще раз.

Теперь же обратимся к аргументам тех исследователей, которые считают персидский документ, найденный в Фанагории, принадлежащим персидскому царю Дарию I. Поскольку автор этих строк не является специалистом в области древнеперсидской филологии, то свою задачу я вижу в том, чтобы внимательно рассмотреть логику рассуждений оппонентов в их интерпретации надписи. Начнем со статьи Э. В. Рунга и О. Л. Габелко, которая сначала была опубликована на русском языке, а затем на английском.⁵ Английская версия последняя по времени, в нее внесены некоторые изменения и уточнения. Поэтому я буду ссылаться на нее (за исключением прямых цитат).

Прежде всего, Э. В. Рунг и О. Л. Габелко считают, что в первой строке надписи стоит имя Дария в родительном падеже. Затем они отмечают то обстоятельство, на которое обращают внимание и другие специалисты (например, Э. Шавареби⁶) – не обязательно первую строку восстанавливать как “Xerxes, son of Darius”. Имя Дария в генетиве использовалось и в его собственных надписях. Отсюда следует, что документ мог принадлежать этому царю. В подтверждение этого они обращаются к второй строке надписи, которую на основе «трех с половиной» знаков восстанавливают как “Darius the King”.⁷ Дж. П. Базелло (G. P. Basello) в своем комментарии к надписи по поводу первой сохранившейся буквы второй строки написал: The first sign on lines x+2, x+3 and x+5 could be also “d” instead of “u” («Первый знак в строках x+2, x+3 и x+5 может быть также “d” вместо “u”»).⁸ Э. В. Рунг и О. Л. Габелко пишут в связи с этим: Xerxes’ name (x-š-y-a-r-š), which would correspond to the first publishers’ interpretation of the text, is ruled out for the first word of line 2 as the sign that precedes š- resembles u- (p. 87; подчеркнуто мной. – В. К.) («Имя Ксеркса, которое могло бы соответствовать интерпретации текста первоиздателями, исключается для первого слова второй строки, так как знак предшествующий š, похож на u»)⁹

Отсюда следует, что предлагаемый этими авторами вариант мы не можем уверенно назвать достоверным. Не случайно, например, в своем восстановлении этой строки Дж. П. Базелло ставит три вопросительных знака (d-a-r-y-v-]-š- : x-š-[a-y-θ-i-y : ???). Очевидно, что цепь предположений, на которых

² Английский вариант предлагаемой статьи будет опубликован в серии *Colloquia Antiqua* (редактор Г. Р. Цецхладзе).

Автор приносит свою признательность А. А. Завойкину за бесконечные совместные дискуссии по вопросам, связанным с интерпретацией культурного слоя Фанагории архаического времени.

³ Цецхладзе 2020, 99. В английском варианте вместо «слоя» говорится о разрушенном доме (based on the circumstances of its discovery in a ruined house: Tsetschladze 2019, 121–122). К варианту на русском языке статьи Г. Р. Цецхладзе я обращался только для цитирования некоторых пассажей. В своем же анализе ее содержания я использовал английский вариант.

⁴ Кузнецов 2018.

⁵ Рунг, Габелко 2018; Rung, Gabelko 2019.

⁶ Shavarebi 2019, 6.

⁷ Rung, Gabelko 2019, 87.

⁸ Кузнецов, Никитин 2018, 156.

⁹ Авторы статьи приводят мнение К. Таплина (Ch. Tuplin) из частного письма по поводу восстановления во второй строке имени Дария: он считает это возможным, но добавляет: “... but, again, it is not clear that the letter before š is (as it should be) u” («... однако еще раз – не является очевидным, что буква перед š – это (как должно бы быть) u») (Rung, Gabelko 2019, 88 note 13)

построен окончательный вывод в пользу принадлежности надписи царю Дарию, дает основание для вполне определенных сомнений в его корректности. Если в первой строке не исключено восстановление имени Ксеркса, а вторая строка повреждена так, что не дает никакой уверенности в правильности эмендации, то остается только сделать единственно правильное заключение: надпись не дает возможности твердо говорить о том, имя какого царя она на себе несет.

Теперь о статье Э. Шавареби, которая вышла из печати вскоре после *editio princeps*.¹⁰ По мнению этого автора, Э. В. Рунг и О. Л. Габелко предложили наиболее глубокое (*elaborate*) прочтение надписи и более убедительную историческую интерпретацию ее обнаружения (*a more convincing historical interpretation of the discovery*). При этом он говорит, что предлагает большее число возможных вариантов (*a bigger number of plausible options*).¹¹ Э. Шавареби согласен в том, что имя Дария в первой строке стоит в родительном падеже. И повторяет то, что говорилось выше: его имя в генетиве используется не только в надписях Ксеркса, но и самого Дария. И добавляет: *Moreover, for certain historical reasons, this attribution* (т. е. Ксерксу. – *B. K.*) *seems far from possible* (р. 6) («Более того, по определенным историческим основаниям эта атрибуция (Ксерксу) кажется далекой от возможной»). После этой фразы дается ссылка на статью Э. В. Рунга и О. Л. Габелко (видимо, в качестве дополнительного подтверждения своей позиции). Ниже он добавляет, что подробнее вопрос им будет исследован в подготавливаемой монографии.

Таким образом, в отношении первой строки выбор в пользу Дария Э. Шавареби ничем не доказывает, кроме упоминания возможности использования его имени в генетиве в его же собственных надписях. Другими словами, поскольку имя Дария в генетиве возможно не только в надписях Ксеркса, но и самого Дария, то это является достаточным основанием для выбора в пользу последнего царя. Логика довольно странная. Можно перевернуть эту фразу и сделать противоположный вывод: поскольку имя Дария в генетиве встречается не только в его собственных надписях, но и в документах Ксеркса, то мы можем сделать выбор именно в его пользу.

Далее речь идет о восстановлении второй строки. Два последних сохранившихся знака первого слова могут выглядеть как <d-š> или <u-š>. Э. Шавареби на основе более часто встречаемых вариантов выбирает <u-š>. Слова с таким окончанием могут быть глаголами, прилагательными и существительными. Автор выбирает существительное и, соответственно, предлагает видеть в нем имя Дария (р. 6–7). Теоретически все это возможно, но остается недоказанным, так как мы не можем исключить другие варианты восстановления.

Поскольку нас здесь интересует вопрос об имени царя в надписи, то позволим себе опустить анализ остальных строк документа и перейти сразу к выводам, которые сделал Э. Шавареби. На странице 11 он пишет: *Given the lexical analysis presented above, the most plausible reconstruction of the extant fragment of the inscription would be as follows. This is, however, only a hypothetical reconstruction. Discovery of any new fragment of this inscription in future may change our understanding of the text* (подчеркнуто мной. – *B. K.*) («Однако, это только гипотетическая реконструкция. Открытие в будущем любого нового фрагмента этой надписи может изменить наше понимание текста»). Но на странице 13 он уже утверждает следующее: *The remnants of the name of Darius in the first two lines of the fragment may safely* (подчеркнуто мной. – *B. K.*) *lead to an attribution of the inscription to Darius I* («Остатки имени Дария в первых двух строках фрагмента могут *надежно* вести к атрибуции надписи Дарию I»).¹⁰

¹⁰ Shavarebi 2019.

¹¹ *Ibid.*, 5.

Таким образом, складывается впечатление, что Э. Шавареби а priori решил для себя, что надпись из Фанагории выбита по распоряжению Дария. Поэтому весь его филологический анализ сводится к доказательству этой возможности, имея по этой причине вполне определенный налет субъективности. При этом, казалось бы, понимая, что любые реконструкции текста и выводы на их основе гипотетичны, тем не менее в конечном итоге он подчеркивает свою убежденность в правильности атрибуции надписи Дарию.

Еще две статьи, посвященные документу из Фанагории, написаны А. Аврамом.¹² Наиболее полно точка зрения этого автора представлена в одной из них, которая издана в идентичных французском и русском вариантах.

Обратимся к восстановлению текста (прежде всего, его первой и второй строк) и его пониманию А. Аврамом. По поводу реконструкции имени Ксеркса в первой строке надписи он говорит о том, что оно встречает непреодолимые трудности (*les difficultés apparemment insurmontables*).¹³ Они связаны с тем, что во второй строке он без сомнений видит имя Дария в номинативе. По поводу этой второй строки он пишет: «Следуя формуляру известных царских надписей, здесь можно, вероятно, предполагать... «царь Дарий объявляет»».¹⁴

Перейдем к интерпретации текста персидской надписи из Фанагории Г. Р. Цецхладзе.¹⁵ Не будучи специалистом в области древнеперсидской филологии, он обратился к двум известным в этой области ученым – Н. Симс-Уильямсу (N. Sims-Williams) и Р. Шмитту (R. Schmitt). Я приведу выводы, к которым они пришли, как они даются в тексте статьи Г. Р. Цецхладзе.

Р. Симс-Уильямс пишет: «Возможно, Ваши русские коллеги (Кузнецов и Никитин. – В. К.) интерпретируют х-š- [как нач ало имени Ксеркса, что теоретически возможно... Очень похоже, что это надпись Дария, однако, насколько я могу судить, ни Ксеркс, ни более поздние правители как вероятные авторы не могут быть исключены».¹⁶

Комментарий Р. Шмитта: «Конечно, самым естественным кажется предположить, что автор текста – Дарий. И действительно, в стк. 2 есть указание, которое можно проинтерпретировать таким образом. Однако на данный момент оно остается достаточно туманным и сомнительным, так как другие последовательности знаков и выражения дают почву для противоположного мнения и не кажутся совместимыми в рамках одной надписи».¹⁷

Далее вывод из этих комментариев самого Г. Р. Цецхладзе: «Из-за фрагментарной природы надписи очень сложно с уверенностью утверждать, принадлежит ли она Дарию или его сыну Ксерксу, но большая часть интерпретаторов (и я в их числе) склоняется к Дарию».¹⁸ В английском варианте статьи конец фразы выглядит несколько иначе: ... *but the balance of opinion, which I share, lies with Darius* (подчеркнуто мной. – В. К.). Это означает, что выбор сделан в значительной степени субъективно, по сути дела наугад.

Таким образом, два известных специалиста подчеркивают невозможность уверенно определить имя царя, которому принадлежит надпись. Мне представляется, что их оценка является вполне объективной и взвешенной. Однако в своей специальной статье, в которой рассматривается надпись из Фанагории, Р. Шмитт уже более решителен в своих выводах. Сначала он говорит о том, что попытки восстановления текста наталкиваются на множество возможных вариантов. По его мнению, датировка текста невозможна, а археологический контекст, в котором надпись обнаружена, дает лишь приблизительный *ante quem*.¹⁹ Однако, вопреки своему скепсису, Р. Шмитт несколько неожиданно делает

¹² Avram 2019; 2020; Аврам 2020. В последний момент перед сдачей статьи я получил книгу–Festschrift, посвященную Г. Р. Цецхладзе, который к нашему большому сожалению, внезапно покинул этот мир. В ней напечатана новая статья А. Аврама о надписи из Фанагории. Работа представляет собой, по словам самого автора, вариант статей на французском и русском языках (Avram 2022, 102). Это означает, что автор не предложил в этой статье какие-то новые идеи.

¹³ Avram 2019, 16.

¹⁴ Аврам 2020, 45. Французский вариант: En suivant le formulaire des inscriptions royales connues, l'on aurait affaire très probablement à ... «Darius, le roi, proclame»... (Avram 2020, 172; 2022, 79).

¹⁵ Tsetskhladze 2019; Цецхладзе 2020.

¹⁶ Цецхладзе 2020, 97. Английский вариант: Possibly your Russian colleagues interpreted х-š- [as the beginning of the name of Xerxes, which is in principle possible... Very likely it is an inscription of Darius, but an inscription of Xerxes or even a later ruler is not impossible, so far as I can see (Tsetskhladze 2019, 120).

¹⁷ Цецхладзе 2020, 99. Английский вариант: Of course, it suggests itself to think of Darius as the author of the text. And indeed there is a hint which might be interpreted this way in line 2, but it remains rather vague and for the time being quite uncertain, since other sequences and phrases point to another direction and are not really compatible within the whole of the inscription (Tsetskhladze 2019, 121).

¹⁸ Цецхладзе 2020, 99. Английский вариант: Thanks to its very fragmentary nature, it is clearly very difficult to be certain whether the inscription relates to Darius or to his son Xerxes, but the balance of opinion, which I share, lies with Darius (Tsetskhladze 2019, 121).

¹⁹ Schmitt 2019, 37–41.

вывод о том, что надпись поставлена по приказу Дария и категорически отвергает кандидатуру Ксеркса.

Уделим немного внимания заметке А. С. Балахванцева.²⁰ Это необходимо сделать лишь по одной причине. Речь идет о весьма краткой заметке, в которой не произведен филологический анализ надписи. Тем не менее, все исследователи всегда ссылаются на нее. Это обязано, по моему мнению, только тому обстоятельству, что А. Балахванцев считает автором документа Дария I. Тем самым предполагается, что он усиливает позицию сторонников этой точки зрения. При этом свое мнение он практически ничем не обосновывает. Я отмечу лишь один момент, характеризующий его подход к письменному источнику. Речь идет о сообщении Ктесия об экспедиции Ариарамна, сатрапа Дария. А. С. Балахванцев пишет: «... принимая во внимание крайне дурную репутацию Ктесия в исторической науке, его склонность к выдумкам и фальсификациям, следует согласиться с тем, что похода Ариарамна в Скифию в действительности никогда не было». Другими словами, автор заметки а priori отвергает сообщение древнего писателя без какого-либо анализа его информации. Очевидно, что это недопустимо. Несмотря на то, что сочинение (*Persica*) Ктесия далеко от исторической точности, его информация по любому вопросу должна внимательно изучаться.²¹

Такое отношение к письменному источнику вызывает недоумение. Если же прибавить к этому непонимание А. С. Балахванцевым археологического контекста²², в котором была найдена надпись, то значение его небольшой статьи можно считать крайне ограниченным.

Подведем некоторые итоги. Практически все специалисты в области древнеперсидской филологии и эпиграфики указывают на непреодолимые трудности в реконструкции и понимании содержания надписи из Фанагории по причине ее фрагментарности. Обломок мраморной стелы настолько невелик, что все значимые для понимания текста слова не могут быть уверенно определены. Все предлагаемые эмендации по этой причине крайне предположительны, несут на себе печать больших сомнений. Некоторые цитаты на этот счет приведены выше, остальные можно найти в опубликованных статьях упомянутых выше авторов.

При этом самое удивительное состоит в том, что все исследователи предлагают, тем не менее, считать автором текста персидского царя Дария I. В этот кроется некая загадка. Чем руководствуются авторы, придерживающиеся этой точки зрения? Естественно, точный ответ на этот вопрос у меня отсутствует. Могу лишь предположить, что выбор в пользу Дария объясняется не только тем, что речь идет об одном из самых знаменитых персидских царей. Еще важнее, по всей видимости, тот факт, что выбор в пользу Дария сразу же соотносит документ из Фанагории со знаменитым Скифским походом под командованием этого царя. Это предприятие, к тому же красочно описанное «отцом истории» Геродотом в четвертой книге его труда, открывает новые перспективы в решении крайне загадочной истории, которая будоражит умы ученых на протяжении многих десятилетий. Не случайно те специалисты, которые предпочитают видеть автором документа Дария, сразу же стали уточнять детали этого похода. Вряд ли стоит повторять, что все эти построения основаны на умозрительных предположениях.

Показательной в этом отношении выглядит следующая фраза Э. В. Рунга и О. Л. Габелко: «Авторы данной статьи глубоко уверены в том, что в Фанагории оказался именно какой-то обломок той стелы Дария, о которой говорит Геродот».²³ Однако «глубокую уверенность» в собственной правоте трудно считать убедительным аргументом в научной дискуссии. Скорее это показывает отсутствие

²⁰ Балахванцев 2018, 61–65.

²¹ Из последних работ см. Wiesenhöfer et al. (eds.) 2011. Мне представляется, что наиболее адекватная оценка творчества Ктесия дана Я. Стронком: "... anyone studying what is left of the *Persica* of Ctesias should constantly bear in mind that (s)he is not dealing with a historical work *strictu sensu*, but with the didactical work of a 'poet', treating historical persons and events placed in a, perhaps, more or less invented historical context..." (Stronk 2007, 55; см. Almagor 2012, 9–40).

²² «Однако археологический контекст находки и отсутствие других фрагментов поблизости от места обнаружения опубликованного обломка не дают оснований считать, что вся надпись изначально находилась в Фанагории» (Балахванцев 2018, 63).

²³ Рунг, Габелко 2018, 861.

доказательств и напоминает известную фразу, подчеркивающую слабость собственной позиции: *The argument is weak, raise your voice* (W. Churchill).²⁴

В действительности, единственный уверенный вывод, который можно сделать на основе фрагмента надписи из Фанагории в отношении кандидатуры её автора, состоит в следующем: вероятность правильности выбора, сделанного в пользу любого из двух царей только на основании надписи, будет всегда равна пятидесяти процентам. Другими словами, отдавать предпочтение какому-либо из этих двух царей только на основе документа невозможно. Нужны дополнительные и убедительные доказательства в отношении хронологии древнеперсидской надписи. Такими доказательствами служат контекст находки и датировка соответствующего археологического слоя, а также связанные с этим дополнительные аргументы. Мы остановимся на этом ниже. Сейчас же посмотрим на нефилологическую доказательную базу «сторонников» Дария.

Вернемся к статье Э. В. Рунга и О. Л. Габелко. Прежде всего отметим, что, по мнению этих авторов, археологический контекст не может иметь решающего значения для датировки надписи.²⁵ Также не важна и датировка пожара, в слое которого был найден фрагмент документа. Это серьезная ошибка, свидетельствующая о непонимании значения археологического источника и, как следствие, ведущая к неверным выводам. По какой-то причине авторы статьи полагают, что обломок был частью интерьера дома (*threshold, step, prop, etc.*), хотя в первой публикации надписи нигде об этом не говорится. Еще один аргумент против предлагаемой мною интерпретации документа состоит в том, что другие его фрагменты не найдены, что подтверждает тот факт, что изначально в Фанагорию был привезен только обломок.

Однако если следовать этой логике, то любой фрагмент надписи, найденный в том или ином месте, должен считаться привезенным извне, если поблизости не найдены недостающие обломки. Здесь очевидна археологическая наивность: в культурном слое (в отличие, например, от некрополей) полностью артефакты сохраняются совсем нечасто. Культурный слой всегда оказывается так или иначе поврежденным, а нередко и уничтоженным вместе с находившимися в нем артефактами.

По мнению Э. В. Рунга и О. Л. Габелко, обломок надписи был частью одной из стел, установленных Дарием на берегу Понта. Позднее они были перевезены в Византий, а затем разрушены греками, о чем сообщает Геродот (4. 87). Один из обломков оказался в Фанагории в результате посещения Византия неким фанагорийцем, который привез его на родину в качестве трофея, в знак триумфа над персами. Он мог быть использован здесь при строительстве какого-либо здания религиозного назначения. Или даже использоваться в качестве порога в доме, который ежедневно попирался ногами в знак всё того же триумфа.²⁶

В заключение краткого изложения позиции двух авторов приведу еще цитату из их статьи: *Examining the historical setting of the inscription's composition, Kuznetsov links it to a (purely conjectural) military expedition of Xerxes to the Bosphorus... As we have already noted, this is entirely based on the apparent presence of Darius' name in the genitive case in line 1.*²⁷ Это утверждение не соответствует действительности, поскольку мои доказательства в пользу Ксеркса как автора надписи основаны на комплексе данных – археологических, литературных, эпиграфических и нумизматических (см. ниже).

Еще один вариант того, как персидская надпись могла оказать в Фанагории, предложен А. Аврамом.²⁸ Прежде всего, он отвергает идею Э. В. Рунга и О. Л. Габелко о том, что фрагмент надписи из Фанагории был обломком стелы

²⁴ «Аргумент слаб, повысвить голос» (У. Черчилль).

²⁵ Э. В. Рунг и О. Л. Габелко считают, что необходимо сделать «chemical and mineralogical analysis» мрамора, использованного для изготовления стелы (р. 111). Однако это не имеет большого смысла, поскольку персы могли использовать любое месторождение мрамора, находящееся в Восточном Средиземноморье (cf. Martin 1965, 135–144).

²⁶ Более подробно с аргументацией авторов можно познакомиться на стр. 110–116 их статьи.

²⁷ Rung, Gabelko 2019, 92. Этот пассаж из более ранней статьи на русском языке выглядит так: «В. Д. Кузнецов, рассматривая историческую обстановку, с которой можно было бы связать появление надписи, отдает приоритет версии о ее создании в связи с (сугубо гипотетической) военной экспедицией Ксеркса на Боспор перед походом в Элладу – как было сказано ранее, лишь на основании прочтения в первой строке имени Дария в род п.» (Рунг, Габелко 2018, 853).

²⁸ Avram 2018; 2020; 2022.

из Византия. Он считает, что надпись была выбита где-то в другом месте и специально привезена в Фанагорию. А. Аврам отрицает возможность завоевания Северного Причерноморья Дарием I во время его похода в Скифию в 514/513 г. до н. э. Опираясь на предположение В. П. Яйленко²⁹ о синхронизме событий, изложенных в Бехистунской надписи и у Ктесия, он относит подчинение северного Понта персам к 519 г. Это событие он считает первой скифской войной. Вторая состоялась в 514/513 г. Наконец, реставрация персидского доминирования состоялась в 492 г. после поражения греков в Ионийском восстании. Этим временем и датируется документ из Фанагории.

В определении последней даты А. Аврам пытается использовать археологические свидетельства о катастрофических разрушениях, произошедших в городах Понта. По этой причине он пытается несколько удревнить датировки этих разрушений, «подтягивая» их к 492 году.³⁰

Я не буду подробно останавливаться на точке зрения А. Аврама хотя бы потому, что его построения не имеют отношения к реальной дате фанагорийской надписи. Кроме того, практически все его выводы построены на череде умозрительных предположений³¹, которые водружаются одно на другое. В итоге мы получаем своеобразную перевернутую пирамиду, построенную из предположений: достаточно убрать одно из них в нижней части, и тогда разрушится вся конструкция.

Недавно вышла статья С. М. Берстейна, в которой дана оценка идеи о том, что обломок с надписью из Фанагории принадлежал одной из стел, поставленных Дарием I на берегу Босфора (Hdt. 4. 87).³² Он отрицает такую возможность. Аргументы его таковы: 1) стелы (кроме одного блока), встроенные в алтарь в Византии, не были разрушены ко времени установки надписи в Фанагории; 2) стела с «ассирийскими письменами» (*Ἀσσυρία γράμματα*) оставалась нетронутой на своем месте, когда ее видел Геродот; 3) на стелах Дария был список подчиненных народов, тогда на фрагменте надписи речь идет о строительстве здания, а не о военной акции.

Нужно признать эти замечания весьма тонкими и опровергающими аргументацию Э. В. Рунга, О. Л. Габелко и Э. Шавареби.

Сейчас перейдем к анализу археологического контекста, в котором был найден фрагмент надписи. Я уже писал об этом в комментарии к публикации надписи.³³ Однако легкомысленное отношение к данным археологии со стороны специалистов, не знакомых с этой наукой или плохо понимающих ее особенности, заставляет еще раз вернуться к этому вопросу.

Из всех исследователей, обративших свое внимание на персидскую надпись, Г. Р. Цецхладзе является единственным, с моей точки зрения, кто реально понимает и правильно оценивает значение археологической аргументации и использует ее. Он пишет: «В такой ситуации (в условиях трудности выбора между Дарием и Ксерксом. – В. К.) необходимо рассмотреть иные источники и выяснить, как они соотносятся с текстом надписи. В дальнейшем изложении я обращаюсь в основном к археологическим данным».³⁴

Однако вместо того, чтобы опираться на данные археологии при датировке надписи, он, вслед за своими консультантами, сначала делает выбор в пользу Дария. После этого ему ничего не остается другого, кроме как использовать археологию для подтверждения этого выбора. Поэтому Г. Р. Цецхладзе полагает, что Дарий во время Скифского похода достиг Фанагории, где и поставил стелу.³⁵ Для того же, чтобы объяснить катастрофические разрушения, постигшие многие города Понта в 480 г., он вынужден предполагать, что был и второй персидский поход в Понт, уже под руководством Ксеркса.

²⁹ Яйленко 2004.

³⁰ Avram 2020, 192 note 118.

³¹ Отмечу попутно идею А. Аврама о том, что восемь крепостей, построенных Дарием (Hdt. 4. 124), находились на Таманском полуострове. Прежде всего, характер описанной Геродотом местности никак не может быть связан с Таманским полуостровом. Кроме того, полуостров довольно хорошо исследован: нигде и никогда не были обнаружены следы персидских крепостей и не найдены материальные остатки персидского пребывания здесь.

³² Burstein 2021, 371 note 11.

³³ Кузнецов 2018, 166–167.

³⁴ Цецхладзе 2020, 99.

³⁵ При этом он считает, что стела была встроена в какое-то общественное здание (Цецхладзе 2020, 100). Однако в рассматриваемое время в Фанагории не было зданий, построенных из камня, все они были из сырьевых кирпичей (Kuznetsov 2022, 521).

Если бы автор не сделал выбор в пользу Дария а *prigoi*, основываясь только на спорных интерпретациях текста, то он мог бы правильно оценить ситуацию с персидским нашествием в Понт. В частности, не возникло бы не имеющее под собой никаких оснований предположение о том, что Дарий захватил Фанагорию.

Итак, многолетними исследованиями в историческом центре Фанагории, где позднее находился акрополь, на площади 3000 м² открыты архаические культурные слои города, которые датируются от времени основания *апойкии* до ее разрушения в 480 г. до н. э.³⁶ Одной из главных археологических находок здесь стало открытие городских оборонительных стен. (рис. 1, 2).

Оборонительные сооружения Фанагории, построенные из сырцового кирпича, относятся к второй половине 6 в. до н. э. Они погибли в сильном пожаре, который по археологическим данным датируется вполне точно – рубеж первой и второй четвертей 5 в. до н. э.³⁷ Если заменить эту археологическую датировку на абсолютные цифры, то это будет 480–470 гг. до н. э.³⁸ Культурный слой с сохранившимся на длину 33 м отрезком стены не подвергался какому-либо вторжению после пожара этого времени.³⁹ Другими словами, слой с остатками стен стал закрытым археологическим комплексом. Это означает, что в слое пожара могли находиться только те предметы, которые относятся ко времени 480–470 гг. и раньше. Катастрофа имела общегородской характер: вместе с фортификационными сооружениями в огне погибли все здания Фанагории. Важным свидетельством чрезвычайности ситуации стала находка клада древнейших на территории Киммерийского Боспора серебряных монет (162 экземпляра). Они были поспешно спрятаны в сырцовой стене одного из жилых домов, в котором жил и работал ювелир.⁴⁰ Еще одна находка представляет собой подвал, который служил складом для хиосских амфор с вином или оливковым маслом (рис. 3). Амфоры, частично разбитые, остались *in situ*. Авторы публикации этого подвала считают, что он прекратил свое существование в 470-е годы.⁴¹ В сильном пожаре погибли также и здания общественного назначения (рис. 4).

Теме пожаров и разрушений в греческих городах Понта на рубеже первой и второй четвертей 5 в. уделено большое внимание в научной литературе.⁴² Поэтому здесь я только отмечу позицию А. Аврама. В своей статье он говорит о необходимости уточнения датировок этих пожаров, синхронных катастрофе в Фанагории.⁴³ В частности, он считает возможным удревнить разрушения в Пантикапее примерно на 10 лет, т. е. относить их примерно к 490 г.⁴⁴ Подчеркну в связи с этим, что практически все датировки катастрофических пожаров в Понте определяются авторами раскопок как рубеж первой и второй четвертей 5 в. до н. э., иногда с уточнениями – 480–470 гг. Например, В. П. Толстикова недавно определил пожар в Пантикапее временем «между 490–480 гг. до н. э.»,⁴⁵ «Сильный пожар и разрушения» в Тиритаке В. Н. Зинько датировал 480–470 гг.⁴⁶

В археологии, как известно, приняты датировки по четвертям века. Это удобно в условиях, когда имеются трудности с более точным датированием артефактов или культурных слоев. Рубежом первой и второй четвертей 5 в. до н. э. с формальной точки зрения является 475 г. Определять археологически дату какого-либо предмета или события с точностью до года практически невозможно. Поэтому для цифрового выражения понятия рубежа этих четвертей условно добавляют по пять лет в обе стороны. Поэтому получается дата 480–470 гг. Отсюда следует, что какое-либо датируемое на основе археологии событие может относиться к любому году внутри этих десяти лет. В нашем случае имеются основания говорить о 480 годе.⁴⁷

³⁶ Если отсчет исследований вести со времени начала раскопок в этом месте в 1975 г., то общая площадь раскопа равняется 3400 м².

³⁷ О фортификации Фанагории см. Кузнецов 2021. В слое этого пожара по всей площади раскопа были найдены бронзовые наконечники стрел, свидетельствующие о военных действиях.

³⁸ А. А. Завойкин определяет эту дату как «рубеж 80-х и 70-х годов V в. до н. э.» (Завойкин 2019, 112, 115).

³⁹ За исключением хозяйственных ям более позднего времени, которые были раскопаны перед исследованиями фортификации.

⁴⁰ Клад недавно опубликован (Кузнецов, Абрамзон 2020 = Kuznetsov, Abramzon 2021).

⁴¹ Завойкин, Кузнецова, Монахов 2013, 206–229.

⁴² Толстикова 1984; Завойкин 2006; Nieling 2010, 129–130; Tsetskhladze 2013, 208–211.

⁴³ Avram 2020, 191; Аврам 2020, 75.

⁴⁴ Например, из датировки пожара в Пантикапее 490–480 гг., которую дает В. П. Толстикова, А. Аврам по понятной причине предпочитает использовать 490-й год, но не 480-й (Avram 2022, 100 note 120).

⁴⁵ Толстикова и др. 2017, 42.

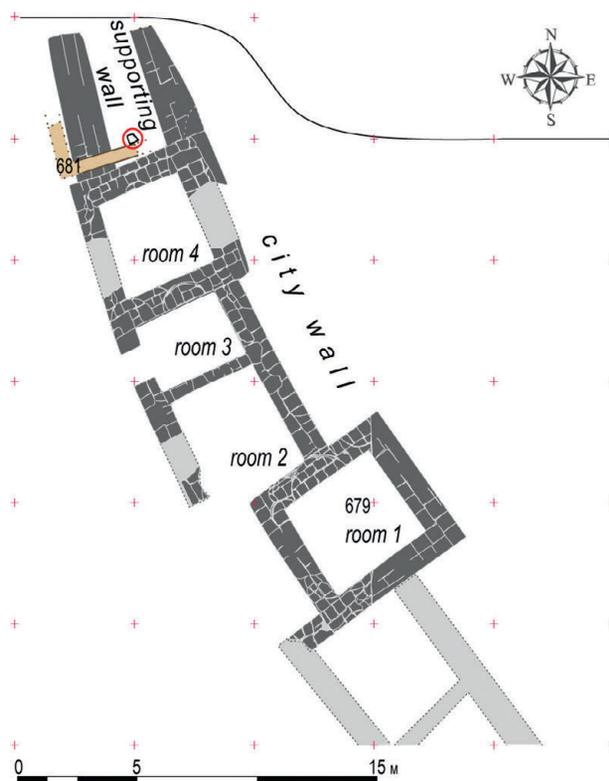
⁴⁶ Зинько 2015, 137; 2021, 31.

⁴⁷ Эту хронологическую проблему можно показать на примере датировки северо-ионийской керамики (ойнохои, амфоры, кратеры), которая относится к группе Wild Goat Style. Ее последний этап (Late Wild Goat) обычно датируют второй четвертью 6 в. до н. э., т. е. 575–550 гг. (Cook 1997, 114; Cook, Dupont 1998, 51–56; Coulié 2014, 44). Некоторые исследователи дают другие даты, чтобы показать прекращение производства этой керамики временем перед серединой 6 в. – 580–560 гг. (см.: Bujskich 2007, 505; Буйских 2019, 43–84). Однако раскопки в Фанагории позволяют уточнить время прекращения выпуска такого типа ионийской посуды на основе исторически зафиксированного факта – времени основания Фанагории около 540 г. до н. э. Она встречается в древнейших слоях города (Кузнецов 2010, 319). Таким образом, конкретный исторический факт помогает уточнить археологические датировки.

Рис. 1. План раскопа со строительными объектами (540–480 гг.)

Рис. 2. Схематический план оборонительных стен Фанагории и место находки надписи

Рис. 3. Подвал с хиосскими амфорами

Рис. 4. Святилище (подземным богам?), погибшее в пожаре

Вернемся в Фанагорию. Поверх разрушенных кварталов спустя небольшой промежуток времени были построены новые здания. Непосредственно над оборонительными стенами было возведена постройка из сырцового кирпича, возможно, жилой дом (№ 681 по полевой документации). Он крайне плохо сохранился, поскольку, в свою очередь, также погиб в сильном пожаре. От дома не полностью сохранились лишь южная стена и направление западной стены, которое дают разрушенные сырцовые кирпичи. Следы сильного пожара прослеживаются в частично сохранившемся юго-западном углу здания (рис. 5).

Рис. 5. Юго-западный угол здания 681 со следами пожара

Рис. 6. Фрагмент персидской надписи *in situ*

Около южной стены, в слое пожара и выше подошвы этой стены, лицевой стороной вниз был обнаружен обломок мраморной стелы с древнеперсидской надписью (рис. 6, 7). Он не служил порогом и вообще не был частью интерьера дома. Судя по картине тотального разрушения, фрагмент мог и совсем не принадлежать этому зданию. В пользу такого заключения свидетельствует такой факт: нижний левый угол обломка и прилегающая к нему нижняя часть лицевой стороны несут на себе следы черного налета, впитавшегося в мрамор. Такого же рода налет, но менее интенсивный, фиксируется и на других участках камня (рис. 8–10).

Руководитель реставрационной лаборатории государственного музея-заповедника «Фанагория», реставратор высшей категории О. Л. Гунчина произвела

Рис. 7. Местоположение надписи по отношению к стене здания 681

Рис. 8. Надпись в день открытия после первичной очистки

анализ камня и сделала следующее заключение (за что автор выражает ей свою признательность):

«При осмотре мраморного фрагмента с персидской надписью обнаружены следы термического воздействия, поэтому были проведены дополнительные лабораторные исследования памятника. Они проводились методом световой микроскопии по двум критериям: изменение цвета и изменение микроструктуры камня.

В результате этой работы были выделены четыре зоны: 1) незатронутая воздействием нагрева, 2) умеренного нагрева, 3) нагрева до 900 градусов по Цельсию и 4) воздействия высокой температуры – 900 градусов по Цельсию и выше.

В зоне незатронутой воздействием нагрева цвет камня остался без изменений, видны следы полировки камня с матовым блеском. На этом участке могло быть повышение температуры до 120 градусов по Цельсию.

Зона умеренного нагрева подверглась воздействию температуры от 120 градусов по Цельсию. В этом месте цвет камня сохраняется, но уже утрачены следы полировки, появляются многочисленные микротрещины и, как следствие, увеличивается пористость камня. Здесь видны темные пятна – микротрещины, заполненные черным пигментом, предположительно сажей.

Рис. 9. Следы, оставленные на камне огнем и углями

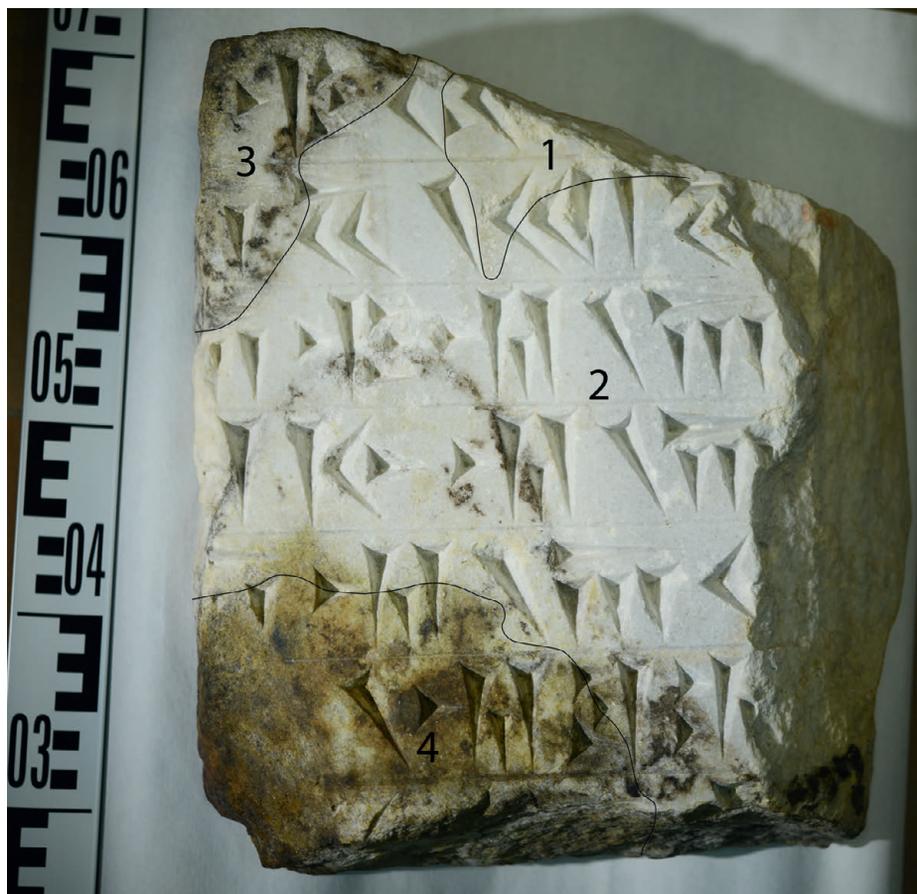

В третьей зоне – нагрева до 900° нет следов химической деструкции камня, но многочисленные трещины и микротрещины заполнены черным пигментом и почвой.

В четвертой зоне воздействия высокой температуры цвет камня варьируется от серого и коричневого до черного. Уже при 10-кратном увеличении отчетливо различаются потемневшие зерна кальцита и микротрещины с заполнением черного и коричневого цветов. При увеличении в 40 раз можно определить, что микротрещины заполнены черным пигментом, а в крупных кавернах видны почвенные загрязнения, смешанные с черным пигментом. В этой области

Рис. 10. Следы, оставленные на камне огнем и углями

Рис. 11. Четыре участка на поверхности фрагмента надписи с разной степенью воздействия огня

появляются не только крупные трещины, но и видны следы химического разложения мрамора, разрушившиеся зерна кальцита и каверны от высыпавшихся, деструктурированных в результате перегрева зерен кальцита. Химическое разложение мрамора начинается при 910 градусах по Цельсию. Так как разрушен только поверхностный слой, то можно предположить, что действие высокой температуры не было длительным.

По характеру разрушений камня можно предположить, что он упал во время пожара нижним краем лицевой стороны на очаг горения» (рис. 11).

Из этого заключения можно сделать следующий вполне уверенный вывод. Во время катастрофы и тотального пожара мраморная стела была разрушена. Один из фрагментов упал или был сброшен в слой пожара лицевой стороной вниз (преимущественно нижним краем). В очаг относительно сильного горения попал только нижний левый угол. Остальная часть лицевой стороны оказалась на неравномерно лежащих тлеющих углях, которые частично и в разной степени повредили отполированную поверхность обломка. При этом на обратную сторону камня сверху также упали тлеющие угли. Но одновременно на нее обрушились и сырцовые кирпичи, видимо, свалившиеся со стен. Те места, где на обломке лежали кирпичи (на оборотной стороне и на одной из боковых граней), следы углей отсутствуют, поскольку кирпичи защитили от них камень. Эти места выделяются светлыми в цвет мрамора пятнами довольно правильной формы⁴⁸ (рис. 12–14).

Все эти факты являются ярким свидетельством разгрома в городе, в котором было разрушено практически все.⁴⁹ Слой этого пожара сохранился неравномерно на площади раскопа, в виде своеобразных пятен, поскольку культурный

⁴⁸ Эти пятна не были видны после первоначальной очистки камня от земли и следов пожара. Они проявились после более тщательной работы по реставрации обломка.

⁴⁹ Завойкин, Кузнецов 2020, 133.

Рис. 12. Задняя поверхность и боковая грань обломка с надписью с двумя участками, не затронутыми огнем

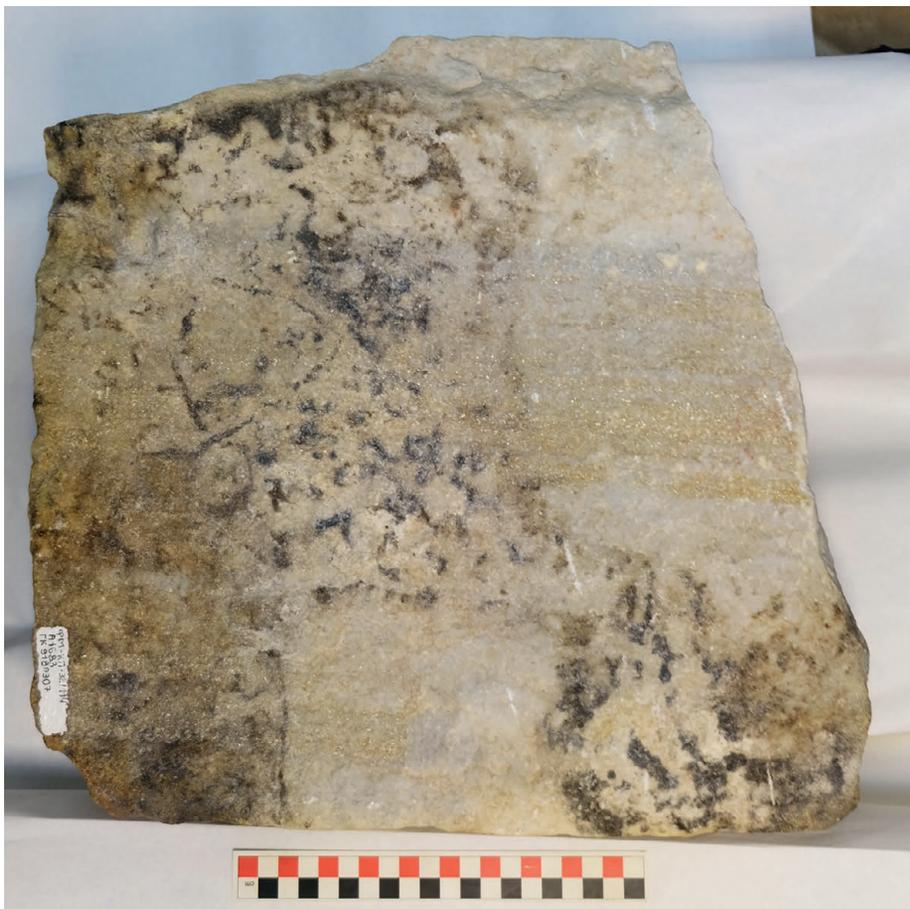
⁵⁰ Прочитую еще одно замечание Э. В. Рунга и О. Л. Габелко по этому поводу: «Так или иначе, необходимо исходить из того, что мы имеем один-единственный непреложный археологический факт: обломок ахеменидской надписи был обнаружен в доме, погибшем в пожаре в V в. до н.э. (уточнение того, когда именно случилась гибель постройки, оставим фанагорийским археологам – для нашей гипотезы это в сущности не так уж и важно)... камень попал туда (т.е. в дом. – В.К.) (существенно?) раньше, чем произошло разрушение строения» (Рунг, Габелко 2018, 862).

Камень попал в слой пожара, в котором погибло не только здание, но и весь город. Однако не «существенно» раньше, а в момент катастрофы. Весь пафос цитированного пассажа свидетельствует только об одном – авторы не поняли простую и ясную археологическую ситуацию: один закрытый комплекс, в котором обнаружена надпись, находится поверх другого, более раннего, связанного с другой катастрофой. Каждый из них имеет свою дату гибели. Стела с надписью была разбита в момент атаки на город ок. 440 г. до н.э. (по археологической датировке). Поэтому сохранившийся обломок надписи несет на себе следы катастрофы именно этого времени, которая превратила слой пожара в закрытый комплекс.

На примере эпиграфики (поскольку речь идет о надписи) в отношении археологической науки проведем простую параллель: как без специальной подготовки нельзя анализировать текст эпиграфического документа, точно также невозможно профессионально оценивать археологические факты, не будучи знакомым с этой наукой. Пренебрежение этой общеизвестной истиной не только ведет исследование в неправильном направлении, но и показывает его низкий, по сути дела любительский уровень.

⁵¹ Завойкин 2019, 113, 114, fig. 4. 3, 4; Абрамзон и др. 2019, 12. Замечу попутно о неточности в статье А. А. Завойкина, который пишет о том, что обломок надписи был найден на полу дома 681 (Завойкин 2019, 113). Завершение исследований этого дома показали, что пол в нем не сохранился. Камень лежал в слое пожара, и в любом случае выше подошвы стен.

⁵² Анохин 1986, 24.

слой рассматриваемого времени местами был уничтожен в более позднее время при строительных работах. Поэтому говорить об отсутствии других фрагментов стелы, как о доказательстве доставки в Фанагорию только одного обломка, неуместно.

В этих условиях фрагмент разбитой стелы мог оказаться в любом месте внутри слоя пожара. Поскольку весь этот слой вместе с описанным домом представляет собой закрытый комплекс, то можно говорить о том, что стела с персидской надписью была разбита в момент гибели города.⁵⁰ В результате этого один из ее фрагментов оказался в том месте, где он был обнаружен в процессе раскопок.

Датировка этой второй общегородской катастрофы определяется наиболее поздними по времени находками из слоя пожара, в том числе относящимися к зданию 681. В целом, эти находки датируются 460–440 гг. до н.э. Из дома 681 происходят хиосские амфоры, которые позволяют, по мнению А. А. Завойкина, относить его гибель к концу этого периода (примерно к 440 г.).⁵¹ Это дает основание для утверждения о том, что персидская стела была разбита в начале третьей четверти 5 в. до н.э.

В свое время В. А. Анохин считал, что примерно в 490 г. до н.э. Пантикапей в монетной чеканке перешел с эгинской весовой системы на персидскую.⁵² В своих расчетах автор ошибочно опирался на 530 г. до н.э. как дату начала чеканки на Боспоре Киммерийском. Тем не менее, он довольно точно определил время перехода на персидскую весовую систему. Находка клада серебряных

Рис. 13, 14. Задняя поверхность и боковая грань обломка с надписью с двумя участками, не затронутыми огнем

монет в Фанагории, о котором речь шла выше, позволила уточнить детали начала чеканки на Боспоре Киммерийском.⁵³ Теперь ее можно вполне уверенно относить к 490-м годам. Причем древнейшая монета выпускалась не в Пантикапее, а скорее всего на Таманском полуострове, возможно под эгидой святилища Афродиты Урании в Апатуре (около Фанагории).⁵⁴ Клад найден в пожаре, который датируется археологически 480–470 г. до н. э., что является конечной датой выпуска монет этой серии. Монеты из клада отчеканены по эгинской весовой системе.⁵⁵ После прекращения их производства следующая серия на Боспоре Киммерийском выпускалась уже в Пантикапее. Что очень важно для нас – она чеканилась по персидской системе.⁵⁶ Причем речь идет не о 490 г., как думал В. А. Анохин, но о 480 г.

Теперь пришло время напомнить об очень важной фразе Диодора Сицилийского (12. 31. 1) о приходе к власти на Боспоре Киммерийском неких Археанактидов.⁵⁷ Это событие датируется 480 г. до н. э. Оно может означать только одно – на окраине ойкумены произошли какие-то очень важные события, достойные упоминания Диодором в его «Исторической библиотеке». Эти события привели к власти каких-то новых правителей. Как видим, это соответствует по времени археологически зафиксированным катастрофам в городах⁵⁸, спрятанному кладу в Фанагории, а также переходу монетной чеканки с эгинской на персидскую весовую систему. Такое хронологическое совпадение археологических, литературных и нумизматических данных с находкой древнеперсидской царской надписи не может быть случайностью. Слишком важные, если не сказать

⁵³ Подробнее см. Кузнецов, Абрамзон 2020.

⁵⁴ Об Апатуре см. Ustinova 1999, 29–53; Кузнецов 2014; Braund 2018, 187–255.

⁵⁵ О кораблях с зерном, плывущих их Понта в Эгину и Пелопоннес см. Hdt. 7, 147.2 (Кузнецов, Абрамзон 2020, 53).

⁵⁶ О персидском весовом стандарте см. Psoma 2016, 102–103.

⁵⁷ «В Азии властители (или царствующие на) Киммерийского Боспора, называемые Археанактидами, правили 42 года; власть перенял Спартак, правил 7 лет».

⁵⁸ Заметим, что археологические датировки практически не могут быть точнее десяти лет. Сужение даты возможно при наличии дополнительной информации неархеологического характера. Именно такой информацией является сообщение Диодора, которая сводит дату 480–470 к 480 г.

грандиозные, события кроются за этой информацией, подтверждаемой разными видами источников. В любом случае, этот набор данных гораздо более важен и доказателен, чем предлагаемые предположения о попадании надписи в Фанагорию в связи с походами Дария I.

В упомянутом сообщении Диодора говорится о том, что спустя 42 года власть на Боспоре Киммерийском сменилась. Я не буду повторять то, что уже было сказано мною раньше, о связи между приходом к власти Спартака/Спартока в результате похода афинского флота под руководством Перикла в Понт (Plut. Per. 20).⁵⁹ Я обращаю внимание только на два момента.

Первый касается датировки этой экспедиции. Независимо от споров на эту тему, вряд ли будет ошибкой говорить о том, что поход состоялся в начале 430-х годов. Этим же временем датируется второе тотальное разрушение Фанагории, о чем говорилось выше (около 440 г. по археологическим данным). Вряд ли такое совпадение можно считать случайностью. Если это так, то подтверждается и совпадение даты прихода к власти Спартока, которую дает Диодор, со временем пребывания экспедиции Перикла в Понте – 438/7 г. до н.э. Этой даты придерживается ряд специалистов, в том числе и автор этих строк.

Второй момент касается монетной чеканки. Приход к власти Спартока имел своим следствием не только установление особых связей между Боспором и Афинами, в том числе в хлебной торговле. Через некоторое время после этого события в Пантикапее персидский весовой стандарт меняется на аттический.⁶⁰ Такое важное мероприятие не только является ярким свидетельством тесных связей Пантикапея с Афинами, но и следствием изменения политической ситуации в Понте в результате экспедиции Перикла.

Эти факты еще более усиливают приведенные выше аргументы о принадлежности надписи Ксерксу, связывая в единый комплекс сообщение Диодора, данные археологии о катастрофе в Фанагории на рубеже 440 и 430-х годов, во время которой прекратила свое существование персидская стела, афинского похода в Понт и приходом к власти на Боспоре Киммерийском нового правителя, а также сменой в Пантикапее весового стандарта с персидского на аттический. Весь этот комплекс взаимосвязанных и взаимоподтверждающих фактов вряд ли возможно опровергнуть.

Суммируем факты.

480 г. до н.э.

- катастрофическое разрушение Фанагории (и других причерноморских городов);
- приход к власти в Пантикапее новой династии (Диодор);
- персидская надпись, найденная в Фанагории, как подтверждение захвата города персами;
- смена весовой системы в монетной чеканке с эгинской на персидскую (клад из Фанагории), символизирующая установление персидского господства на Боспоре Киммерийском;
- Греко-персидские войны как фон для этих событий.

438 г. до н.э.

- смена власти в Пантикапее (Спарток) и точное совпадение дат по Диодору с другими данными (480–438 гг.);

⁵⁹ Кузнецов 2018, 175–178.

⁶⁰ Абрамзон и др. 2020, 8–9; Кузнецов, Абрамзон 2020, 58.

- морская экспедиция Афин под руководством Перикла в Понт для низвержения персидского господства в этом регионе;
- новое катастрофическое разрушение Фанагории;
- находка в слое пожара обломка разбитой персидской стелы, установленной после захвата города в 480 г., как свидетельство свержения персидского господства;
- постепенная смена на Боспоре Киммерийском чеканки монеты по персидскому стандарту на аттический, показывающая изменение политической и экономической ориентации с Персии на Афины.⁶¹

Повторю еще раз – совпадение такого количества разнообразных по своему происхождению данных (литературных, эпиграфических, археологических, нумизматических), и тем более на соответствующем историческом фоне, не может быть случайным. Приведенные аргументы являются не предположениями, основанными на произвольных фантазиях, а установленными фактами.

Таким образом, древнеперсидская надпись, найденная при раскопках в Фанагории, изначально была поставлена в этом городе.⁶² Она свидетельствует о его захвате персами. Такого рода нападение было осуществлено на эллинские города Понта от северо-западной его части до северо-восточной. Об этом говорят синхронные разрушения, сопровождаемые пожарами, которые зафиксированы во многих городах.⁶³ Совпадение по времени этих событий с заключительным этапом борьбы греков с персами не может быть случайным. Очевидно, что находка персидской надписи вкупе с другими данными вписывает Понт в контекст Греко-персидских войн. Этот факт опровергает утверждения о том, что находка в Фанагории не дает никакой новой информации о взаимоотношениях греков и персов в Северном Причерноморье.⁶⁴

480 г. до н. э. является очень важной датой не только в истории Греции, но всего древнего мира. Дело не только в противостоянии демократических государств имперским амбициям персов. Это перелом во многих сферах жизни эллинских общин, переход к новому качеству.⁶⁵ Не случайно эта дата считается началом классического периода в истории древней Греции. Такие грандиозные события не могли не коснуться части эллинского мира, пусть и на его периферии. Безусловно греческие города северного Понта были вовлечены в перипетии эпохальной истории – Греко-персидские войны. Волею судеб дата освобождения Афин от персов стала началом покорения понтийских полисов. Только спустя четыре десятилетия Афины освободили их от персидского господства.

Персидская империя оказала очень большое влияние на Киммерийский Боспор, особенно начиная с 5 в. до н. э. Не случайно специалисты говорят о том, что титулатура боспорских царей была заимствована у персов. Это влияние по причине недостатка письменной информации завуалировано, в значительной степени скрыто от исследователей. Отчасти данные археологии проливают свет на этот вопрос. Однако их значение недооценено. Влияние на Боспор мощной и владевшей гигантскими пространствами Персидской империи имело последствия в течение долгого времени.

И последнее. В свете полученных результатов исследования персидской надписи из Фанагории следует переименовать ее сокращенное название, предложенное Э. Шавареби⁶⁶, с DFa на XFa.

⁶¹ См. Psoma 2016, 99, 106–107. Вполне вероятно, что через некоторое время многие причерноморские города вошли в состав Афинского морского союза (см. Raarman 2004, 84).

⁶² Э. В. Рунг и О. Л. Габелко (2018, 862–863) попытались опровергнуть это утверждение: «и это вкупе (с отсутствием других фрагментов персидской стелы. – В. К.) с указанием того же исследователя (Кузнецова. – В. К.) на исключительную редкость использования камня вообще и отсутствие мрамора в особенности в ранней Фанагории как раз свидетельствует со всей очевидностью о том, что целой персидской надписи в городе никогда не было, здесь оказался лишь ее привезенный издалека обломок» (см. также: Rung, Gabelko 2019, 111).

Действительно, камень в ранний период истории Фанагории был дефицитом и привозился в качестве балласта на судах. Но это осуществлялось в рамках торговых связей с Ионией. Персидская же надпись не имела отношения к торговле – она была изготовлена заранее и привезена персами специально в северный Понт (ср. Avram 2022, 80 note 18). Поэтому приведенный Э. В. Рунгом и О. Л. Габелко аргумент не имеет никакого значения.

⁶³ Нужно иметь в виду при этом, что далеко не во всех городах Понта открыты культурные слои интересующего нас времени. Новые археологические исследования слоев позднеархаического времени в разных городах Причерноморья могут дать важную информацию по нашей теме.

⁶⁴ Rung, Gabelko 2019, 116; Schmitt 2019, 43.

⁶⁵ Constantakopoulou 2013, 25.

⁶⁶ Shavarebi 2019, 2, note 4.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // *Hesperis* 1, 5–29.
- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2020. Боспорские серебряные монеты классического времени из Фанагории // *Hesperis* 2, 5–26.
- Аврам А. 2020. Персы в Причерноморье: новые документы и новые интерпретации // *Аристей* 21, 40–88 (вариант этой статьи на французском языке см. Avram 2020).
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Балахванцев А. С. 2018. Боспор и Ахемениды // *Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира* 1. Санкт-Петербург, 61–65.
- Буйских А. В. 2019. Архаическая расписная керамика из Борисфена. Киев.
- Завойкин А. А. 2006. Кризис «первой половины» V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства // *РА* 4, 103–111.
- Завойкин А. А. 2019. О пифоидных амфорах «с полыми доньями» из Фанагории // *КСИА* 254, 104–118.
- Завойкин А. А., Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю. 2013. Склад амфор 290В из Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории (Фанагория 1)*. Москва, 206–229.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2020. Хронология архаического дома из Фанагории // *Hesperis* 2, 129–140.
- Зинько В. Н. 2015. Городские стены позднеархаической Тиритаки // *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова*. Москва, 137–140.
- Зинько В. Н. 2021. Из ранней истории Тиритаки // *БИ* 43, 22–43.
- Кузнецов В. Д. 2010. О времени основания Фанагории // *ДБ* 14, 313–321.
- Кузнецов В. Д. 2014. Апатур // В. Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1)*. Москва, 314–329.
- Кузнецов В. Д. 2018. Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6)*. Москва, 160–185 (= Kuznetsov V. D. 2019. The Cimmerian Bosphorus in the 5th Century BC (an Old Persian Inscription from Phanagoria) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 25, 8–43).
- Кузнецов В. Д. 2021. Архаические стены Фанагории // *Hesperis* 3, 111–130.
- Кузнецов В. Д., Никитин А. Б. 2018. Древнеперсидская надпись из Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6)*. Москва, 154–159 (= Kuznetsov V. D., Nikitin A. B. 2019. An Old Persian Inscription from Phanagoria // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 25, 1–7).
- Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г. 2020. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория 8). Москва (= Kuznetsov V. D., Abramzon M. G. 2021. Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosphorus (a Hoard from Phanagoria) (*Colloquia Antiqua* 34. Phanagoria Studies 1). Leuven–Paris–Bristol.
- Рунг Э. В., Габелко О. Л. 2018. Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // *ВДИ* 4, 847–869.
- Толстиков В. П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства // *ВДИ* 3, 24–48.
- Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. 2017. Древнейший Пантикапей. От апойкии к городу. Москва.
- Цецхладзе Г. Р. 2020. Ахеменидская надпись из Фанагории: переписывая историю империи // *Аристей* 21, 89–138 (вариант этой статьи на английском языке см. Tsetskhladze 2019).
- Яйленко В. П. 2004. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников Санкт-Петербург*, 55–60.
- Almagor E. 2012. Ctesias and the Importance of his Writings Revisited // *Electrum* 19, 9–40.
- Avram A. 2019. Remarques sur l'inscription achéménide de Phanagoria // R. Tatomir (ed.), *East–West Dialogue. Individual and Society through Ages*. Bucharest, 9–24.

- Avram A. 2020. Les Perses en mer Noire à l'époque de Darius Ier: nouveaux documents et nouvelles interprétations // *Dacia* LXII–LXIII, 169–198.
- Avram A. 2022. 519 BC: Persian Occupy the North Pontic Coast // J. Boardman, J. Hargrave, A. Avram, A. Podossinov (eds.), *Connecting the Ancient West and East. Studies Presented to Prof. Gocha R. Tsetskhladze. Vol. I. Leuven–Paris–Bristol*, 75–108.
- Braund D. 2018. *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region. Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. Cambridge.
- Bujskich A. 2007. The Earliest East Greek Pottery from Olbia Pontica // J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmermann (Hrsg.), *Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme. Mainz am Rhein*, 499–508.
- Burstein S.M. 2021. The Black Sea: An Achaemenid Frontier Zone // T. Daryaee, R. Rollinger (eds.), *Iran and its Histories: From the Beginnings through the Achaemenid Empire*. Wiesbaden, 369–378.
- Constantakopoulou Ch. 2013. Tribute, the Athenian Empire and Small States / Communities in the Aegean // A. Slawish (Hrsg.), *Handels- und Finanzgebaren in der Ägäis im 5. Jh. v. Chr. / Trade and Finance in the 5th C. BC Aegean World (Byzas 18)*. Istanbul, 25–42.
- Cook R.M. 1997. *Greek Painted Pottery*. London–New York.
- Cook R.M., Dupont P. 1998. *East Greek Pottery*. London–New York.
- Coulié A. 2014. *La céramique de la Grèce de l'Est. Le style des chèvres sauvages*. Paris.
- Kuznetsov V.D. 2022. Phanagoria in Archaic Times // J. Boardman, J. Hargrave, A. Avram, A. Podossinov (eds.), *Connecting the Ancient West and East. Studies Presented to Prof. Gocha R. Tsetskhladze. Leuven–Paris–Bristol*, 521–551.
- Martin R. 1965. *Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et technique*. Paris.
- Nieling J. 2010. Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosporus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth century BC // J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus, 122–136.
- Paarmann B. 2004. Geographically Grouped Ethnics in the Athenian Tribute Lists // Th. H. Nielsen (ed.), *Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis* (Papers from the Copenhagen Polis Centre 7). Stuttgart, 77–109.
- Psoma S.E. 2016. Choosing and Changing Monetary Standards in the Greek World During the Archaic and Classical Periods // E. M. Harris, D. M. Lewis, M. Woolmer (eds.), *The Ancient Greek Economy. Markets, Households and City-States*. Cambridge, 90–115.
- Rung E., Gabelko O. 2019. From Bosporus... to Bosporus: A New Interpretation and Historical Context of the Old Persian Inscription from Phanagoreia // *Iranica Antiqua* LIV, 83–125.
- Schmitt R. 2019. Überlegungen zu Zwei neuen altpersischen Inschriften (Phanagoreia, Naqš-e Rostam) // *Nartamongae* XIV/1–2, 34–49.
- Shavarebi E. 2019. An Inscription of Darius I from Phanagoria (Dfa): Preliminary Report of a Work in Progress // *Arta* 5, 1–15.
- Stronk J.P. 2007. Ctesias of Cnidus, a Reappraisal // *Mnemosyne* 60, 25–58.
- Tsetskhladze G.R. 2013. The Greek Bosporan Kingdom: Regionalism and Globalism in the Black Sea // F. De Angelis (ed.), *Regionalism and Globalism in Antiquity. Exploring Their Limits*. Leuven–Paris–Walpole, 201–228.
- Tsetskhladze G.R. 2019. An Achaemenid Inscription from Phanagoria: Extending the Boundaries of Empire // *AWE* 18, 113–151
- Ustinova Yu. 1999. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. *Leisen–Boston–Köln*.
- Wiesenhöfer J., Rollinger R., Lanfranchi G. B. 2011. *Ktesias' Welt / Ctesias' World* (Classica et Orientalia 1). Wiesbaden.

А. А. Малышев, А. М. Новичихин

ПОЛУОСТРОВ АБРАУ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА*

Аннотация. В предыдущем номере «Hypanís» была опубликована обобщающая статья «Полуостров Абрау в римское время», в ней рассмотрен один из периодов (1 в. до н. э. – 5 в. н. э.) в истории юго-восточной периферии Азиатского Боспора. В предлагаемой статье систематизированы данные по истории и археологии указанного региона в 8–1 вв. до н. э. В целом эти публикации позволяют воссоздать панораму, которая охватывает широкий хронологический диапазон: 8 в. до н. э. – 5 в. н. э. Возрастающее греческое влияние на развитие этнополитической ситуации в регионе нашло отражение в периодизации истории и археологии региона в эпоху раннего железа: доколониционный, колониционный периоды, а также этап, связанный с внутренней боспорской колонизацией.

Судя по имеющимся археологическим материалам, в доколониционный период п-ов Абрау был слабо населен, традиционный быт его обитателей был основан на примитивном комплексном хозяйстве. Демографический оптимум для населения предгорий зафиксирован в период освоения черноморского побережья Северного Кавказа греками-колонистами и активизации торгово-обменных отношений в регионе (6–5 вв. до н. э.).

Одной из причин боспорской колонизации северной части п-ова Абрау в 4–2 вв. до н. э. – одного из равнинных плодородных районов Синдики – была потребность в товарном зерне. Хозяйственное освоение хоры Горгииппии сопровождалось эллинизацией аборигенного синдского поселения, которая означала постепенное его подчинение и ассимиляцию. Фиксируемое запустение в южной части п-ова Абрау – ареале обитания керкетов и торетов – можно объяснить стремлением боспорян обезопасить навигацию и другую хозяйственную деятельность от пиратов. По-видимому, эту задачу успешно решили поселившиеся в восточной части Анапско-Натухаевской долины мигранты из равнинных районов Закубанья.

Ключевые слова. Полуостров Абрау, ранний железный век, греческая колонизация, Боспорское государство, меотская культура, хронология.

A. A. Malyshev, A. M. Novichikhin

THE ABRAU PENINSULA DURING THE EARLY BRONZE AGE

Abstract. In the last issue of *HYPANIS*, a generalising article, “The Abrau Peninsula in Roman Times”, was published. It discusses one of the periods (first century BC – fifth century AD) in the history of the Southeastern periphery of the Asian Bosporos. The present article systematises the historical and archaeological data of this region in the Early Iron Age (8th–1st centuries BC). Therefore, combined, these publications allow us to recreate a panorama that covers a wide chronological range, from the 8th century BC to the 5th century AD. The growing Western influence on the ethno-political development in the region is reflected in the historical and archaeological periodization of the region in the Early Iron Age: the pre-colonial period, the emporial period and the period associated with intra-Bosporan colonisation.

Based on the available archaeological data, the Abrau Peninsula was sparsely populated during the pre-colonization period, and the local communities led a traditional, fragmented way of life. During the sixth–fifth centuries BC the region became the demographic optimum for the population of the foothills of the Black Sea coast of the North Caucasus, which is explained by it being equally distant from the Greek and Graeco-Scythian political centres of Sindica and the opportunity to receive dividends from the emporial development of the region.

The intra-Bosporan colonisation of the Northern part of the Abrau Peninsula (4th–2nd centuries BC) was aimed at the realisation of the agrarian opportunities of the region, accompanied by the Hellenization of the native Sindoi population, which, as it seems, also suggested its gradual subjugation and assimilation. The desolation observed in the Southern part of the Abrau

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ «Население предгорий Северо-Западного Кавказа в период Великой греческой колонизации» №22-28-01998 (рук. – А. А. Малышев).

Peninsula, populated by the Kerketai and Toretai, can be explained by the Bosporan urge to protect nautical and other economic activities from pirates. Apparently, this problem was successfully solved by migrants from the plain regions of the Trans-Kuban region, who settled in the Eastern part of the Anansko-Natukhaevskaya Valley.

Keywords. Abrau Peninsula, Early Bronze Age, Greek colonisation, Bosporan Kingdom, Maeotian culture, chronology.

В предыдущем номере ежегодника *Гипанис* была опубликована обобщающая статья «Полуостров Абрау в римское время», в ней рассмотрен один из периодов (I в. до н. э. – 5 в. н. э.) в истории юго-восточной периферии азиатского Боспора. В предлагаемой статье систематизированы данные по истории и археологии указанного региона в эпоху раннего железа (8 – I вв. до н. э.), поэтому в целом эти публикации позволяют воссоздать панораму, которая охватывает широкий хронологический диапазон: 8 в. до н. э. – 5 в. н. э.

Первые описания этого региона, а следовательно и появление обитавшего здесь населения на исторической арене, связано с освоением северокавказского побережья Черного моря древними греками. По сведениям древних авторов, в 6–I вв. до н. э. на территории от Горгиппии (Анапа) до Торика (Геленджик), юго-западнее синдвов, обитали племена керкетов и торетов (Ps.-Skyl. 72–75; Strab. XI. 2, 1; Plin. NH. VI. 17). Причем, согласно Псевдо-Скилаку (4 в. до н. э.), керкеты жили ближе к Синдской Гавани, далее располагались тореты и эллинский город Торик с гаванью (Ps.-Scyl. Per. 72–75). О географической близости этой территории к Боспору свидетельствует и титулатура боспорских правителей 4 в. до н. э. (КБН 6, 6а, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042). Отсутствие упоминания здесь керкетов объясняет, возможно, сообщение безымянного перипла о том, что керкеты и тореты являлись единой этнической общностью (Anon. PPE. 63, 65).

Возрастающее античное влияние на развитие этнополитической ситуации в регионе нашло отражение в периодизации истории и археологии региона в эпоху раннего железа:

– 8–7 вв. до н. э. – доколониционный период («киммерийская эпоха»);

– конец 7–5 вв. до н. э. – колониционный период: основание и превращение в городской центр Синдской Гавани (Синдик?);

– 4–1 вв. до н. э. – внутробоспорская колонизация п-ова Абрау: развитие Горгиппии и ее хоры.

Заметную роль в развитии региона в эпоху раннего железа сыграли ландшафтные особенности п-ова Абрау (площадь ок. 190 км²). Климатические особенности региона формируют образующие полуостров западные отроги главного Кавказского хребта и близость к черноморскому бассейну. Ландшафт северной части полуострова (Анапско-Натухаевская долина¹) (рис. 1. 1), несмотря на вариацию высот в пределах 10–200 м, во многом сходен с остальными регионами Азиатского Боспора (Таманского п-ова и северных районов Синдики) (рис. 2).² Судя по материалам палеоботанических исследований³, на протяжении тысячелетий господствовал лесостепной ландшафт, что позволяло использовать эти пространства для зимовки или как убежище в случае военной опасности. Археологические находки (вкладыш серпа для срезания злаковых растений⁴ и бронзовые серпы) свидетельствуют о древности земледельческих традиций в известном благодатными почвами регионе (рис. 2. 2.1, 3, 4).

Издавна формирование антропогенного ландшафта долины происходило за счет многочисленных курганных насыпей (рис. 1. 2)⁵, которые связаны

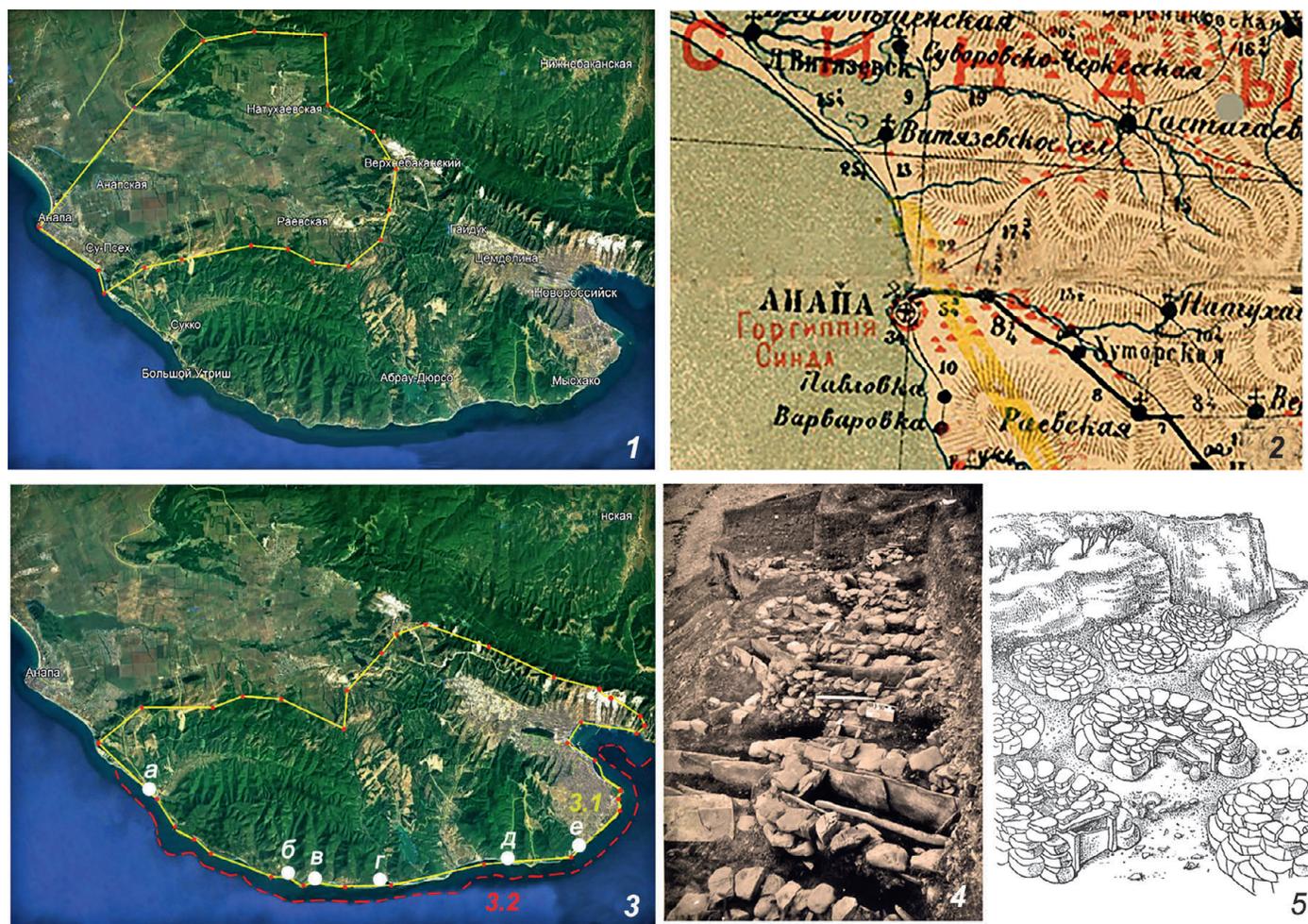
¹ Площадь ок. 78 км², протяженность с запада на восток ок. 30 км, с севера на юг в пределах 10 км.

² Гарбузов 2013, рис. 6.

³ Спиридонова, Алешинская, Кочанова 2009, 19–50.

⁴ Определение О. И. Успенской.

⁵ По сообщению анапского полицмейстера К. Н. Яновского от 2 апреля 1875 г. в окрестностях Анапы насчитывалось до 300 курганов, из которых до 100 находилось на городском выгоне (ГАКК. Ф. 453. Оп. 1. Д. 598. Л. 30–31). В настоящее время здесь зафиксировано около сотни курганных насыпей, датированных в пределах эпохи бронзы – раннего железного века (рис. 2. 1).

Рис. 1. Районирование п-ова Абрау. 1 – северный регион (синды, Южная Синдика); 2 – археологические памятники в северной части (по Е. Д. Фелицыну, 1882); 3 – южный регион (керкеты, тореты): 3.1 – континентальная; 3.2 – прибрежная часть (разрушаемые прибоем археологические памятники: а – пос. в устье р. Шингарь; б – м-к в Лобановой Щели; в – пос. и м-к в урочище Райский уголок; г – м-к в устье р. Дюurso; д – м-к в Широкой Балке; е – пос. и м-ки в долине р. Мысхако). 4, 5 – разрушаемые прибрежной абразией гробницы м-ка в устье Лобановой щели (раскопки А. А. Малышева 1990 г., фото и реконструкция сооружений в ландшафте)

в большей мере с погребальной традицией степного кочевого населения. Судя по изученным захоронениям под курганными насыпями, проникновение в регион носителей степных культур началось еще в эпоху энеолита.⁶

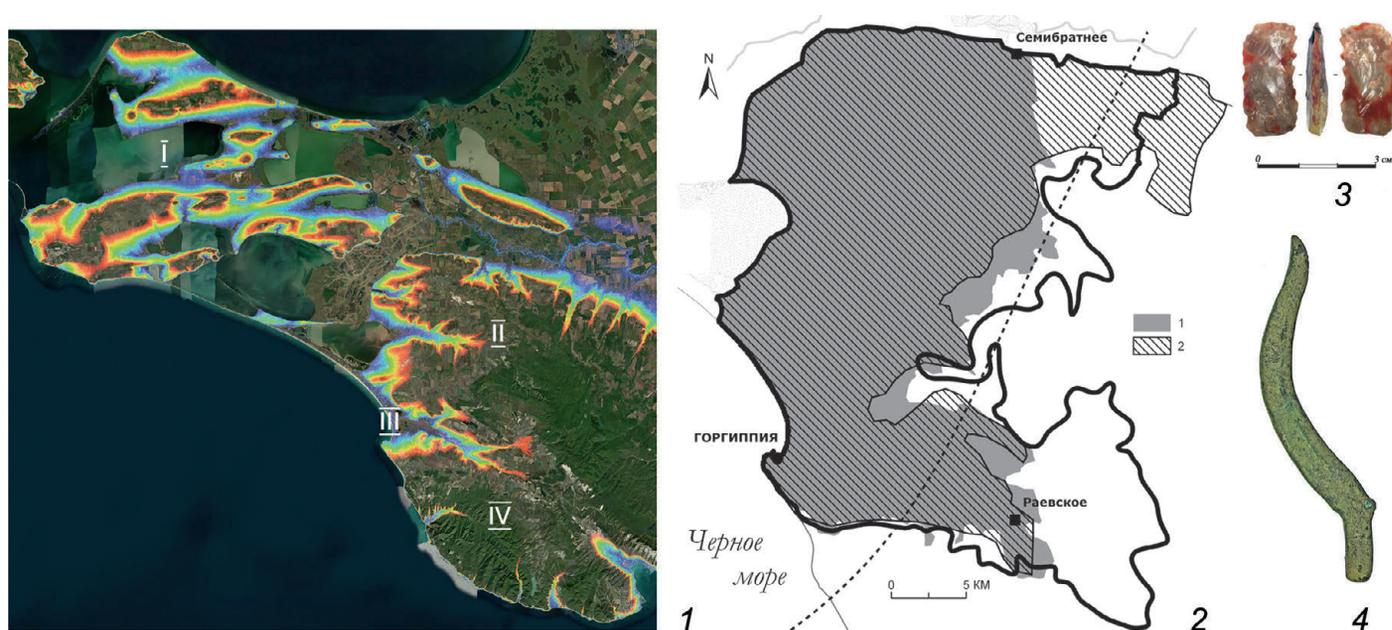
О важности этого региона для кочевого населения свидетельствуют захоронения со следами посмертных манипуляций, связанных с необходимостью транспортировки останков на значительное расстояние.⁷ Установившие за столетия маршруты сезонных перемещений мобильного скотоводческого населения сформировали и торговые пути древности, по которым шел процесс обмена сырьем, изделиями, идеями. Маркерами этих путей являются клады металлических изделий, картографирование которых пока еще пунктирно намечает маршрут по направлению к южной Синдике из Северного Причерноморья через Крым и Восточное Приазовье.⁸

Помимо кочевников-мигрантов в регионе постоянно присутствовало аборигенное население предгорий, для погребальных традиций которого характерно

⁶ Новичихин 2014, 134–138.

⁷ Гей, Малышев, Равич 2004, 314–223.

⁸ Новичихин 1996, 86–89; 2012, 4–11.

Рис. 2. Ландшафты азиатского Босфора (1) (карта высот «подсвечена» в интервале 0–50 м): I – Таманский п-в, II – Северная Синдика; III – север п-ва Абрау; IV – юг п-ва Абрау. 2 – ареал южных (каштановых) черноземов на территории Синдики (по Г. П. Гарбузову, 2013: 2.1 – границы по районным почвенным картам; 2.2 – по краевой почвенной карте); 3 – кремниевый вкладыш со следами срезания стеблей растений (Раевское г-ще, раскопки А. А. Малышева 2016 г.); 4 – бронзовый серп (Второй Натухаевский клад)

широкое использование камня (ямы с каменными обкладками, каменные ящики, дольменные сооружения). Данная традиция прослеживается с эпохи энеолита – ранней бронзы (курганы майкопской археологической культуры) вплоть до начала раннего железного века.⁹

Взаимоотношения между этими массивами (кочевниками и населением предгорий) веками определяло этнополитическую ситуацию в регионе. Пространство Анапско-Натухаевской долины имеет развитую речную систему, на севере которой находится река Котлама, а на юге – Маскага. В междуречье расположена небольшая возвышенность – гора Маскага. Реки, как и горные системы, издавна являются естественными границами между племенными, этническими и политическими образованиями.

В южной части п-ова Абрау (площадь ок. 112 км²) более сложный ландшафт формирует систему расселения: она связана с долинами рек (Сукко, Дюрсо, Абрау, Озерейка, Цемес), которые веером разрезают пространство региона. Наиболее значительные из них – Цемесская долина протяженностью ок. 11 км шириной менее 3 км и долина реки Озерейки протяженностью ок. 5 км шириной менее 3 км. Соответственно пространства и возможности для хозяйственной деятельности существенно ограничены.

Археологические материалы позволяют выделить два локальных варианта (региона): обширный континентальный (рис. 1. 3.1) и прибрежный, который протянулся узкой полосой на 50 км от Цемесской бухты до хребта Семисам (рис. 1. 3.2). Целый ряд зафиксированных на побережье археологических памятников эпохи бронзы, РЖВ и античности в настоящее время интенсивно разрушается морским прибоем: поселения в устье рек Шингарь, в урочище Райский уголок и Мысхако, могильники в устье рек Дюрсо, Чухабль (Широкая Балка), Мысхако и в Лобановой

⁹ Крушкол 1971, 37–70; Мунчаев 1975, 263–267; Прокофьев, Прокофьева 2014, 28–38.

Щели. Это обстоятельство, а также находки монетных кладов эллинистической эпохи в окрестностях Большого Утриша и урочища Райский уголок, свидетельствуют о том, что расположенные в прибрежной полосе бытовые памятники аборигенного населения, а также связанная с интенсивным каботажным сообщением и развитием морских промыслов инфраструктура в значительной мере уничтожены интенсивной морской абразией (рис. 1.3.2: а-е).¹⁰

Исследования археологических памятников полуострова Абрау были начаты в 1830-е годы с раскопок античных погребальных сооружений (Б. Ф. Гринфельд, В. Г. Тизенгаузен, Ф. С. Байерн, Н. И. Веселовский)¹¹, поселения оказались в поле зрения исследователей на полвека позже.¹² Первая сводная карта памятников была составлена и опубликована Е. Д. Фелицыным¹³ (рис. 1. 2).

Новый этап изучения (конец 1940-х – 1950-е гг.) связан с расширением стационарных археологических исследований, которые были начаты Синдской экспедицией АН СССР под руководством В. Д. Блаватского в Анапе¹⁴ и на Раевском городище.¹⁵ В дальнейшем раскопки античного центра древней Синдики – Горгии – стали проводиться постоянно: сначала на некрополе, а затем и на городище.¹⁶ Важными событиями в археологии Горгии стали открытие участка архаического некрополя¹⁷ и обнаружение раннеантичных культурных слоев.¹⁸ На Раевском городище был исследован монументальный комплекс эллинистической эпохи¹⁹, открыты элементы фортификационной системы эпохи эллинизма.²⁰

Исследования Ю. С. Крушкол обратили внимание на древности аборигенного населения Синдики.²¹ В основе современных представлений о памятниках южной Синдики 7–2 вв. до н. э. в значительной мере лежат разведочные работы А. Н. Салова²² и А. В. Дмитриева.²³

В 1970–1980 гг. начаты системные исследования аборигенных керкетотретских некрополей в долинах горных рек Абрау (Большие Хутора), в Цемесской долине (Золотая Рыбка), а также на черноморском побережье (Широкая балка, Лобанова щель) и в Цемесской бухте (Шесхарис).

В настоящее время в результате продолжающихся полевых исследований и изучения ранее полученных материалов массив сведений об археологических памятниках региона ежегодно расширяется. Введение в научный оборот материалов раскопок Горгии на юго-востоке Азиатского Боспора привели к изданию целой серии обобщающих исследований.²⁴ Опубликованы результаты комплексных исследований археологических памятников полуострова Абрау.²⁵ В серии «Некрополи Черноморья» подготовлены и изданы коллективные монографии об исследованных в регионе могильниках.

Культурно-этническая принадлежность и этногенез обитателей причерноморской части предгорий Северо-Западного Кавказа длительное время остается объектом дискуссий. В частности, по мнению Ю. С. Крушкол²⁶, синдские погребальные памятники – каменные ящики внутри кольцевых обкладок – имеют местные, кавказские корни и продолжают традиции сооружения каменных кромехов, известных по раскопкам курганов эпохи бронзы.

Вместе с тем, вслед за И. С. Каменецким²⁷, Е. М. Алексеева²⁸ считает аборигенное население окрестностей Синдской Гавани–Горгии составной частью единого этнического массива – носителей меотской культуры, расселившегося от Центрального Предкавказья до причерноморского побережья. Развивая гипотезу об общем протомеотском культурном субстрате, А. И. Иванов вынужден признать, что древности племен полуострова Абрау обладают всеми признаками самостоятельной археологической культуры.²⁹

¹⁰ Вязкова 1999, 52–58.

¹¹ Тункина 2002, 583–586; 2010, 66–68, 73; Демирова 2018, 14–17; Кругликова 1980, 6–8; Новичихин 2006, 150–155; 2020, 111–118.

¹² Сизов 1889, 111–132.

¹³ Фелицын 1882.

¹⁴ Блаватский 1951, 245–248.

¹⁵ Блаватский 1959, 42–50; Онайко 1959, 51–61.

¹⁶ Малышев и др. 2018, 11–26.

¹⁷ Салов, Смирнова 1972, 53–55.

¹⁸ Алексеева 1990, 19–30.

¹⁹ Онайко 1967, 155–168.

²⁰ Малышев 2006, 58–62; 2014, 58–63.

²¹ Крушкол 1963, 47–109, 1971, 37–70.

²² Салов 1979, 98–102; 2000, 17–25.

²³ См. многочисленные сообщения А. В. Дмитриева о результатах археологических исследованиях в сборниках «Археологические открытия», а также его доклады на археологических конференциях.

²⁴ Алексеева, 1991; 1997; 2016; 2022; Малышев и др. 2018.

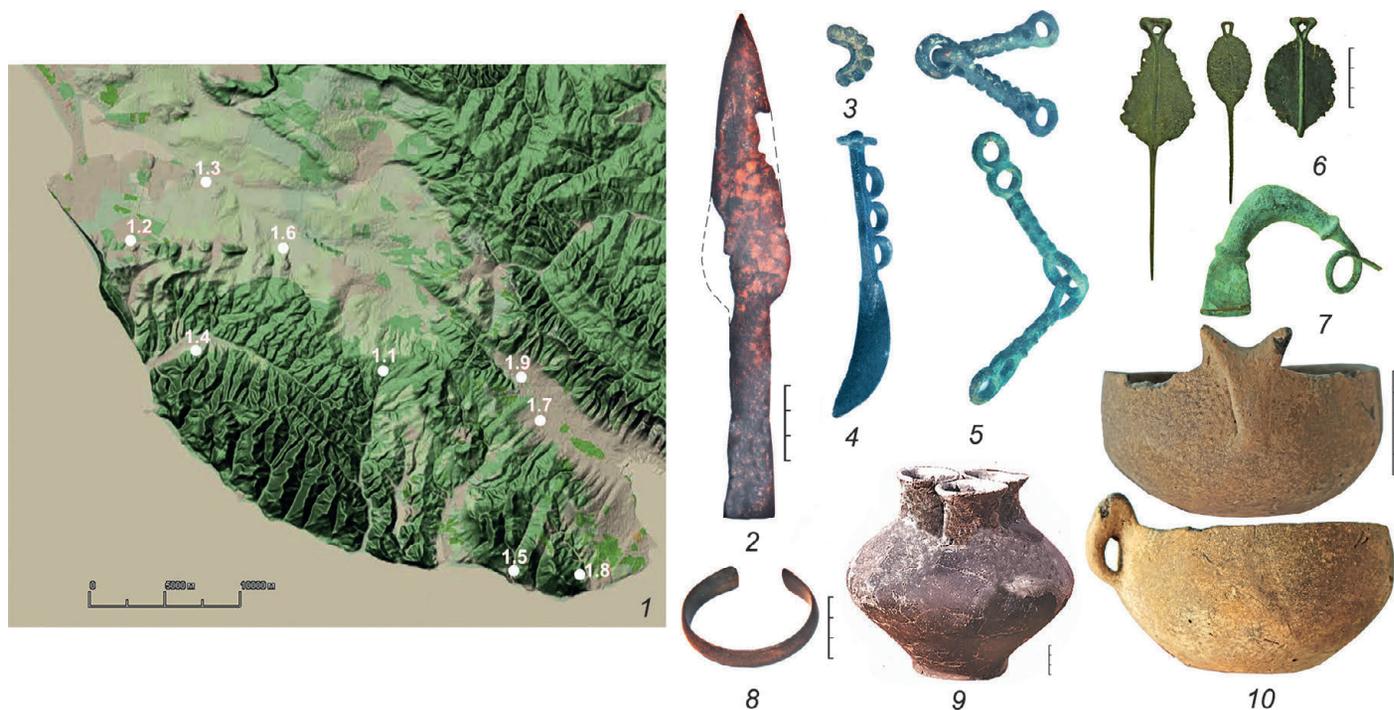
²⁵ Малышев 2009.

²⁶ Крушкол 1970, 39–41.

²⁷ Каменецкий 1989, 227, карта 16. //

²⁸ Алексеева 1991, 35.

²⁹ Иванов 2016, 266.

Рис. 3. Погребальные памятники п-ова Абрау 8–7 вв. до н.э. (1): 1.1 – м-к Большие Хутора (раскопки А.В. Дмитриева в 1973 г.), 1.2 – м-к Су-Псех, 1.3 – м-к ОПХ «Анапа» (раскопки Ю.В. Зуйкова, Н.А. Фроловой и М.В. Калашникова в 1981 г., Ю.В. Зуйкова в 1992–1993 гг.), 1.4 – Сукко, Атмачева Щель (ПМ), 1.5 – Широкая Балка (м-к Холм Динамии, раскопки Н.А. Онайко в 1969 г.); 1.6 – Маскага (ПМ); 1.7 – Цемдолина-1 (Золотая Рыбка, раскопки А.А. Малышева в 1995 г.), 1.8 – г. Колдун (ПМ).

Погребальный инвентарь: 2 – наконечник копья (погр. 1, м-к Большие Хутора); 3–5 – уздечный набор (ПМ, м-к Большие Хутора); 6, 7 – булавки типа Сукко и фибула (Сукко, Атмачева Щель), 8 – браслет (ПМ, м-к Большие Хутора), 9 – сосуд (погр. 10, м-к Большие Хутора); 10 – ковш (погр. 7/1992 м-к ОПХ «Анапа»)

Не раз отмечались явные параллели между погребальными сооружениями крымской мегалитической (тавры) и кизил-кобинской культур с гробницами эпохи раннего железа предгорий Северо-Западного Кавказа³⁰, что позволило высказать предположение об их кавказском происхождении.³¹

«Киммерийская эпоха» на полуострове Абрау

Немногочисленные захоронения предскифской эпохи исследованы в северной (с. Су-Псех)³², континентальной (могильник Большие Хутора)³³ и прибрежной (могильник в Широкой Балке³⁴) частях полуострова Абрау. Несколько расширяют ареал памятников этого периода материалы из разрушенных комплексов в глубине Анапско-Натухаевской³⁵, Сукко (Атмачева щель³⁶), в Цемесской долине (Золотая Рыбка) и на склоне горы Колдун (долина реки Мысхако). Тем не менее, в целом археологические данные свидетельствуют о невысокой плотности населения в регионе (рис. 3. 1.1–8).

Хозяйство обитателей п-ова Абрау было ориентировано на потенциал этого региона, в нем присутствовали не только кочевое скотоводство, морские и лесные биоресурсы, а также, возможно и примитивное земледелие (просо). Особенности аборигенной домостроительной техники, в основе которой постройки из обмазанного глиной плетня (турлук), затрудняет обнаружение и исследование бытовых памятников.

³⁰ Ольховский 1982, 65–79; Масленников 1995, 57.

³¹ Лесков 1965, 146.

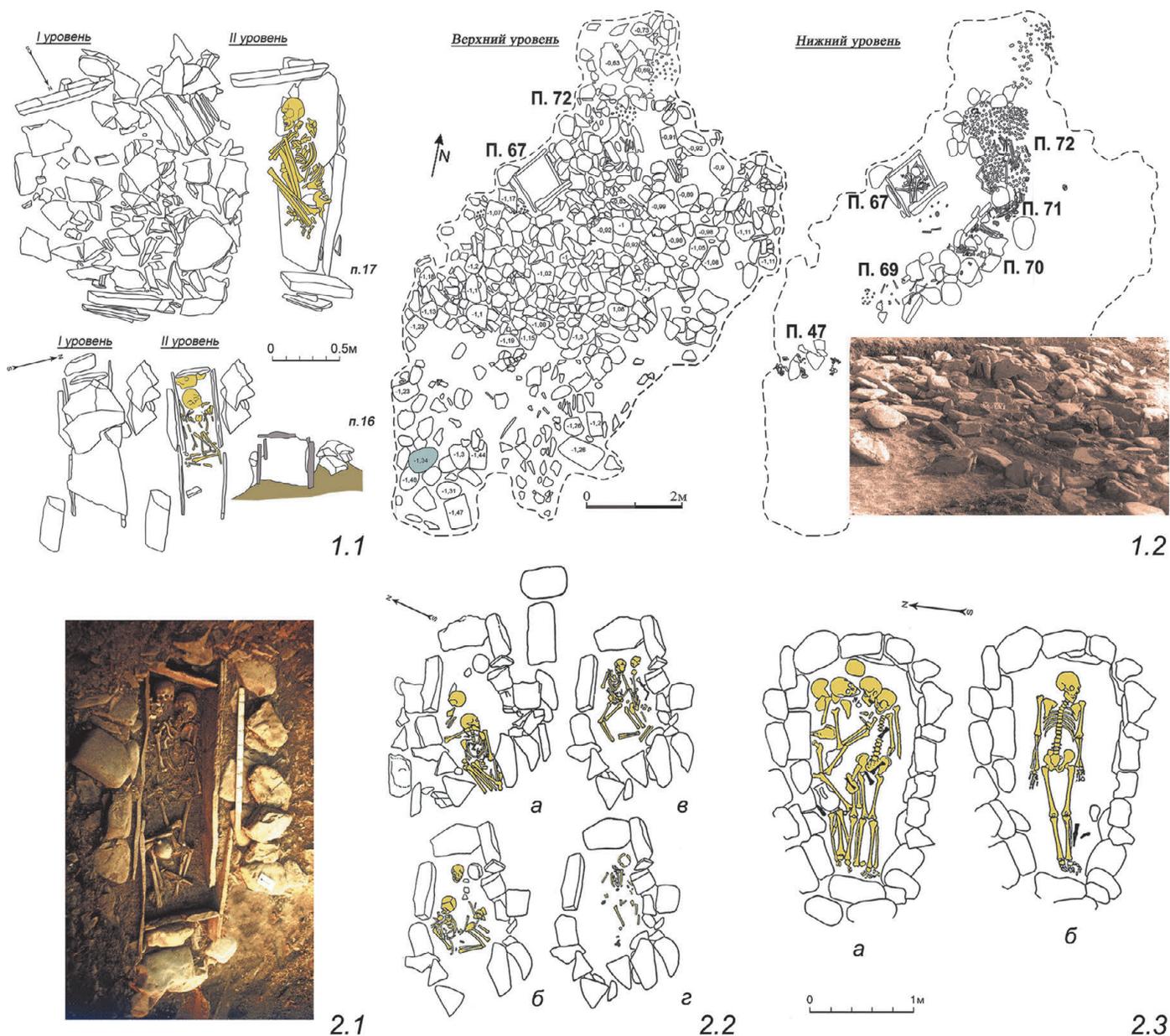
³² Sudarev et al. 2021, 52, fig. 6.

³³ Дмитриев 1976, 19–20; Дмитриев, Малышев 2005, 18–22.

³⁴ Малышев и др. 2004, 273, рис. 2. 1, II

³⁵ Берлизов, Пьянков, Богачук 2015, 24, 25, рис. 2. 2, 3.

³⁶ Новичихин 1995, 63–67; 2006, 63–64; Эрлих 2007, 160–161.

Рис. 4. Погребальные памятники населения предгорий в эпоху бронзы (1): 1.1 – захоронения на каменной вымостке (погр. 17) и в каменном ящике (погр. 16) (устье долины Дюрсо, раскопки А. П. Кононенко в 1982 г.); 1.2 – захоронения на галечных подсыпках, обложенных по периметру валунами (погр. 47, 69–72), и в каменных ящиках (погр. 67) (в устье реки Мысхако, раскопки А. В. Дмитриева в 1979 г.).

Погребальные сооружения населения предгорий в эпоху РЖВ (по материалам м-ка в устье Лобановой щели, раскопки А. В. Дмитриева, 1984, А. А. Малышева, 1990) (2): 2.1 – каменный ящик (погр. 9), 2.2 – яма, обложенная камнем (погр. 11), 2.3 – яма, с укрепленными грубой кладкой стенками (погр. 1)

Погребальные сооружения издавна располагались на древней дневной поверхности мысообразных выступов, естественных возвышенностей или пологих курганных насыпей эпохи бронзы.³⁷ Об автохтонности населения предгорий свидетельствует сходство синдских погребальных конструкций с сооружениями на могильниках эпохи бронзы (в устье долин рек Дюрсо и Мысхако): захоронения совершались в каменных ящиках, служивших коллективными (от двух до четырех костяков) семейными усыпальницам (рис. 4).

³⁷ Малышев 2010а.

Погребенные лежали вытянуто на спине, головой в северный сектор. Погребальный инвентарь представлен керамической посудой, предметами вооружения, украшениями, орудиями труда. В захоронениях встречены кости мелкого рогатого скота – остатки напутственной пищи.

Керамика из погребений могильника Большие Хутора и погребения в Широкой балке (ковши с несколькими вариантами формы ручек, миски, горшки) отчасти также продолжает традиции предшествующего времени. В то же время в ней имеются формы, отражающие общие тенденции в развитии керамики начала железного века циркумпонтийского региона. Особого внимания заслуживают вытянутый по вертикали горшок с четырьмя сосцевидными налестками на тулове и корчагообразный сосуд-кернос с тремя вертикальными горлами (рис. 3. 9).

Хотя предметы вооружения встречены более чем в половине исследованных погребений (8 из 12), их ассортимент довольно скромный, но весьма показательный: в нем представлены только железные наконечники копий и топоры. Элементы дистанционного оружия отсутствуют, единственный бронзовый наконечник стрелы обнаружен застрявшим в позвонке одного из погребенных и, судя по всему, послужил причиной его гибели. Создается впечатление, что основой тактики местного населения в начале железного века был ближний бой, в то время как противники (вторгавшиеся на полуостров кочевники?) использовали дистанционное оружие. Впрочем, легкие и короткие, судя по размерам наконечников, копья могли играть роль метательного оружия. С воинским снаряжением могут быть связаны предметы быта мужских захоронений (каменные оселки и небольшие серповидно изогнутые ножи), а также элементы мужских воинских поясов – бронзовые и костяная застежки.

В межмогильном пространстве обнаружены ритуальные комплексы захоронения конских черепов (или чучел?) и предметы конского снаряжения: бронзовые двусоставные удила³⁸: однокольчатые с округлыми внешними петлями (тип II), однокольчатые с треугольными внешними петлями (тип III-I), двукольчатые (тип I). Двукольчатые удила сопровождалась трехпетельчатыми лопастными псалиями (тип IV), бляхой-лунницей и круглыми уздечными бляшками, украшенными солярными знаками (рис. 3. 3–5). Грызла всех удил снабжены продольными рядами высоких шипов. Удила и уздечные наборы не только свидетельствуют о роли лошади в жизни населения, континентальной части п-ова Абрау, но и являются важными хроноиндикаторами, позволяющими определять время функционирования могильника предновочеркасским и классическим новочеркасским горизонтами протомеотской культуры (8 – начало 7 в. до н. э.).³⁹

В комплексах женских захоронений представлены предметы быта (керамические пряслица) и украшения (стеклянными бусы и пастовый бисер, бронзовые браслеты, фибула и булавки типа Сукко с округлыми плоскими щитками). Обширный ареал находок булавок типа Сукко на п-ове Абрау⁴⁰ позволяет рассматривать их как один из характерных элементов материальной культуры местного населения в 8–7 вв. до н. э. (рис. 3. 6)

Колонизационный период

Колонизационный период характеризуется резким возрастанием числа исследованных погребальных комплексов аборигенного населения конца 7–5 в. до н. э. (ок. 400 на девяти некрополях). Они расположены как в северной (Су-Псех⁴¹, ОПХ «Анапа»⁴², у пос. Рассвет⁴³, Родники-2⁴⁴, курган 3 у ст. Раевской⁴⁵, так и южной

³⁸ Классификация удил и псалиев дана по: Эрлих 2007.

³⁹ Эрлих 2007, 115–119, 125, 133, 176–179, 187.

⁴⁰ Новичихин 2013, 53, рис. 2. 8; Мокрушин, Соков 2022, 168–171.

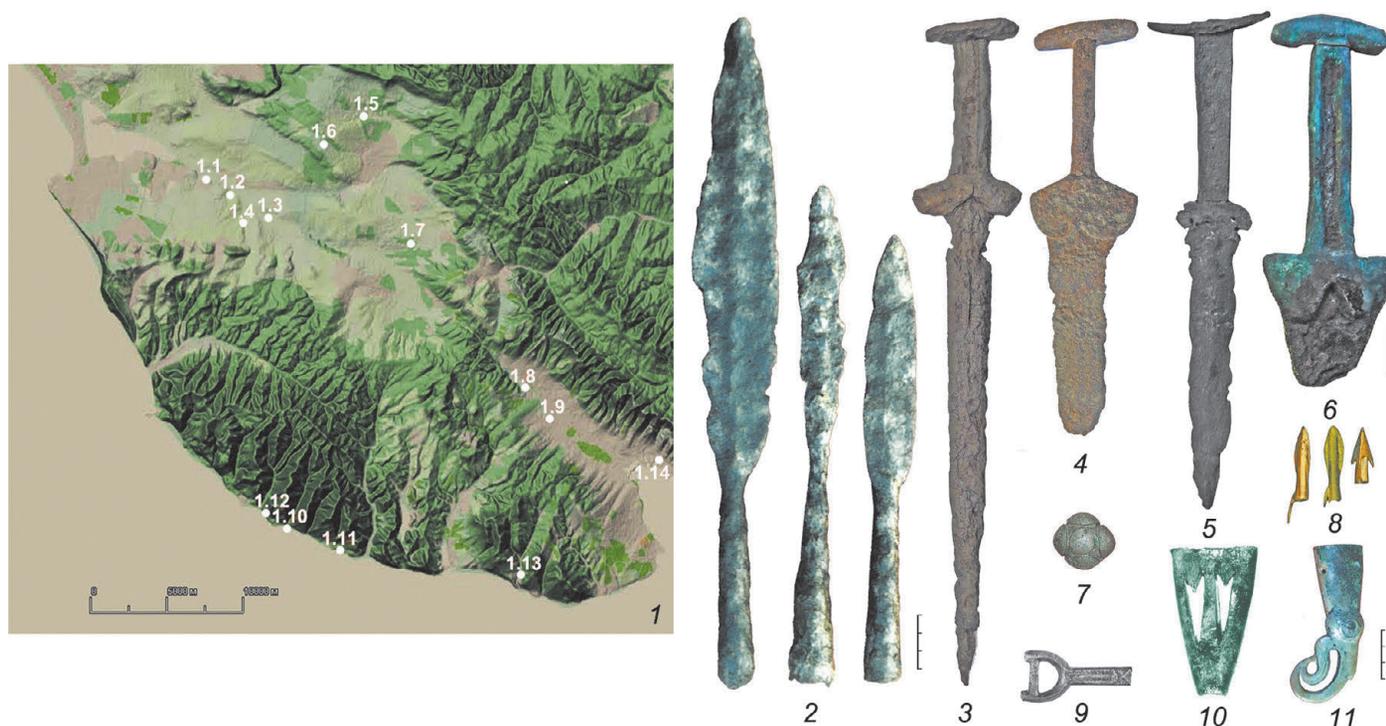
⁴¹ Sudarev et al. 2021, 52, fig. 6.

⁴² Малышев, Новичихин 2022, 162–164.

⁴³ Население... – Малышев (ред.) 2010а.

⁴⁴ Малышев и др. 2022, 160–161.

⁴⁵ Дмитриев 1987, 9–15.

Рис. 5. Погребальные памятники п-ова Абрау кон. 7–5 вв. до н. э. (1): 1.1 – м-к ОПХ «Анапа»; 1.2 – м-к у хут. Рассвет (раскопки Ю. С. Крушкол в 1958–1960 гг., В. Н. Карасева 1969–1972 гг.); 1.3 – м-к Маскага-25 (раскопки А. В. Шишлова в 2016 г.); 1.4 – РОС, курган 3 (раскопки А. В. Дмитриева в 1987 г.); 1.5 – м-к Родники-2,3 (раскопки А. А. Малышева в 2013, 2018, 2021, 2022 гг.); 1.6 – м-к в урочище Самойленко (раскопки А. А. Малышева в 2018 г.); 1.7 – м-к у форта Раевский (ПМ); 1.8 – Владимировский м-к (раскопки Н. В. Федоренко в 1997, 1998, 2000 гг.); 1.9 – м-к Цемдолина-1 (Золотая рыбка); 1.10 – м-к Солёное озеро (раскопки А. А. Малышева в 1990 г.); 1.11 – м-к Спутник (раскопки А. В. Дмитриева в 1984 г.); 1.12 – м-к Лобанова щель; 1.13 – м-к Ивушка (Широкая балка) (раскопки А. В. Дмитриева в 1994 г.); 1.14 – м-к Шесхарис (раскопки А. В. Дмитриева в 1973 г.).

Погребальный инвентарь кон. 7–6 вв. до н. э.: 2 – наконечники копий (Владимировский м-к, погр. 192, 166); 3 – акинак (Су-Псех, ПМ); 4 – акинак (Бужор, ПМ, 2015); 5 – акинак (ОПХ «Анапа»); 6 – акинак (Бужор, ПМ, 1989); 7, 9 – детали сбруи (Цемдолина-1 (Золотая Рыбка)), 8, 11 – наконечники стрел и бутероль ножен (Владимировский м-к); 10 – бутероль ножен (Цемдолина-1 (Золотая Рыбка))

части (континентальной – Цемдолинский⁴⁶, Владимировский⁴⁷, и прибрежной – Лобанова щель⁴⁸, Райский уголок, Шесхарис⁴⁹) п-ова Абрау (рис. 5. 1.1–14). Половина указанных комплексов было изучено на шести могильниках, расположенных в северной части полуострова, в обширной Анапско-Натухаевской долине, принадлежащих синдам античных авторов и боспорских надписей.

Один из синдских погребальных памятников п-ова Абрау, м-к ОПХ «Анапа», расположен в 9 км от побережья, близ существовавшей с древнейших времен переправы через р. Анапка. Захоронения ранней группы совершены согласно погребальным традициям, которые восходят к каменным конструкциям, известным в регионе с эпохи средней бронзы: под каменными закладами, в неглубоких ямах, окруженных округлой обкладкой из крупных камней в один-два ряда. Погребения одиночные и парные, совершены вытянуто на спине головой в восточный сектор. С предшествующим, доскифским периодом комплексы связывают ковши с петельчатыми и плоскими ручками, пластинчатые бронзовые браслеты и булавка типа Сукко.

Вместе с тем, из этих комплексов происходит импортная керамика (теоская амфора и фр-т ионийского килика) конца 7 – первой половины 6 в. до н. э.,

⁴⁶ Дмитриев, Малышев 2005, 18.

⁴⁷ Шишлов, Федоренко 2007, 69–70.

⁴⁸ Дмитриев, Малышев 1999, 17–52.

⁴⁹ Дмитриев 1976, 20–21; Дмитриев, Малышев 2005, 18–22.

определяющая период функционирования могильника. Данные о присутствии в регионе синхронных памятников кочевой скифской погребальной культуры отсутствуют. Тем не менее в комплексах м-ка ОПХ «Анапа» обнаружен короткий клинок скифского типа⁵⁰ и дистанционное оружие: железные, бронзовые и костяные наконечники стрел, костяные застёжки горитов.⁵¹

Сходные по обряду и составу заупокойного инвентаря погребения открыты на расположенном в 2 км восточнее некрополе у хут. Рассвет⁵², а также в находящемся выше по течению р. Маскаги могильнике, впущенном в насыпь кургана 3 у ст. Раевской.⁵³ Отмечены подобные погребения и в восточной части региона – во Владимировском могильнике, расположенном в долине р. Цемес.⁵⁴

Позднее распространяется практика захоронений в каменных ящиках из больших плит песчаника, обложенных с внешней стороны крупными необработанными камнями. Данный вид погребальных конструкций представлен в большинстве перечисленных некрополей, наиболее широко – на могильниках у пос. Рассвет и в урочище Родники. Для могильников характерно плотное упорядоченное (часто рядами) расположение гробниц, которые, как правило, служили семейными усыпальницами (рис. 1. 4, 5).

Расположение аборигенных грунтовых некрополей свидетельствует об экстенсивном хозяйстве, предполагающем большие по площади хозяйственные угодья, границами которых были ландшафтные маркеры: водоразделы (и горные массивы) и, прежде всего, водотоки. Речная сеть южной Синдики (Анапско-Натухаевской долины) позволяет выделить ряд микрорегионов: правый (северный) и левый (южный) склоны Анапско-Натухаевской долины, а также междуречье (гора Маскага) впадающих в Анапские плавни рек Котламы и Маскаги.

Раскопки последних десятилетий заметно расширили представление о характере и топографии распространения античного импорта на территории полуострова Абрау на раннем этапе греческой колонизации (конец 7–6 в. до н. э.). Фрагменты расписного ионийского сосуда конца 7 в. до н. э. найдены при исследовании могильника в с. Су-Псех.⁵⁵ На расположенном неподалеку поселении Ленина встречены многочисленные фрагменты расписных ионийских сосудов первой половины 6 в. до н. э.⁵⁶ Анализ материалов раскопок прежних лет дает основания утверждать, что в 6 в. до н. э. греческая столовая посуда попадала к населению глубинных районов п-ова Абрау. Так, фрагменты ионийского килика и ножка чернолакового кубка встречены при исследовании сильно разрушенного распашкой участка Цемдолинского некрополя. Ионийский килик и ойнохоя найдены на восточной периферии полуострова при раскопках могильника Шесхарис.

Начиная с середины 6 в. до н. э. приток греческой столовой посуды к местному населению полуострова Абрау становится массовым. В значительной мере этому процессу способствовало возникновение во второй половине 6 в. до н. э. греческого поселения на месте Анапы – Синдской Гавани. Особенно показательны материалы синдского некрополя у хут. Рассвет, в котором доля античного импорта составила не менее 50% в керамическом комплексе второй половины 6–5 в. до н. э.⁵⁷ В погребениях встречены образцы родосско-ионийской (столовые амфоры, кувшины-ойнохои, килики, чашечки на ножке и чашечки с петлевидными ручками) и чернолаковой (килики и их вторично использованные ножи, солонки). Помещенные в погребения тарные амфоры относятся к продукции Лесбоса, Хиоса, круга Фасоса и неустановленных центров Северной Эгеиды (рис. 6. 2, 3, 9, 10).⁵⁸ Причем, отмечено не только возрастание количества предметов античного импорта, но и массовые случаи подражаний формам греческих сосудов.

⁵⁰ Короткий железный кинжал, обладающий рядом архаических признаков: бабочковидным перекрестием и дуговидно изогнутым стержневидным навершием.

⁵¹ Мальшев, Новичихин 2022, 162–164.

⁵² Новичихин 2010, 192.

⁵³ Дмитриев 1987, 9–15.

⁵⁴ Шишлов, Федоренко 2007, 69–70.

⁵⁵ Sudarev et al. 2021, 53, fig. 7.

⁵⁶ Ibid. 53–55, fig. 8.

⁵⁷ Новичихин 2010, 204.

⁵⁸ Там же, 204–218.

Рис. 6. Античный импорт 7–5 вв. до н. э. на п-ве Абрау: 1 – венчик ионийской чаши (Алексеевское пос.); 2 – амфора Теоса (м-к ОПХ «Анапа»); 3 – амфора (м-к Родники-2); 4 – столовая амфора (м-к Рассвет); 5–7 – килики и чашечка с горизонтальной ручкой (м-к Рассвет); 8, 9 – солонка и амфора Фасоса (Родники-3); 10 – амфора Фасоса (Родники-1); 11 – амфориск (Родники-3); 12 – хиосская амфора в гробнице м-ка Родники-3 (раскопки А.А. Малышева в 2022 г.)

К сожалению, большая часть поселений греко-варварских контактных зон были расположены в непосредственной близости от морского побережья и в настоящее время разрушены морской абразией. Среди них были станции, которые обеспечивали каботажное плавание (по-видимому, где-то в окрестностях Малого Утриша), а также основанные на древних перекрестках морских и сухопутных путей эмпориальные поселения. Один из таких центров, по-видимому, располагался в устье реки Мысхако, другой (изначально агломерация греческих поселений): расположенная на черноморском побережье Синдская гавань и Алексеевское поселение возле Анапских плавней, в недавнем прошлом морском заливе) был основан в южной части устья Анапско-Натухаевской долины.

Строительные горизонты конца 6–5 в. до н. э., остатки фортификационных (глубокий ров и каменная стена) сооружений 5 в. до н. э. свидетельствуют⁵⁹, что за более чем вековую историю поселение⁶⁰, расположенное на черноморском побережье, постепенно формируется в крупный боспорский полис. Благополучие Синдской Гавани было основано на навигации и торгово-обменных операциях, для которых были задействованы и связанные с передвижениями кочевников еще в эпоху бронзы сухопутные маршруты.⁶¹ Успешное развитие этого центра, несмотря на сложности с питьевой водой, свидетельствует об экономической востребованности.

Судя по надгробию Филоксена, сына Келона, из Пелопонесса (древнейший эпиграфический памятник, первой половины 5 в. до н. э.)⁶², среди горожан были выходцы из средиземноморских центров, в частности, из Гелики, а также – «эллины, пришедшие из ближайших местностей» Псевдо-Скимна (886–889) (городов азиатского Боспора).⁶³ Наличие в некрополе Синдской Гавани характерных для аборигенного населения каменных погребальных конструкций позволяет

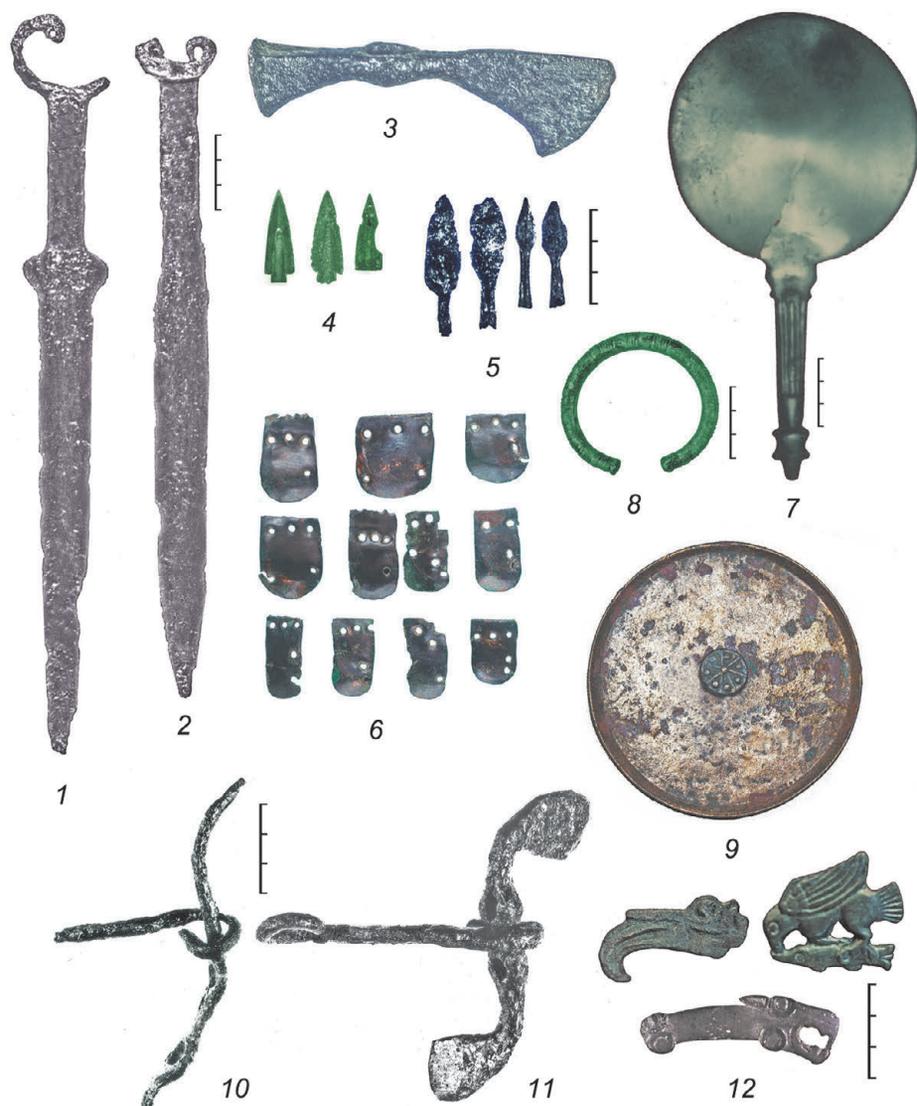
⁵⁹ Алексеева 1991, 15, 16.

⁶⁰ По наблюдениям Е. М. Алексеевой (2010, 473), наиболее ранние строительные сооружения на Анапском городище могут быть датированы последней четвертью 6 в. до н. э.

⁶¹ Кочевническую трассу, ведущую в Прикубанье, маркируют многочисленные курганные группы на правом, высоком берегу р. Анапки.

⁶² Болтунова 1986, 59–61.

⁶³ Иванчик 2010, 330–331; Новичихин 2017, 74–76.

Рис. 7. Погребальный инвентарь кон. 7–6 вв. до н.э.: 1, 2, 4–6, 8, 10–12 – акинаки (погр. 8, 12); топор, наконечники стрел (бронза и железо), пластины доспеха, браслет (бронза), уздечный набор (железо) и декор конской сбруи (м-к Цемдолина-1 (Золотая Рыбка, раскопки А. А. Малышева в 1995 г.); 7 – зеркало ольвийского типа (м-к Цемдолина-1 (Золотая Рыбка) раскопки Н. А. Онайко в 1972 г.), 9 – зеркало, бронза (Раевское г-ще, раскопки А. А. Малышева, 2006 г.).

предположить среди обитателей раннего греческого поселения и выходцев из местной племенной среды – синдов.⁶⁴

Отсутствие находок «синдских» монет в Анапско-Натухаевской долине позволяет предположить, что Южная (Синдская Гавань) и Северная (район Семибратного городища – Лабриса) части Синдики не представляли собой единое экономическое пространство. Вместе с тем, не вызывает сомнения, что деятельность греческих колонистов в регионе стимулировала развитие межкультурных взаимодействий в целом. В частности, несмотря на отсутствие явно выраженных следов пребывания в регионе носителей скифской (или скифо-савроматской) культуры, нельзя не отметить устойчивых связей местного населения с миром кочевников южнорусских степей. Это проявляется в появлении предметов скифского звериного стиля в погребениях (могильники Семигорский⁶⁵, Владимировский⁶⁶, Цемдолинский⁶⁷), в находке в культурном слое поселения, предшествовавшего эллинистическому архитектурному ансамблю на месте Раевского городища, бронзового зеркала скифского типа с центральной ручкой⁶⁸, в широком распространении мечей и кинжалов скифского типа (рис. 7). Среди последних имеются ранние экземпляры, в том числе переходных форм

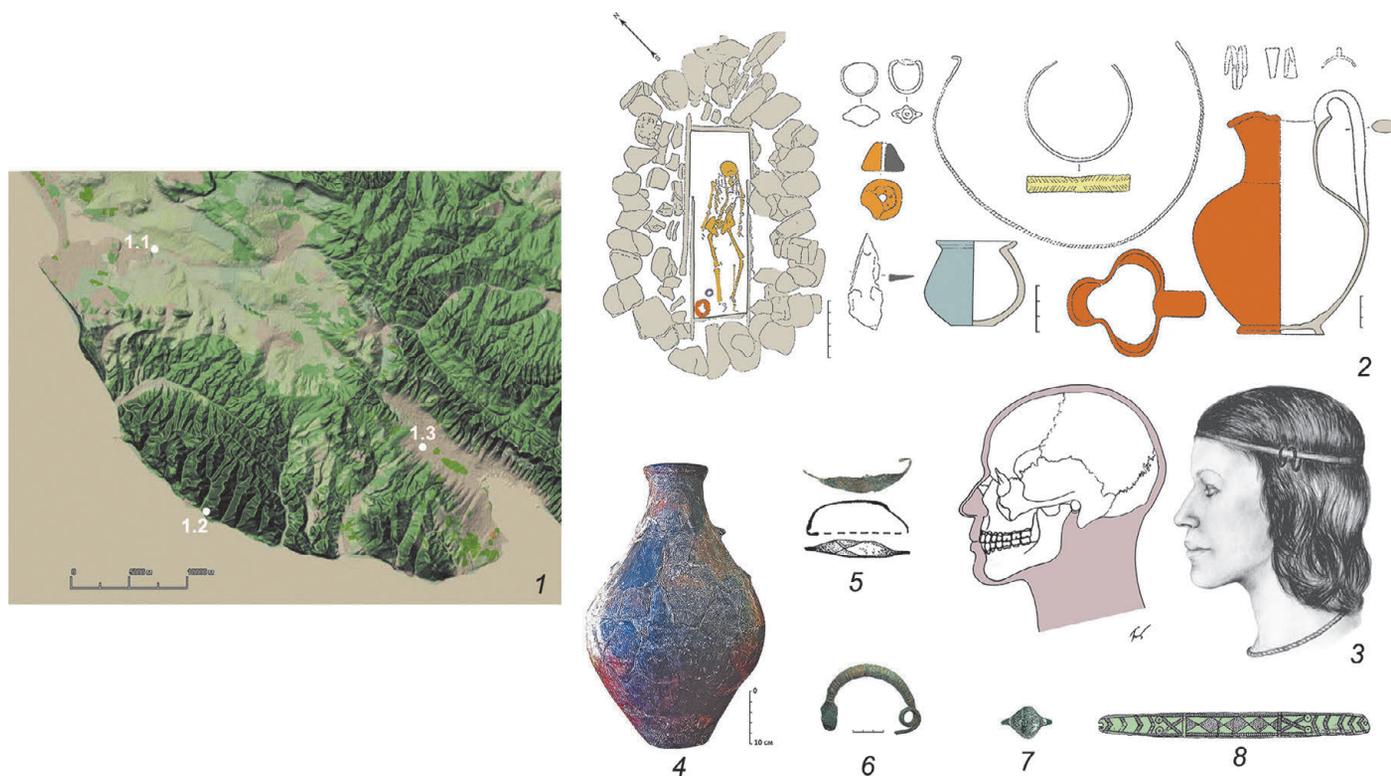
⁶⁴ Новичихин 2017, 82.

⁶⁵ Канторович, Шишлов 2014, 85–95.

⁶⁶ Шишлов и др. 2007, 5, рис. 3. 10.

⁶⁷ Малышев, Равич 2001, 104–111.

⁶⁸ Малышев 2007a, 74–75; 2010, 178, рис. 4. b.

Рис. 8. Межкультурные контакты на Северном Кавказе (1): 1.1 – ОПХ «Анапа»; 1.2 – м-к Лобанова щель; 1.3 – Цемдолина-1 (Золотая Рыбка). 2–3 – комплекс захоронения и реконструкция погребенной м-к Лобанова Щель (погр. 15), 4 – кобанская корчага (ОПХ «Анапа»); 5, 7, 8 – фибула, перстень и браслет (м-к Цемдолина-1 (Золотая Рыбка) раскопки А. А. Малышева в 1995 г.); 6 – фибула

от кабардино-пятигорского клинкового оружия к скифскому акинаку (находки из разрушенных могильников у хут. Бужор⁶⁹), а также кинжалы, имеющие «не канонические» элементы оформления: серповидное навершие (ОПХ «Анапа»)⁷⁰, перевернутое бабочковидное перекрестие (Гай-Кодзор).⁷¹

Отмечается активизация связей местного населения и с другими районами Кавказского Причерноморья, Центрального Предкавказья и, в особенности, с территорией современной Абхазии. К свидетельствам таких связей относится комплекс инвентаря женского погребения, открытого на могильнике в устье Лобановой щели: погребенную здесь молодую особу сопровождал не типичный для региона набор бронзовых пластинчатых браслетов с елочным орнаментом (рис. 8. 2, 3). Пластинчатый браслет с более сложным гравированным орнаментом и фрагмент раскованного в форме листа окончания гривны (или спинки фибулы) происходят из разрушенной части Цемдолинского некрополя (рис. 8. 5, 7, 8). Предметы эти находят близкие аналогии в могильниках колхидской культуры, открытых на территории Абхазии.⁷² Колхидский облик имеют и орнаментированные бронзовые фибулы, найденные в приморской части полуострова (рис. 8. 6). Указанные находки могут свидетельствовать о существовании в 6–5 вв. до н. э. морских путей, по которым вдоль черноморского побережья Кавказа осуществлялись контакты между отдаленными группами населения.

Полуостров Абрау в период боспорской колонизации

В греческой надписи из Нимфея боспорский царь Левкон, сын Сатира, назван архонтом «всей Синдики» (τῆς Σινδικῆς πάσης).⁷³ Расположенный на высоком морском берегу, близ устья реки Анапки центр, известный античным авторам как Синдика или Синдская Гавань, получил название в честь Горгиппа, брата Левко-

⁶⁹ Новичихин 1990, 61–73; 2019, 109, рис. 1. 1.

⁷⁰ Алексеева 1991, рис. 48. 7.

⁷¹ Новичихин, 1997.

⁷² Воронов 2006, рис. 13, 14.

⁷³ Соколова 2001, 268–274; Соколова, Павличенко 2002, 99–121.

на, принимавшего, согласно сообщению Полиэна (VIII. 55), активное участие в покорении Синдики. Данные письменных источников свидетельствуют о заметном возрастании значимости и политического влияния этого региона с момента его включения в состав Боспорского государства.⁷⁴ На протяжении всей эпохи эллинизма (середина 4 – середина 1 в. до н. э.) сохраняется традиция управления Горгиипией царскими наместниками из числа младших представителей правящей династии. Под их контролем находятся наиболее доходные отрасли экономики: торговля (КБН, add. 4) и, по-видимому, керамическое производство.

Об экономическом и политическом присутствии Боспора свидетельствуют нумизматические находки. Древнейшие из них происходят из окрестностей пос. Усатова Балка: серебряная гемидрахма Пантикапея 400–375 гг. до н. э. (голова бородатого сатира вправо – голова льва вправо, ΠΑΝΤΙ)⁷⁵, и медная лепта 389–379 гг. до н. э. (голова бородатого сатира вправо – голова лошади вправо, ΠΑΝΤΙ)⁷⁶ (рис. 9. 3).

Судя по находкам целой серии монетных кладов⁷⁷, окрестности поселения Усатова Балка занимали особое место в экономической географии горгиипийской хоры. Весьма вероятно, что в древности, как и в Новое время, здесь располагалась удобная переправа через реку Анапку (рис. 9. 2).⁷⁸ Не случайно, в раннеримское время здесь было возведено башенное сооружение, призванное контролировать сухопутное сообщение Горгиипии с северными районами Синдики.

Синдика у Страбона (Strab. VII. 4, 6) названа одним из наиболее хлебодородных районов Северного Причерноморья (рис. 2. 2), поэтому установление контроля над расположенным в непосредственной близости от черноморского побережья источником огромного количества товарного зерна было для Боспора вопросом стратегическим. В связи с этим, пространства с известным своим особым плодородием почвами до предгорий хребта Семисам⁷⁹ стремительно осваиваются. Благодаря интенсивному античному типу хозяйства возрастает плотность поселений южнее (на площади ок. 14 км²: Су-Псех) и восточнее (на площади ок. 20 км²: Алексеевка, Усатова Балка) Горгиипии (рис. 9. 2, 4, 5).

В связи с полным освоением пригодных для развития зернового хозяйства пространств в хозяйственный оборот включаются земли, расположенные вне зон особого плодородия, что, по-видимому, объясняется заметным притоком населения в южную Синдику. Причем это отмечено как на ближней хоре Горгиипии, где античные усадьбы появляются на склонах хребта Семисам, так и в районах к востоку от черноморского побережья. Ресурсная привлекательность этих мест уступает уже освоенным районам. Здесь преобладает пересеченный рельеф, поэтому открытые пространства для хозяйственной деятельности (в местной топонимике – «поляны») ограничены. О хронологии этого этапа боспорской колонизации можно судить на основе нумизматических материалов: массовое распространение боспорских монет в долине р. Анапки и ее притоков происходит во второй половине 4 в. до н. э.

Местные дерново-карбонатные и коричневые почвы при низкой агрикультуре стремительно истощаются. «Письмо с горгиипийских наделов» управляющего хозяину о созревании смокв и винограда на фрагменте керамики⁸⁰, а также винодельческий комплекс на одной из усадеб (рис. 9. 9), свидетельствуют, что в окрестностях Горгиипии производилось не только зерно, но выращивается и перерабатывается виноград.

Продвижение боспорян на восток осуществлялось по речной сети, образованной руслами рек Маскаги и Котламы. В древности они были явно более полноводны и активно использовались для навигации. На восточных рубежах

⁷⁴ Завойкин 2002, 95–106.

⁷⁵ Определение М. Г. Абрамзона (Сапрыкина и др. 2020, табл. 1, анализ 20).

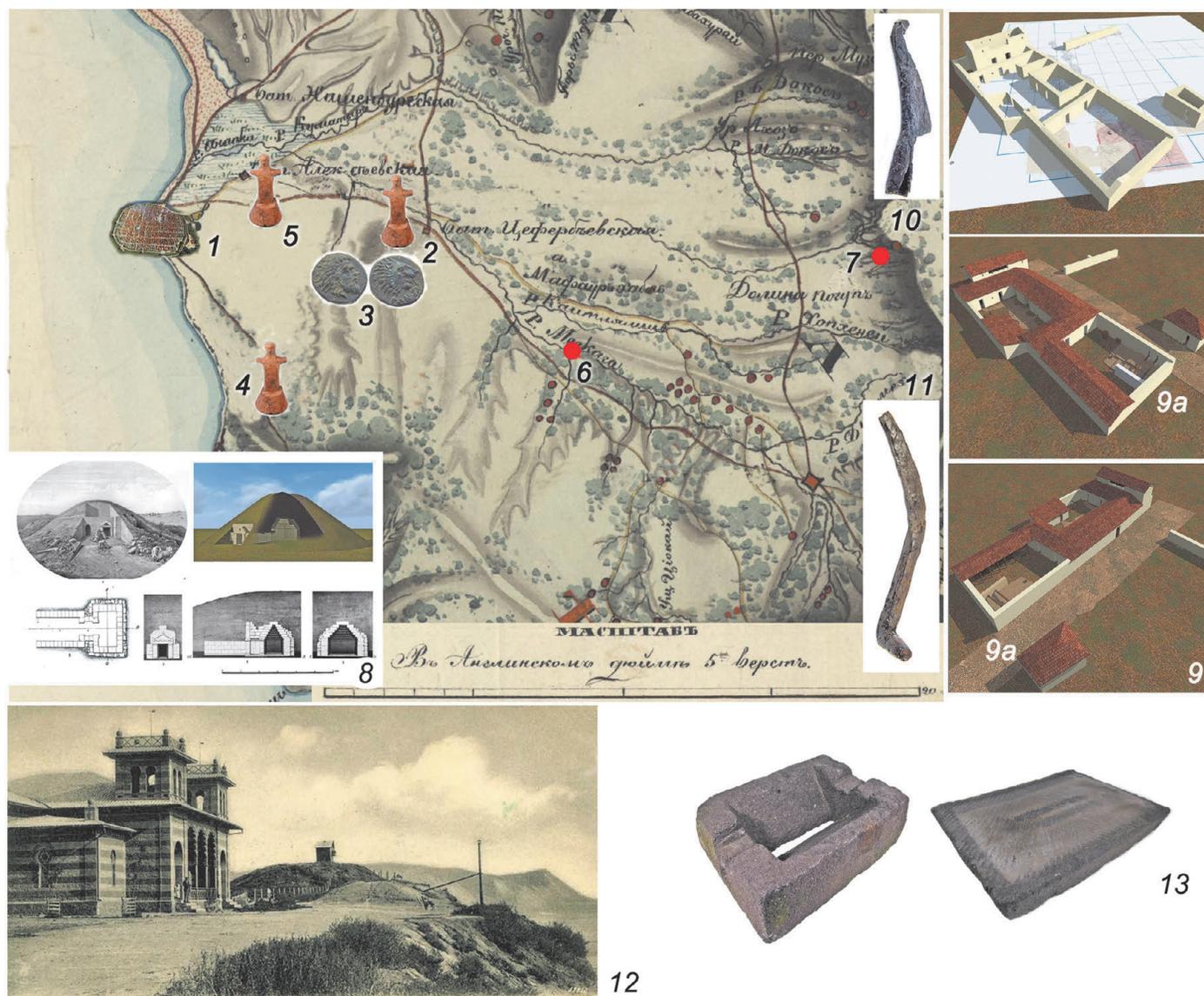
⁷⁶ Анохин 1986, № 87.

⁷⁷ Отсюда происходят четыре клада пантикапейских медных монет, охватывающие хронологический промежуток с последней трети 4 в. до н. э. до третьей четверти 3 в. до н. э. (Абрамзон, Коваленко, Сударев 2011, 146–165; Абрамзон, Новичихин 2017, 377–388; 2018, 234–249). В их числе один из самых крупных (21 366 экз.) на сегодняшний день боспорских кладов, весом 46,8 кг, практически целиком состоял из деградированных боспорских медных монет типа: голова безбородого сатира влево – лук, стрела, ΠΑΝ времени денежного кризиса.

⁷⁸ Судя по концентрации в районе Усатовой Балки группы курганов, некоторые из которых были возведены над погребениями эпохи энеолита и среднего бронзового века, возникновение переправы следует относить к глубокой древности.

⁷⁹ Пространства между Анапой и Кубанью, называемое Анапской равниной (у адыгов Хакой). Л. М. Серебряков в письме светлейшему князю А. С. Меншикову в сентябре 1842 г. сообщал: «Надо доложить Вашей светлости, что из числа этого пространства, от Анапы до Гостогаия и Кубани против Темрюка до 50 тысяч десятин чистой и плодородной степи, где горцы, хотя и не живут, но пользуются ею как в ближайших лесах живущие, так и дальние натухайцы. Более тысячи плугов ежегодно беспрепятственно обрабатывали эту степь...» (Хотко 2015, 124).

⁸⁰ Виноградов 1997, 543–556.

Рис. 9. Горгиппия и ее хора (основа – карта 1 отделения черноморской береговой линии, 1844: РГАВМФ. ф. 1331. оп. 2. д. 49. л. 2.): 1 – Горгиппия; 2 – комплекс усадеб у пос Усатова Балка; 3 – серебряная гемидрахма Пантикапея; 4 – комплекс усадеб у пос. Су-Псех; 5 – комплекс усадеб у пос. Алексеевское; 6 – Раевское г-ще; 7 – поселение Помидоры; 8 – склеп одного из Тарасовских курганов; 9 – усадьба с винодельческим комплексом (раскопки К.В. Воронина и М.Ю. Меньшикова в 2013 г., 3d-реконструкция В.В. Моора); 10 – виноградный нож; 11 – серп; 12 – останец курганной насыпи на Высоком берегу Анапы (фото начала XX в.); 13 – ручная мельница.

горгиппийской хоры, которые во многом совпадают с границами распространения пояса плодородных земель, на рубеже 4–3 вв. до н. э. боспоряне устанавливают контроль над важнейшими водными и сухопутными магистралями: были основаны поселения на высоком берегу Масаги (Раевском городище) и в месте слияния двух притоков Котламы (поселении Помидоры⁸¹) (рис. 9. 6, 7).

По словам одного из первых исследователей археологических древностей этого региона В. И. Сизова, Ногай-Кале (Ногайская крепость, ныне Раевское городище) удобно расположено относительно речной и сухопутной коммуникаций в масштабах не только Анапской долины, но и всего п-ова Абрау, буквально «царит» над местностью.⁸²

⁸¹ Малышев 2016, 96–97.

⁸² Сизов 1889, 112.

Рис. 10. Горгиппийская хора в 3–2 вв. до н. э.: 1 – монументальное сооружение эллинистической эпохи на Раевском г-це (3d-реконструкция В. В. Моора); 2 – керамида с клеймом из раскопок здания (2003 г.); 3 – антропогенный ландшафт Раевского г-ща, 4 – Юго-Восточная башня Раевского г-ща (3d-реконструкция В. В. Моора); 5–6 – пантикапейские бронзовые монеты втор. пол. 3 в. до н. э. (Шелов 1956, табл. VI, 65–66) на пос. Помидоры (раскопки А. А. Малышева, 2012 г.); 7 – серебряная монета (Пантикапей) посл. треть. 3 в. до н. э. (Шелов 1956, табл. VI, 81, Раевское г-ще, раскопки А. А. Малышева, 2002 г.); 8, 9 – склеповое сооружение (3d-реконструкция В. В. Моора) и обожженная столовая аттическая амфора 2 в. до н. э. из разрушенного подкурганного захоронения в (междуречье Масаги и Шум-речки, раскопки А. В. Дмитриева, 1987).

Особый интерес вызывает комплекс эллинистической застройки площадью ок. 0,15 га в северо-западной части городища, который перекрыл культурный слой аборигенного поселения эпохи раннего железа (рис. 10. 1). Стены сооружений довольно точно ориентированы по сторонам света, характер заполнения помещений и высота кладок из местных пород (песчаники и известняки) позволяют предположить использование типичного для Боспора приема возведения сырцовых стен на каменном цоколе (сырцово-каменная архитектура).⁸³ Более податливый для обработки привозной ракушечник использовался для изготовления архитектурных деталей.

Многое свидетельствует о высоком статусе владельца комплекса. Мощность каменных стен (толщиной до 1,6 м) позволяет предположить, что постройки в его северной части имели два уровня. С внешней стороны стены были покрыты белой однослойной штукатуркой, а с внутренней – двухслойной, на которой сохранились фрагменты полихромной фресковой росписи. В основе комплекса, подобно общественным и сакральным зданиям центров материковой Греции (Пританейон в Олимпии, героон Калидона, дворцовый комплекс в Лариссе)⁸⁴ и Пантикапея⁸⁵, был закрытый перистильный дворик. Он сохранился в виде стилобата портика из обработанных блоков ракушечника, расставленных с двухметровым интервалом, причем на некоторых из них обнаружены базы колонн. Стены дворика были украшены полихромной росписью. Здания монументального комплекса покрыты обычной для греческой традиции черепичной кровлей. Черепица, судя по многочисленным клеймам (ΕΥΜΕΛΟΥ), изготовлена в мастерских Горгиппии и доставлена по судоходной в те времена Масаге (рис. 10. 1, 2). Сооружение такого престижного архитектурного комплекса, который мог принадлежать боспорскому наместнику в Горгиппии, свидетельствует о крайней заинтересованности в территориях, расположенных на значительном (20 км) удалении от Черноморского побережья.

⁸³ Крыжицкий 1984, 202

⁸⁴ Lawrence 1957, 219–221, fig. 89, 90, 123; 245, fig. 138.

⁸⁵ Крыжицкий 1993, 149, рис. 102.

Исследования, начатые в 1954 г. В. Д. Блаватским, позволили выявить целый ряд неоспоримых свидетельств существования на Раевском городище многофункционального (административного и торгово-ремесленного) городского центра горгиппийской хоры. Культурные остатки эпохи эллинизма зафиксированы на памятнике повсеместно, причем состав находок (многочисленные монеты, широкий ассортимент античной керамики, в т. ч. культовые терракоты и лампы) сопоставим с материалами античных поселений на черноморском побережье.

Площадь городища была освоена человеком еще в эпоху ранней бронзы, тем не менее до наших дней сохранились очертания антропогенного ландшафта эпохи эллинизма: фортификационные сооружения общей длиной 0,91 км опоясывают площадь 5,63 га (рис. 10. 3). Появление мощной фортификационной системы, основанной на соотношении высоты валообразной насыпи и плотности башенного фронта (рис. 10. 4)⁸⁶, свидетельствует о резком изменении этнополитической ситуации в регионе в позднеэллинистическую эпоху. Помимо резиденции правителя⁸⁷, которая была перенесена под защиту стен, на северо-восточный мыс крепости, на внутренней площадке городища обнаружены земледельческие орудия, а также свидетельства наличия черной и цветной металлообработки. Не исключено, что жители поселений хозяйственной периферии Раевского городища (площадью ок. 9 км²), расположенных на правом пологом берегу притока реки Маскага – Бедрички, производили товарное зерно.

В отличие от перекрытого насыпями крепости монументального эллинистического комплекса, где свидетельства разгрома отсутствуют и все говорит о постепенном запустении, в руинах Восточного, Юго-Восточного и Южного башенных сооружений внешнего оборонительного комплекса, бытование и гибель которых датируется в пределах эллинистического периода, зафиксированы следы мощных военных (?) пожарищ. С нестабильной политической обстановкой на Боспоре в последних десятилетиях 2 в. до н. э. в целом обычно связывают обнаруженный в ст. Раевской клад пантикапейских медных монет (322 экз.).⁸⁸ Не менее значительные потрясения происходят в этот период и в южной Синдике.

О развитии этнополитической ситуации на п-ове Абрау 4–2 вв. до н. э. свидетельствуют материалы из погребальных памятников. Эллинскую (боспорскую) культуру населения Горгиппии и ее хоры характеризует распространение античных погребальных традиций: «обол Харона»⁸⁹ и, возможно, трупосожжение⁹⁰ (рис. 10. 9).

Об экономическом расцвете Горгиппии в эллинистическую эпоху свидетельствуют величественные подкурганые захоронения в склепах, значительная часть которых, как в остальных городах Боспора (Пантикапей, Фанагория и Гермонасса), была расположена вдоль основных сухопутных трасс.⁹¹ Подобно «памятнику Сатира – могиле, насыпанной на мысу в память об одном из могущественных владык Боспора» (Strab. XI. 2, 7; пер. Ф. Г. Мищенко), целый ряд монументальных погребальных сооружений эллинистической эпохи сыграл важную роль в топонимике юго-западной Синдикы, напоминая о высоком статусе погребенного. Они веками служили надежными навигационными и пограничными ориентирами. Судя по военным картам периода русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX в., группа курганов находилась в непосредственной близости от городища Горгиппии, причем один располагался на крутом морском берегу⁹² и служил ориентиром для каботажного плавания. В конце XIX в. на этом месте был установлен маяк (рис. 9. 12).

Большая часть этих не менее величественных, чем Семибратние курганы сооружений была исследована во время «курганной лихорадки» XIX века, и, к сожалению, давно вычеркнута из современного антропогенного ландшафта.

⁸⁶ При снижении высоты валообразной насыпи прослежено увеличение плотности башенного фронта практически вдвое.

⁸⁷ Сизов 1889, 117.

⁸⁸ Абрамзон, Фролова, Горлов 2000, 326–343; 2002, 147–157.

⁸⁹ Кругликова 1970, Приложение, № 142, 143; Фролова 1997, Приложение, № 46–48, 50, 122, 124, 128.

⁹⁰ Дмитриев 1987, 5, рис. 30.

⁹¹ Ростовцев 1925, 296.

⁹² Веселовский 1914, 61.

В частности, о расположенной на южных пределах горгиппийской хоры, на северном склоне хребта Семисам, группе курганов «Три Сестры» известно, что под самыми высокими в окрестностях насыпями были открыты две каменных гробницы и одна из сырцового кирпича. На северных пределах земледельческого пояса Синдики, в незначительном (в 1,4 км) удалении от морского побережья, в западной части ориентированного широтно скального отрога сохранились остатки насыпи Витязевского кургана. Значимость этой локации подчеркивает размещение казаками на вершине насыпи кургана, высотой – 11 м (5 саж), сторожевой наблюдательной вышки (1882 г.). Исследования 2020 г. зафиксировали останец насыпи кургана семиметровой высоты, вокруг которого грунт срезан землеройной техникой до скальной породы. Диаметр кургана, судя по длине останца (ок. 40 м) и размерам карьера на месте насыпи, был свыше 100 м.

Менее грандиозны оказались подкурганые склеповые сооружения на восточных рубежах земледельческой хоры Горгиппии. Об этом, помимо Тарасовских курганов, свидетельствуют открытые относительно недавно (1986–1987 гг.) руины склепа с двумя сложенными из обработанных известняковых блоков прямоугольными погребальными камерами под пологой (не более полутора метра) насыпью. С северо-запада к склепу примыкал коридор-дромос (рис. 9. 8; 10. 8).

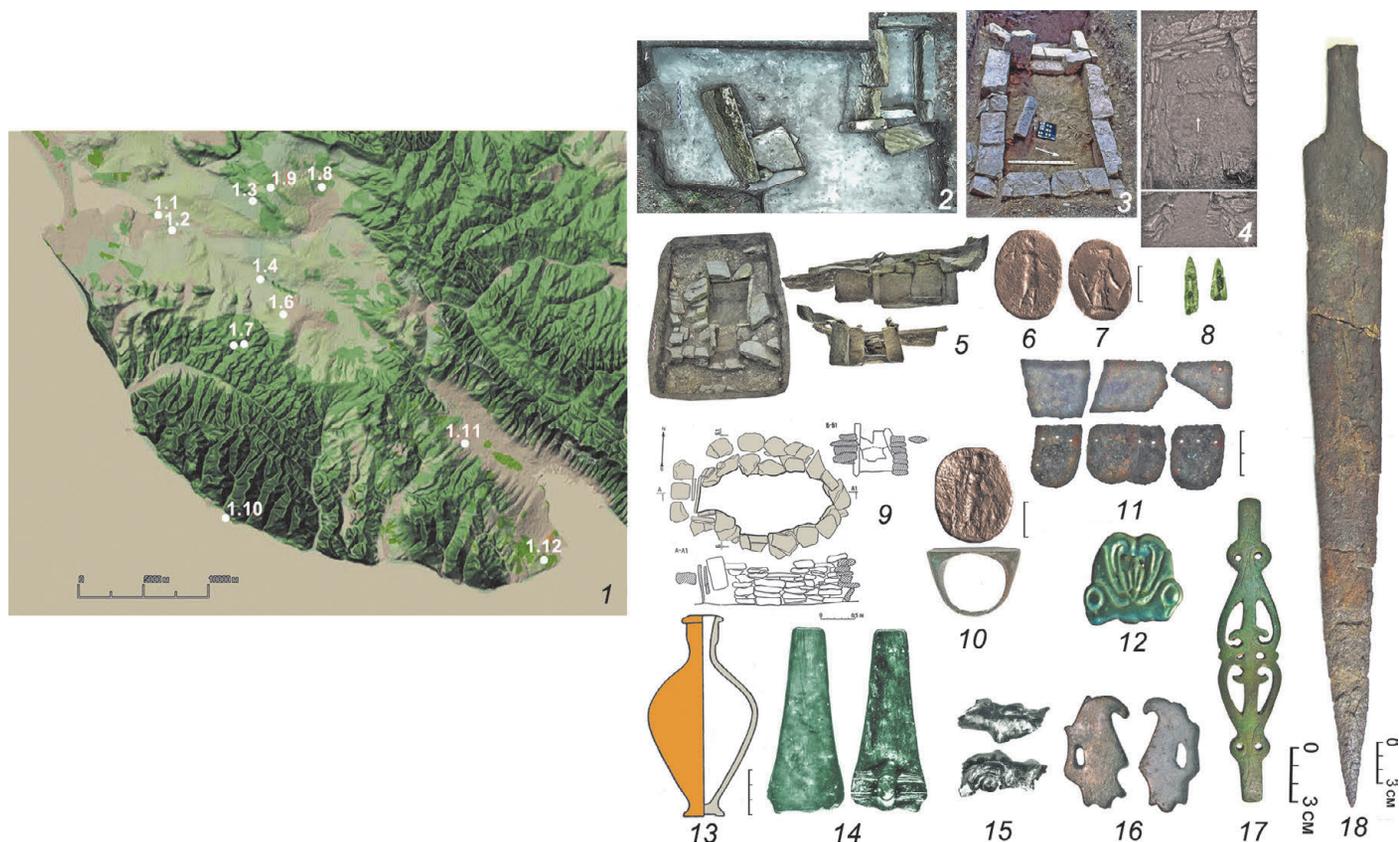
Несмотря на обширный ареал исследованных комплексов аборигенного населения п-ова Абрау второй половины 4–2 в. до н. э., их количество не превышает нескольких десятков. Часть захоронений обнаружено в обычных каменных ящиках, часть в гробницах, которые под воздействием боспорских погребальных традиций претерпевают конструктивные изменения: подобно античным склепам вход в погребальную камеру, сложенную, как правило, из массивных плит, осуществлялся с торцевой, западной стороны. Доступ внутрь был оформлен массивным блоком порогового камня и вертикальными плитками коридора-дворика (рис. 11. 2–5, 9). Не исключено, что находки пантикапейских монет (типа «голова сатира вправо – лук, стрела, ΠΑΝ») в этих каменных склепах являются свидетельством распространения эллинского обычая «обол Харона».⁹³ Небольшое количество известных погребальных комплексов аборигенного населения п-ова Абрау эпохи эллинизма прямо или косвенно свидетельствует о резком сокращении населения, в особенности в южной части региона. Данное обстоятельство может быть связано как с природно-климатическими явлениями, которые отразились на ресурсной базе экономики населения долин юга п-ова Абрау, так и с этнополитическими причинами: с борьбой Боспора с морскими пиратами, которую вел Евмел (Diod. XX. 24), или с продвижением в регион населения из Прикубанья.

Помимо сообщающих о подвластных Боспору меотских племенах титулатур⁹⁴, известно о заключении династического брака царя синдов Гекатея с меотянкой Тиргатао из племени иксоматов (Polyaen. Strat. VIII. 55), об участии в междоусобной борьбе царя фатеев Арифарна на стороне Евмела (Diod. XX. 22). Относительно недавно в научный оборот были введены археологические материалы о переселении на рубеже III–II вв. до н. э. в северную часть п-ова Абрау обитателей равнинных районов долины реки Кубань – меотов.⁹⁵ В окрестностях Раевского городища обнаружены захоронения около сотни участников бурных событий II в. до н. э. в восточной части горгиппийской хоры. Они совершены в грунтовых ямах, возможно, в земляных подбойных камерах. Согласно меотскому обычаю, под головой умерших были положены миски (рис. 12. 1). Вместе с тем, обильный погребальный инвентарь, состоящий в основном из изделий античного ремесла, говорит об адаптации этого населения в реалиях Азиатского

⁹³ Александровский и др. 1999, 15; Шишлов, Колпакова, Федоренко 2018, 341, рис. 8. 1.

⁹⁴ Шиллов 1950, табл. 1; Горончаровский, Иванчик 2010, 222–223.

⁹⁵ Малышев 2007б.

Рис. 11. Погребальные памятники п-ова Абрау кон. 4–2 вв. до н.э. (1): 1.1 – м-к у хут. Рассвет; 1.2 – погр. 2, м-к Заря-2 (раскопки А. В. Шишлова в 2016 г.); 1.3 – м-к Барашник (раскопки К. А. Демичева в 2012 г.); 1.4 – некрополь Раевского г-ща (раскопки А. А. Малышева в 1998 г.); 1.6 – м-к на ул. Колхозная (ст. Раевская, раскопки А. А. Малышева в 2009 г.); 1.7 – м-ки Сукко-1/2 (разведки Н. И. Сударева в 2013 г.); 1.8 – м-к Родники-1 (раскопки К. А. Демичева в 2013 г., А. А. Малышева в 2014 г.), 1.9 – м-к в урочище Самойленко (раскопки А. А. Малышева в 2018 г.); 1.10 – м-к в Лобановой щели (раскопки А. А. Малышева в 1990 г., А. В. Колпаковой в 2006 г.); 1.11 – Цемдолина (раскопки А. В. Шишлова в 2009 г.); 1.12 – м-к Аэропорт (раскопки А. М. Новичихина в 2021 г.).

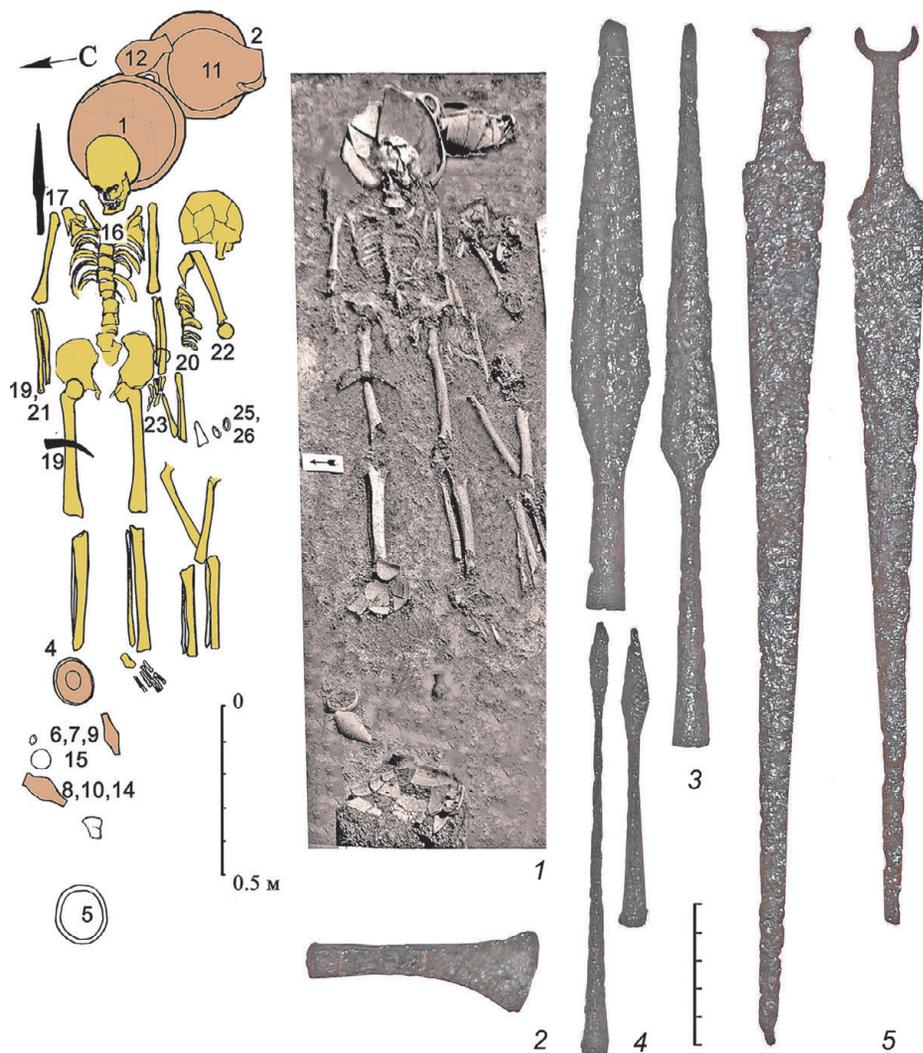
2 – склепы (погр. 1,2 м-ка Родники-1); 3 – склеп на некрополе Раевского г-ща; 4, 7 – склеповое сооружение и перстень с изображением из захоронения (ул. Астраханская, г. Новороссийск); 9, 10, 13 – склеповое сооружение, флакон (погр. 13) и перстень птоломеевского типа (погр. 8) (м-к в Лобановой щели, раскопки А. А. Малышева, 1990 г.); 5 – склеповое сооружение в урочище Самойленко; 8, 11, 12, 14–16 – наконечники стрел (бронза), пластины железного панциря, декор (бронза) конской упряжи и фр-т изделия из серебра (голова дельфина (?)) из распаханного захоронения (Цемдолина-2); 17, 18 – инвентарь (наносник (бронза) и меч (железо)) синдо-меотского облика (погр. 12, м-к Аэропорт)

Боспора. О воинственности этого населения свидетельствует находка в каждом четвертом захоронении комплекса наступательного вооружения, в состав которого входят длинные всаднические мечи «синдо-меотского» типа (рис. 12. 5).

Заключение

Судя по имеющимся археологическим материалам, в доколониционный период территория п-ова Абрау была полностью освоена, однако архаичные приемы хозяйствования тормозили рост населения, которое вело, судя по всему традиционный, замкнутый образ жизни.

Появление на п-ове Абрау в конце 7 в. до н. э. греческих переселенцев стимулировало товарно-обменные связи, в которые были вовлечены различные

Рис. 12. Раевский некрополь (раскопки А. В. Дмитриева, 1984, 1985 гг.): 1 – погр. (чертеж, фото); 2 – топор; 3 – наконечники копий; 4 – наконечники дротиков; 5 – мечи синдо-меотского типа

по удаленности от черноморского побережья регионы. На протяжении 6–5 вв. до н. э. успешно развивается расположенная на перекрестке сухопутных и морских магистралей Синдская Гавань. Резкое возрастание числа синхронных погребальных комплексов на аборигенных некрополях п-ова Абрау объясняется формированием условий демографического оптимума для населения предгорий черноморского побережья Северного Кавказа в этот период. Это, по всей видимости, связано с вовлечением синдов, керкетов и торетов в сложившуюся в результате греческой колонизации экономическую систему. О значительном расширении спектра контактов аборигенного населения п-ова Абрау свидетельствует не только многочисленный греческий керамический импорт, но и древности скифо-савроматского и кобано-колхидского круга.

В результате боспорской колонизации северной части п-ова Абрау (4–2 вв. до н. э.), которая была нацелена на реализацию аграрных возможностей региона, прежде всего получения товарного зерна, стремительно развивается не только переименованная в Горгиппию Синдская Гавань, но и ее хора. На восточных рубежах хозяйственной периферии, на высоком берегу Маскаги (Раевское г-ще), в конце 4 – начале 3 в. до н. э. была сооружена резиденция горгиппийского правителя. В результате хозяйственного освоения пространств на десятки

километров от побережья аборигенное синдское население было либо оттеснено в горы, либо эллинизировано и ассимилировано. О распространении античных погребальных традиций свидетельствует обширный ареал гробниц с входом с западной торцевой стороны.

Крайне неблагоприятно складывается ситуация и для обитавших в южной части п-ова Абрау керкетов и торетов: отмечено резкое сокращение погребальных комплексов 4–2 вв. до н. э., что может быть вызвано стремлением боспорян обезопасить навигацию и другую хозяйственную деятельность от пиратов. В свое время Евмел для борьбы с пиратами усилил боспорский флот (Diod. XX. 24). По-видимому, была и сухопутная часть этой операции, в которой приняли участие поселившиеся в восточной части Анапско-Натухаевской долины мигранты из равнинных районов Закубанья.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. 2000. Раевский клад медных пантикапейских монет II в. до н. э. // ПИФК 9, 58–63.
- Абрамзон М. Г., Коваленко М. А., Сударев Н. И. 2011. Два клада боспорских монет с античного поселения «Усатова Балка 3» // ПИФК 4, 146–165.
- Абрамзон М. Г., Новичихин А. М. 2017. Крупнейший клад пантикапейских медных монет III в. до н. э. с хоры Горгиппии (2013 г.) // ВДИ 2, 377–388.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Александровский А. Л., Вязкова О. Е., Гольева А. А., Малышев А. А., Смекалова Т. Н. 1999. Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследования) // ДБ 2, 7–29.
- Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. Москва.
- Алексеева Е. М. 2010. Горгиппия // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 471–509.
- Берлизов Н. Е., Пьянков А. В., Богачук Е. О. 2015. Случайные находки эпохи раннего железа и средневековья из окрестностей г. Новороссийска // Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье (Анфимовские чтения V). Краснодар, 24–36.
- Блаватский В. Д. 1951. Разведки в Анапе // КСИИМК 37, 245–248.
- Блаватский В. Д. 1959. Исследования Раевского городища в 1954 г. // КСИИМК 77, 42–50.
- Болтунова А. И. 1986. Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ 1, 43–61.
- Веселовский Н. И. 1914. Военно-исторический очерк города Анапы. Петроград.
- Виноградов Ю. Г. 1997. Письмо с горгиппийских наделов // Е. М. Алексеева. Античный город Горгиппия. Москва, 543–556.
- Воронов Ю. Н. 2006. Колхида в раннем железном веке. Колхида на рубеже средневековья // Ю. Н. Воронов. Научные труды в семи томах. Т. I. Сухум.
- Вязкова О. Е. 1999. Палеорекострукция геоморфологической обстановки античной эпохи в окрестностях мыса Малый Утриш // Историко-краеведческий альманах 5, Армавир–Москва, 52–58.
- Гарбузов Г. П. 2013. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ 17, 110–131.
- Гей А. Н., Малышев А. А., Равич И. Г. 2004. К вопросу о распространении традиций степного погребального обряда в предгорьях Северо-Западного Кавказа в эпоху средней бронзы // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии 3, 214–223.
- Горончаровский В. А., Иванчик А. И. 2010. Синды // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 318–359.
- Демирова Н. И. 2018. Новые документы о раскопках подполковника Б. Ф. Гринфельда возле крепости Анапа (1837 г.): из архива барона Г. В. Розена в собрании ОПИ

- ГИМ // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России» (Тез. докладов и сообщений международной научной конференции). Севастополь, 14–17.
- Дмитриев А. В. 1976. Новые материалы VIII–V вв. до н. э. из района Новороссийска // Археология Северного Кавказа (Крупновские чтения V). Москва, 19–21.
- Дмитриев А. В. 1987. Отчет об археологических раскопках в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. // НА ИА РАН. Р-1, № 12836, 12836а.
- Дмитриев А. В., Малышев А. А. 1999. Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах 5. Армавир–Москва, 17–52.
- Дмитриев А. В., Малышев А. А. 2005. Некрополи аборигенного населения у пос. Большие Хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. Научно-популярный сборник, посвященный пятидесятилетию начала исследований Н. А. Онайко на Раевском городище. Москва–Новороссийск, 18–22.
- Завойкин А. А. 2002. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ 5, 95–106.
- Иванчик А. И. 2010. Эпиграфические памятники // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 360–371.
- Каменецкий И. С. 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва, 224–252.
- Канторович А. Р., Шишлов А. В. 2014. Зооморфная бутероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в развитии сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // Вестник ЮНЦ 14 (10), 85–95.
- Кругликова И. Т. 1970. Монеты из раскопок Горгиппии 1960–1966 гг. // НЭ 8, 27–47.
- Кругликова И. Т. 1980. История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия I. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 5–17.
- Крушкол Ю. С. 1963. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями МОПИ им. Н. К. Крупской // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. CXV. Всеобщая история 4, Москва, 47–109.
- Крушкол Ю. С. 1971. Древняя Синдика. Москва.
- Крыжицкий С. Д. 1984. Строительная техника // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). Москва, 201–204.
- Крыжицкий С. Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Лесков А. М. 1965. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев.
- Малышев А. А. 2007а. Раевское городище // Институт археологии РАН. Москва, 74–75.
- Малышев А. А. (ред.) 2007б. Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя (Некрополи Черноморья 1). Москва.
- Малышев А. А. (ред.) 2009. ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Москва.
- Малышев А. А. (ред.) 2010а. Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет (Некрополи Черноморья III). Москва.
- Малышев А. А. 2010б. Новое в хроностратиграфии Раевского городища // SYMBOLA. Античный мир Северного Причерноморья. Новые открытия 1. Москва–Киев, 175–178.
- Малышев А. А. 2016. Восточная периферия Горгиппийской хоры // Н. А. Макаров (ред.), Археологическое пространство России. Объекты археологического наследия, документированные в 2008–2012 гг. Москва, 98–99.
- Малышев А. А., Равич И. Г. 2001. О находках образцов звериного стиля в окрестностях Новороссийска // Северный Кавказ: историко-археологические очерки. Москва, 104–111.
- Малышев А. А., Равич И. Г. 2001. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях г. Новороссийск // Материалы и исследования по археологии России 3, 102–111.
- Малышев А. А., Дмитриев А. В., Медникова М. Б., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Равич И. Г. 2004. Широкая балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ 7, 272–301.

- Малышев А. А., Новичихин А. М., Жеребятьев Д. И., Королева С. В., Моор В. В. 2018. Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи. Москва.
- Малышев А. А., Горланов С. С., Дрыга Д. О., Мочалов А. В. 2022. Могильник абorigенного населения Родники: топография и хронология // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации (Крупновские чтения XXXII). Майкоп, 160–161.
- Малышев А. А., Новичихин А. М. 2022. Могильник ОПХ «Анапа» – некрополь населения архаической Синдики // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации (Крупновские чтения XXXII). Майкоп, 162–64.
- Мокрушин В. П., Соков П. В. 2022. Протомеотская булавка с территории грунтового могильника из с. Южная Озереевка // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации (Крупновские чтения XXXII). Майкоп, 168–171.
- Мунчаев Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. Москва.
- Новичихин А. М. 1990. Биметаллический кинжал из хут. Бужор Анапского района // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. Москва, 61–73.
- Новичихин А. М. 1995. Материалы первой половины I тыс. до н. э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах 1, 63–67.
- Новичихин А. М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.
- Новичихин А. М. 2013. Случайные находки эпохи бронзы и раннего железа из окрестностей станиц Натухаевской и Раевской // Исторические записки. Исследования и материалы 8, 51–58.
- Новичихин А. М. 2017. Греческая колонизация Синдики // МАИАСК 9, 67–96.
- Новичихин А. М. 2019. Новый могильник скифского времени в Синдике // Из истории культуры народов Северного Кавказа (Ставропольский ежегодник 11), 108–120.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Ленинград.
- Онайко Н. А. 1959. Раскопки Раевского городища в 1955–1956 гг. // КСИИМК 77, 51–61.
- Онайко Н. А. 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА 2, 155–168.
- Прокофьев Р. В., Прокофьева Т. Е. 2014. Раскопки кургана у хутора Бужор близ Анапы // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Сб. научных трудов к 100-летию со дня рождения А. И. Салова. Краснодар–Анапа, 28–38.
- Салов А. И. 1979. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА 159, 98–102.
- Салов А. И. 2000. Разведка ближней хоры Горгиппии в 1978–1980 гг. // Горгиппийский сборник. Анапа, 17–25.
- Салов А. И., Смирнова Т. М. 1972. Новые находки в Анапе // КСИА 130, 53–57.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Смекалова Т. Н. 2020. Исследования серебряных античных монет методом рентгенофлуоресцентного анализа и изотопного состава свинца (фонды Анапского археологического музея) // Сибирские исторические исследования 2, 148–169.
- Сизов В. И. 1989. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии (Материалы по археологии Кавказа II). Москва.
- Соколова О. Ю. 2004. Новая надпись из Нимфея [предварительное сообщение] // ДБ 4, 368–373.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. 2002. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus 8, 99–121.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д. 2009. Изменения природной среды с эпохи энеолита по средневековью на полуострове Абрау (по данным палинологического анализа) // А. А. Малышев (ред.), ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Москва, 19–50.
- Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях Южной России (XVIII – середина XIX в.). Санкт-Петербург.

- Тункина И. В. 2010. История изучения // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 20–128.
- Фелицын Е. Д. 1882. Археологическая карта Кубанской области. Москва.
- Фролова Н. А. 1997. Монеты из раскопок Горгиипии 1979–1989 гг. // ПИФК 4/1, 143–183.
- Хотко С. Х. 2015. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп.
- Шилов В. П. 1950. О расселении меотских племен // СА XIV, 102–123.
- Шишлов А. В., Федоренко Н. В. 2006. Погребальный обряд племен Северо-Западного Кавказа в конце VII–V вв. до н. э. (по материалам Владимировского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал 2, 63–73.
- Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. И., Кононенко А. П. 2007. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки. Исследования и материалы 5, 4–19.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. 2018. Каменный склеп раннего железного века из грунтового могильника Заря-2 у ст. Натухаевской близ Новороссийска // Р. Б. Схатум, В. В. Улитин (ред.), Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье (Анфимовские чтения VIII). Краснодар, 339–347.
- Эрлих В. Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. Москва.
- Lawrence A. W. 1957. Greek Architecture. London.
- Sudarev N. I., Garbuzov G. P., Ivanov A. V., Kargin Yu. Yu., Mataev V. V., Voronin K. V. 2021. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // J. Fornasier, A. V. Bujskich (Hrsg.), An den Ufern des Bug. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn, 43–72.

Д. А. Моисеев

КЛЕЙМА ΘΣΟΔΟΡΑΚΗΟ

Аннотация. Изучение керамид с рельефными метками «ΘΣΟΔΟΡΑΚΗΟ» из раскопок Фанагории и аналогичных им находок из памятников на территории Крыма позволили проследить несколько важнейших особенностей организации ремесленного производства строительной керамики региона. Анализ начертания меток дал возможность доказать, что большинство из собранных артефактов были изготовлены в деревянных матрицах, изготовленных двумя разными «мастерами» на коротком хронологическом промежутке. При этом проследить реальные одноматричные керамиды в изделиях одного «мастера» не удалось. Изделия, изготовленные в матрицах «мастера» 1 обнаружены исключительно в Фанагории. Вероятно, они были изготовлены в качестве единого заказа (крупной партии?) для поставки в этот город для какого-то крупного строительства. Керамиды из матриц «мастера» 2 имеют значительную географию распространения от Херсонеса до Фанагории. Наиболее вероятным местом производства такой черепицы был Юго-Западный Крым, возможно, гончарный центр Ильяз-Кая в Ласпинской бухте на дальней периферии Херсонеса.

Ключевые слова. Строительная керамика, керамиды, ремесленная метка, технология, Фанагория, Юго-Западный Крым.

D. Moisseev

TILE STAMP ΘΣΟΔΟΡΑΚΗΟ

Abstract. The study of flanged tiles with relief marks ΘΣΟΔΟΡΑΚΗΟ from excavations of Phanagoria and other sites in the Crimea makes it possible to investigate several important features of the organization of handicraft production of building ceramics in the region. An analysis of the inscription of relief marks discovered that most of the collected artifacts were made in wooden matrices that were produced by two different craftsmen in a short chronological interval. At the same time, it was not possible to trace real one-matrix flanged tiles in products of one craftsman. Products that were made in matrices of the craftsman 1 were found exclusively in Phanagoria. Probably they were made as a single order delivered to this city for some major construction campaign. Flanged tiles from matrices of craftsman 2 were found in a large region: from Chersonesos to Phanagoria. Highly likely, the kilns that produced flanged tiles with relief marks ΘΣΟΔΟΡΑΚΗΟ were located in tile production centre Ilyaz-Kaya in Laspi Bay in the Chersonese region.

Key-words. Building ceramics, flanged tile, relief mark, technology, Phanagoria, South-Western Crimea.

Введение

Рельефные ремесленные метки на средневековой черепице являются особенным и ярким памятником материальной культуры. Среди них встречаются как простые буквенные и тамгообразные знаки, так и высоко детализированные рисунки и даже сюжетные композиции. В качестве исторического источника наиболее ценными являются, наряду с художественными, метки в виде надписей. В основном они представлены отдельными словами – именами. Оставляя за скобками вопрос, что именно эти имена обозначали (святых, правителей или самих ремесленников), отметим, что такие надписи являются важным памятником «народной» грамотности.

Строительная керамика (керамиды, калиптеры, плинфа) с рельефными ремесленными метками известна в Северном Причерноморье локально. Находки

черепиц с ними встречаются в регионе с четкими географическими границами: от Херсонеса на западе до Фанагории на востоке.¹ К локальным очагам распространения традиции можно отнести Нижний Дон² и горную округу современного города Сочи.³ Иными словами, рельефные ремесленные метки известны везде, где в средние века наблюдалось использование черепицы, изготовленной «тыльным» способом.⁴

Рельефные метки средневекового времени значительно отличаются от античных и средневековых. Для их нанесения на черепицу вместо оттиска клеймом по сырой глине использовались специальные деревянные матрицы. Это были своеобразные деревянные ящики, на дне которых вырезались все будущие рельефные части будущего изделия, в том числе и ремесленные метки. Матрицы использовались неопределенное число производственных циклов. С поломкой они ремонтировались и вновь шли в производство. Особенностью такого производства является высокая стандартизация изделий. По этой причине ремесленные метки и их расположение на керамидах, калиптерах и плинфах закономерно. Изделия из одной или серии близких матриц теоретически могут встречаться на разных памятниках, фиксируя развитие торговых отношений в регионе.⁵

Особое внимание в Фанагории привлекает к себе черепичная ремесленная метка «ΘΕΟΔΟΡΑΚΝΟ» (рис. 1. 1–9, 15–18). Впервые керамида с ней были найдены во время раскопок 1859 г.⁶ Впоследствии были обнаружены новые⁷, началась научная дискуссия относительно способа прочтения надписи⁸ и места производства керамид с ней.⁹ В нашем исследовании мы постараемся собрать наиболее полную из возможных коллекций керамид и их фрагментов с меткой «ΘΕΟΔΟΡΑΚΝΟ».¹⁰

Историография проблемы средневековых ремесленных меток на строительной керамике

Интерпретация причин нанесения ремесленных меток на строительную керамику¹¹ является актуальной научной проблемой. Первым к средневековым черепичным ремесленным меткам обратился А. Л. Якобсон. Он посчитал, что мотивы ремесленников, наносивших метки в средневековом Крыму, были схожими с клеймением черепиц в античное время, когда мастер метил перед обжигом часть своей продукции¹², т. е. он сделал предположение, что близкие ремесленные метки принадлежат одной мастерской, вне зависимости от того, из какого теста они были изготовлены.¹³

Всего А. Л. Якобсон опубликовал 324 метки.¹⁴ Это буквенные метки, условные знаки и рисунки. Учёный сделал вывод, что каждая метка – это одна уникальная матрица. Также он предположил, что одной мастерской принадлежали близкие по содержанию и виду метки. Именно на этой гипотезе строятся все его дальнейшие исторические реконструкции. Таким образом, он насчитывает в позднесредневековое время в Херсонесе 25–30 ремесленных мастерских по производству черепицы¹⁵, из которых одновременно работали только 4–5.¹⁶ Не совсем ясно, сколько независимых мастеров работало в одной мастерской, так как иногда А. Л. Якобсон отмечает, что метка – только знак мастера, иногда – целой мастерской.¹⁷

Т. А. Симонова считает, что ремесленная метка – это знак одного мастера.¹⁸ При этом исследовательница обращает внимание на то, что при подобной трактовке, черепицу, к примеру, из кровли дома из раскопок Портового квартала

¹ Кузнецов, Голофаст 2010, 412, 422, рис. 33. 8–9; Романчук 2004, 25–28, 42–93; Паршина 1974, 77–93; Бабенчиков 1953, 110, 112–113, рис. 38; Moisieiev 2021, 58, 80–84, fig. 1, supplement.

² Калинина и др. 2014, 119–134, 140–147.

³ Армарчук 2010.

⁴ О «тыльном» способе см. Моисеев 2011, 183–185.

⁵ Moisieiev 2021, 80–84, supplement.

⁶ Гёрц 1870, 78.

⁷ Гадло 1964, 98; Кузнецов, Голофаст 2010, 412; Придик 1917, 130; Тункина 2010, 45.

⁸ Латышев 1905, 109; Яйленко 2010, 638; Якобсон 1979, 68.

⁹ Гадло 1964, 101; Якобсон 1979, 68.

¹⁰ Автор выражает глубокую признательность В. Д. Кузнецову за возможность опубликовать материал из его раскопок Фанагории. Также хотелось бы выразить благодарность Л. А. Голофаст за помощь в написании настоящей работы.

¹¹ На данный момент до конца нельзя ответить на вопрос, что именно метилось: матрица или изготавливаемая в ней черепица.

¹² Якобсон 1950, 122–123.

¹³ Там же, 152–153; 1979, 153.

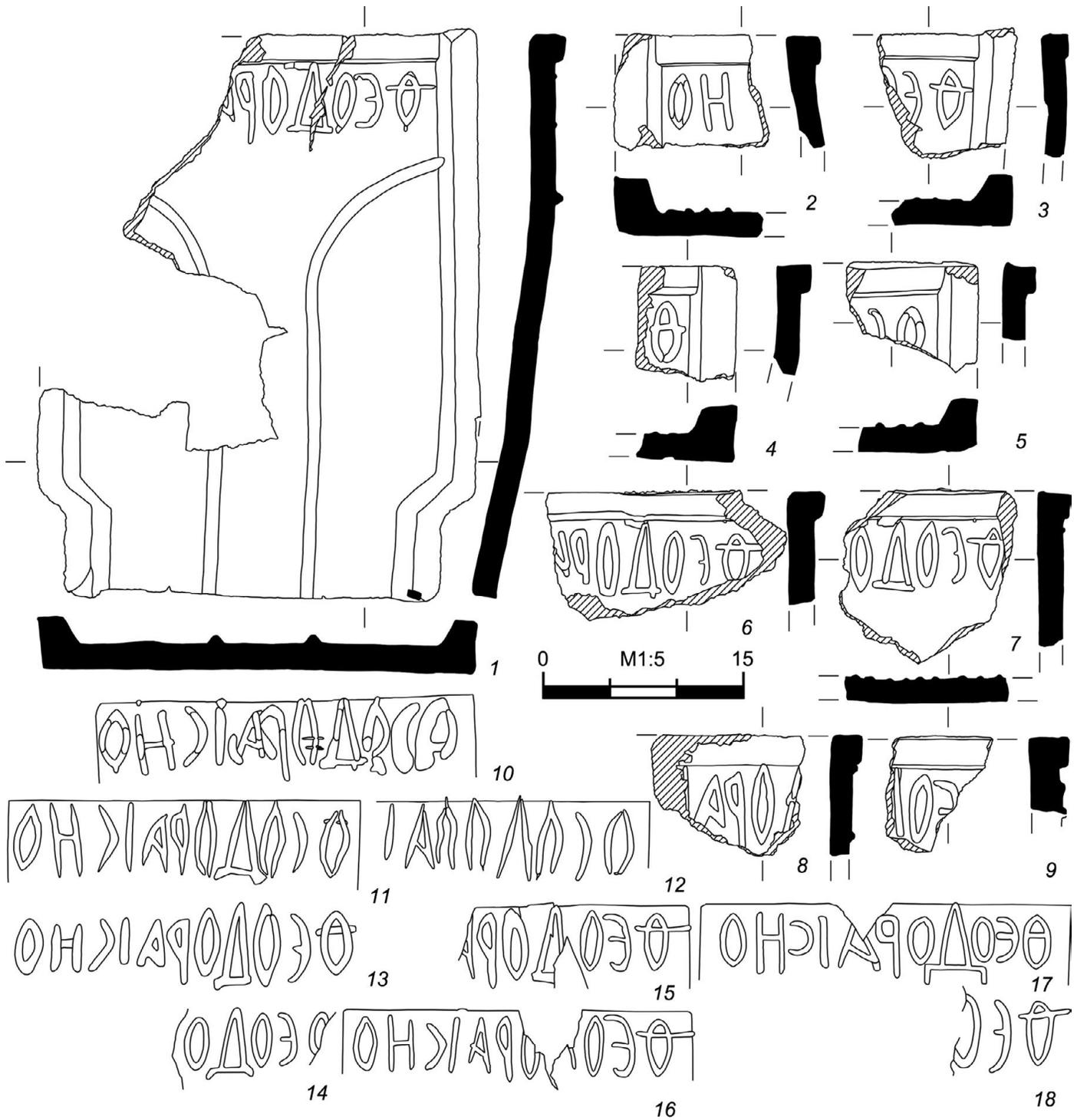
¹⁴ Якобсон 1950, 120–121, 123–145, 147–152.

¹⁵ Там же, 147, 150.

¹⁶ Там же, 150.

¹⁷ Якобсон 1979, 150–153.

¹⁸ Симонова 1980, 119.

Рис. 1. Керамиды с меткой «ΘΕΟΔΩΡΑΚΗΝΟ»: 1 – Фанагория, 2008, ВГ 80-3; 2 – Фанагория, 2015, НГ И6/11; 3 – Фанагория, 2014, НГ Д6/17-1-1; 4 – Фанагория, 2015, НГ, случайная находка 1/1-1; 5 – Фанагория, 2015, НГ И6/11-1/2; 6 – Фанагория, 2018, НГ 1-1; 7 – Фанагория, 2008, ВГ квадрат 118 штык 4 1-1; 8 – Фанагория, 2015, НГ 34 штык 9-1/2; 9 – Фанагория, 2015, НГ К5/11-1/2; 10 – раннесредневековое поселение в крепости Фуна, 1991 (Мыц, Кирилко 1992, рис. 37); 11 – раннесредневековое поселение в крепости Фуна, 1991 (Кирилко 2015, 324, рис. 14. 1; Мыц, Кирилко 1992, рис. 38. 1); 12 – раннесредневековое поселение в крепости Фуна, 1991 (Кирилко 2015, 324, рис. 14. 2; Мыц, Кирилко 1992, рис. 38. 2); 13 – поселение на х. Тепсень (Бабенчиков 1953, 110, 112–113, рис. 38. 3); 14 – Херсонес (Якобсон 1979, 68, 71, рис. 42. 37); 15 – Фанагория, 2008 (Кузнецов, Голофаст 2010, 422, рис. 33. 8); 16 – Фанагория, 2008 (Кузнецов, Голофаст 2010, 422, рис. 33. 9); 17 – Фанагория, 1859 (Чхаидзе 2012, 519, рис. 129. 2); 18 – Фанагория, 1986 (Чхаидзе 2012, 519, рис. 129. 1)

Херсонеса, которую она опубликовала, должны были изготавливать 28 мастеров, работавших в городе. Она же указывает на то, что херсонесские мастера могли делать строительную керамику не только для своего города, но и для окружающих его территорий. Т.е. они могли быть «бродячими ремесленниками». Подтверждением этому, по ее мнению, являются аналогичные «херсонесским» черепицам изделия из батилиманских гончарных печей.¹⁹

В. А. Сидоренко приходит к выводу, что определённые сюжеты на метках говорят о принадлежности мастерских, выпускавших такую черепицу, церкви или муниципальному управлению Херсонеса в 9 в. Строительная керамика с крестами могла выпускаться для сооружения храмов, в то время, как монограмма «ПХ» могла предназначаться для муниципальных и общественных построек.²⁰ С другой стороны, некоторые метки могли использоваться для обозначения очередности использования матриц в производственном процессе.²¹

После некоторой паузы в дискуссии к рассмотрению вопроса значения меток на черепице возвращается А. И. Романчук. Исследовательница перечисляет несколько возможных причин нанесения метки на деревянную матрицу: номер партии, заказ на постройку общественного здания, обозначение принадлежности матрицы определённой мастерской или мастеру, маркировка для закладки в печь для обжига, различное качество продукции, художественное украшение черепицы или творчество мастера, ответственность за сохранность постройки на определённый срок времени.²² При этом исследовательница не делает уверенного и окончательного вывода относительно назначения меток.

После А. И. Романчук к проблеме интерпретации ремесленных меток обращается И. А. Завадская. Анализируя комплекс черепицы из раскопок жилого квартала в центральной части Эски-Кермена, она приходит к следующим выводам. Во-первых, она справедливо отвергает гипотезу А. Л. Якобсона о том, что для каждой мастерской был характерен свой собственный знак и его вариации. В этом случае более верным маркером локализации места производства выступает типологизация сколов черепка. Во-вторых, уверенно доказывает, что метки не маркировали партии черепиц одного заказчика. Главным выводом исследовательницы является утверждение о том, что «вырезание изображений на черепичной матрице не было обязательным, т.е. являлось неорганизованным процессом»²³ и «узкоспециальная цель (вырезания знаков в матрице), скорее всего, была утрачена, и метки стали, прежде всего, способом самовыражения отдельных мастеров».²⁴ Также необходимо отметить, что важным итогом работ И. А. Завадской стала формулировка методологического принципа фиксации строительной керамики, согласно которому метки необходимо рассматривать только относительно их расположения на керамиде, и что водосливные валики вместе с ними играют неотъемлемую композиционную роль.²⁵

Источниковедческая база

Современная историография²⁶ накопила сведения о большом количестве археологически целых форм²⁷ керамид, калиптеров и плинфы с ремесленными метками. Существует проблема оценки того, сколько матриц участвовало в изготовлении одного варианта – формы керамиды или калиптера с уникальным расположением и формой метки, водосливных валиков, бортов и других морфологических частей изделия. На сегодняшний день популярно предположение, что черепицы с аналогичными метками, изготовленные из идентичного

¹⁹ Симонова 1980, 119–120.

²⁰ Сидоренко 1985, 98–99.

²¹ Там же, 95–96.

²² Романчук 2004, 103–110.

²³ Завадская 2008, 143–144.

²⁴ Завадская 2015, 223.

²⁵ Завадская 2008, 292–295.

²⁶ Завадская 2008; 2017а; 2017b; Моисеев 2011; 2018; Паршина 1974, 78, рис. 19; Романчук 2004, табл. 1–52, рис. 11–53; Якобсон 1979, 25, 66–70, 95–96, 98–101, 103–104, 107, 148–153, рис. 10, 38–42, 58–67, 95–100; Klenina, Moisieiev, Biernacki 2018; Moisieiev 2021.

²⁷ Археологически целая форма – сокр. АЦФ.

керамического теста и одновременно принадлежащие к одному варианту изготовлялись в одной матрице.²⁸ Вопрос об оригинальности одной формы в производстве или наличии нескольких близких матриц, выпускавших один и тот же вариант, является одним из ключевых в понимании системы организации труда средневековых ремесленников.

Важное место в решении этого вопроса занимают керамиды с ремесленной меткой «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ». Эти черепицы принадлежат группе II подгруппы 8 технологического-морфологической типологии керамид Юго-Западного Крыма.²⁹ Керамиды со сколом этой же подгруппы, но других форм, известны из раскопок нескольких памятников Крыма. Наиболее хорошо датированы археологически целые формы³⁰ подгруппы II/8, обнаруженные во время раскопок храма на холме Тузлук.³¹ Датировка черепичных завалов с такой строительной керамикой относится к 60/80-м годам 9 в.³² Керамиды подгруппы происходят и из раскопок Партенита в 1985–1986 гг.³³ Материал утратил привязку к стратиграфическим горизонтам и отдельным археологическим комплексам³⁴, но автор раскопок Е. А. Паршина дает разделение всей черепицы памятника на несколько периодов: 8–9 вв., 10–11 вв. и 12–14 вв.³⁵

По предположению автора черепица группы II подгруппы 8 могла производиться гончарным центром Ильяз-Кая в районе Ласпинской бухты. Керамиды с близким сколом были обнаружены во время раскопок его печей в 1992 г.³⁶ Очевидно, что окончательное решение вопроса локализации места производства предстоит решить в будущем. Однако уже сейчас можно утверждать, что место производства керамид с меткой «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ», учитывая распространенность метки и черепицы подгруппы II/8 на полуострове, необходимо искать в Юго-Западном Крыму.

Стратиграфически керамиды группы II подгруппы 8 с ремесленной меткой «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ» из раскопок Фанагории (рис. 1. 1–9, 15–18) происходят из слоев на участках «Нижний город» (рис. 1. 2–6, 8–9, 15–16) и «Верхний город» (рис. 1. 1, 7). Ряд фанагорийских меток публикуются впервые.³⁷ Датироваются слои с такими керамидами 9 в.³⁸ Ряд находок относится к случайным (рис. 1. 4). Метки «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ» кроме Фанагории были обнаружены при раскопках Херсонеса³⁹ (рис. 1. 14; метка оторвана от стратиграфического контекста), поселения на холме Тепсень (рис. 1. 13; не позднее конца 9 – начала 10 в.)⁴⁰ и раннесредневекового поселения в крепости Фуна⁴¹ (рис. 1. 10–12). В. П. Кирилко датирует жизнь и гибель последнего памятника концом второй – третьей четвертями 10 в. Здесь необходимо отметить, что в такой хронологии не уверен и сам автор.⁴² При подготовке настоящей публикации материалов Фуны (первоначальная публикация принадлежит В. П. Кирилко, 2015 г.⁴³) в археологическом отчете о результатах раскопок памятника была обнаружена путаница. Согласно полевой описи во время раскопок было обнаружено две АЦФ и одна половина с метками «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ»: к. о. 44, 48 и 271.⁴⁴ В отчете даны рисунки одной АЦФ (к. о. 271) и половины (к. о. 48). Рисунок к. о. 48 нет. Однако под к. о. 271 в отчете помещена фотография керамиды, которая не соответствует рисунку черепицы с к. о. 271. Путаница стала еще более очевидна во время прорисовки метки по фотографии (рис. 1. 10). Она имеет следы исправления надписи, нехарактерные для всех известных других форм. Исходя из этого, становится очевидно, что эта археологически целая керамида не была нарисована во время подготовки отчета, а ее фотография ошибочно была подписана, как артефакт с номером коллекционной описи 271. Таким образом, указанная керамида с фотографии в настоящей ра-

²⁸ Завадская 2008, 296; Кузнецов, Голофаств 2010, 412.

²⁹ Moisieiev, 2021.

³⁰ Археологически целая форма, сокр. АЦФ.

³¹ Тесленко, Мусин 2015, 64, 73, рис. 3.1. 2; 3.7. 1.

³² Там же, 22–26, 268.

³³ Коллекция из охранных раскопок Е. А. Паршиной на территории санатория «Крым» под номерами Фр.85 и Фр.86 хранится в Алуштинском музее.

³⁴ Паршина 1991, 72–73, 88.

³⁵ Там же, 72.

³⁶ Коллекция КП 37230 из фондов Херсонесского заповедника.

³⁷ Автор выражает признательность В. Д. Кузнецову за возможность использовать неопубликованные материалы из раскопок Фанагории в 2014–2018 гг.

³⁸ Кузнецов, Голофаств 2010, 421.

³⁹ Якобсон 1979, 70, рис. 42. 37.

⁴⁰ Бабенчиков 1953, 110, 112–113, рис. 38. 3; Якобсон 1979, 70, рис. 42. 36.

⁴¹ Кирилко 2015.

⁴² Там же, 338.

⁴³ Там же, 318–365.

⁴⁴ Мыц, Кирилко 1992, 31–32, 54.

боте принимается как та, что была упомянута в коллекционной описи находок из раскопок Фуны в 1991 г. под номером к. о. 48.

Керамиды с ремесленной меткой «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΟ» также были открыты во время исследований монастырского комплекса 10–16 вв. на юго-восточном склоне г. Аю-Даг.⁴⁵

В результате в источниковедческой базе настоящей работы оказалось следующая коллекция меток «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΟ»:

5 полных меток (табл. 1. 1–5). Четыре имели привязку к форме (рис. 1. 10–11, 16–17; табл. 1. 1–2, 4–5), а одна была опубликована в отрыве от самой керамиды (рис. 1. 13; табл. 1. 3). Две из них происходили с территории Фанагории (рис. 1. 16–17; табл. 1. 1–2), но только одна имеет надежную стратиграфическую привязку к культурному горизонту (рис. 1. 16; табл. 1. 1). Остальные метки происходят из раскопок поселения на холме Тепсень (рис. 1. 13; табл. 1. 3) и Фуны (рис. 1. 10–11; табл. 1. 4–5).

1 метка с восемью первыми буквами (восьмая буква сохранилась частично)⁴⁶ (рис. 1. 12; табл. 1. 6) происходит из раскопок Фуны.

3 метки с сохранившимися семью первыми буквами (рис. 1. 1, 6, 15; табл. 1. 7–9). Происходят из раскопок Фанагории. Во всех трех случаях последние буквы сохранились частично.

3 метки с пятью буквами (табл. 1. 10–11, 16). Две происходят из раскопок Фанагории. При этом в одной сохранились первые 5 (рис. 1. 7; табл. 1. 10), а в другой – с четвертой по восьмую буквы (рис. 1. 8; табл. 1. 16). Еще одна метка с первыми 5 буквами происходит из раскопок Херсонеса (рис. 1. 14; табл. 1. 11).

3 метки с тремя буквами (табл. 1. 12, 13, 17) происходят из раскопок Фанагории. При этом в двух сохранились хорошо только первые 2 буквы (рис. 1. 3, 18; табл. 1. 12, 13), а в другой – только третья буква, а вторая и четвертая оказались значительно повреждены (рис. 1. 9; табл. 1. 17).

2 метки с двумя буквами (табл. 1. 14, 18) происходят из раскопок Фанагории. При этом в одной хорошо сохранилась девятая и десятая буквы (рис. 1. 2; табл. 1. 18), а в другой – повреждены все (рис. 1. 5; табл. 1. 14).

1 метка с одной первой буквой происходит из раскопок Фанагории, случайная находка (рис. 1. 4; табл. 1. 15).

Методика

Беглое знакомство со всеми известными на данный момент метками «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΟ» не дает возможности сказать, что все они были произведены в одной матрице либо в матрицах одного мастера. Начертание букв, в т. ч. каллиграфичность «почерка», ошибки и исправления, примыкания к бортам литер и их сочетание с отпечатками поломок и деформаций матриц дают ценный материал для сравнения и анализа.

Методика определения керамид, изготовленных в одной матрице, либо в серии матриц одного «мастера», базировалась на работе со сложной многобуквенной меткой «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΟ». На большинстве форм она имеет свои небольшие отличия, что невозможно объяснить иначе, как изготовлением в схожих, но разных матрицах. Особенно хорошо это можно увидеть в сравнении стилей надписи букв. В качестве критериев для выделения продукции одного «мастера» были использованы: наклон букв, соединение букв со швами оснований бокового и верхнего бортов, тщательность резки надписи в матрице (к примеру, замыкание линий), «грамотность» резчика или наличие ошибок.

⁴⁵ Адаксина 2002, 12, 25.

⁴⁶ Нумерация букв в метке осуществляется справа налево. Во время нанесения метки мастера писали, как положено: слева направо. Но при оттиске керамиды надпись получалась в зеркальном отражении.

Таким образом, под термином «мастер» в морфологической типологии и анализе средневековой строительной керамики, изготовленной «тыльным» способом, подразумеваются произведенные одним работником матрицы, принадлежащие одному варианту.⁴⁷ Матрицы одного «мастера» имеют сходные размеры метки, наклон почерка, расположение относительно бортов (примыкание, соединение или отставание от шва основания борта), характерные технологические деформации. В исторической интерпретации под «мастером» не следует понимать независимого ремесленника. Учитывая условно равномерное распространение керамид с меткой «ΘСОΔΟΡΑΚΗΝΟ», «мастерами» могли выступать различные работники одной мастерской, с которой обыкновенно связывается подгруппа технолого-морфологической типологии.⁴⁸

Анализ полученного материала

Работа по перечисленным критериям позволила разделить известные метки между сериями матриц минимум двух «мастеров» (табл. 2–9). Кроме этого четыре метки не удалось уверенно отнести ни к одной из матриц описанных «мастеров». С дальнейшим накоплением материала число «мастеров» за счет неструктурированного материала может возрасти.

К матрицам «мастера» 1 можно отнести 6 керамид – все они были открыты в Фанагории (рис. 1. 1, 6, 7, 9, 15, 16; табл. 1. 1, 7–10, 17). К характерным особенностям матриц «мастера» 1 относится начертание и расположение буквы «Θ», начертание буквы «Ε», начертание, расположение и сопутствующие деформации матрицы в районе примыкания к шву основания верхнего борта букв «Δ» и «Ο».

Во-первых, необходимо отметить, что «мастер» 1 имел склонность к наклону букв вправо.⁴⁹ Это хорошо видно на буквах «Θ» и «Ο» (табл. 1. 1, 7–10, 17; 2, I. 7–8, 10; 4, I. 7а, 8а, 10а, 17). Также это проявлено на горизонтальной перекладине буквы «Θ» (табл. 1. 1, 7–10). Видно, что резчик начал свою работу слева направо. Левая часть перекладины слабо выступает за внешние пределы круга буквы «Θ», а правая часть перекладины непропорционально больше (табл. 2, I. 1, 8, 9). Иногда перекладина горизонтальная (табл. 2, I. 7–8), но чаще имеет прогиб вниз внутри буквы (табл. 2, I. 1, 9, 10). На ряде меток правая перекладина заканчивается на основании бокового борта (рис. 1. 1, 15, 16; табл. 2, I. 1, 7, 9). На одной метке можно проследить деформацию и износ матрицы – от нижнего окончания буквы отходит небольшая линия в низком рельефе (рис. 1. 16; табл. 2, I. 1). Она могла сформироваться в результате вылушивания деревянной щепы во время производственного процесса.

К особенностям начертания буквы «Ε» (табл. 1. 1, 7–10, 17) «мастером» 1 можно отнести хорошо выраженную форму лунарной сигмы с перекладиной в центре. Размер этой перекладины вариативен. Она может быть длинной (табл. 3, I. 1, 9, 17) или короткой (табл. 3, I. 7, 8, 10). Ее направление также различно: она либо указывает вверх (табл. 3, I. 1, 9, 17), либо имеет горизонтальное положение (табл. 3, I. 7, 8, 10). В ряде случаев можно проследить, что нижнее окончание буквы выражено плохо – оно как будто не доведено до конца (табл. 3, I. 8, 10). Это и укороченную перекладину можно объяснить прилипшими к дереву остатками глины от предыдущего цикла производства, а не особенностью начертания букв.

Буква «Ο» (табл. 1. 7–10, 17) не имеет особых признаков кроме того, что она обыкновенно наклонена вправо. Единственным исключением можно назвать прослеженное в четырех случаях расположение под верхним бортом (табл. 4,

⁴⁷ Моисеев 2014, 282.

⁴⁸ Моисеев 2018, 166.

⁴⁹ Здесь и далее дано описание особенностей «почерка» в обратном отражении, т. е. после оттиска в матрице. В реальности «мастер» 1 был склонен наклонять буквы влево снизу-вверх.

l. 7b, 8b, 9b, 10a, 10b). Характерно, что в большинстве случаев это прослежено на пятой букве. В двух случаях из четырех расположение буквы «О» под верхним бортом сочетается с технологической деформацией матрицы: швом (табл. 4, l. 9b) или коротким низкопрофильным валиком под верхним бортом (табл. 4, l. 10b).

Буква «Δ» (табл. 1. 7–10, 17) встречается заметно реже. Вместе с этим она несет в себе несколько важных и характерных черт. Во-первых, «Δ» часто расположена под верхним бортом и примыкает к его основанию (табл. 5, l. 7–10, 17). В трех случаях литера не просто примыкает к верхнему борту, но и соседствует с коротким низкопрофильным валиком под ним (рис. 1. 1, 6, 7; 5, l. 7, 8, 10). В одном случае над буквой «Δ» прослежено смещение по вертикальной оси шва основания верхнего борта вверх (табл. 5, l. 9). По оси этого смещения на букве «Δ» есть деформация левой наклонной линии литеры. Ее можно объяснить тем, что эта литера попала на место шва составных продольных частей матрицы (см. археологический эксперимент по изготовлению керамид⁵⁰). Скорее всего, пред нами последствия ремонта матрицы, когда черепичникам не удалось точно восстановить разъединенные продольные доски. Можно также предположить, что по каким-то причинам по этому шву-стыку произошло выкалывание щепы, которое мы видим на метке. Таким образом, все остальные описанные примеры короткого низкопрофильного валика под верхним бортом необходимо также объяснить износом матрицы, а не ее некими конструктивными особенностями. Наклонные линии буквы «Δ» формируют равнобедренный треугольник со слабым заваливанием направо, что характерно для всех букв «мастера» 1. Нижняя переключина буквы выражена хорошо (табл. 5, l. 7–9). В двух случаях она отсутствует (табл. 5, l. 1, 17), а в одном выполнена низкопрофильной линией (табл. 5, l. 10). Засечки на нижней переключине буквы «Δ» для «мастера» 1 не характерны. В основном они выражены продлением наклонных линий литеры незначительно ниже переключины: как слева (табл. 5, l. 7), так и справа (табл. 5, l. 8).

Буква «Ρ» встречается редко (табл. 1. 9, 7–9). Из особенностей ее начертания можно назвать достаточно правильную форму полукруглой части в виде половины лаврового листа. Вертикальная черта длинная, значительно выходит за пределы полукруглой части. Хотя встречаются и исключения на керамиде из раскопок Фанагории, «Нижний город», 2018 г. (табл. 6, l. 8).

Для буквы «Α» (табл. 1. 1, 7–9) прослежено две вариации. Во-первых, хорошо прочерченные литеры с длинной правой наклонной линией, выходящей далеко за место пересечения с диагональной переключиной (табл. 7, l. 1, 9). Во-вторых, буква может иметь слабовыраженную левую гасту после пересечения с диагональной переключиной – в обоих встреченных на керамидах в низком рельефе (табл. 7, l. 7, 8).

Буква «Κ» (табл. 1. 1; 8, l) состоит из двух частей. Во-первых, вертикальной линии (завалена направо). Во-вторых, отдельно начертанного от нее угла, развернутого «острием» направо.

Буква «Η» (табл. 1. 1; 9, l) вертикальна и без видимого заваливания в сторону. Можно отметить то, что правая вертикальная линия литеры меньше левой как сверху, так и снизу (табл. 9, l. 1).

Комплексное отличие всех 6 керамид из матриц «мастера» 1 между собой позволяет предположить, что они были сформованы в разных матричных формах. Особенно хорошо на это указывает сопоставление особенностей букв «Θ», «Ε», «Δ» и, самое главное, сопутствующих им деформаций матриц. Вместе с тем для керамид «мастера» 1 характерны, во-первых, общая аккуратность

⁵⁰ Moisieiev 2022, 173–174, 189, fig. 8, 9.

резки букв в матрицах. Во-вторых, их закономерный наклон влево. В-третьих, перекадина в букве «Ө», которая значительно выходит за пределы ее овальной части и заканчивается на шве основания бокового борта. В-четвертых, почти все литеры «Δ» расположены под основанием верхнего борта и им сопутствует короткий валик в низком рельефе или иные технологические деформации матрицы (это говорит о значительной нагрузке на матрицы «мастера» 1). Стратиграфически керамида, выпущенные в матрицах «мастера» 1 относятся к слоям 9 в. и на сегодня открыты исключительно в Фанагории, что также требует отдельного внимания.

К матрицам «мастера» 2 можно отнести 8 керамид из раскопок Херсонеса (рис. 1. 11; табл. 1. 11), поселения на холме Тепсень (рис. 1. 3; табл. 1. 3), ранне-средневекового поселения в крепости Фуна (рис. 1. 4–6; табл. 1. 4–6) и Фанагории (рис. 1. 11, 14, 16, 18; табл. 1. 14, 16, 18). К характерным особенностям матриц «мастера» 2 относится небрежность начертания букв и незамыкание контура овала литеры «Ө». «Мастер» 2 имел склонность к наклону букв влево. Это хорошо видно на букве «Н» (табл. 1. 4–5, 18; 9, II. 4–5, 18). На букве «Ө» (табл. 1. 3–6, 11, 14, 16, 18) это также выражено, но назвать это хорошо сформированным и постоянным признаком для нее нельзя. Из 6 вариантов буквы левый наклон встречен всего один раз (табл. 2, II. 3), а правый – дважды (табл. 2, II. 3). Характерной особенностью буквы «Ө», выполненной «мастером» 2, является отсутствие горизонтальной перекадины (табл. 2, II. 6, 11, 14). Иногда она может быть отмечена перекадиной в низком рельефе (табл. 2, II. 3, 5) или двумя заческами (табл. 2, II. 4).

К особенностям начертания буквы «Є» можно отнести форму слабовыраженной дуги (табл. 1. 3, 4, 6, 14). Горизонтальная перекадина литеры короткая (табл. 3, II. 3, 11) или может отсутствовать (табл. 3, II. 4–6). Одна из меток имеет ошибку: буква «Є» в низком рельефе зеркально отражена (табл. 3, II. 5).

Особенностью буквы «О» (табл. 1. 3–6, 11, 18) «мастера» 2, как отмечено выше, является незамыкание контура овала литеры. Видимо, перед нами характерная черта выполнения букв резчиком, т.к. эта особенность встречается систематически почти на всех известных керамидах, выполненных в матрицах «мастера» 2. Овал буквы «О» может быть незамкнутым как сверху (табл. 4, II. 3а) или снизу (табл. 4, II. 4а–б, 5а, 6а–б), так и с обеих сторон (табл. 4, II. 5б–с, 18). Часто буква «О» «мастера» 2 расположена под верхним бортом и заходит на шов стыка поля керамида и верхнего борта (табл. 4, II. 4а–б, 5а–б, 6а–б, 16). На двух керамидах эта особенность связана с тем, что резчик неаккуратно выполнил линию литеры и сделал ее слишком длинной (табл. 4, II. 4а, 5а). В одном случае прослежено повреждение дерева матрицы уже после нанесения на нее рельефа буквы «О». Оно выглядит как две горизонтальные риски (табл. 4, II. 5б). Возможно, это могут быть трещины древесины в месте расположения сучка на доске матрицы. Эта же метка имеет следы износа матрицы на последней букве – от нижнего окончания литеры «О» отходит небольшая линия в низком рельефе (табл. 4, II. 5с), которую можно объяснить выщербленной щепой.

Буква «Δ» (табл. 1. 3–6, 11, 16) встречается редко. Как и остальным литерам, выполненным «мастером» 2, ей характерно незамыкание линий. Оно не столь распространенное, как на букве «О» (табл. 5, II. 4, 6). При этом расположение под самым основанием верхнего борта прослежено практически на всех известных метках (табл. 5, II. 4–6, 16). Наклонные линии буквы «Δ» формируют равнобедренный треугольник. Иногда наблюдается слабое заваливание

вправо (табл. 5, II. 6). В одном случае левая наклонная линия буквы частично выполнена в низком рельефе (табл. 5, II. 5) – характерное для «мастера» 2 проявление небрежности. Нижняя горизонтальная переключина известна только на половине найденных фрагментов. Там, где она есть, линия близка горизонтальному положению. Для буквы «Δ» «мастера» 2 характерны засечки на концах переключины (табл. 5, II. 4, 5, 11). В несколько усеченном и неправильном виде они присутствуют даже в том случае, если нижняя линия выполнена в низком рельефе (табл. 5, II. 5). Подтверждение общему низкому уровню квалификации «мастера» 2 можно проследить на фрагменте керамики из раскопок Нижнего города Фанагории в 2015 г. (табл. 5, II. 16). Здесь левая наклонная линия буквы «Δ» выполнена в два приема. Она разделена понижением рельефа и неким элементом в низком рельефе. Можно предположить, что это ошибка в резке матрицы, когда мастер начал делать букву «Δ» слишком широкой.

Буква «Р» (табл. 1. 3–6, 16), выполненная «мастером» 2, не имеет постоянной формы (табл. 6, II). Все пять вариантов ее начертания различны. Вероятно, это также указывает на общую неумелость «мастера» 2. С другой стороны, на трех метках можно проследить характерную «пику» над полукругом буквы (табл. 6, II. 4, 6, 16). На метке керамики из раскопок Фуны эта «пика» выполнена в низком рельефе и заходит за шов основания верхнего борта (табл. 6, II. 4, 6, 16). Очевидно, перед нами не особенность начертания буквы, а характерная «мастеру» 2 небрежность или неумелость. Это же подтверждает и то, что резчик не смог выполнить хорошего полукруга на букве этой метки, а вместо него сделал волнообразную линию, спускающуюся сверху, от верхнего края литеры, вниз. Остальные два варианта буквы «Р» имеют «пику» в рельефе, который не отличается от того, в котором выполнена вся остальная буква и метка. Однако, учитывая общие критерии отнесения изделий «мастеру» 2, их также можно отнести к неряшливости и ошибке резчика. На одной метке из раскопок Фуны следует остановиться отдельно (табл. 6, II. 5; 7, II. 5). Здесь литера «Р» исполнена в комплексе с буквой «А». Части литер, выполненные в высоком рельефе, не позволяют их прочесть: одна вертикальная черта принадлежит «Р», вторая в виде прерывающегося один раз валика – правой вертикальной черте «А», третья – вертикальная уплощенная дуга, развернутая направо. Последняя, очевидно, является «помаркой» или неудачной попыткой дорезать левую наклонную линию буквы «А». В низком рельефе выполнен полукруг литеры «Р», левая наклонная линия «А» и ее перемилька (расположена диагонально слева сверху направо вниз). Полукруглая часть «Р» незамкнута, что можно назвать характерным для «мастера» 2.

Буква «А» имеет довольно близкое начертание (табл. 1. 3–6, 16). В двух метках литеры близки между собой (табл. 7, II. 3, 16): они выполнены толстой линией, диагональная переключина заканчивается на конце правой наклонной линии. Остальные варианты буквы, в т. ч. и та, что сочетается с буквой «Р», имеют удлинение после пересечения правой наклонной линии и диагональной переключины: либо короткое (табл. 7, II. 5), либо достаточно длинное (табл. 7, II. 4, 6).

Буква «К» (табл. 1. 3–6, 16) состоит из двух частей. Во-первых, вертикальной линии. Во-вторых, отдельно начертанного от нее угла, развернутого «острием» направо. Часть в виде отдельной прямой линии чаще всего вертикальна с небольшим завалом вправо (табл. 8, II. 3–6). Один раз встречено заваливание этой части буквы влево (табл. 8, II. 16). Этой литере, как и всем, выполненным

«мастером» 2, характерно расположение под основанием верхнего борта (табл. 8, II. 5, 6, 16) и наличие частей, вырезанных в невысоком рельефе (табл. 8, II. 5). На одной из меток, рядом с литерой «К», виден короткий низкопрофильный валик под верхним бортом (рис. 1. 10; табл. 8, II. 5).

Буква «Н» (табл. 1. 3–5, 18, 18) в большинстве случаев значительно наклонена влево (табл. 9, II. 4, 5, 18), но есть и один пример ее вертикальной ориентации (табл. 9, II. 3). Однако это сочетается с тем, что горизонтальная переключина буквы вырезана в низком рельефе против среднего у вертикальных частей. Такая небрежность является типичной для «мастера» 2. Ее можно проследить еще на одной керамиде из раскопок Фуны (табл. 9, II. 5).

Комплексное отличие всех 8 керамид из матриц «мастера» 2 позволяет предположить, что они были сформованы в разных изделиях. Особенно хорошо на это указывает сопоставление особенностей букв «Ө» и «Р». Отдельно стоит упомянуть керамиду из раскопок Фуны, где отчетливо зафиксирована ошибка резчика: буква «А» частично перекрывает «Р», а «С» зеркально отражена. Вместе с тем керамидам «мастера» 2 характерны, во-первых, общая неряшливость, неумелость и ошибки резки букв в матрицах. Во-вторых, систематическое незамыкание контура овальных и округлых частей букв. Особенно хорошо это проявляется на примере букв «Ө» и «О». В-третьих, отсутствие или слабое обозначение переключины в букве «Ө». В-четвертых, характерное расположение большого количества букв непосредственно под верхним бортом и наложение их частей на шов его основания. Керамиды, выпущенные «мастером» 2, широко распространены в Крыму (Херсонес, Фуна, Тепсень), встречаются и в раскопках Фанагории. Стратиграфически такие керамиды относятся к слоям 9 в.

К одиночным меткам, которые не сформировали общих признаков «мастера» можно отнести 4 изделия, найденным во время раскопок Фанагории (рис. 1. 3, 4, 17–18; табл. 1. 2, 12, 13, 15).

Первая керамида с меткой «ӨӨОΔОРАКНО» была открыта в 1858 г. (рис. 1. 17; табл. 1. 2). Она сохранилась полностью. Ее буквы отличаются хорошей проработкой и формой. Буква «Ө» выполнена в виде овала, переключина расположена внизу верхней трети, за пределы овала не выходит (табл. 2, III. 2). Буква «С» имеет форму лунарной сигмы с длинной переключиной в центре (табл. 3, III. 2). Она близка аналогичным литерам «мастера» 1, но отличается от них более правильной формой. Буква «О» представлена тремя изображениями (табл. 4, III. 2а–с). Можно отметить, что для них характерно отсутствие ярко выраженного наклона влево и вправо. Их форма варьируется от правильного овала (табл. 4, III. 2а) до лавролистной (табл. 4, III. 2с). Буква «Δ» (табл. 5, III. 2) расположена непосредственно под верхним бортом и пересекает его шов основания. Необходимо отметить правильность и каллиграфичность начертания этой литеры: нижняя переключина – горизонтальна, наклонные линии расположены относительно нее под одинаковым углом, засечки ярко выражены вертикальными короткими линиями, сопоставимы друг другу. Буква «Р» (табл. 6, III. 2) имеет близкую квадрату округлую часть и длинную вертикальную линию. Буква «А» (табл. 7, III. 2) широкая, по размеру сопоставима с литерой «Δ». Переключина диагональная и заканчивается на основании левой наклонной линии, которая имеет короткое низкорельефное продолжение. В этом буква «А» рассматриваемой метки близка аналогичным литерам «мастера» 1. Буква «К» (табл. 8, III. 2) заметно отличается от всех остальных, рассмотренных в настоящей работе. Она, как и другие,

состоит из двух частей. Вертикальная линия типична. Но отдельно начертанное продолжение буквы выполнено в виде серповидного полукруга налево. Буква «Н» (табл. 9, III. 2) ничем не отличается от других (табл. 7, I–II) и в целом типична для метки «ΘΣΟΔΟΡΑΚΝΟ».

Вторая керамида с меткой «ΘΣΟΔΟΡΑΚΝΟ» была открыта в 2014 г. на участке исследований «Нижний город» (рис. 1. 3; табл. 1. 12). Она сохранилась частично – первые две буквы полностью, третья – в виде незначительного фрагмента. Ее литеры отличаются средней проработкой и формой, близки характерным признакам «мастера» 1. Буква «Θ» выполнена в виде овала, заваленного направо. Переключатель расположена внизу верхней трети, за пределы овала выходит незначительно. Правый конец переключателя заканчивается на шве бокового борта (табл. 2, III. 12). Буква «Є» имеет форму сплюсненной в горизонтальной плоскости лунарной сигмы с горизонтальной переключательной в центре (табл. 3, III. 12). Она занимает промежуточное положение между аналогичным литерам «мастера» 1 (табл. 3, I. 8, 10) и буквами на метке из Херсонеса «мастера» 2 (табл. 3, II. 11).

Третья керамида с меткой «ΘΣΟΔΟΡΑΚΝΟ» была открыта в 1986 г. (рис. 1. 18; табл. 1. 13). Она сохранилась частично – первые две буквы полностью, третья – более чем наполовину. Ее литеры отличаются средней проработкой и формой, близки характерным признакам «мастера» 1. Буква «Θ» выполнена в виде овала. Переключатель расположена внизу верхней трети, за пределы овала выходит незначительно слева, значительно – справа. Расположена не горизонтально – правый конец значительно выше левого (табл. 2, III. 13). Буква «Є» имеет форму слабовыраженной дуги (табл. 3, III. 13), чем близка изделиям «мастера» 2. Наличие переключательной в букве «Θ» и наличие замкнутых контуров в ней и литере «Ο» (табл. 4, III. 13) не дало возможности отнести метку к изделиям матриц «мастера» 2.

Четвертая керамида с меткой «ΘΣΟΔΟΡΑΚΝΟ» была открыта в 2015 г. на участке «Нижний город» в качестве случайной находки (рис. 1. 4; табл. 1. 15). Она сохранилась частично – только первая буква. Литера «Θ» (табл. 2, III. 15) отличается хорошей проработкой и формой. Выполнена в виде овала. Переключатель расположена ближе к середине буквы, за пределы овала выходит незначительно. Овал буквы незамкнут.

Как видно из обзора одиночных меток, не формирующих общих признаков, среди них есть и уникальные изделия, которые не находят аналогий среди характерных признаков изделий матриц «мастеров» 1 и 2. Обе происходят из раскопок Фанагории: первая была открыта в 19 в., вторая является случайной находкой полевого сезона 2015 г. Две другие метки имеют признаки матриц «мастеров» 1 и 2. С другой стороны, сохранность этих фрагментов керамики незначительна (всего по 3 буквы), что может наложить ошибки на верность выводов. Таким образом, уверенно можно сказать, что в материалах из раскопок Фанагории присутствуют изделия, изготовленные минимум двумя «мастерами». С накоплением материала можно предположить, что их число увеличится минимум до четырех.

Заключение

Публикация исследования отдельных меток, даже таких информативных, как «ΘΣΟΔΟΡΑΚΝΟ», не может решить историографической проблемы их интерпретации. Однако это дает возможность хоть как-то объективно описать

сами матрицы – артефакты, которые плохо сохраняются и шансы обнаружить которые крайне малы. Благодаря исследованию стало очевидно, что «одна метка» – это целая серия близких, почти идентичных матриц. До конца понять их место и особенности применения в производстве пока остается понять сложно. На основании анализа особенностей начертания метки «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΝΟ» и сопутствующих ей деформаций матрицы удалось доказать, что в производстве матриц на коротком хронологическом промежутке работало минимум два разных мастера. Они имели разный уровень умений и квалификации. Это говорит о том, что надпись «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΝΟ» не является именем мастера, который изготавливал черепицу. Также это указывает на то, что в производственном процессе одновременно участвовало большое количество одинаковых матриц. Характерной особенностью керамид, изготовленных в матрицах «мастера» 1, является локальное распространение в Фанагории. Это допускает возможность того, что они были изготовлены в качестве единого заказа (крупной партии?) для поставки в этот город для какой-то крупной строительной кампании. Очевидно, что строительная керамика была предметом торговли. Как показывают материалы из Фанагории, кровельную черепицу перемещали на значительные расстояния в краткие промежутки времени с использованием водного транспорта. Наиболее вероятным местом производства такой черепицы был Юго-Западный Крым. Возможно, гончарный центр Ильяз-Кая в Ласпинской бухте на дальней периферии Херсонеса.

Таблица 1. Метки «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ»

1. Керамида из раскопок Фанагории, 2008 г. ¹										
2. Керамида из раскопок Фанагории, 1859 г. ²										
3. Керамида из раскопок поселения на х. Тепсень, 1949–1951 гг. ³										
4. Керамида из раскопок раннесредневекового поселения в крепости Фуна, 1991 г. ⁴										
5. Керамида из раскопок раннесредневекового поселения в крепости Фуна, 1991 г. ⁵										
6. Керамида из раскопок раннесредневекового поселения в крепости Фуна, 1991 г. ⁶									-	-
7. Керамида из раскопок Фанагории, 2008 (ВГ 80-3)								-	-	-
8. Керамида из раскопок Фанагории, 2018 (НГ I-1)								-	-	-
9. Керамида из раскопок Фанагории, 2008 г. ⁷								-	-	-
10. Керамида из раскопок Фанагории, 2008 (ВГ квадрат 118 штык 4 I-1)						-	-	-	-	-
11. Керамида из раскопок Херсонеса ⁸						-	-	-	-	-
12. Керамида из раскопок Фанагории, 2014 (НГ Д6/17-I-1)				-	-	-	-	-	-	-

13. Керамида из раскопок Фанагории, 1986 г. ⁹				-	-	-	-	-	-	-
14. Керамида из раскопок Фанагории, 2015 (НГ И6/11-1/2)			-	-	-	-	-	-	-	-
15. Керамида из раскопок Фанагории, 2015 (НГ случайная находка 1/1-1)		-	-	-	-	-	-	-	-	-
16. Керамида из раскопок Фанагории, 2015 (НГ 34 штык 9-1/2)	-	-	-						-	-
17. Керамида из раскопок Фанагории, 2015 (НГ К5/11-1/2)	-				-	-	-	-	-	-
18. Керамида из раскопок Фанагории, 2015 (НГ И6/11)	-	-	-	-	-	-	-	-		

- ¹ Кузнецов, Голофаст 2010, 422, рис. 33. 9.
² Чхаидзе 2012, 519, рис. 129. 2.
³ Бабенчиков 1953, 110, 112–113, рис. 38. 3.
⁴ Кирилко 2015, 324, рис. 14. 1; Мыц, Кирилко 1992, рис. 38. 1.
⁵ Мыц, Кирилко 1992, рис. 37.
⁶ Кирилко 2015, 324, рис.14. 2; Мыц, Кирилко 1992, рис. 38. 2.
⁷ Кузнецов, Голофаст 2010, 422, рис. 33. 8.
⁸ Якобсон 1979, 68, 71, рис. 42. 37.
⁹ Чхаидзе 2012, 519, рис. 129. 1.

Таблица 2. Буква «Ө» в метке «ӨӨОДОРАКНО». (Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер 1»					
1	7	8	9	10	
II. «Мастер 2»					
3	4	5	6	11	14
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)					
2	12	13	15		

Таблица 3. Буква «Є» в метке «ΘСОΔΟΡΑΚΗΝΟ».
(Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер 1»					
					
1	7	8	9	10	17
II. «Мастер 2»					
					
3	4	5	6	11	14
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)					
					
2	12	13			

Таблица 4. Буква «Ο» в метке «ΘСОΔΟΡΑΚΗΝΟ».
(Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер» 1							
							
1a	1b	1c	7a	7b	8a	8b	9a
							
9b	10a	10b	17				
II. «Мастер 2»							
							
3a	3b	3c	4a	4b	4c	5a	5b
							
5c	6a	6b	11a	11b	16	18	
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)							
							
2a	2b	2c	12	13			

Таблица 5. Буква «Д» в метке «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΟ».
(Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер» 1					
					
1	7	8	9	10	17
II. «Мастер 2»					
					
3	4	5	6	11	16
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)					
					
2					

Таблица 6. Буква «P» в метке «ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΟ».
(Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер» 1				
				
1	7	8	9	
II. «Мастер 2»				
				
3	4	5	6	16
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)				
				
2				

Таблица 7. Буква «А» в метке «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΟ».
(Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер» 1				
				
1	7	8	9	
II. «Мастер 2»				
				
3	4	5	6	16
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)				
				
2				

Таблица 8. Буква «К» в метке «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΟ».
(Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер» 1				
				
1				
II. «Мастер 2»				
				
3	4	5	6	16
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)				
				
2				

Таблица 9. Буква «Н» в метке «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΟ».
(Номера литер соответствуют табл. 1).

I. «Мастер» 1			
			
1			
II. «Мастер 2»			
			
3	4	5	18
III. Другие мастера (одиночные метки, не формирующие общих признаков)			
			
2			

ЛИТЕРАТУРА

- Адаксина С. Б. 2002. Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг (Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1). Санкт-Петербург.
- Армарчук Е. А. 2010. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная головка в окрестностях Адлера // МАИАСК 10, 81–98.
- Бабенчиков В. П. 1953. Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949–1951 годов) // КСИИМК 49, 104–116.
- Гадло А. В. 1964. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Ленинград, 96–104.
- Гёрц К. К. 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. Москва.
- Завадская И. А. 2008. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ 14, 291–315.
- Завадская И. А. 2015. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // МАИЭТ 20, 213–232.
- Завадская И. А. 2017а. О торговых связях города на плато Эски-Кермен с Херсонесом (по материалам строительной керамики) // МАИЭТ 9, 145–164.
- Завадская И. А. 2017б. Черепицы Ia группы на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // МАИЭТ 22, 160–186.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. 2010. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК 1, 393–429.
- Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. 2014. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. Москва.
- Кирилко В. П. 2015. «Новые» археологические памятники средневековой Фуны // Археологический альманах 33. Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. Київ, 318–365.
- Латышев В. В. 1905. Эпиграфические новости из Южной России // ИИМК 14, 95–137.
- Моисеев Д. А. 2011. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности 10, 172–190.
- Моисеев Д. А. 2014. Керамиды «хазарского» и «фемного» времени из раскопок Илькинского производственного центра // Степи Европы в эпоху средневековья 12, 278–318.
- Моисеев Д. А. 2018. Строительная керамика из раскопок «пещерного города» Эски-Кермен в 1936–1937 гг. Каталог предметов из фондов Бахчисарайского музея-заповедника // АДЮ 4 (29), 165–225.
- Мыц В. Л., Кирилко В. П. 1992. Отчет об археологическом исследовании укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г. // НА КИА РАН. Инв. кн. 6. Инв. № 1354. Папка № 1718.
- Паршина Е. А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. Киев, 56–94.
- Паршина Е. А. 1991. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 64–100.
- Придик Е. М. 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Петроград.
- Романчук А. И. 2004. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург.
- Сидоренко В. А. 1985. Метки – аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона // АДСВ 22, 93–101.
- Симонова Т. И. 1980. Метки на черепице кровли дома XIII–XIV вв. // АДСВ 17, 104–120.
- Тесленко И. Б., Мусин А. Е. (ред.). 2015. Древности Семидворья I. Средневековый двух-апсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым). Исследования и материалы (Археологический альманах 32). Киев.
- Тункина И. В. 2010. История изучения // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Антикное наследие Кубани I. Москва, 23–128.

- Яйленко В. П. 2010. Христианские и парохристианские надписи Боспора IV–VI вв. // ДБ 14, 610–711.
- Якобсон А. Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) (МИА 17). Москва–Ленинград.
- Якобсон А. Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Москва.
- Klenina E. Ju., Moisieiev D. A., Biernacki A. B. 2018. The Building Ceramics of the Byzantine Chersonesus Taurica: Form and Chronology // *Novae. Studies and Materials: Sacrum et Profanum. Haec studia amici et college Andrei B. Biernacki septuagenario dicant* 6, 147–188.
- Moisieiev D. A. 2021. Medieval Flanged Tiles from the South-Western Crimea: Problems of Production, Localization, Typology and Chronology // АДІУ 3, 57–88.
- Moisieiev D. 2022. Archaeological Experiment of the Reconstruction of Tile (Tegula) Production Technology of the South-Western Crimea on the Edge of the 700's–800's // *Novae. Studies and Materials: Actum Atque Tractum* 8, 169–195.

Н. А. Павличенко

ПИСЬМО КСАНФИЯ ИЗ ФАНАГОРИИ¹

Аннотация. В статье публикуется свинцовое письмо-опистограф, найденное в 2015 г. во время разведки в море у береговой части городища Фанагории. Пластина была найдена развёрнутой, но с загнутыми краями и нижней частью. Из-за пребывания в морской воде она оказалась сильно повреждена, примерно треть пластины была утрачена. В процессе реставрации обнаружилось надписи как на обеих сторонах пластины, так и на ее фрагменте: на одной стороне пластины после разворачивания обнаружилась 8-строчная надпись, на другой – две двухстрочные надписи, расположенные «вверх ногами» по отношению к друг другу. Одна из них является продолжением текста на первой стороне, вторая – адресом письма.

По совокупности палеографических особенностей, письмо может датироваться второй половиной 5 – самым началом 4 в. до н. э.

Письмо начинается с формулы [Ξ]αν[θή]ς Δήμωνι [χ]αίρειν, что позволяет поставить вопрос о времени появления этой формулы в переписке. За немногими исключениями прескрипт δεῖνα τῷ δεῖνι χαιρεῖν до сих пор был известен только начиная с первой половины 4 в. до н. э.

Первое предложение письма начинается с формы 3-го лица μέμφεται, в качестве подлежащего для которого должно рассматриваться либо какое-то неназванное третье лицо, либо отправитель письма, то есть Ксанфий. В качестве аналогии подобной конструкции может служить березанское письмо Ахиллодора Протагору, в котором после прескрипта ὁ πατήρ σοι ἐπιστέλλει следующий глагол также стоит в 3-м лице – ἄδικεῖται ὑπὸ Ματάσσοϋς. Далее следует зависящее от μέμφεται местоимение σοι и κατ' αὐτὸν ἄδικον, то есть – «он (Ксанфий?) упрекает тебя по поводу этой (той самой) несправедливости (беззаконности?)». Учитывая, что письма на свинцовых пластинках и остраконах обычно являются реакцией на какую-то кризисную ситуацию, несправедливость в данном случае относилась вероятнее всего не к морально-нравственной сфере, но была вполне вещественной.

В стк. 4–6 читаются только отдельные слова: причастие от глагола φημί – φάμενο[ς], хорошо укладывающееся в схему письма, посвященного рассказу о ссоре или конфликте, где оно может вводить прямую речь. ΕΡΓΑΣΙΑΜΠΑ, по-видимому, является аккузативом единственного числа ἐργασίαμ с ассимиляцией носового перед губным, засвидетельствованной как в боспорских надписях, так и во многих других областях Греции и первым слогом следующего слова – ΠΑ. Какое именно значение имеет здесь ἐργασία – более общее «деятельность, ремесло», или более конкретное, связанное с производственной деятельностью, остается неясным. Кроме литеры, находящейся между ρο и первой сигмой, все остальные буквы во второй половине стк. 6 читаются надежно. Она выглядит как необычно узкая эта с выходящей за вертикали горизонтальной гаской, но вероятнее, что это еще одно последствие спешки и/или волнения Ксанфия, проявившихся в большей размашистости литер в конце письма. Учитывая наличие горизонтальной черточки внизу, эта буква может являться *эпсилоном*, что дает чтение παρέσχες.

Заключительная фраза τί ἐν νῶι ἔχε[ς] («что ты намереваешься (делать)?») подтверждает, что речь в письме идет о какой-то сложной, возможно конфликтной ситуации, которую должен был разрешить адресат Ксанфия.

Имя автора письма Ξανθήης, надежно восстанавливаемое благодаря полностью сохранившемуся адресу письма, в ионийской форме встречено в Причерноморье, по-видимому, в первый раз. Имя адресата было написано Ксанфием в двух вариантах – ионийская форма Δήμων в начале письма и дорийская Δάμων в адресе. Δήμων ни в Причерноморье в целом, ни на Боспоре до сих пор не встречалось, Δάμων представлено только на Боспоре, во 2-й половине 4 – 2 в. до н. э. Колебания Δημο-/Δαμο- и Μητρ-/Ματρ- в личных именах известны в боспорских надписях начиная с эпохи эллинизма и обычно объясняются принадлежностью дорийских форм имен выходцам из дорийских полисов и их потомкам.

¹ Исследование подготовлено в рамках выполнения темы ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Два варианта написания имени Δήμων и Δάμων в одном документе можно объяснить неосознанным искажением дорийской формы Δάμων автором письма Ксанфием, который, судя по наличию таких форм как Ξανθίης, [χ]αίρεν, ἔχεε был носителем ионийского диалекта. Пластинка была найдена в развернутом виде, поэтому, если считать, что письмо было прочитано адресатом, Демон/Дамон в момент его получения находился, скорее всего, именно в Фанагории. Диалектные особенности этого письма не противоречат тому, что по крайней мере что по крайней мере Ксанфий, а возможно и оба упомянутых в нем человека, были гражданами или жителям именно этого полиса.

Таким образом, фанагорийское письмо 2015 г. относится к частной переписке, и сохранившиеся остатки текста можно понимать следующим образом: «Ксанфий приветствует Демона. Он (Ксанфий?) упрекает тебя по поводу этой (известной тебе) несправедливости (беззаконности?) ... утверждая: изготовление ... предоставил ... что ты намереваешься (делать)?», адрес: «Ксанфий Дамону».

Ключевые слова. Фанагория, Боспор, греческая эпиграфика, свинцовое письмо, дорийский диалект.

N.A. Pavlichenko
XANTIAS' LETTER FROM PHANAGORIA

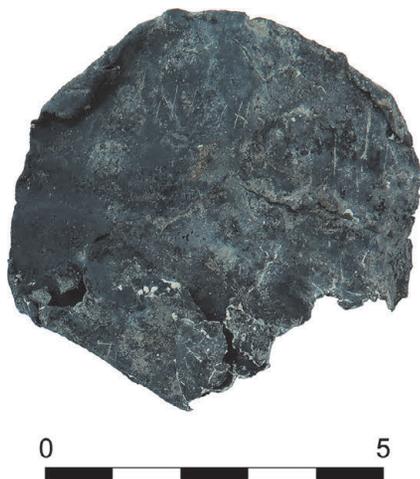
Abstract: This article discusses a lead opisthograph letter found in 2015 during a sea survey near the coastal part of Phanagoria. The plate was found unfolded, but with curved edges and a lower part. Due to it being in sea water, the letter was badly damaged and about a third of the plate was lost. During the restoration process, inscriptions were discovered both on both sides of the plate and on its fragment: an eight-line inscription was found on its one side, and on the other – two two-line inscriptions located “back-to-back”. One of them is a continuation of the text on the first side, the second is the address of the letter.

According to its paleographic features, the letter can be dated from the second half of the fifth century to the very beginning of the fourth century BC.

The letter begins with the formula [Ξ]αν[θί]ης Δήμωνι [χ]αίρεν, raising a question of when this formulation first appeared in written correspondence. With few exceptions, the prescript δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν has only been known until now starting from the first half of the fourth century BC.

The first sentence of the letter begins with the 3rd person form μέμφεται, the subject of which must be considered either some unnamed third person or the letter's author, Xantias. The Berezan letter of Achillodorus to Protagoras has a similar construction, in which, after the prescript, ὁ πατήρ σοι ἐπιστέλλει, the next verb is also in the 3rd person: ἀδικεῖται ὑπὸ Ματάσου. Following this is the μέμφεται-dependent pronoun σοι and κατ' αὐτὸν ἄδικον, meaning “he (Xantias?) reproaches you about this (that very) injustice (lawlessness?)”. Bearing in mind that the letters on lead plates and ostraca usually were a reaction to a crisis, injustice, in this case, might not belong to the moral sphere, but, much rather, was quite material.

In lines 4–6, only a few words are readable. Among them, the participle from the verb φημί – φάμενο[ς], which fits well into the letter regarding a story about a quarrel or a conflict, introducing a direct speech module. ΕΡΓΑΣΙΑΜΠΙΑ is, most likely, an accusative singular of ἐργασίαμ with the assimilation of the nasal before the labial, attested both in the Bosphoros inscriptions and in many other areas of Greece, the first syllable of the next word is ΠΙΑ. What exactly is the meaning of ἐργασία here – a more general “activity, craft”, or a more specific one, concerning some sort of industrial activity, remains unclear. In addition to the letter between rho and the first sigma, all other letters in the second half of line 6 are only partially readable. It looks like an unusually narrow eta with a hasta extending beyond the vertical, but it is more likely that this is another consequence of the haste or excitement of Xantias, manifested in the spatial spread of letters at the end of the message. Given the presence of a horizontal dash at the bottom of the letter, it may also be an epsilon, which then gives the reading παρέσχες.

Рис. 1. Найденная в 2015 г. свинцовая пластинка (А), вид до развертывания и реставрации

The final sentence, $\tau\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\nu\ \nu\acute{\omega}\iota\ \acute{\epsilon}\chi\bar{\epsilon}\zeta$ (“what do you intend (to do)?”), confirms that the whole message is about some kind of complex, possibly conflict situation that Xantias’ addressee had to resolve.

The name of the author of the letter is $\Xi\alpha\nu\theta\acute{\iota}\eta\varsigma$, it was restored thanks to the completely preserved address of the letter, encountered in the Ionian form for the first time in the Black Sea region. The name of the addressee was written by Xantias in two versions – the Ionian form $\Delta\acute{\eta}\mu\omega\nu$ at the beginning of the letter and the Dorian $\Delta\acute{\alpha}\mu\omega\nu$ in the address. $\Delta\acute{\eta}\mu\omega\nu$ has not yet been found either in the Black Sea region or in the Bosphoros, $\Delta\acute{\alpha}\mu\omega\nu$ is represented only in the Bosphoros, from the second half of the fourth to the second centuries BC. Fluctuations $\Delta\eta\mu\omega$ -/ $\Delta\alpha\mu\omega$ - and $\text{Μητρ-}/\text{Ματρ-}$ in personal names are known in Bosphoran inscriptions since the Hellenistic period and are usually explained by the affiliation of the Dorian forms of names to people from the Dorian poleis and their descendants.

Two different spellings of the same name, $\Delta\acute{\eta}\mu\omega\nu$ and $\Delta\acute{\alpha}\mu\omega\nu$, in one document can be explained by an unconscious distortion of the Dorian form $\Delta\acute{\alpha}\mu\omega\nu$ by the letter’s author, Xantias, who, judging by the presence of such forms as $\Xi\alpha\nu\theta\acute{\iota}\eta\varsigma$, $[\chi]\acute{\alpha}\iota\rho\bar{\epsilon}\nu$, $\acute{\epsilon}\chi\bar{\epsilon}\zeta$, was a native Ionian dialect speaker. The plate was found unfolded, therefore, if we assume that the letter was read by the addressee, the Demon (or Damon) has received it while in Phanagoria. The dialectical features of this letter do not contradict the fact that at least Xantias, and possibly both of the people mentioned in it, were citizens or residents of Phanagoria.

Thus, the Phanagorian letter found in 2015 is a piece of private correspondence, and the surviving remnants of the text can be read the following way: “Xantias welcomes the Demon. He (Xantias?) reproaches you about this (known to you) injustice (lawlessness?) ... asserting: manufacturing ... provided ... what do you intend (to do)?”, Address: “Xantias to Damon”.

Key-words. Phanagoria, Bosphoros, Greek epigraphy, lead letter, Doric dialect.

В апреле 2015 г. в затопленной части городища Фанагории была найдена развернутая свинцовая пластина с загнутыми краями и нижней частью (рис. 1).² В процессе разворачивания и реставрации обнаружилось надписи как на обеих сторонах пластины (А) (рис. 2), так и на небольшом ее фрагменте (В) (рис. 3), который, к сожалению, не стыкуется с основной пластиной.³ Из-за пребывания в морской воде она оказалась сильно повреждена коррозией, покрыта заломами и трещинами, примерно треть пластины утрачена. Вследствие этого надписи сохранились фрагментарно. Размеры пластины (А): высота max. – 7,0 см, высота min. – 3,2 см, ширина max. – 6,7 см, ширина min. – 2,1 см; размеры фрагмента (В): высота max. – 1,8 см, высота min. – 1,4 см, ширина max. – 2,2 см, ширина min. – 1,7 см.

На одной стороне пластины (А) после разворачивания обнаружилась 8-строчная надпись, на другой – две двухстрочные надписи, расположенные «вверх ногами» по отношению к друг другу. Одна из них является продолжением текста на первой стороне, вторая – адресом письма. Когда письмо было написано, автор свернул пластинку, а затем, перевернув ее таким образом, чтобы ее край оказался сверху, прочертил на нем имена автора письма и его адресата. Высота букв на лицевой стороне – 0,2–0,6 см, на оборотной стороне – 0,4–0,5 см; высота букв в адресе письма – 0,2–0,4 см.

На одной из сторон фрагмента (В) сохранилось 2 строки с двумя буквами в каждой, на второй – только следы надписи. Высота букв – 0,2–0,3 см.

Буквы в строках расположены неровно, на разном расстоянии друг от друга. Некоторые из букв представлены несколькими вариантами написания. В надписи на внутренней стороне пластины (А) в стк. 1–3 буквы вырезаны почти горизонтально, а начиная со стк. 4 первые буквы выше, чем ее последние.

² Автор выражает искреннюю признательность руководителю Фанагорийской экспедиции ИА РАН В.Д. Кузнецову за возможность опубликовать этот памятник.

³ Вывод о том, что этот фрагмент являлся частью той же пластины, был сделан на основании лабораторных исследований, которые показали идентичность металла пластины и фрагмента по толщине и по сохранности.

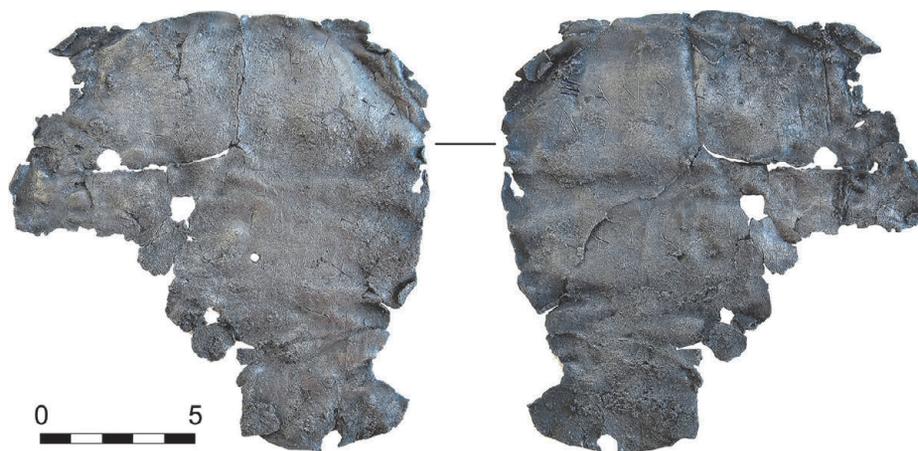

Рис. 2. Пластина А. Лицевая и оборотная сторона

Альфа представлена по крайней мере четырьмя вариантами написания: широкие буквы с горизонтальной или несколько скошенной вправо центральной переключиной и два варианта более узких букв со скошенной вправо центральной переключиной. *Дельта* – или в габаритах строки, или меньших размеров по сравнению с остальными буквами, в виде небольшого треугольника, левый нижний угол приподнят; линии, образующие правый нижний угол, перекрещены. *Эпсилон* – с немного скошенными книзу горизонтальными гастами. *Эта* в стк. 6 – узкая, в остальных случаях стандартной формы. *Тета* – в форме полуовала с точкой в центре. *Каппа* – с короткими широко расставленными боковыми гастами. *Мю* – с наклоненными к центру и широко расставленными боковыми гастами, центральные косые линии пересекаются почти у нижнего края буквы. *Ню* широкая, нескольких вариантов написания – нижняя часть правой гасты находится или на одном уровне с левой, или приподнята, наклонная же гаста или оканчивается примерно посередине правой горизонтальной гасты или доходит до ее низа. *Кси* – в виде трех горизонтальных черточек одинаковой длины. *Омикрон* имеет форму четырехугольника или ромба. *Ро* – на длинной вертикальной ножке с подтреугольным сегментом. *Сигма* – трехчастная и представлена в двух вариантах: с разведенными вверх и вниз равновеликими боковыми гастами или с короткими боковыми гастами и плавно изогнутой центральной частью. *Хи* состоит из слегка наклоненной вправо вертикальной гасты, пересеченной скошенной линией. *Фи* имеет неровный вытянутый по горизонтали овал. *Ипсилон* – в форме латинской буквы V, боковые гасты немного изогнуты наружу. *Омега* – двух вариантов с изогнутыми «ножками» большего или меньшего размера.

За несколько последних десятилетий на территории Боспорского царства было найдено 14 писем на свинцовых пластинах или остраконах, датирующихся временем со второй половины 6 в. (фанагорийское письмо с упоминанием мальчика-раба Фауллы⁴) до последней четверти 4 в. до н. э. (горгиппийский остракон⁵). Пять из них происходят с Таманского полуострова: письмо о рабе Фаулле (Фанагория, вторая половина 6 в. до н. э.), письмо Писта Арестониму (округа Патрея, начало 5 в. до н. э.)⁶, Кледика Аристократу (Гермонасса, вторая половина 5 в. до н. э.)⁷, Полемарха Гегесагору (Фанагория, ок. 400 г. до н. э.)⁸, некой женщины Аполле (пос. Вышестеблиевская-3 (хора Фанагории)⁹, вторая половина 4 в. до н. э.), что дает возможность искать ближайшие аналогии фанагорийской находке 2015 г.

Тета в форме полуовала с точкой в центре находит полную аналогию в письме Полемарха Гегесагору. Вообще же *тета* с точкой, иногда не вполне

⁴ Vinogradov 1998, 160–163 No.3; Dana 2021, 209–211 no. 49.

⁵ Виноградов 1997, 543–556; Dana 2021, 226–228 no. 54.

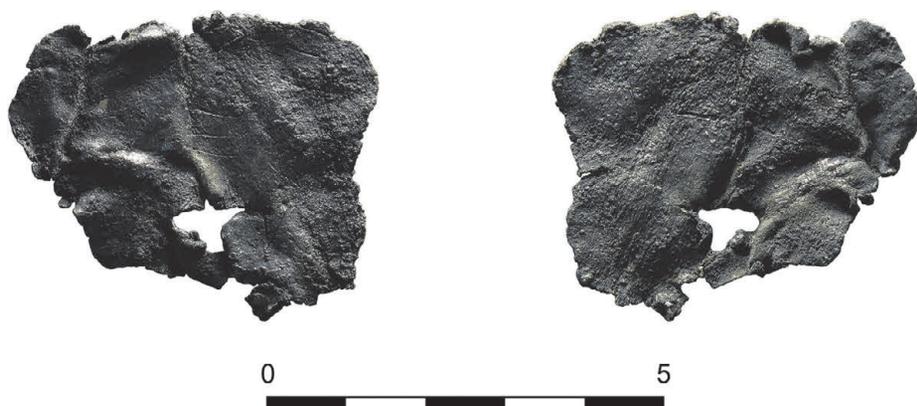
⁶ Завойкина, Павличенко 2016, 230–249; Dana 2021, 202–208 no. 48.

⁷ Павличенко, Кашаев 2012, 288–298; Dana 2021, 217–225 no. 53.

⁸ Zavoykina 2019, 419–429; Dana 2021, 211–213 no. 50.

⁹ Kashaev, Pavlichenko 2015, 61–79; Dana 2021, 213–216 no. 51.

Рис. 3. Фрагмент В. Лицевая и оборотная сторона

округлой формы, присутствует во всех происходящих с территории европейского и азиатского Боспора письмах со второй половины 6 в. до н. э. по конец 4 в. до н. э. Написание *дельты*, *мю*, *ню* и *ро* наиболее близки этим буквам в письмах Писта и Кледика, такая же *кси* представлена в письме Кледика Аристократу. *Ипсилон* – в форме латинской буквы *V* встречается в письме о Фаулле, близкие ее формы – в письмах Писта и Кледика. Если в письме о Фаулле ножка у *фи* практически отсутствует, а в письме Кледика она уже гораздо более выражена, то в рассматриваемом письме можно видеть дальнейшее развитие ее формы, когда округлая часть литеры находится посредине вертикальной гасты. Написание *омеги* аналогично этой букве в письме Кледика – там также иногда омега имеет обе изогнутые «ножки», а иногда левая прямая, а правая изогнутая. В дальнейшем, например, в письме Полемарха и в письме Аполле обе «ножки» уже прямые, и омега становится меньше остальных букв.¹⁰

Следует отметить, что манера письма Ксанфия отличается небрежностью, некоторые буквы были прочерчены со второго раза (например, *омикрон* в начале стк. 5 на лицевой стороне и *омега* в стк. 2 надписи на оборотной стороне), так что некоторые палеографические особенности могут объясняться в том числе и спешкой. В целом, сочетание классических и эллинистических форм и общий характер шрифта не противоречат тому, чтобы отнести это письмо ко второй половине 5 – самому началу 4 в. до н. э.

Текст письма:

Пластина (А) (рис. 4)

recto [Ξ]αν[θή]ς Δήμωνι
 [χ]αίρε̄ν. μέμφεται
 σοι κατ' αὐτὸν ἄδικον
 Π[.]Ν[.....] φάμε-
 5 νος. ἐργασίαμ πα-
 [--]ν vacat (?) παρέσχες
 [--]ΤΩΝ
 [--]ΜΕ

verso [--]ΕΚΑ[--]
 10 τί ἐν νῶι ἐχῆς.

Адрес:

Ξανθήης Δάμωνι.

¹⁰ На горгиппийском остраконе (Dana 2021, 226–228 no. 54) и в мирмекийском письме Орея Пифоклу последней четверти 4 в. до н. э. (Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 931–948; Dana 2021, 195–200 no. 46) омега также имеет прямые «ножки», но находится в габаритах строки или чуть меньшего размера и сочетается с ломаной сигмой. В письме Гермей из Пантикапея второй половины 4 в. до н. э. (Сапрыкин, Куликов 1999, 201–206; Dana 2021, 193–195 no. 45) такая омега сочетается с лунарной сигмой.

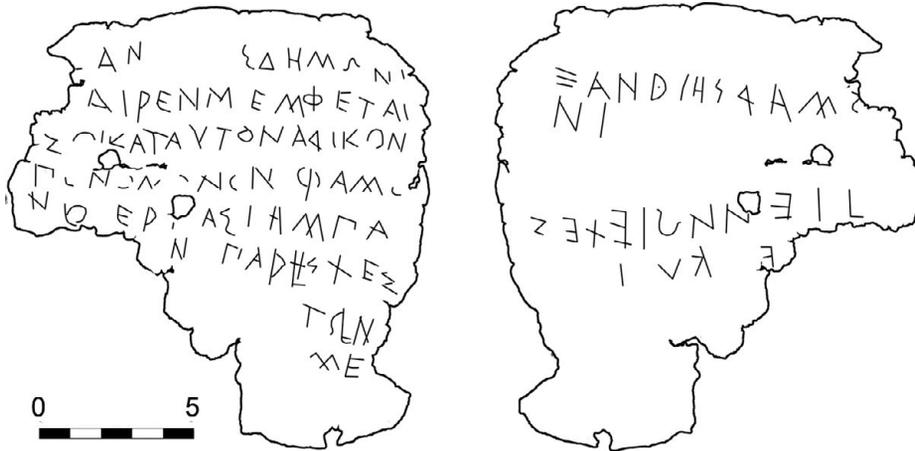

Рис. 4. Пластина А. Лицевая и оборотная сторона. Прорисовка

Фрагмент (В) (рис. 5)

recto vacat ΣΕ[-]
 vacat ΕΣ[-]
 verso [-]

Пластина (А)

Стк. 1–2. Левый верхний угол пластины и начало стк. 1 утрачены, от первой буквы сохранилась только часть горизонтальной гасты в нижней части строки. Сохранившиеся буквы (*альфа*, *ню* и далее *сигма*) со следующими за ними дативом Δήμωνι (конечная йота находится на самом краю пластинки) и инфинитивом [χ]αίρε̄ν в начале стк. 2 позволяют восстановить здесь приветственную формулу – δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν – [Ξ]αν[θή]ς Δήμωνι [χ]αίρε̄ν – *Ксанфий приветствует Демона*. Имя автора письма восстанавливается благодаря полностью сохранившемуся адресу Ξανθήης Δάμωνι на оборотной стороне пластины.

По мнению Мадалины Дана, «классическая» формула прескрипта δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν начинает распространяться в первой половине 4 в. до н. э.¹¹ Единственный приводимый ею пример использования этой формулы в более раннее время – это фрагмент письма из Тире второй половины 5 в. до н. э., в котором χαίρε̄ν восстанавливается по двум последним буквам.¹²

Таким образом, применительно к публикуемому памятнику, следует или предположить возможность более раннего использования этой формулы в Причерноморье, или повысить датировку тех вариантов написания букв, которые мы традиционно относим к 5 в. до н. э. Впрочем, несмотря на то, что мы можем отметить наиболее характерные варианты эпистолярных формул для того или другого времени, формуляр прескрипта не был жестким, так что первый вариант не представляется невозможным.¹³

Не помогают уточнить датировку письма и ионийские формы [χ]αίρε̄ν (стр. А 2) и ε̄χε̄ς (стр. Б 2), в которых дифтонг ει отображается как *эпсилон*, так как они находят аналогии как в боспорских памятниках 5 в. до н. э., например, в письмах Писта и Кледика, так и в более поздних – например, в мирмекийском письме Орея Пифоклу последней четверти 4 в. до н. э.¹⁴

Стк. 2. После [χ]αίρε̄ν начинается первая фраза письма. В μέμφεται следует отметить *фи*, расположенное без межбуквенного промежутка, практически впритык ко второй *мю*, и *йоту* почти вдвое меньше (0. 2 см) *йоты* в [χ]αίρε̄ν

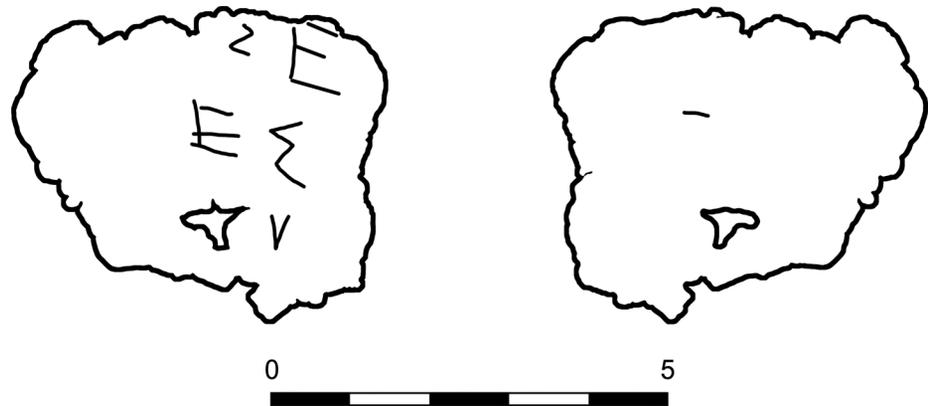
¹¹ Dana 2021, 345–346.

¹² Имена автора письма и его адресата, по мнению М. Дана, находились в утраченной части письма (Dana 21, 345–346, no. 19).

¹³ Например, характерное для второй половины 6–5 в. до н. э. ἐπιστέλλει сочетается с χαίρε̄ν καὶ ὑγιαίνε̄ν в прескрипте аттического письма Мнесиерга конца 5 – начала 4 в. до н. э. (Μνησιέρως ἐπέστελε τοῖς οἴκοι χαίρε̄ν καὶ ὑγιαίνε̄ν – Dana 2021, 33 no. 6) и используется в найденных в Афинах письмах Лесиса (Λῆσις[ις] ἐπιστέλλει Ξενοκλεῖ καὶ τῇ μητρὶ – Jordan 2000, 95; Dana 2021, 41 no. 7) и Пасиона, сына Дикеарха ([τῷ δεῖνι (χαίρε̄ν καὶ ὑγιαίνε̄ν?) Π]ασίων <Δ>ικαίαρχο ἐπιστέλλω – Dana 2021, 48 no. 8) начала – первой четверти 4 в. до н. э.

¹⁴ Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 936; Dana 2021, 196–197, no. 46.

Рис. 5. Фрагмент В. Лицевая и оборотная сторона. Прорисовка

в начале **стк. 2** (0. 35 см). В качестве подлежащего при μέμφεται может рассматриваться либо какое-то неназванное третье лицо, либо отправитель письма, то есть Ксанфий.

В подавляющем большинстве частных писем после той или иной формулы прескрипта повествование ведется как правило либо с использованием императивов или инфинитивных конструкций, либо от первого лица, либо же рассказывается о неких событиях, естественно, с указанием действующих лиц. Помимо случаев, когда глагол ἐπιστέλλω в форме 3-его лица входит в состав прескрипта, а затем повествование продолжается от 1-го лица¹⁵, есть также примеры, когда ἐπιστέλλει или κελεύει повторяются в начале каждого раздела письма.¹⁶

Примечательно, что в письме Протагора после прескрипта ὁ πατήρ σοι ἐπιστέλλει следующий глагол также стоит в 3-ем лице – ἀδικεῖται ὑπὸ Μάταστος – (его, то есть отца) обижает Матасий (букв. он обижаем Матасием).¹⁷ Возможно, и в нашем письме можно предположить, например, такую конструкцию:

[Ξ]αν[θί]ης Δήμωνι [χ]αίρειν. Μέμφεται κτλ. – Ксанфий приветствует Демона. Он (Ксанфий?) упрекает и т.д.

В **стк. 3** читается σοι κατ' αὐτὸν ἄδικον, если не считать первой йоты, от которой осталась только верхняя часть, все буквы сохранились полностью. Σοι – это зависящий от μέμφεται dativus personae. Далее идет предлог κατά, имеющий значение «в отношении, в том, что касается...» с аккузативом от αὐτός.¹⁸ Учитывая следующее за ним ἄδικον, оно вряд ли может использоваться, например, в качестве личного местоимения 3-го лица. Вероятнее, что αὐτός здесь может быть иметь значение «как раз, именно этот» или быть равнозначно ὁ αὐτός – «тот же самый, известный, ранее упомянутый».¹⁹ В начале **стк. 4**

¹⁵ Например, в письмах Лесиса (Jordan 2000, 95; Dana 2021, 41) и Кледика (Павличенко, Кашаев 2012, 288–298; Сапрыкин, Белоусов 2012, 348–359; Dana 2021, 204).

¹⁶ См. письмо Ахиллодора Протагору 550–500 г. до н. э. – Ἦ Πρωταγόρη, ὁ πατήρ τοι ἐπιστέλλει ... Ἔτερα δέ τοι ἐπιστέλλει – О Протагор, отец пишет тебе ... во-вторых, он тебе сообщает ... (Березань, 550–500 г. до н. э., Виноградов 1971, 75–76, 98; Dana 2021, 117); письмо Эварха Эхиону – Ἐχίονι Ἀρτυμοκλέος Εὐάρχος. Σὲ κελεύει [πρὸς ?] το Διὸ Πατρώϊο ... [-ἐκέλε?]νέ σε ὅτι ... – Эварх Эхиону, сыну Артимокла. Он приказывает, чтобы ты, во имя Зевса Отческого ... приказывал (?), чтобы ты... (Фасос, ок. 500 г. до н. э., Tիրp 2015–2016, 51; Dana 2021, 79); ср. также фрагментированное письмо-опистограф из западного Средиземноморья (Русцино, 400–350 г. до н. э., Dana 2021, 280–281).

¹⁷ Э. Эдиноу и Кл. Тэйлор полагали, что использование 3-го лица для обозначения действующего лица может объясняться в том числе тем, что письмо написано писцом (Eidinow, Taylor 2010, 34).

¹⁸ Ср. Κροῖσος δὲ μεμφθεὶς κατὰ τὸ πλῆθος τὸ ἑαυτοῦ στράτευμα – Крез же, считая недостаточным (буквально, порицая), размеры своего войска ... (Hdt. I. 77).

¹⁹ Отсутствие артикля находит аналогии в поэтическом языке, а также у Геродота. См., например, ἐλευσόμεθ' αὐτὰ κέλευθα – мы пойдем тем же путем (Hom. II. XII. 225); εἴ τι μέλλει ἢ σφίσι τοῖσι θύουσι ἢ Αἰγύπτῳ

τῇ συναπάσῃ κακὸν γενέσθαι ἐς κεφαλὴν ταύτην τραπέσθαι – если приносящим жертву или всему Египту грозит какая-то беда, то пусть она обратится на эту голлову (в рассказе о принесении в жертву быка – Hdt. 2. 39); ср. также [κ]εφαλὰ ἐκατωρύγων τῶμ [πεπραμένων κατ'] αὐτὰν τὰν πρᾶσιν – сумма гектарюгов (то есть общая площадь), [приобретённая] в эту сделку (Херсонес, конец 3 – начало 2 в. до н. э., IOSPE I² 403. B₁₅; Kühner, Gerth 1898, 653 § 468. 2 d, 630 § 465. 4 f; Mayser 1933, 76–77 § 67. 3).

надежно восстанавливается только несколько букв, поэтому трудно определить, заканчивается ли предложение на ἄδικον, и является ли оно определением или субстантивированным прилагательным. Начало фразы можно перевести следующим образом: *Он (Ксанфий?) упрекает тебя по поводу этой (той самой) несправедливости (беззаконности?) ...* Ἄδικος может относиться как людям, так и к их действиям. В березанском письме к Протагору Ахиллдор жалуется, что он ἀδικεῖται ὑπὸ Ματάσυος. Поводы для этого были абсолютно осязаемы, он говорит про Матасия – δῶλῶται γάρ μιν καὶ τῷ φορτηγεσίῳ ἀπεστέρησεν.²⁰ Возможно, что и в данном случае несправедливость относилась не к морально-нравственной сфере, но была вполне вещественной.²¹

Стк. 4, особенно ее первая половина, сохранилась очень плохо. Первая буква – это, по-видимому, *ли*, затем есть место для одной буквы, за которой хорошо видна *ню* – единственная надежно читаемая буква в этой части строки. Далее чередуются следы округлых букв (*омикрон?*) и букв, похожих на *мю* или *ню*.²² После этого видны буквы ФАМ и уголок, который можно интерпретировать как Е. После ΝΟ в начале **стк. 5** есть место для одной буквы. Здесь хорошо видны верхняя и нижняя наклонные гасы, что позволяет восстановить здесь *сигму*, и таким образом в конце **стк. 4** и начале **стк. 5** можно читать причастие от глагола φημί – φάμενο[ς].²³ Подобное причастие хорошо укладывается в схему письма, посвященного рассказу о ссоре или конфликте: вначале излагается суть дела, а затем приводится прямая речь, вводимая причастием со значением «говорить, утверждать».²⁴ Затем хорошо виден *эпсилон*, за ним *ро* с таким же «скошенным» полукружием, как в стр. 6, и нижняя часть вертикальной гасы. Таким образом, после φάμενο[ς] мы видим ΕΡΓΑΣΙΑΜΠΑ, и можно предложить восстановление аккузатива единственного числа ἐργασίᾱμ с ассимиляцией носового перед губным, за которым следует первый слог следующего слова – ΠΑ.²⁵ Ἐργασία может иметь как общее значение «*работа, деятельность, ремесло*»²⁶, так и более конкретные, так или иначе связанные с производственной

²⁰ Эта фраза различно толкуется исследователями. Ю.Г. Виноградов, первоиздатель письма, перевел ее следующим образом: «он (Матасий) обманывает его (Ахиллдора) и лишил фортегесия» (Виноградов 1971, 98), его поддерживал С.Р. Тохтасьев (Тохтасьев 1999, 175). Последующие исследователи полагали, что речь шла о попытке обратить Ахиллдора в рабство: «for he (Matasys) is enslaving him and has deprived him of his position as carrier» (Eidinow, Taylor 2010, 36), «for he is enslaving him and has deprived him of his cargo-carrier [or: of his position as a carrier; or: of the shipment]» (Seccarelli 2013, 335) или «Car celui-ci est en train d'en faire son esclave et l'a privé de sa cargaison» (Dana 2021, 118, где содержится полный обзор литературы по этому вопросу). Ср. также ὡς παρ' ἐμὲ ἀδικῶσι καὶ ἐπιβόλεῦσιν – «поскольку они вредят мне и злоумышляют против меня» в тексте на свинцовой пластинке, который возможно является письмом афинского банкира Пасиона (Dana 2021, 48). М. Дана обращает внимание также на то, что глагол

ἀδικέω часто употребляется в жалобах египтян, известных нам, например, из папирусов архива Зенона (Dana 2021, 54, 118), в которых он употребляется явно в качестве terminus technicus.

²¹ Вполне конкретные вещи подразумевались и в Херсонесской присяге: οὐδὲ ἐπιβουλεύσω ἄδικον πρᾶγμα οὐθὲ νὶ οὐθὲν τῶν πολιτῶν τῶν μὴ ἀφεστακότων – «Я не буду злоумышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из не отпавших граждан» (IOSPE I² 401³¹⁻³³).

²² Е.г., можно предположить вариант восстановления πον(ε)όμενον, но состояние пластинки в этом месте не позволяет делать сколь-нибудь надежные восстановления.

²³ Ср. ἐὰν δὲ διαμφοισθησῶσιν οἱ δανείσαντες πρὸς τοὺς ὀφειλόντας φάμενοι ἐμβεβηκέναι πρότερον Δημαγόρου πρυτάνεως καὶ μηνὸς Ποσιδεῶνος (Эфес, 297/296 г. до н. э., Syll.³ 364⁸²⁻⁸⁴).

²⁴ Ср., например, ο Μатасии в письме Ахиллдора – φησί ... μυθεόμενος – «он говорит ... утверждая ...».

²⁵ В боспорских надписях, как и во многих других областях Греции, примеры подобной ассимиляции засвидетельствованы для конечного *ню* в артиклях и предлогах: τῶμ βωμόν (КБН 6а₁ – Пантикапей, 1-я половина 4 в. до н. э.); КБН 1042₃ – Гермонасса, 4 в. до н. э.), сὺμ πατρί (КБН 992₅ – Фанагория, 2-я половина 1 в. до н. э.). В милетских надписях есть и подобные случаи: τῶμ παλαιῶν (Rehm 1914, 154 No.133₂₁, середина 5 в. до н. э.), εἰς τὴμ πόλιν (Rehm 1914, 196 No.143 B₄₉, 212/211 г. до н. э.), и ассимиляция конечного *ню* в окончаниях других частей речи: ἀνδρας καὶ χρεῖαμ παρεχομένους ταῖς πόλεσι τιμῶσι (Friedrich 1908, 90 No.10¹⁶⁻¹⁷, 289/288 г. до н. э.); πᾶσαμ προθυμίαγ καὶ εὐνοιαμ παρεχόμενος (Rehm 1914, 295 No.138₁₂, 282 г. до н. э.); ἐμνήσθησαμ περὶ πολιτείας (Rehm 1914, 188 No.141₁₈, 282 г. до н. э.). Ср. также, например, Εὐρησίβιομ πατέρ[α στη]σας (Dubois 1996, 21 no. 8 – Ольвия, начало 4 в. до н. э.) и примеры ассимиляции в березанском письме Ахиллдора: μολίβδιον παρὰ τῶμ παῖδα (стр. 3 адреса), ἐλθῶμ παρ' Ἀναξαγόρη, τὴμ μητέρα, ἐλθῶμ παρὰ μιν (Dana 2022, P. 117 № 25_{4, 11, 13}, 1-я половина 6 в. до н. э.; Treatte 1980, 588–589; Slavova 2004, 119).

²⁶ Диапазон занятий, обозначаемых этим термином, очень широк. Это могла быть и морская торговля – ср. ἐγὼ γάρ, ὃ ἄνδρες δικασταί, πολλὸν ἤδη χρόνον ἐπὶ τῆς ἐργασίας ὦν τῆς κατὰ θάλατταν ... – «я ведь, судьи, уже долгое время занимаюсь морской торговлей...» (Dem. 33. 4), и банковское дело – μισθούμενος οὖν ὄδε τὴν ἐργασίαν αὐτὴν τῆς τραπέζης – «итак, он, получив в аренду право управлять этим банком...» (Dem. 36. 6), и ремесло гетеры (Dem. 18. 129).

деятельностью – «изготовление», «сооружение, постройка», «возделывание», «обработка».²⁷ Определение к ἐργασίᾱ очевидно находилось в конце стк. 5 и в утраченном начале стк. 6. В недостающей части этой строки могло находиться 3–4 буквы, далее есть место еще для одной, затем хорошо видна *ню* и неясные черточки, которые могут быть как следами буквы, так и трещинами свинцовой пластинки. Буквы во второй половине строки читаются надежно, вопросы вызывает только буква, находящаяся между *ро* и первой *сигмой*. Если бы не черточка внизу, она выглядела бы как необычно узкая *эта* с выходящей за вертикали горизонтальной гаской. Однако вероятнее, что это еще одно последствие спешки и/или волнения Ксанфия, проявившихся в большей размашистости литер в конце письма.²⁸ Аккуратный *эпсилон* в первых строках сильно отличается от *эпсилона* с перекрещивающимися гасками неодинаковой длины, который мы видим в стк. 8 и на оборотной стороне пластины. Если считать, что Ксанфий два раза прочертил вертикальную черту, эта буква может являться *эпсилоном*, что дает чтение *παρέσχεες*, то есть форму аориста 2-го лица единственного числа от глагола *παρέχω* «доставлять, давать, предоставлять, позволять» (LSJ, s.v.) – «ты отдал/предоставил».

В стк. 7–8 сохранились только буквы в конце строк – соответственно, [---] ΤΩΝ и [---]ΜΕ.

Начало стк. 9 на оборотной стороне утрачено, дальше сохранились только отдельные буквы – [---]ΕΚΑ ?[---].

В стк. 10 заключительная фраза письма – τί ἐν νῶι ἔχεε̄ς – букв. «что ты имеешь в уме/мыслях». Словосочетание ἐν νῶι ἔχειν может употребляется с последующим дополнением²⁹ или инфинитивом, то есть, «иметь в мыслях, намереваться делать что-то»³⁰, или без него.³¹ Тогда, как и в нашем случае, инфинитив, например, ποιεῖν или ποιήσῃν только подразумевается.³² Плохая сохранность пластины не позволяет сказать, являлись ли эти слова отдельной фразой, то есть вопросом τί ἐν νῶι ἔχεε̄ς; («что ты намереваешься (делать)?»), или были частью сложноподчиненного предложения.³³

Адрес

Ξανθίης Δάμων
νι.

Имя автора письма Ξανθίης в ионийской форме встречено в Причерноморье, по-видимому, в первый раз.³⁴ Ξανθίας засвидетельствовано в Херсонесе Таврическом в 4 в. до н. э.³⁵ На Боспоре ни исходное Ξάνθος, ни его производные до сих пор вообще не зафиксированы. Напротив, в Ольвии известен Ξάνθας 6 в. до н. э., Ξάνθος 475–450 г. до н. э. и Ξάνθιππος 5 в. до н. э., а в Херсонесе имя Ξάνθος относится к числу частотных – оно встречено 10 раз с 315 г. до н. э. по 130 г. н. э. (LGPN IV, s.v.). Вообще же, в 5–4 вв. до н. э. подавляющее большинство личных имен, производных от основы ξανθ-, происходит с островов Эгеиды и из Аттики (LGPN I, II, s.v.), sporadически они появляются в Македонии (LGPN IV, s.v.), Коринфе (LGPN IIIa, s.v.), Мегарах и Дельфах (LGPN IIIb, s.v.).

Имя адресата было написано Ксанфием в двух вариантах – ионийская форма Δήμων в начале письма и дорийская Δάμων³⁶ в адресе. Δήμων ни в Причерноморье в целом, ни на Боспоре до сих пор не встречалось, Δάμων представлено только на Боспоре – в Пантикапее (2-я половина 4–3 в. до н. э.,

²⁷ См., например, ἡ τῆς ἐσθῆτος ἐκ τῶν ἐρίων ἐργασία – «изготовление одежды из шерсти» (Хер. Оес. 7. 22); περὶ τὴν τῶν ἱματίων ἐργασίαν – «об изготовлении плащей» (Pl. Grg. 449 d).

²⁸ Издатели мирмекийского письма Орея Пифоклу полагают, что это может быть связано в том числе с нехваткой опоры для руки пишущего (Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 935).

²⁹ Ср. Ὑμεῖς δὲ εἴ τι ἄλλο ἐν νῶι ἔχετε – «Вы же, если имеете на уме что-то иное...» (Thuc. IV. 85. 5).

³⁰ Ср. Ταῦτα εἰπὼν ὁ Φρασύμαχος ἐν νῶι εἶχεν ἀπιέναι – «Сказав это, Фрасимах намеревался уйти ...» (Pl. Resp. 344 d).

³¹ Οὗτος, φάναί τὸν Σωκράτη, τί ἐν νῶι ἔχεις; – «Послушай, сказал Сократ, что ты задумал?» (Pl. Symp. 214 e).

³² Ср. Νῦν ὧν τί σοὶ ἐν νόῳ ἐστὶ ποιεῖν; – «Итак, что ты теперь собираешься делать?» (Hdt. I. 109) и Τί δεῖ ποεῖν («Что нужно делать?») в письме Мегиста Левкону из Массалии 3 в. до н. э. (Dana 2021, 246).

³³ Ср. λέξατε οὖν πρός με τί ἐν νῶι ἔχετε ὡς φίλον – «Итак, скажите мне как другу, что у вас в мыслях...» (Хер. Анаб. 3. 3. 2).

³⁴ До сих пор такая форма встречена только единожды, на Эвбее в 5 в. до н. э. (IG XII. 9. 56. 305–306).

³⁵ SEG 28. 634.

³⁶ Не вполне ясно, почему В.П. Яйленко относит это имя к «аристократическим» (Яйленко 2010, 106 прим. 2).

КБН 328) и Феодосии (3–2 вв. до н. э., КБН 950).³⁷ Колебания Δημο-/Δαμο- и Μητρ-/Ματρ- в личных именах, отмечаемые в боспорских надписях начиная с эпохи эллинизма³⁸, обычно объясняют принадлежностью дорийских форм имен выходцам из дорийских полисов и их потомкам. Присутствие на Боспоре носителей дорийского диалекта, среди которых могли быть купцы, наемники, люди, путешествующие с частными целями, а также рабы, документально подтверждается монетными находками, данными керамической эпиграфики, эпитафиями и посвящениями херсонеситов³⁹, гераклеотов⁴⁰, жителями Каллатиса⁴¹ и Византия⁴², относящимися, к сожалению, ко времени не ранее 4–3 вв. до н. э.⁴³ Одна из таких надписей, посвящение Афродите от лица гераклеота Гераклида на алтаре 2-ой четверти – середины 4 в. до н. э., была найдена в Гермонассе, то есть в непосредственной близости от Фанагории. Имя и этникон в нем написаны на дорийском диалекте, а имя богини на ионийском – Ἡρακλειίδας Ἡρακλειώτας Ἀφροδίτη. В качестве одного из вариантов объяснения этого феномена издатели полагают, что резчик, будучи носителем ионийского диалекта, мог «неосознанно исказить» текст рукописного αὐτοῦγραφοῦ, данного ему Гераклидом, или же что ионийская форма имени Афродиты подчеркивала сугубо местный характер ее культа.⁴⁴

Содержащиеся в письме ионизмы (Ξανθίης, [χ]αίρεν, ἔχες) указывают на то, что Ксанфий, несмотря на, по-видимому, не боспорское происхождение его имени, был носителем ионийского диалекта. Можно предположить, что, написав текст письма и имя адресата так, как ему было привычно, то есть по орфографическим нормам ионийского диалекта, в адресе на внешней стороне пластинки он написал его имя уже так, как требовали правила родного для того дорийского диалекта.⁴⁵ Гражданином какого именно полиса являлся Дамон, сказать трудно. Свинцовая пластинка была найдена в развернутом виде, поэтому, если считать, что письмо было прочитано его адресатом, Демон/Дамон в момент его получения находился, скорее всего, именно в Фанагории. Диалектные особенности этого письма не противоречат тому, что, по крайней мере, Ксанфий, а возможно и оба упомянутых в нем человека были гражданами или жителями именно этого полиса. Мы ничего не можем сказать о характере их взаимоотношений, и об их социальном статусе.

Таким образом, можно предложить следующий перевод письма:

«Ксанфий приветствует Демона. Он (Ксанфий?) упрекает тебя по поводу этой (известной тебе) несправедливости (беззаконности?) ... утверждая: изготовление ... предоставил ... что ты намереваешься (делать)?», адрес: «Ксанфий Дамону».

Как и большинство известных нам документов подобного рода⁴⁶, это письмо было написано в момент какого-то кризиса, по-видимому, речь идет об имущественном споре между автором письма и его адресатом. Насколько можно судить по сохранившимся остаткам текста, оно относится к числу частных писем, по крайней мере, дошедший до нас текст не содержит никакой информации об общественно-политической и экономической жизни полиса. Тем не менее, письмо Ксанфия Демону представляет немалый интерес, так как сообщает нам о повседневной жизни, о взаимоотношениях и разногласиях жителей Фанагории.

³⁷ Ионийский вариант Δήμων восстанавливается на надгробии из Аполлонии 4 в. до н. э., Δάμων же представлен в Македонии, а также в Каллатисе и Византии в 4–2 в. до н. э. (LGPV IV, s.v.).

³⁸ См. КБН, 799.

³⁹ КБН 173, 194, 195, 243 (Пантикапей).

⁴⁰ КБН 923, 925 (Нимфей), 1193 (Горгиппия); см. также пантикапейские посвящения 249 и 250 г. н. э. (КБН 58, 59). В Горгиппии/Синдской гавани было найдено также надгробие Филоксена, сына Келона, уроженца Гелики на Пелопоннесе, 490–480 г. до н. э., в котором смешаны различные диалектные формы – ἐ Πελοποννάσο ἐξ Ἑλικῆς (Болтунова 1986, 59–61; SEG 36. 720).

⁴¹ КБН 252 (Пантикапей).

⁴² КБН 17 (Пантикапей).

⁴³ Об иностранцах в Фанагории нам известно из двух надписей – КБН 991 (4 в. до н. э.), в которой упоминается патрида мантинейцев, и эпитафия жителя аркадской Тегеи 386–370 г. до н. э. – Παντίας Τεγεάτας, который был скорее всего не купцом, как полагал В.П. Яйленко (Яйленко 1986, 222–226), а наемником (SEG 37. 676; Завойкин 2013, 163, 498; Завойкина 2013, 243, 304). В надгробии Пантия примечательны неионийские формы имени и этникона.

⁴⁴ Финогорова, Тохтасьев 2010, 86–87, о примерах автоматической конверсии см. прим. 6 на С. 86.

⁴⁵ Эпитафии дорийцев могут содержать как дорийские, так и ионийские формы. В эпитафиях херсонеситов все этникины имеют форму Χερσονησίτης (КБН 173, 194, 195), в эпитафии же гераклеота из Нимфея (Πύρρος Εὐρυνόμο Ἡρακλειώτας, КБН 923) патронимик имеет ионийскую форму, а этникон – дорийскую. С.Р. Тохтасьев, впрочем, замечал об этой надписи, что хотя для 4 в. до н. э. переход εὔ > εὐ обычен для ионийского диалекта, он встречается и в мегарском, «возможно под ионийским влиянием» (Тохтасьев 2002, 86). Однако, приведенные им в качестве примера Εοάρχου, Εοπάμω-νος и другие подобные формы из гераклейских керамических клейм объясняются скорее присутствием в Гераклее ремесленников из соседней Синопы.

⁴⁶ Ср. Eidinow, Taylor 2010, 36.

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтер А. П., Бутягин А. М., Дана М. 2018. Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ 4, 931–948.
- Болтунова А. И. 1986. Надписи Горгииппии // ВДИ 1, 43–61.
- Виноградов Ю. Г. 1997. Письмо с горгииппийских наделов // Алексеева Е. М. Античный город Горгииппия. Москва, 543–556.
- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ Suppl. 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкина Н. В. 2013. Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория 1). Москва, 240–313.
- Завойкина Н. В., Павличенко Н. А. 2016. Письмо на свинцовой пластине из Патрея // А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4). Москва, 230–249.
- Павличенко Н. А., Кашаев С. В. 2012. Новая эпиграфическая находка из Гермонассы // ДБ 16, 288–298.
- Сапрыкин С. Ю., Белоусов А. В. 2012. Письмо Кледика из Гермонассы // ДБ 16, 348–359.
- Сапрыкин С. Ю., Куликов А. В. 1999. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // А. В. Подосинов (ред.), Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. Москва, 201–208.
- Тохтасьев С. Р. 1999. Рец. на: Laurent Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont (École Pratique des Haute Études. Sciences historiques et philologiques III / Hautes études du monde gréco-romain 22). Genève, 1996. 208 pp. // *Hyperboreus* 5/1, 164–192.
- Тохтасьев С. Р. 2002. Надписи Таманского музея // Таманская старина 4. Санкт-Петербург, 83–108.
- Финогенова С. И., Тохтасьев С. Р. 2003. Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // *Hyperboreus* 9/1, 83–88.
- Яйленко В. П. 1986. Одна боспорская эпитафия // Г. А. Кошеленко (ред.), Проблемы античной культуры. Москва, 222–226.
- Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. Москва.
- Seccarelli P. 2013. *Ancient Greek Letter Writing. A Cultural History (600 BC – 150 BC)*. Oxford.
- Dana M. 2021. *La correspondance grecque privée sur plomb et sur tesson. Corpus épigraphique et commentaire historique (Vestigia 73)*. München.
- Dubois L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Eidinow E., Taylor Cl. 2010. Lead-letter Days: Writing, Communication and Crisis in the Ancient Greek World // *Classical Quarterly* 60/1, 30–62.
- Fredrich C. 1908. Die Inschriften / Knackfuss H. Das Rathhaus von Milet // Th. Wiegand (Hrsg.) *Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Band 1/2*. Berlin, 77–98.
- Jordan D. R. 2000. A Personal Letter Found in the Athenian Agora // *Hesperia* 69, 91–103.
- Kashaev S. V., Pavlichenko N. 2015. Letter on an Ostrakon from the Settlement of Vyshesteblievskaya-3 // *Hyperboreus* 21/1, 61–79.
- Kühner R., Gerth B. 1898. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache 2. Teil, Satzlehre*. 1. Band in neuer Bearb. besorgt von Bernhard Gerth. 3 Aufl. Hannover–Leipzig.
- Maysen E. 1933. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit; mit Einschluss der gleichzeitigen Ostraka und der in Ägypten verfassten Inschriften*. Bd. II.2: Satzlehre. Berlin–Leipzig.
- Rehm A. 1914. Die Inschriften / Kawerau G., Rehm A. Das Delphinion in Milet // Th. Wiegand (Hrsg.), *Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Band 1/3*. Berlin, 38–282.

- Slavova M. 2004. Phonology of the Greek Inscriptions in Bulgaria. Stuttgart.
- Treatte L. 1980. The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. I. Phonology. Berlin–New-York.
- Trippé N. 2015–2016. Une lettre d'époque classique à Thasos // BCH 139–140, 43–65.
- Vinogradov Yu. 1998. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // G. R. Tsetskhladze (ed.), The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 153–178.
- Zavoykina N. V. 2016. A Letter of Polemarkhos from Phanagoria // V. Cojocaru, L. Ruscu, Th. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), Advances in Ancient Greek Studies: Historiography, Archaeology and Religion. Cluj, 419–429.

А. О. Хотылев, С. В. Ольховский, А. А. Майоров, О. В. Хотылев

СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАМНЯ ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПОСТРОЕК ФАНАГОРИИ

Аннотация. Статья содержит результаты изучения каменного материала, использованного при строительстве фундаментов трех крупных зданий (№ 300, 294/206 и 144), исследованных в Фанагории на раскопе «Верхний город». В результате анализа и типологизации установлено, что строительный камень представлен широким спектром вулканических, plutonic, метаморфических и осадочных горных пород, единичными фрагментами литифицированной древесины. Преобладающее большинство (86%) каменного материала является привозным, доля местного камня незначительна (14%). Сходство камней, использованных для возведения построек акрополя и портового причала Фанагории, доказывает, что с середины 6 в. до н. э. до середины 4 в. до н. э. в город поступали крупные объемы каменного материала из одних и тех же источников – вероятно, с северного побережья Турции, Мраморного и Эгейского морей. Постепенная смена состава пород в фундаментах акрополя – с метаморфических пород на органогенные известняки – свидетельствует об открытии новых источников каменного материала или активизации торговых связей Фанагории с полисами на побережье Керченского пролива.

Ключевые слова. Фанагория, Черное море, естественно-научные исследования, геология, горные породы, камень, строительство, морская торговля.

A.O. Khotylev, S.V. Olkhovskiy, A.A. Mayorov, O.V. Khotylev
COMPOSITION AND ORIGIN OF THE STONE MATERIAL
FROM THE EARLIEST BUILDINGS OF PHANAGORIA

Abstract. This article presents results of studying of stone material, used in construction of three large buildings (nos. 300, 294/206 and 144) excavated on the acropolis of Phanagoria. The building stone is represented by a wide range of volcanic, plutonic, metamorphic and sedimentary rocks, and single fragments of lithified wood. The vast majority (86%) of the stone material is imported, and the share of local stone is very small (14%). The similarity of the building stone used in the construction of the ground structures of the acropolis and the port facilities of Phanagoria has been proved. And this means that for at least several hundred years, from the middle of the 6th century BC until the middle of the fourth century BC (the time of the active construction of port facilities), large volumes of stone material were regularly supplied to Phanagoria from the same sources. The change in the dominant varieties in the foundations from metamorphic rocks in the oldest building (no. 300) to organogenic limestones in the youngest building (no. 144) reflects the discovery of new sources of stone material on the Taman Peninsula or the establishment of trade relations with the cities that could have supplied limestones. It is shown that the supply of stone material was carried out by sea from significantly remote areas, most likely from the northern coast of Turkey or from the waters of the Marmara or Aegean Seas.

Key-words. Phanagoria, Black Sea, natural sciences, geology, rocks, building stone, marine trade.

Введение

Археологическое изучение первых веков развития Фанагории (6–3 вв. до н. э.), одного из крупнейших древнегреческих городов на территории России, затруднено ввиду плохой сохранности его ранней застройки, от которой сохранились лишь фрагменты фундаментов. Одна из причин того – дефицит строительного камня в окрестностях города, вынуждавший жителей Фанагории разбирать обветшавшие построй-

ки и многократно переиспользовать их каменный материал для нового строительства. В то же время, в прилегающей к городу акватории локализовано причальное сооружение, построенное из десятков тысяч тонн камня.¹ Задачей данного исследования является определить источники происхождения каменного материала, использованного в фундаментах акрополя, и сопоставить их с камнем из причала. Это сравнение позволит определить этапность и приблизительную периодизацию поставок строительного камня в Фанагорию в первые века развития города.

В качестве источников информации использованы фундаменты трех разновременных зданий на акрополе Фанагории – объекты № 300, 294/206 и 144.

Объект № 300 считается одной из древнейших общественных построек Фанагории. От здания подквадратной формы сохранились фундаменты северной стены длиной 9,4 м, северной части восточной стены длиной 7,95 м, северной части западной стены длиной 4,05 м. Кладка фундамента шириной 0,6 м сложена в два панциря с очень редкими камнями забутовки, размеры камней – от 0,2×0,2 до 0,3×0,4 м. Период постройки здания отнесен примерно к 540–525 гг. до н. э.² В фундаментах этого объекта нами изучены 146 валунов и глыб, в том числе 70 камней из северной стены, 39 – из восточной, 37 – из западной.

Объект № 294/206 является крупным общественным зданием. От него сохранились каменные фундаменты восточной стены, перегородки в центральной части, разделяющей северные и южные помещения на две части, а восточную стену на северный и южный сегменты, а также, предположительно, лестницы в западной части. Длина северного сегмента восточной стены 8,45 м, южного сегмента – 9,95 м, перегородки 6,6 м. Ширина северной части восточной стены и перегородки 0,6–0,65 м, ширина южной части восточной стены – 1,1–1,2 м. Северный сегмент сложен в два панциря с редким относительно небольшими камнями забутовки, южный сегмент – в два панциря с многочисленной забутовкой. В жизни этого здания (ок. 540–450/40 гг. до н. э.) выделяют три периода. Каменные фундаменты были сооружены во II-м периоде. Время их постройки предположительно можно отнести к первым десятилетиям 5 в. до н. э.³ В фундаментах этого объекта нами изучены 338 камней, в том числе 240 камней из восточной стены, 60 из центральной перегородки, 38 из лестницы.

Объект № 144 является прямоугольным общественным зданием с полуподвалом. От него сохранились фундаменты восточной стены длиной 13,45 м и южной стены длиной 10 м. Фундамент южного фрагмента имеет ширину 1,2–1,3 м, восточного – 0,7–0,75 м, они сложены из необработанных валунов и обработанных призматических блоков. Период строительства здания отнесен к 40-м годам 4 в. до н. э.⁴ Из этого здания мы задокументировали 200 фрагментов камня без разбивки по стенам.

В выборку каменного материала для каждого из вышеуказанных объектов вошли все обломки камней размером более 5 см. Для удобства расчетов выявленные типы горных породы были объединены группы, включающие в себя разности со схожими вещественными, структурно-текстурными особенностями и общими условиями формирования. В составе выборки выделены 8 типичных групп: метаморфические породы, вулканические породы, плутонические породы, мраморы, обломочные породы, мергели розовые, известняки разные и известняки органогенные. Форма обломков оценивалась в четырех вариантах: окатанная – округлые, овальные валуны; полуокатанная – уплощенные, эллипсоидные, но оглаженные валуны без резких и острых углов; угловато-окатанная – у обломков есть отчетливые углы, но они оглажены; неокатанная – все углы обломков острые и неокатанные.

¹ Olkhovskiy, Khotylev 2020, 97–107.

² Завойкин, Кузнецов 2011, 192.

³ Абрамзон и др., 2019, 8–12.

⁴ Завойкин 2019, 297–300.

Далее приведено описание главных различий горных пород, выявленных при изучении объектов, и показано их объединение в группы. Название *разностей* указано курсивом, название **групп** – полужирным шрифтом. Разбивка количества образцов каждой группы по зданиям и стенам приведена в таблице 1.

Группа 1 – метаморфические породы.

В эту группу объединены 2 различия – амфиболиты и гнейсы, на долю которых приходится 147 образцов (22%) из всей изученной выборки. Мраморы ввиду своей многочисленности выделены в самостоятельную группу.

Амфиболиты представляют собой тонкокристаллические тонкополосчатые сланцеватые горные породы серого, темно-серого до черного цвета (рис. 1. 1). Состоят из листочков темно-коричневого биотита размером до 1 мм (до 15%), черных блестящих удлиненных игольчатых кристаллов амфибола (30–40%), мелких изометричных зерен кварца и полевого шпата размером до 1 мм (50–55%). Породы рассечены светло-серыми и почти белыми жилами и прожилками лейкогранитов и гранитов толщиной от 2–5 до 10–15 см. Размер обломков амфиболитов колеблется от 5–7 до 40–70 см.

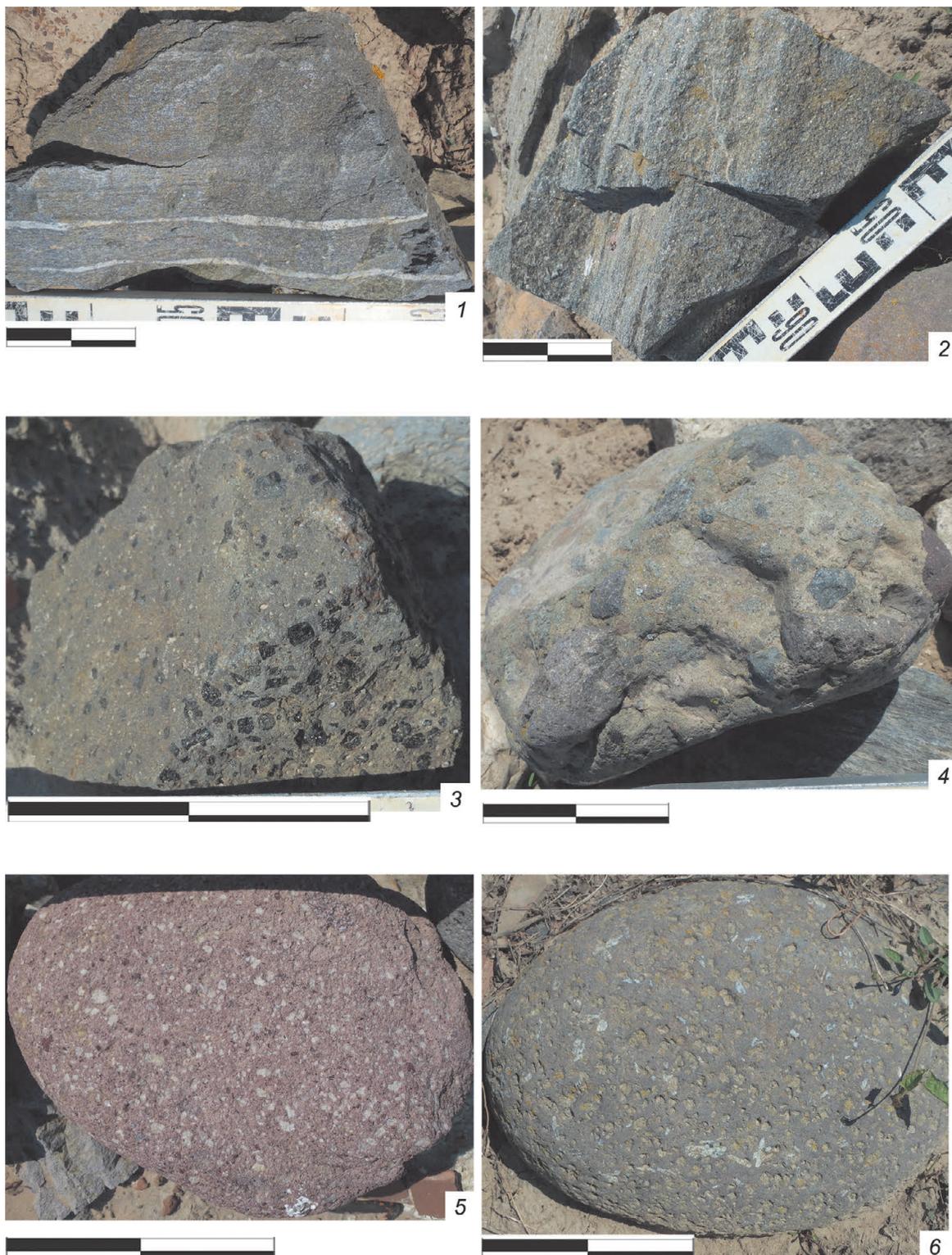
Гнейсы представляют собой породы серого, светло-серого цвета, пятнистые, полосчатые, среднекристаллические. Отличаются крупными коричневыми, иногда золотистыми листочками биотита размером до 2–4 мм, образующими темные полосы, составляющие до 25% породы (рис. 1. 2). Остальной объем, как и в амфиболитах, сложен игольчатыми выделениями амфибола, изометричными зёрнами кварца и полевого шпата. В гнейсах отмечены прожилки гнейсированных белых гранитов и лейкогранитов, аналогичных описанным в амфиболитах. Выявленные гнейсы представлены угловатыми неокатанными обломками размером до 50–60 см.

Метаморфические породы в отличие от подавляющего большинства различий представлены только неокатанными остроугольными фрагментами.

Группа 2 – вулканические породы.

Вулканические горные породы выявлены в 130 образцах (19,3% выборки). Все они являются продуктами вулканической деятельности и представлены довольно большим количеством различий: лавами основного, среднего и кислого состава и в меньшей степени – их туфами.

Базальтовые лавы выявлены в фундаментах в нескольких различиях – темно-серые, темно-зеленые до черного цвета. Их отличительной чертой является присутствие крупных хорошо оформленных черных и густо-темно-зеленых кристаллов пироксена размером от 2 до 8–10 мм. В зависимости от размера и количества пироксена в лавах выделяются два различия. *Базальты крупнопорфировые* содержат кристаллы пироксена размером 5–8 мм и более, собранные в скопления по 3–5 штук и составляющие до 15–20% породы (рис. 1. 3). Основная масса породы – черная скрытокристаллическая. В этой различии количество миндалин (газовые пустоты, заполненные минеральным веществом) может изменяться от 1 до 15%, они имеют округлую или облаковидную форму, часто заполнены кальцитом. Все выявленные обломки окатанные или полуокатанные, представлены двумя размерностями – мелкие (10–12 см) и большие (до 40–45 см). *Базальты мелкопорфировые* представляют собой темно-серые красноватые породы однородные и массивные с мелкими кристаллами черного пироксена размером до 2 мм (7–10%) и мелкими светлыми кристаллами полевого

Рис. 1. Метаморфические и вулканические горные породы фундаментов Верхнего города. 1 – амфиболиты с прожилками лейкогранитов; 2 – гнейсы с золотистыми листочками биотита; 3 – базальты крупнопорфировые с большими хорошо оформленными черными кристаллами пироксена; 4 – туфы базальтовые с коричневатыми, буроватыми и сероватыми бомбами; 5 – андезиты коричневато-красные с белыми кристаллами плагиоклаза, и черными – амфибола и биотита; 6 – трахиандезиты крупнопорфировые с крупными белыми призмами кристаллов альбита. Масштабная линейка 10 см

шпата размером до 1 мм (до 10–12%). Среди разновидностей вулканических пород основного состава также отмечаются *туфы базальтовые* бомбовые и лапиллиевые, с хорошо заметными обломками вспененных лав размером до 10–15 см, желтовато-зеленого цвета (рис. 1. 4), с такими же характерными кристаллами пироксена размером до 2–4 мм, как у *базальтов крупнопорфировых*.

Вулканические породы среднего состава представлены андезитами и трахиандезитами. *Андезиты* представляют собой серые, голубовато-серые или коричневатые-красные, массивные однородные породы (рис. 1. 5). В неотчетливо-полосчатой мелкопористой основной массе расположены удлиненно-призматические черные блестящие вкрапленники амфибола длиной до 8 мм (5–8%) и призматические кристаллы плагиоклаза длиной до 2 мм (15%). Все выявленные обломки – окатанные, размером до 10–15 см.

Трахиандезиты крупнопорфировые – самые узнаваемые вулканические породы фундаментов «Верхнего города». Они землисто-серые, коричневатые, с призматическими кристаллами матового плагиоклаза длиной до 4–5 мм (10–15%) и чистыми прозрачными стеклянными призматическими кристаллами альбита длиной до 20 мм (5–7%). Помимо полевых шпатов, в серовато-желтой землистой массе содержатся мелкие шестигранные листочки черного биотита длиной до 2 мм (3–5%). Выявленные обломки – окатанные и редко полуокатанные, размером 50–60 см (рис. 1. 6).

Риолиты представляют собой светло-серые, зеленоватые, миндалекаменные, флюидальные, однородные, стекловатые разновидности вулканических пород. Вкрапленников нет, миндалины размером до 10 мм, овальные, уплощенные, щелевидные, частично заполнены альбитом (телесно-белый, однородный). Обломки – угловатые, неокатанные, размером до 40 см.

Группа 3 – плутонические породы.

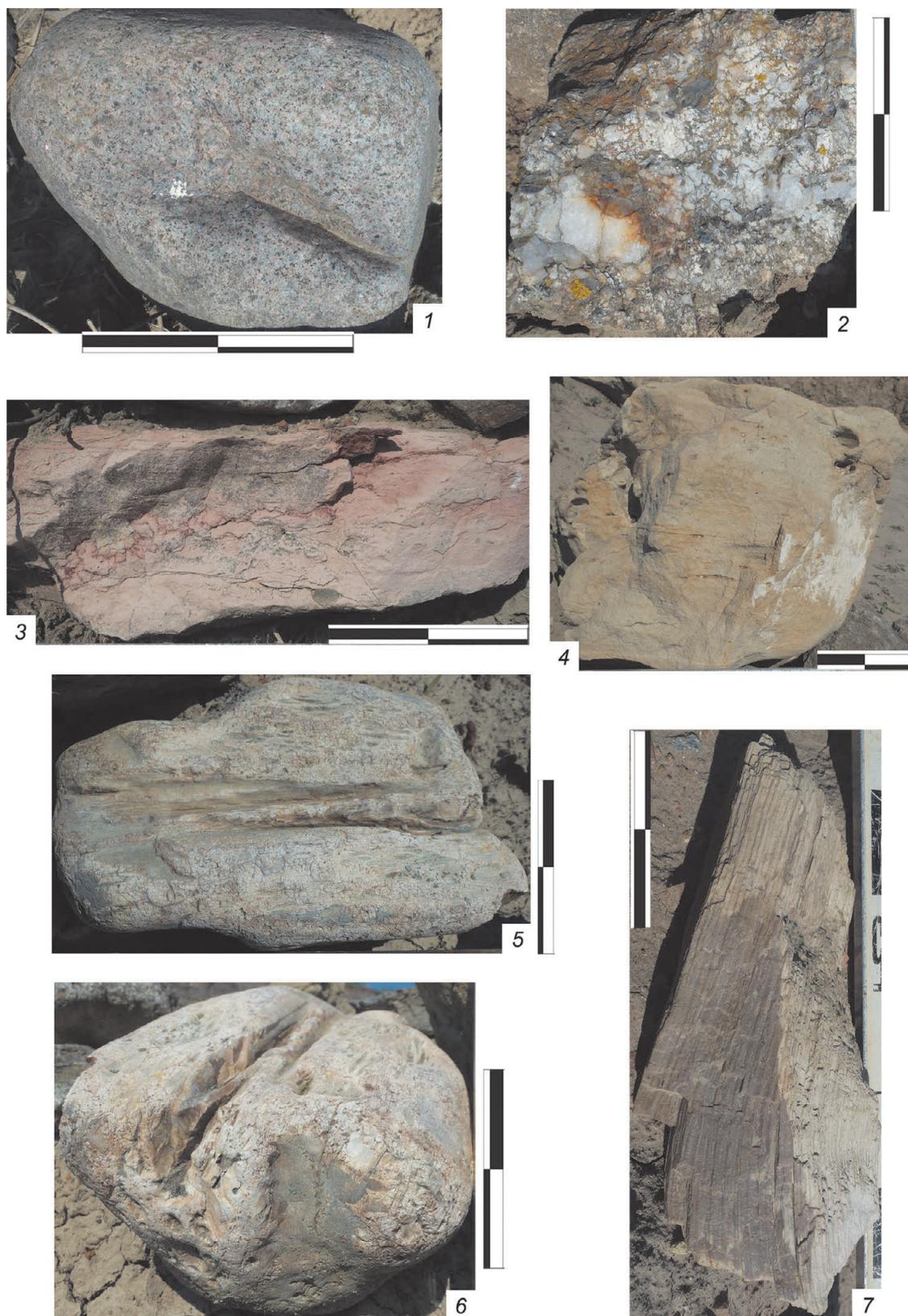
Плутонические породы, описанные в изучаемых объектах, представлены преимущественно несколькими разновидностями гранит-гранодиоритового семейства. Всего эта группа представлена 45 образцами (6,7% общей выборки, таблица 1).

Значительную часть выборки составляют пегматитовые кварц-полевошпатовые образования (далее – *пегматиты*), неравномернокристаллические, белые, светло-серые, рыжеватые, розоватые, массивные, крупно-гигантокристаллические, с кристаллами размером до 3–5 см. Текстура хаотичная, неупорядоченная, иногда гнейсовидная. Подавляющее большинство обломков угловатые, неокатанные, отдельные полуокатанные, размером до 40–50 см (рис. 2. 2).

Граносиениты представляют собой светло-серые порфировидные полосчатые породы с крупными призмами белого полевого шпата длиной до 10 мм (10–15%), которые подчеркивают полосчатость. Остальная часть породы полнокристаллическая мелко-среднекристаллическая, состоит из призматических кристаллов белого плагиоклаза длиной 1–3 мм (40–45%) и игольчатых выделений темноцветных минералов длиной до 2 мм (15%). Все выявленные обломки окатанные, размером 25–45 см.

Несколько окатанных обломков представлены розовато-серыми *гранодиоритами* среднекристаллическими с белыми кристаллами полевого шпата длиной до 2–3 мм (20–25%) и мелкими черными кристаллами амфибола длиной до 1–1,5 мм (15–17%), погруженными в розовато-серую однородную неяснокристаллическую массу (рис. 2. 1).

Среди экзотических разновидностей стоит отметить единственный полуокатанный обломок серпентинизированных перидотитов длиной 30 см.

Рис. 2. Горные породы фундаментов Верхнего города. Плутонические: 1 – розовые гранодиориты; 2 – кварц-полевошпатовые пегматиты; Осадочные: 3 – мергели розовые; 4 – песчаники; 5, 6, 7 – фрагменты литифицированной древесины. Масштабная линейка – 10 см

Группа 4 – мраморы.

В эту группу объединены многочисленные мраморы, составляющие значительную часть изученной выборки. Они представляют собой от мелко- до крупнокристаллических пород, иногда неравномерно-кристаллические, сахарно-белого, светло-серого цвета, очень однородные. В рамках данного исследования мраморы не разделялись на разновидности и рассматривались единой группой. Мраморы составляют 7% от общего количества выборки (47 образцов).

Группа 5 – обломочные породы.

Группа обломочных пород включает в себя 124 образца (18% общей выборки) нескольких типов. Основную долю составляют *песчаники табачные* желтовато-зеленого цвета, мелкозернистые, массивные или тонкослоистые, однородные, слюдястые, преимущественно кварцевые (77% среди всех обломочных пород, рис. 2. 4). Остальная часть представлена тонкокристаллическими розовыми и черными *кварцитами* (неокатанные обломки до 40 см), и *гравелитами*. *Гравелиты* слагают большие рассыпающиеся блоки размером до 1 м в длину и содержат окатанные и неокатанные обломки размером до 1–2 см в песчаном неотчетливо-слоистом матриксе с железистым непрочным цементом.

Группа 6 – мергели розовые.

Мергели розовые выделены в отдельную немногочисленную группу (всего 12 образцов, 2%) из-за характерного облика и легкости идентификации. Породы розовые, пепельно-розовые, тонкозернистые однородные, довольно твердые, тонкослоистые, сланцеватые (рис. 2. 3). Обломки неокатанные, пластинчатые (по слоистости), остроугольные, размером до 60 см.

Группа 7 – известняки разные.

Группа включает 76 образцов (11,3% общей выборки) известняков разной степени мраморизованности: от скрытокристаллических афанитовых известняков до почти мелкокристаллических мраморов. Так как эти породы не содержат в себе органических остатков, позволяющих определить их возраст или происхождение, все эти образцы отнесены в общую группу. Выявленные обломки – окатанные и полуокатанные, размером от 10–15 до 40–45 см.

Группа 8 – известняки органогенные.

К группе *органогенных известняков* отнесены пористые легкие известняки с многочисленными обломками раковин двустворчатых моллюсков, составляющих не менее 50–60% породы. Среди обломков преобладают фрагменты двустворок размером до 5–7 мм, отмечаются разности сложенные в основном раковинами фораминифер. В эту же группу включены и *известняки песчанистые* желтовато-бежевого цвета, массивные неслоистые однородные с редкими обломками двустворок размером до 10 мм. Обе разности известняков представлены окатанными и неокатанными фрагментами длиной до 30–45 см, причем органогенно-обломочные известняки иногда имеют правильные призматические рукотворные формы.

К уникальным разностям стоит отнести два фрагмента *литифицированной древесины*. Один фрагмент представляет собой полуокатанный валун размером 23×12×15 см (рис. 2. 5, 6), а второй – неокатанный обломок размером 25×10 см (рис. 2. 7). Оба обломка выявлены в фундаменте объекта № 294, в его восточной и южной стенах.

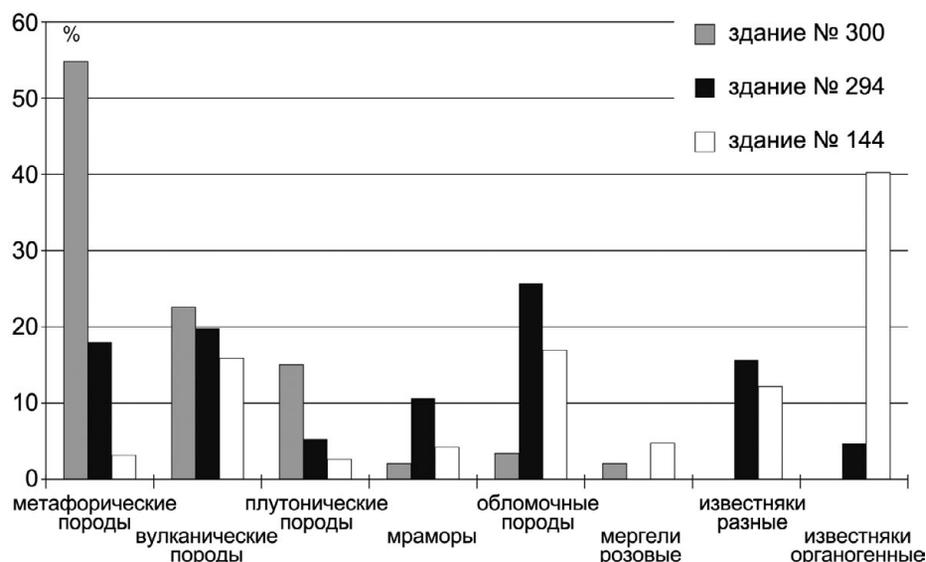

Рис. 3. Распределение типовых групп пород в фундаментах изученных зданий

Обсуждение результатов

Фундаменты трех изученных строительных объектов значительно отличаются между собой по составу пород (рис. 3).

В объекте № 300 преобладают метаморфические и вулканические горные породы, составляющие соответственно 55% и 23% от общего количества камней в уцелевшей части фундамента. Меньшую долю составляют плутонические породы (15%), и совсем незначительную – мраморы (2%), песчаники (3%) и розовые мергели (2%).

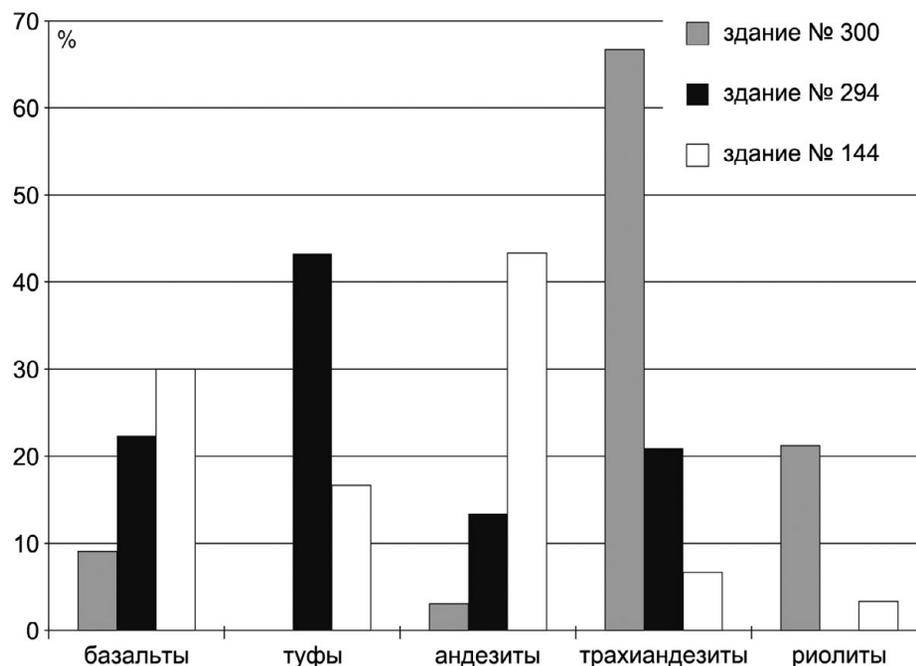
Фундамент объекта № 294 преимущественно сложен из метаморфических (18%) пород, песчаников (26%) и вулканических пород (20%). Яркой особенностью этого объекта является обилие белых плотных мраморов и мраморизованных известняков, суммарно составляющих 26% камней. В малом количестве встречаются плутонические породы (5%) и органогенно-обломочные известняки (8%).

В фундаменте объекта № 144 преобладающей разностью являются органогенно-обломочные известняки (40% выборки), а также песчаники (17%), вулканические породы (14%), плутонические (2,5%), мраморы (4%), мраморизованные известняки (12%), розовые мергели (5%).

Как видно из диаграмм (рис. 3), фундаменты сильно различаются между собой по соотношению типов горных пород, использованных для строительства. Есть разности, представленные во всех трех фундаментах – метаморфические, вулканические, плутонические, обломочные породы, мраморы. Но часть разностей встречается только в наиболее поздних сооружениях: здание № 294 почти не содержит *органогенных известняков*, в здании № 300 они вообще отсутствуют, а в составе самого молодого здания № 144 эта разность резко преобладает. Не очевидно распределение розовых мергелей: они обнаружены в самом древнем здании (№ 300) и в самом молодом (№ 144). Мы предполагаем, что доля мергелей скорее отражает повторное использование пород при строительстве более новых зданий, чем смену источников материала.

Состав вулканических пород, использованных в разных зданиях, также различается между собой (рис. 4). В здании № 300 резко преобладают трахиандезиты и риолиты, в то время как прочих разностей мало, а туфов нет вообще.

Рис. 4. Распределение вулканических пород разного типа в фундаментах изученных зданий

Распределение пород между зданиями № 294 и 144 похоже между собой – в обоих есть туфы, базальты, андезиты. Судя по разному облику и составу пород, мы имеем дело с несколькими вулканами, откуда был собран каменный материал. Но эти данные нуждаются в более тщательных исследованиях.

Ряд разновидностей, широко представленных в фундаментах зданий на акрополе, найден и в конструкции причала классического периода – ныне полностью затопленного сооружения длиной около 180 м и шириной до 60 м.⁵ Помимо относительно редких *амфиболитов* и *гнейсов*, *розовых мергелей* и окаменелого *дерева*, в его конструкции использованы десятки окатанных и полуокатанных валунов *андезитов*, *базальтов крупнопорфировых*, *розовых гранодиоритов*. Облик, структура, степень окатанности, размер обломков камней, присутствующих в фундаментах акрополя и в толще конструкции этого причала, совпадают между собой. Кроме того, они близки по составу использованных вулканических и плутонических пород (рис. 5). К сожалению, многочисленные мраморизованные известняки, песчаники и мраморы, в изобилии присутствующие в фундаментах зданий на акрополе и в конструкции причала, не имеют характерных признаков, позволяющих убедительно доказать их происхождение.

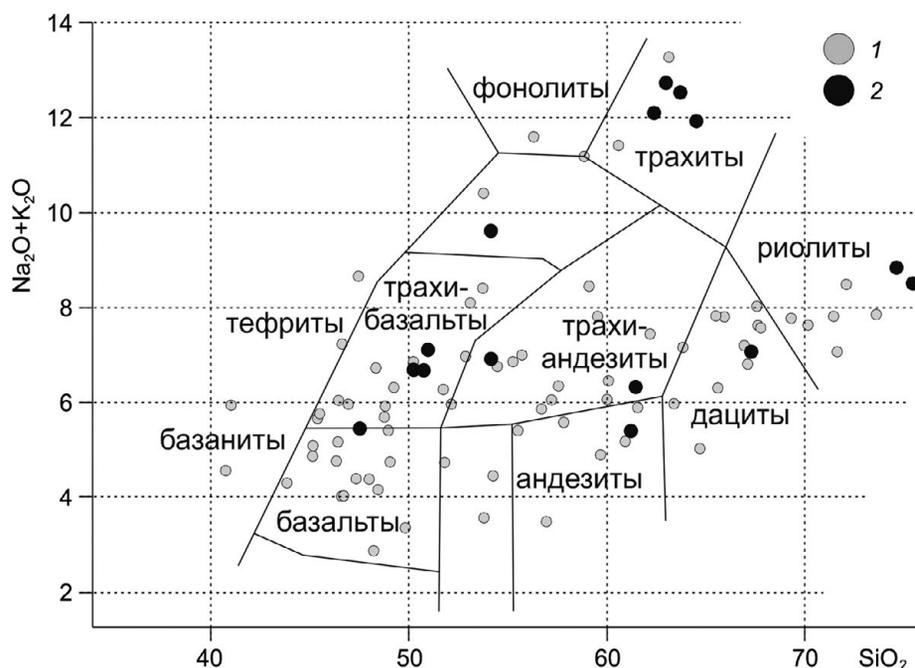
Таким образом, в результате изучения камней из построек акрополя и причала классического времени установлено как минимум частичное совпадение петрографического материала, его облика, размеров и степени окатанности. Это позволяет сделать вывод, что каменный материал для городского и гидротехнического строительства поступал в Фанагорию из одних и тех же регионов.

Период строительства возможно определить на основе датировки отдельных объектов. Постройка объекта № 300 отнесена к 540–525 гг. до н. э.⁶, объекта № 294 – ориентировочно к 480–460 гг. до н. э.⁷ Датировать первый период строительства причала возможно на основе результатов расчистки 7 шурфов и изучения выборки из 863 найденных в них амфор. В подстилающем причал слое донных отложений найдены крупные фрагменты пухлогорлых хиосских, сероглиняных лесбосских, протофассоских амфор на сложнопрофилированной

⁵ Khotylev, Olkhovskiy 2020, 97–107.

⁶ Завойкин, Кузнецов 2011, 192.

⁷ Каменные фундаменты восточной стены и стены-перегородки относятся ко второму периоду жизни здания № 294 (Абрамзон и др. 2019, 9).

Рис. 5. Диаграмма $\text{SiO}_2\text{--Na}_2\text{O+K}_2\text{O}$ для камней портовых сооружений и зданий акрополя. 1 – порт; 2 – акрополь. Содержания компонентов в весовых %

ножке, датирующихся 2–3 четвертью 5 в. до н. э. Среди керамики, найденной внутри конструкции причала, 82% относятся к Хиосу, Менде, Фасосу, Гераклею, Синопе, и датируются 4–3 вв. до н. э. Мы полагаем, что строительство этого причала началось на рубеже 5–4 вв. до н. э. (450–350 гг. до н. э.).⁸

Вероятно, что на протяжении всего этого периода, т.е. с 540 по 350 гг. до н. э., каменный материал в Фанагорию поступал из одних и тех же регионов, и сначала использовался в постройках акрополя, а несколько позднее – для строительства причала. По оценкам В. Д. Кузнецова и А. А. Завойкина, к настоящему времени раскопано не более 2% площади Фанагорийского городища. Полагая, что каменный материал поставлялся в Фанагорию систематически, в значительных объемах и на протяжении длительного времени, есть основания считать, что реальные объемы каменного строительства в Фанагории гораздо значительнее, чем можно предположить, основываясь на результатах раскопок «Верхнего города».

Масштабное каменное строительство требует массивных поставок подходящего материала, но на Таманском полуострове в силу его геологического строения наблюдается острый дефицит строительного камня. Общий разрез его территории представлен осадочными отложениями железнороговской свиты и сенновской толщи киммерийского яруса среднего плейстоцена, перекрытыми лессовидными суглинками голоценового возраста или непосредственно культурным слоем.

Железнороговская свита развита на всей площади Таманского полуострова и представлена серыми и темно-серыми глинами, иногда ожелезненными, с прослоями песка, линзовидными прослоями бурых железняков, с обилием ракушки разной степени сохранности. Железнороговская свита согласно залегает на отложениях кругловской свиты и согласно перекрывается сенновской толщей, сложенной светлыми хорошо сортированными кварцевыми песками, содержащими прослойки глин, корочки железняков и редкие линзы железняковых конгломератов. Выходы пород сенновской толщи отмечены в песчаном карьере

⁸ Хотылев, Ольховский, Майоров 2021, 63; Khotylev, Olkhovskiy 2020, 97–107.

на северо-восточной окраине поселка Приморский, а также в основании южного борта раскопа «Нижний город» на нижнем плато Фанагории.

Таким образом, в ближайших окрестностях Фанагории камень можно добыть лишь из немногочисленных линз бурых кавернозных железняков железно-роговской свиты, обломки которых изредка встречаются в отвалах фанагорийских раскопов. Но эти породы крупно-кавернозные, очень неоднородные, формируют разбросанные по площади маломощные линзы и потому мало пригодны в качестве источника материала для регулярного массового строительства.

Более подходящими локациями для добычи каменного материала являются мшанковые рифогенные известняки холоднодолиновской свиты мэотиса, образующие изолированные ископаемые рифы на побережье Керченского пролива и на юго-западном побережье Таманского залива в окрестностях Тамани. Прочие карбонатные толщи известняков и мергелей в южной части Таманского полуострова представляют собой непрочные слоистые пачки мягких пород, которые легко рассыпаются на пластинки и непригодны для изготовления блоков или достаточно крупных для строительства обломков. Эпизод их использования для строительства фундаментов в 4 в. до н. э. отмечен на поселении Приазовский 4⁹, но для массового, а тем более гидротехнического строительства они не пригодны.

В окрестностях Пантикапея известняки-ракушняки издревле использовали в качестве строительного материала, и очень вероятно, что органогенно-обломочные известняки, найденные в фундаментах акрополя Фанагории, происходят именно с Керченского полуострова. Так как доля ракушняков в этих фундаментах составляет лишь 14%, следует полагать, что строители не считали этот материал подходящим ввиду его низкой прочности и использовали ограниченно.

Фанагория – не единственный греческий полис, импортировавший каменный материал, но именно здесь его количество необычайно велико. В Ольвии привозной камень описан в количестве 2–10%.¹⁰ В Гермонассе в «Нагорном раскопе» окатанные валуны отмечены в фундаментах домов начала – первой половины 6 в. до н. э., а цоколь сырцово-кирпичной стены дома (кладка № 89) и вымостка (№ 200) конца 6 – начала 5 в. до н. э. сложены из привозного белого и розоватого мраморовидного известняка, зеленоватого и серого гранита, «керченского камня».¹¹ В кладках построек 4 в. до н. э. найдены обработанные блоки известняков.¹² В 2021 г. при изучении каменного материала фундаментов Гермонассы мы обнаружили окатанные валуны крупнопорфировых базальтов, трахиандезитов, диоритов и гнейсов, их общее количество не превышает 30 экземпляров (менее 0,1% общей выборки осмотренных камней). Эти камни совершенно аналогичны найденным в Фанагории, что свидетельствует об их общем происхождении, но объем их поставок в Гермонассу несравненно меньше: даже в значительно более поздних постройках в раскопе «Нижний город» количество подобных валунов (явно переиспользованных) гораздо больше, чем в сооружениях Гермонассы.

На наш взгляд, обилие известняков в фундаментах построек Гермонассы связано с особенностями геологического строения района – к западу от нее до сих пор известны несколько скальных выходов, подходящих для добычи подобного камня. Следует учесть и гипотезу, предполагающую, что уровень Черного моря в середине I тыс. до н. э. находился на низких отметках (т. н. Фанагорийская регрессия)¹³, это обстоятельство могло облегчить доступ к ныне затопленным рифовым грядам, – потенциально возможным источникам добычи известняка.¹⁴

⁹ Завойкин 2015.

¹⁰ Петрунь 1967.

¹¹ Коровина 2002, 32–33.

¹² Там же, 51–64.

¹³ Fouache et al. 2012; Дикарев 2011.

¹⁴ Лебединский, Чхаидзе 2021, 375–384.

Небольшое количество известняков в конструкции фанагорийского причала классического времени объясняется ограниченной пригодностью этого материала для гидротехнического строительства¹⁵. Но их незначительное присутствие (5%) и в ранних кладках «Верхнего города» (здание № 294) свидетельствует, что в Фанагорию в то время поступали достаточные объемы более прочных каменных пород, и не было необходимости в крупных поставках известняка с побережья Керченского пролива. Заметное (до 40%) увеличение присутствия органогенных известняков в здании № 144 может быть связано как с сокращением или прекращением поставок камня из отдаленных регионов, так и с налаживанием поставок известняка в Фанагорию из окрестностей Гермонассы или с побережья Керченского пролива к середине 4 в. до н. э. Вероятной причиной активизации торговли с соседними полисами, в рамках чего начались поставки местного каменного материала, могло стать вхождение Фанагории в состав Боспорского царства в начале 4 в. до н. э.¹⁶

Переходя к определению вероятных регионов происхождения каменного материала, следует обозначить способ его доставки в Фанагорию. В середине 1 тыс. до н. э. Таманский полуостров являлся архипелагом из нескольких островов, разделенных протоками и каналами Кубани.¹⁷ Очевидно, что основной объем товаров экспортировался и импортировался водным транспортом. В дальнейших рассуждениях мы подразумеваем, что строительный камень поступал в Фанагорию только на морских судах.

Источники происхождения каменного материала подразделяются на два основных типа, в зависимости от его предназначения. Когда строителям требовался материал определенного состава, плотности, формы и размера, его специально отбирали на каменоломнях и перевозили на берег для погрузки на суда. В Средиземноморье древние каменоломни (в первую очередь римского времени, но не только) широко известны.¹⁸

В этом случае обломки горных пород имеют угловатые, рваные или более правильные призматические очертания, так как они отломаны или отрублены от скального массива горных пород. Такая форма обломков в фундаментах зданий Фанагории характерна для гнейсов, амфиболитов и органогенных известняков. Прочие разности регулярно встречаются в виде окатанных блоков.

Органогенные известняки с очень высокой вероятностью происходят из каменоломен Пантикапея (Керчи), а регион происхождения гнейсов и амфиболитов пока не установлен, хотя в Причерноморье эти породы встречаются крайне редко.

Если требования строителей к форме или типу материала не столь строги, то источником камней могли быть речные русла и морское побережье, где в результате воздействия водной среды горные породы дробятся на обломки, среди которых можно выбрать экземпляры нужного размера.

Каменный материал, происходящий с морского пляжа, имеет характерные следы воздействия прибоя: устойчивые породы окатываются, менее прочные – разрушаются до песчаной и более тонкой размерности. Если прочные скальные породы выходят к морскому берегу, прилегающее побережье будет покрыто окатанными валунами и гальками этих пород. Их размеры напрямую зависят от прочности, первичной трещиноватости и слоистости пород: если они прочные и однородные, средний размер валунно-галечного материала будет крупнее, а если породы слоистые и трещиноватые (известняки, мергели, песчаники), то будут преобладать мелкие обломки.

В речных системах размер каменных обломков зависит от энергии реки и удаленности выхода скальных пород в русло. Перенос крупных валунов диаметром

¹⁵ Khotylev, Olkhovskiy 2020, 97–107.

¹⁶ Завойкин 2013, 175.

¹⁷ Giaime et al. 2016, 326.

¹⁸ Russel, 2017; 2013b.

Рис. 6. Карта уклонов поверхности рельефа. Цифры в условных обозначениях – градусы уклонов склонов

до нескольких десятков см возможен только крупными реками с большим расходом воды и значительными уклонами русла. При переходе от горного к равнинному типу гравийно-галечные (а в верховьях горных рек – галечно-валунные) русловые осадки быстро сменяются песчанистыми. В этом случае на отдельных интервалах реки отложения вновь могут становиться валунно-галечными, но только в том случае, если в русле реки будут выходить скальные породы или породный материал будут выносить притоки.¹⁹

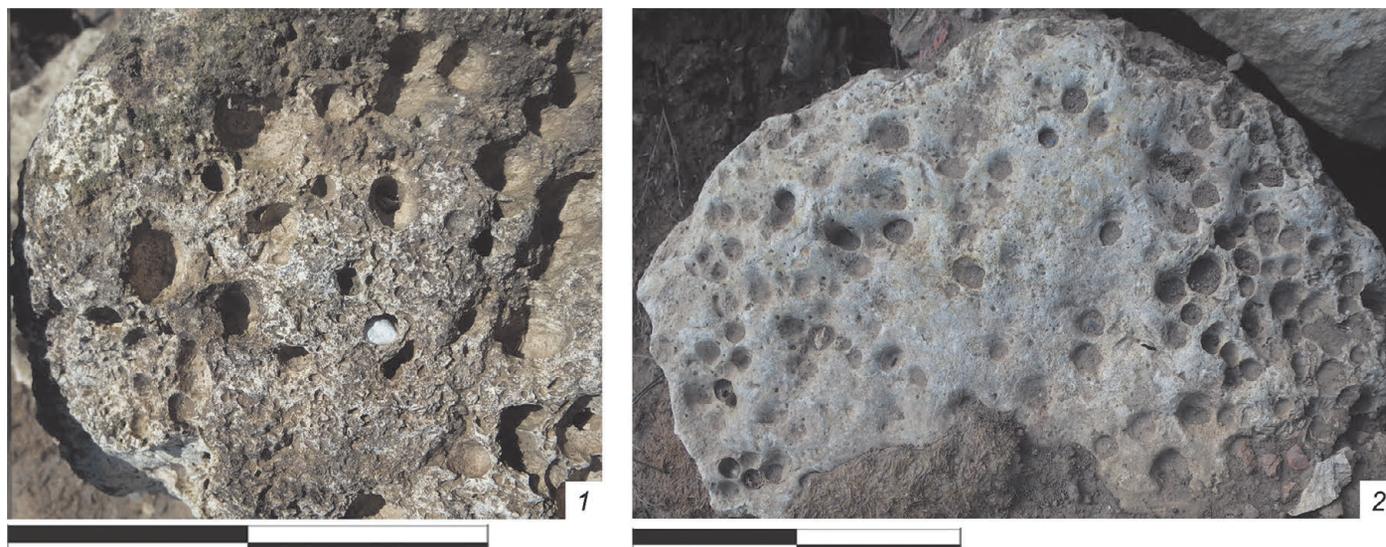
Таким образом, образование окатанного валунно-галечного материала размерности 10–50 см, найденного в Фанагории, возможно в двух обстановках: выходы скальных пород на морской берег и речная долина с выходами скальных пород в русле реки.

Для локализации районов, откуда могут происходить крупные фрагменты пород магматического происхождения, нами использованы региональные геологические карты, цифровая модель рельефа, рассчитаны углы уклонов рельефа и построена карта уклона рельефа Черноморского региона (рис. 6). По карте уклонов заметно, что северное побережье Черного моря отличается равнинным рельефом с очень малыми уклонами. Крупные реки (Кубань, Дунай, Днепр, Днестр) обладают значительным расходом воды, но при столь малых уклонах энергии потока достаточно только для переноса песчаного и более мелкого материала.

Недавние исследования палеодельты Кубани²⁰ не выявили в голоценовых речных отложениях грубозернистых осадочных фаций – галечников или валуников. Таким образом, валуны из фанагорийских построек происходят не из погребенных участков дельты Кубани. Прочие крупные реки Северного Причерноморья, протекающие по районам с такими же пологими углами наклонов, как и Кубань, накапливают в своих дельтах материал аналогичной размерности.

¹⁹ Чалов, 2016, 94–97.

²⁰ Brückner et al. 2010, 170.

Рис. 7. Следы сверления двустворчатыми моллюсками в известняках: 1 – с сохранившейся раковинной. Масштабная линейка – 10 см

Таким образом, крайне маловероятно, что найденные в Фанагории валуны происходят из дельт рек Северного Причерноморья. Гипотеза о доставке валунов в Фанагорию из верховий рек Кавказа на судах или лодках представляется маловероятной из-за труднопроходимости русел и сложной логистики подобных перевозок.

На некоторых валунах, обнаруженных в фундаментах акрополя, выявлены разные виды морской фауны. В гальках и валунах известняков встречаются ходы и раковины двустворчатых моллюсков-камнеточцев – обычных обитателей мелководной части морей, протачивающих ходы в субстратах самой разной плотности (рис. 7). В европейских морях, в том числе Чёрном и Азовском, обитают обыкновенный морской финик (*Lithophaga lithophaga*), американский сверлильщик (*Petricola pholadiformis*), белая барнеа (*Barnea candida*).²¹ Все эти камнеточцы являются морскими животными и обитают только в соленой воде, поэтому эти валуны явно происходят с морского побережья, а не из речной дельты.

Литифицированная (окаменевшая) древесина является редким природным объектом, формирующимся в специфических геохимических условиях. Так как месторождения окаменевшего дерева относительно редки, а один из найденных в Фанагории крупных обломков окатан, вероятный район его происхождения следует искать на морском побережье. Самые известные месторождения окаменевшей древесины расположены на побережьях Италии, Франции и Словении, но, учитывая их удаленность от Фанагории, перевозка каменного материала из столь удаленных регионов представляется маловероятной. Известны находки литифицированной древесины и на Таманском полуострове, но тип ее окаменения принципиально отличается от литификации фрагментов, найденных в Фанагории.

Местонахождения окаменевшей древесины известны в континентальной Турции (Центральная Анатолия)²², Молдове²³ и Румынии²⁴, но все они расположены вдали (более 100 км) от моря, а реки, дренирующие эти районы, не могли переместить крупные фрагменты окаменевшей древесины на морское побережье.

Местонахождения окаменевшей древесины известны в Греции и Турции – на побережьях Мраморного, Эгейского и Черного морей (рис. 8). Самое крупное (до 150 км²) из них находится на острове Лесбос²⁵, где на пляжах сохранились окаменевшие стволы, из которых могли образоваться окатанные

²¹ Гиляров, 1986, 242.

²² Akkemik 2019, 398–409.

²³ Iamandei et al., 2005, 223–229.

²⁴ Iamandei et al. 2012, 67–89.

²⁵ Velitzelos, Zouros 1997, 3037–3043.

Рис. 8. Карта Черноморского региона с точками наиболее крупных местонахождений литифицированной древесины. 1 – греческие полисы; 2 – местонахождения литифицированного дерева

обломки древесины.²⁶ Подобные стволы сохранились на побережье острова Лемнос и в окрестностях Александруполиса.²⁷ На Черном море находки окаменевшего дерева, в том числе окатанных обломков размером до 12 см, описаны на побережье около города Килос к северу от Стамбула²⁸, все остальные подобные районы значительно удалены от морского берега.

Литифицированная древесина присутствует в вулканических среднемиоценовых и раннеплиоценовых образованиях свиты годерзи в одноименном местечке в Грузии²⁹, но этот район расположен более чем в 70 км от морского берега. Дренажирующая его река Аджарисцкали потенциально может переносить на черноморское побережье обломки окаменевшего дерева, но значительно меньшего размера, чем те, что выявлены в фундаментах Фанагории.

Так как генетически литификация дерева может быть связана с вулканической деятельностью, то наиболее крупные местонахождения окаменевшей древесины в изучаемом регионе приурочены к кайнозойским вулканическим центрам. Учитывая обилие вулканических пород в фундаментах Акрополя (19%), мы полагаем, что и древесина происходит из вулканических регионов – с Лесбоса, Лемноса, Александруполиса или Килоса. Уточнить идентификацию возможно в случае определения видового состава этой древесины. Так как Фанагория поддерживала торговые связи со всеми вышеуказанными регионами, любой из них может рассматриваться в качестве источника поставки каменного материала.

Нами установлено, что красноватые *андезиты*, извлеченные из причала классического времени в порту Фанагории, происходят с побережья Саронического залива.³⁰ Эти андезиты по составу и облику полностью идентичны андезитам в фундаментах Акрополя, то есть как минимум часть каменного материала, найденного на «Верхнем городе» Фанагории, привезена издалека. Возможно, что и иные вулканические породы, в изобилии присутствующие в кладках фундаментов, также происходят из вулканических комплексов Эгейского моря. Например, в постройках Ольвии идентифицированы³¹ базальты с островов Эгейского моря – Эгины, Лемноса, Санторина и Нисироса.

²⁶ Zouros et al. 2007, 1880–1889.

²⁷ Voudouris et al. 2007, 238–248; Velitzelos et al. 2019, 289–295.

²⁸ Akkemik et al. 2019, 133–137.

²⁹ Poporadze et al. 2012, 74–79.

³⁰ Хотылев и др. 2022.

³¹ Петрунь 1967.

Письменные источники практически не упоминают о дальних перевозках необработанного строительного камня. Камни в затонувших судах почти всегда представлены крупными обработанными изделиями или полуфабрикатами. Например, судно Torre Sgarrata (район Таранто, конец 2 в. н. э.) перевозило груз мраморных блоков и саркофагов общим весом в 160 тонн.³² Несколько меньшее по размерам судно Skerki Bank F (Сицилия, середина 1 в. н. э.) было загружено заготовками колонн общим весом до 200 тонн.³³ Судно Kizilburun³⁴ (Турция, 1 в. до н. э.) перевозило 8 мраморных барабанов колонн диаметром 1,75 м и весом до 7 тонн каждый, уложенных вдоль киля, а также мраморные плиты, капители, лутерии, стелы и т. п. К настоящему времени известны более сотни затонувших судов, перевозивших каменные изделия³⁵, но почти все они относятся ко 2–1 вв. до н. э. или 2–3 вв. н. э.

Изделия из камня с древнейших времен были обычной частью сборных судовых грузов. В античное время крупные каменные блоки и изделия перевозили на специальных судах.³⁶ Представляется³⁷, что малоразмерный строительный камень перевозили на обычных «круглых» судах.

Единственное известное авторам исключение – торговое судно Maagan Michael, затонувшее в Средиземном море вблизи Хайфы около 400 г. до н. э. При длине 13 м и ширине 4,1 м это судно перевозило 13 тонн камня – необработанных глыб (размером около 0,5 м) голубых сланцев с Евбеи, габбро с острова Кипр и, возможно, пород с юго-западного побережья Турции.³⁸

Данных о перевозках крупных объемов строительного материала немного, и они относятся к римскому времени. В частности, для строительства причалов Кесарии (Caesarea Maritima, Израиль, 1 в. до н. э.) из Италии было привезено на судах не менее 17300 м³ пуццоланы и 8700 м³ извести³⁹ (при том, что плавание в обе стороны по этому маршруту занимало почти 2 месяца).⁴⁰

Заключение и выводы

В фундаментах акрополя Фанагории присутствует широкий спектр горных пород: вулканические, plutонические, метаморфические, обломочные, карбонатные (розовые мергели, мраморы, известняки органогенные, известняки разные).

Смена преобладающих разновидностей в фундаментах – от метаморфических пород в раннем здании (№ 300) до органогенных известняков в позднем здании (№ 144) – отражает открытие новых источников каменного материала вблизи берегов Керченского пролива или укрепление торговых связей Фанагории с побережьем Керченского полуострова.

Сходство ряда петрологических типов пород, найденных в фундаментах акрополя и в причале классического времени, свидетельствует об их общем происхождении. Это означает, что на протяжении как минимум нескольких веков, с середины 6 в. до н. э. до середины 4 в. до н. э., в Фанагорию из одних и тех же регионов регулярно поступали крупные объемы строительного камня.

В первые века развития города основная часть поступавшего в Фанагорию каменного материала происходила из удаленных регионов, а камни с побережья Керченского пролива составляли около 14%.

В пределах Черноморского бассейна наиболее перспективными регионами-источниками камня представляются южное и восточное побережья, так как северные и западные слишком пологи, сложены легко разрушающимися горными породами, и не подходят для формирования крупных окатанных валунов. Камни,

³² Hocker 1995, 202.

³³ Littlefield E. 2012, 56.

³⁴ Ibid., 135.

³⁵ Russel, 2013a.

³⁶ Haussoullier 1926, 89–91.

³⁷ Петровский 2020, 23.

³⁸ Shalev, Kahanov, Doherty, 1999.

³⁹ Votruba 2007.

⁴⁰ Casson 1971.

привезенные в Фанагорию, явно собирали на морских побережьях, и с высокой вероятностью – вблизи крупных древних портов.

Вулканические породы, найденные в фундаментах акрополя, вероятно, происходят с северного побережья Турции или из акваторий Мраморного или Эгейского морей. Красноватые андезиты из причала классического периода, аналогичные андезитам из кладок «Верхнего города» Фанагории, привезены с побережья Саронического залива.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // *Нурапис* 1, 5–27.
- Агбунов М. В. 1987. Античная лоция Черного моря. Москва.
- Гиляров М. С. 1986. Биологический энциклопедический словарь. Москва.
- Дикарев В. А. 2011. О Фанагорийской регрессии Черного моря // *Вестник Московского университета. Сер. 5. География* 1, 35–40.
- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ Suppl. 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкин А. А. 2015. Природный фактор и физический облик сельских поселений Азиатского Боспора // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум (Боспорские чтения XVI)*, Керчь, 121–129.
- Завойкин А. А. 2019. Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории // *ПИФК* 4, 297–321.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории // *ПИФК* 4, 188–198.
- Коровина А. К. 2002. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. Москва.
- Лебединский В. В., Чаидзе В. Н. 2021. Результаты гидроакустического обследования морского дна акватории Таманского городища в 2020 г. // *КСИА* 265, 375–384
- Петровский В. М. 2020. Греческие торговые суда от архаики до эллинизма. Диссертация канд. ист. наук. Саратов. <https://litgu.ru/knigi/history/485410-grechskie-torgovye-suda-ot-arhaiki-do-jellinizma.html>
- Петрунь В. Ф. 1967. К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья // *КСИА* 109, 144–151.
- Хотылев А. О., Ольховский С. В., Майоров А. А. 2021. Греческие портовые сооружения Фанагории: конструктивные особенности и условия строительства // *Геоархеология и археологическая минералогия – 2021. Миасс–Челябинск*, 60–63.
- Хотылев А. О., Ольховский С. В., Майоров А. А., Хотылев О. В., Хубанов В. Б. 2022. Применение методов изотопной геохронологии для локализации регионов импорта каменного материала // *Российские нанотехнологии* 17, 5, 603–615.
- Чалов Р. С. 2016. Руслонные процессы (руловедение). Учебное пособие. Москва.
- Akkemik Ü. 2019. New Fossil Wood Descriptions from the Pliocene of Central Anatolia and the Presence of *Taxodioxylon* in Turkey from the Oligocene to Pliocene // *Turkish Journal of Earth Sciences*, 28, 398–409.
- Akkemik Ü., Akkiliç H., Güngör Y. 2019. Fossil Wood from the Neogene of the Kilyos Coastal Area in Istanbul, Turkey // *Palaeontographica. Abt. B: Palaeobotany – Palaeophytology* 299/1–6, 133–185.
- Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vött A. 2010. The Holocene Sea Level Story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // *Quaternary International* 225, 160–179.
- Casson L. 1971. *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton.
- Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. 2012. The Late Holocene Evolution of the Black Sea e a Critical View on the So-called Phanagorian Regression // *Quaternary International* 266, 162–174.

- Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange C., Marriner N., Rostek F., Porotov A. V., Baralis A., Kaniewski D., Brückner H., Kelterbaum D. 2016. Evolution of Taman Peninsula's Ancient Bosphorus Channels, South-West Russia: Deltaic Progradation and Greek Colonization // *Journal of Archaeological Science: Reports* 5, 327–335.
- Haussoullier B. 1926. Inscriptions de Didymes. Comptes de la construction du Didymeion // *Revue de Philologie* 50, 67–152.
- Hocker F. 1995. Lead Hull Sheathing in Antiquity // 3rd International Symposium on Ship Construction in Antiquity, 1989. Athens, 197–207.
- Iamandei S., Iamandei E., Frunzescu D., Brănoiu Ch. 2012. New Petrified Woods from the Curvature Carpathians // *Romanian Journal of Earth Sciences* 86/2, 67–89
- Iamandei S., Iamandei E., Obadă T. 2005. Sarmatian Petrified Wood within “Bursuc flora” (Moldova rep.) // *Acta Palaeontologica Romaniaae* 5, 223–229.
- Khotylev A., Olkhovskiy S. 2020. Geological Studies as a Source of Data on the Maritime Trade between the Cimmerian Bosphorus and the Mediterranean in the 1st Millennium BCE // *Skyllis* 20, 97–107.
- Littlefield J. D. 2012. The Hull Remains of the Late Hellenistic Shipwreck at Kizilburun, Turkey. A Thesis... for the Degree of Master of Art. College Station.
- Poporadze Nodar, Gogia B., Poporadze Niko, 2013. New Data on Formation of Goderdzi Petrified Wood (Georgia) // *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences* 13/4, 74–79.
- Russel B. 2013a. Roman and Late-antique Shipwrecks with Stone Cargoes: a New Inventory // *Journal of Roman Archaeology* 26, 331–361
- Russel B. 2013b. The Economics of the Roman Stone Trade. Oxford.
- Russel B. 2017. Stone Quarrying in Greece: Ten Years of Research // *Archaeological Reports* 63, 77–88.
- Shalev S., Kahanov Y., Doherty C. 1999. Nails from a 2,400 Year Old Shipwreck: A Study of Copper in a Marine Archaeological Environment // *The Journal of the Minerals, Metals and Material Society* 51/2, 14–17.
- Velitzelos D., Iamandei S., Iamandei E. Velitzelos E. 2019. Palaeoxylotomical Studies in the Cenozoic Petrified Forests of Greece. Part one – palms // *Acta Palaeobotanica* 59/2, 289–350.
- Velitzelos E., Zouros N. 1997. The Petrified Forest of Lesvos – Protected Natural Monument // P. G. Marinos, G. C. Koukis, G. C. Tsiambaos, G. C. Stoumaras (eds.), *Engineering Geology and Environment*. Rotterdam, 3037–3044.
- Votruba G. F. 2007. Imported Building Materials of Sebastos Harbour, Israel // *The International Journal of Nautical Archaeology* 36/2, 325–335.
- Voudouris P., Velitzelos D., Velitzelos E., Thewald U. 2007. Petrified Wood Occurrences in Western Thrace and Limnos Island: Mineralogy, Geochemistry and Depositional Environment // *Bulletin of the Geological Society of Greece* 40/1, 238–250.
- Zouros N., Velitzelos E., Valiakos I., Labaki O. 2007. The Plaka Petrified Forest Park in Western Lesvos – Greece // *Bulletin of the Geological Society of Greece* 40/4, 1880–1891.

Таблица 1. Каменный материал акрополя Фанагории

Группа пород	Разности пород	Здание №300, обр.					Здание №294, обр.					Здание №144	Всего выборка, шт	% от всей выборки
		С	З	В	Всего	Л	П	В1	В2	Всего				
Метаморфические	Амфиболиты	40	17	11	68			8	4	12	3	83	12,3	
	Гнейсы биотитовые	4	5	3	12	5	8	17	19	49	3	64	9,5	
	Туфы бомбовые				0	4	5	4	16	29	5	34	5,1	
Вулканические	Базальты крупнопорфировые		1		1	3	2	2	2	9	8	18	2,7	
	Базальты мелкопорфировые			2	2		1	3	2	6	1	9	1,3	
	Андезиты	1			1	2	1	3	3	9	13	23	3,4	
	Трахиандезиты	9	10	3	22	4	4	1	5	14	2	38	5,6	
	Риолиты	3	1	3	7					0	1	8	1,2	
Плутонические	Пегматиты	7	3	9	19	2	4	2	4	12	1	32	4,8	
	Перидотиты				0					0	1	1	0,1	
	Граносиениты		1	2	3	1	2	1		4	0	7	1,0	
	Гранодиориты				0				2	2	3	5	0,7	
	Мраморы	3			3	8	3	6	19	36	8	47	7,0	
Обломочные породы	Песчаники табачные				0	4	17	37	23	81	27	108	16,0	
	Кварциты		1	3	5					0	1	6	0,9	
	Гравелиты				0		1	2	3	6	4	10	1,5	
Мергели розовые		3		3					0	9	12	1,8		
Известняки разные				0	4	10	25	14	53	23	76	11,3		
Известняки органогенные				0	1	2	1	12	16	76	92	13,7		
Всего по объекту					146					338	189	673		

Стены здания №300: С – северная, З – западная, В – восточная (оба фрагмента); здание №294: Л – лестница, П – перегородка, В1 – восточная стена, северный фрагмент, В2 – восточная стена, южный фрагмент.

СОКРАЩЕНИЯ

АВ	– Археологические Вести
АДСВ	– Античная Древность и Средние Века
АДІУ	– Археологія і Давня Історія України
АМА	– Античный Мир и Археология
АО	– Археологические Открытия
АП УРСР	– Археологічні Пам'ятки УРСР
БИ	– Боспорские Исследования
БС	– Боспорский Сборник
ВДИ	– Вестник Древней Истории
ДБ	– Древности Боспора
ЗООИД	– Записки Одесского Общества Истории и Древностей
ИАК	– Известия Императорской Археологической Комиссии
ИИМК	– Институт Истории Материальной Культуры
КБН	– Корпус Боспорских Надписей. Москва–Ленинград, 1965
КБН-Альбом	– Корпус Боспорских Надписей. Альбом иллюстраций. Санкт-Петербург, 2004
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии
КСИИМК	– Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры
МАИАСК	– Материалы по Истории, Археологии Средневекового Крыма
МАИЭТ	– Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии
МАКК	– Материалы к Археологической Карте Крыма
МАР	– Материалы по Археологии России
МИА	– Материалы и Исследования по Археологии СССР
МОПИ	– Московский Областной Педагогический Институт им. Н.К. Крупской
НА КИА РАН	– Научный Архив Крымского Института Археологии Российской Академии Наук
НЭ	– Нумизматика и Эпиграфика
ОАК	– Отчет Археологической Комиссии
ПИФК	– Проблемы Истории, Филологии, Культуры
ПЭ	– Православная Энциклопедия
РА	– Российская Археология
СА	– Советская Археология
САИ	– Свод Археологических Источников
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
Фанагория	– В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Москва
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
AWE	– Ancient West and East
BAR	– British Archaeological Reports (IS – International Series)
BAR 1102	– Frolova N.A., Ireland S. The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD (British Archaeological Reports International Series 1102). Oxford, 2002
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique

Сокращения

- CH XI – Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus (Colloquia Antiqua 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
- DOP – Dumbarton Oaks Papers
- IG – Inscriptiones Graecae
- IGDOLbia – Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d’Olbia du Pont. Genève, 1996
- IOSPE I2 – Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I (editio altera). Petropoli, 1916
- IScM – Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et latinae. Vol. I–III. Bucharest, 1983–2000
- JRA – Journal of Roman Archaeology
- LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I–Vc. Oxford, 1997–2018
- LSJ – Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968
- RIC – Sutherland C.H.V. et al. The Roman Imperial Coinage. Vol. I X. London, 1984 1994
- RPC I – Burnet A., Amandry M., Ripolles P.-P. Roman Provincial Coinage. Vol. 1. London–Paris, 1992
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum
- SNG BM I – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993
- SNG Stanc. – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000
- Syll.3 – Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. 1–4. Lipsiae, 1915–1924
- The Athenian Agora – The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYPANIS
Труды отдела классической археологии ИА РАН
Том 4

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 15.10.2022. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 28,1. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии: ООО «Новые решения»

ISBN 978-5-94375-381-7

9 785943 753817